

САЛЛИ ТОРН

В дебютном романе Салли Торн делает почти невозможное — она освежает знакомый сюжет и придает ему оригинальности. И выходит просто очаровательно!

Kirkus Reviews

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ВРАГ

РОМАН

Annotation

Что делать, если целый день проводишь в роскошном офисе с человеком, которого от души ненавидишь, и если у тебя даже пароль на компьютере «Умри, Джош, умри»? Люси мила, очаровательна и доброжелательна; она гордится тем, что ее любят все сотрудники издательства. Джош красив, умен, но держится так холодно, что его все боятся. Вынужденные проводить долгие рабочие часы в общем кабинете, Люси и Джош тихо ненавидят друг друга, постоянно устраивают словесные перепалки и стараются во всем превзойти своего соперника. Но когда совершенно невинная поездка в лифте заканчивается страстным поцелуем, Люси начинает по-другому смотреть на своего врага. Она и на работу стала одеваться как на свидание. Может, Джош не испытывает к ней ненависти? Может, и она не так уж ненавидит Джоша? А может, это еще одна игра? Веселая и романтическая история о том, что от ненависти до любви всего один шаг. Впервые на русском языке!

- [Салли Торн](#)
  -
  -
  - [Благодарности](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
-

Салли Торн Мой любимый враг

Sally Thorne
THE HATING GAME

© Е. Бутенко, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство Иностранка®

* * *

С любовью, в память об Айви Стоун

Благодарности

Эта книга – моя мечта, ставшая явью. У меня была мощная группа поддержки, состоявшая из друзей, которые укрепляли мою решимость воплотить мечту в жизнь: Кейт Уорнок, Джеммы Раддик, Лиз Кеннели и Кэти Саарикко. Каждая сыграла свою роль, подталкивала и вдохновляла меня. Все вы особенные.

Благодарю Кристину Хоббс и Лорена Биллингса за поддержку моих писательских усилий и за то, что познакомили меня с моим любимым агентом Тейлором Хаггерти из «Waxman Leavell Literary Agency». Тейлор, спасибо тебе за то, что помог реализовать эту мечту.

Выражаю признательность дружелюбным и многоопытным сотрудникам издательства «Harper Collins», особенно моему редактору Аманде Бержерон, – они дали мне почувствовать себя членом своей семьи.

Говоря о семье, хочу передать слова любви моим родителям, Сью и Дэвиду, моему брату Питеру и мужу Роланду. Рол, спасибо, что верил в меня. Хотя моя мопсика Делия не умеет читать, она оказывала мне немалую поддержку, и я буду любить ее до скончания дней.

Кэрри, кто и где бы ты ни была: одно слово *nemesi* было настоящим подарком. Ты дала подсказку, от которой заискрилась вся книга. Я очень благодарна тебе за это.

Глава 1

У меня есть теория. Ненависть к кому бы то ни было вызывает беспокойство сродни любви. Не раз выпадала мне возможность сравнить эти два чувства, и таковы мои наблюдения.

Любовь и ненависть ощущаешь нутром. Живот скручивает при мысли о том, кому они адресованы. Сердце в груди бьется тяжело и гулко, это почти видно сквозь плоть и одежду. Аппетит становится неважным, а сон прерывистым. Каждый контакт с объектом чувства напитывает кровь адреналином до опасного уровня, и вы все время готовы сорваться или воспарить. Тело едва поддается контролю. Вы поглощены чувствами, и это пугает.

Любовь и ненависть – зеркальные отражения одной и той же игры, одержать победу в которой должны именно вы. Почему? Виной тому ваши сердце и эго. Поверьте, кто, как не я, знает об этом.

Ранний вечер пятницы. Мне не оторваться от рабочего стола еще несколько часов. Хотелось бы, чтобы мое заключение было одиночным, но, к несчастью, у меня есть сокамерник. Часы на его руке тикают, и каждый их звук как очередная зарубка на стене темницы.

Мы увлечены детской игрой в молчанку. Как все, что мы делаем, это ужасно инфантильно.

Первое, что вам нужно знать обо мне: меня зовут Люси Хаттон. Я личный помощник Хелен Паскаль, содиректора «Бексли и Гамин».

Когда-то наше маленькое издательство «Гамин» стояло на грани разорения. Экономические реалии были таковы, что люди не имели средств на погашение ипотечных кредитов и литература слыла роскошью. Книжные магазины угасали по всему городу, как задуваемые свечи. Мы готовились к неизбежному закрытию.

В последнюю минуту была заключена сделка с другим борющимся за жизнь издательским домом. «Гамин» вступил в брак по расчету с рушащейся империей зла, известной как «Бексли букс» и управляемой самим невыносимым мистером Бексли.

Каждая компания упрямо верила в то, что спасает другую, обе упаковали вещи и переехали в общий семейный дом. Ни одна из сторон даже близко не была этому рада. Сотрудники «Бексли» с подернутой сепией ностальгией вспоминали свой старый настольный футбол, украшавший столовую. Они не могли поверить в то, что витающие в

облаках гаминовцы со своей вялой приверженностью к ключевым показателям эффективности и мечтательной убежденностью в том, что Литература – это Искусство, дожили до настоящего момента. Бексливцы полагали, что цифры важнее слов. Книги – единицы измерения. Продавайте экземпляры. Удалось? Дай пять. Повторить.

Гаминовцы содрогались от ужаса, видя, как их неистовые сводные братья буквально выдирают страницы из томов Бронте и Остин. Как удалось Бексли собрать воедино столько во всем согласных друг с другом, набитых плотью рубашек, более подходящих для бухгалтерии или адвокатской конторы? Относиться к книгам как к счетным единицам гаминовцы отказывались. Книги были и всегда будут чем-то немного волшебным и заслуживающим уважения.

Прошел год, но все равно можно было с первого взгляда определить, кто из какой компании. Бексливцы – рубленый шрифт, гаминовцы – мягкий курсив, каракули. Бексливцы передвигаются акульими стаями, говорят цифрами и постоянно оккупируют зал заседаний для зловещих планерок, больше похожих на тайный сговор. Гаминовцы теснятся в своих закутках – нежные голуби на башне с часами, – сосредоточенно изучают рукописи, выискивая литературные сенсации. Их окружает аромат жасминового чая и свежей бумаги. Шекспир для них – обольстительный красавец с плаката.

Переезд в новое здание был травматичен, особенно для гаминовцев. Возьмите карту города. Проведите прямую линию между двумя прежними офисами обеих компаний, поставьте красную точку в самой середине – и вы у цели. Новое пристанище «Бексли и Гамин» – серая цементная жаба, усевшаяся на главной транспортной магистрали города, куда во второй половине дня выйти невозможно. По утрам улица в тени, на ней арктический холод, а к вечеру – потогонный зной. У здания есть одна положительная черта, многое искупающая: подземная парковка, обычно забитая до отказа ранними пташками, или лучше сказать – бексливцами.

Хелен Паскаль и мистер Бексли накануне переезда вместе осматривали здание, и случилась редкая вещь: они в чем-то сошлись. Верхний этаж здания никуда не годится. Всего один директорский кабинет? Необходимо тотальное обновление.

После часового мозгового штурма, напитанного такой враждебностью, что глаза дизайнера по интерьерам искрились от непролитых слез, единственное слово, с которым согласились Хелен и мистер Бексли в описании новой эстетики, было «сияющий». Это стало их последним совместным решением, во веки веков. И теперь десятый этаж превращен в куб из стекла, хрома и черной плитки. Можно выщипывать брови,

используя в качестве зеркала любую поверхность – стены, пол, потолок. Даже наши столы сделаны из огромных стеклянных пластов.

Я фокусируюсь на отражении напротив себя, поднимаю руку и разглядываю ногти. Отражение повторяет мое движение. Провожу рукой по волосам, поправляю воротник. Я была в трансе, почти забыла, что играю в эту игру с Джошуа.

Поскольку каждый боевой генерал, съехавший с катушек на почве всевластия, должен иметь под рукой зама для выполнения грязной работы, я сижу здесь в компании сокамерника. Пользоваться услугами одного помощника – такая возможность даже не рассматривалась, это потребовало бы добровольной уступки от одного из директоров. Мы вдвоем были подключены к сети за дверями двух новых директорских кабинетов и оставлены бороться за себя самостоятельно.

Меня как будто вытолкнули на арену Колизея, только я обнаружила, что нахожусь там не одна.

Снова поднимаю правую руку. Отражение мягко следует за мной. Кладу подбородок на ладонь и делаю глубокий вдох. Мой вдох резонирует, подхваченный эхом. Вскидываю левую бровь, потому что знаю: «отражение» этого не может. Как и я предполагала, лоб моего сокамерника бессмысленно морщится. Я выиграла. Оживление не отражается на моем лице. Остаюсь бесстрастной, как кукла, ничего не выражая мимикой. Мы сидим, подперев подбородок ладонью, и смотрим в глаза друг другу.

Здесь я никогда не остаюсь одна. Напротив меня – личный помощник мистера Бексли. Его прихвостень и слуга. Вторая и наиболее существенная вещь, которую необходимо знать обо мне: я ненавижу Джошуа Темплмана.

В настоящий момент он копирует каждое мое движение. Это игра «Зеркало». Случайный наблюдатель не сразу заметит. Джошуа ведь почти бесплотный, как тень. Но я-то все вижу. Каждое мое движение воспроизводится на его половине кабинета с легким запозданием. Я поднимаю подбородок с ладони, придвигаюсь к столу, и Джошуа бесшумно делает то же самое. Мне двадцать девять, и кажется, я провалилась сквозь щель между небесами и адом в чистилище. Учебная комната в детском саду. Психбольница.

Ввожу пароль: IHATEJOSHUA4EV@. Все мои предыдущие защитные коды были вариациями на тему, как я ненавижу Джошуа. Навеки. У него пароль наверняка IHateLucinda4Eva. Зазвонил мой телефон. Джули Эткинс из отдела авторских прав, еще одна заноза у меня в боку. Хочется выдернуть аппарат из розетки и выбросить в печь крематория.

– Привет, как ты? – Я всегда добавляю чуточку теплоты в голос, когда

говорю по телефону.

Джошуа на другой стороне комнаты выпучивает глаза и начинает казнить свою клавиатуру.

– У меня к тебе просьба, Люси. – (Могу практически дословно произнести ее следующую фразу.) – Мне нужна отсрочка по месячному отчету. Кажется, у меня начинается *мигрэнь*. Не могу больше смотреть на этот экран.

Джули из тех ужасных людей, которые говорят *ми-грэнь*.

– Конечно, я понимаю. Когда ты сможешь его закончить?

– Ты супер. Он будет готов после обеда в понедельник. Я немного задержусь и приду позже.

Если я отвечу «хорошо», мне придется остаться здесь в понедельник до позднего вечера, чтобы к девяти утра вторника, когда состоится совещание, отчет точно был у меня. Неделя еще не началась, а уже тошно.

– Ладно. – Я вся внутренне напрягаюсь. – Только поскорее, пожалуйста.

– О, кстати, и Брайан тоже не может сдать свою часть сегодня. Ты такая милая. Я очень ценю твое доброе отношение. Мы все говорим, что ты самый лучший человек в дирекции, с тобой легко иметь дело. Некоторые люди здесь просто кошмар.

Сладкие речи немного снимают напряжение.

– Без проблем. Поговорим в понедельник. – Я вешаю трубку. На Джошуа можно не смотреть. Я знаю, он качает головой.

Через несколько минут бросаю-таки на него взгляд, он пялится на меня. Представьте, что осталось две минуты до самого важного в вашей жизни собеседования, вы опускаете глаза на свою белую рубашку. Павлинье-голубые чернила из авторучки вытекли и запачкали карман. Голова взрывается от ругательств, мышцы живота сводит судорогой, нервы на пределе. Идиот, вы все испортили! Именно это отражается в глазах Джошуа, когда он смотрит на меня.

Мне бы хотелось назвать его мерзким. Пусть бы он был коротышкой, толстым троллем с волчьей пастью и водянистыми глазами. Хромым горбуном. В бородавках и прыщах. С зубами цвета желтого сыра и луковым запахом пота. Но он не такой. А совершенно другой. Скорее, доказательство несправедливости всех этих эпитетов.

Компьютер пикает – пришло письмо. Резко отвожу взгляд от безобразия Джошуа и вижу запрос от Хелен – ей нужны цифры прогнозируемого бюджета. Открываю отчет за прошлый месяц и начинаю прикидывать.

Сомневаюсь, что прогноз на этот месяц сильно улучшится. Издательский бизнес продолжает катиться под гору. Уже неоднократно я слышала разносящееся эхом по коридорам слово «реструктуризация», а мне известно, к чему это ведет. Каждый раз, выходя из лифта и наталкиваясь на Джошуа, спрашиваю себя: почему я не ищу другую работу?

Издательское дело очаровало меня после той судьбоносной школьной экскурсии, когда мне было одиннадцать лет. Я уже была страстной поглотительницей книг. Моя жизнь вращалась вокруг еженедельных поездок в городскую библиотеку. Я брала максимально дозволенное количество изданий и могла опознать каждого библиотекаря по звуку шагов, когда они двигались вдоль стеллажей с книгами. До той поездки я была до чертиков уверена, что и сама стану библиотекарем. Даже изобрела собственную каталожную систему для своего собрания книг. Я была таким маленьким книжным червем.

До нашей поездки в издательство я особенно не задумывалась о том, как на самом деле появляются книги. Это стало открытием. Вам могут платить за поиск авторов, чтение книг и в конечном счете за их создание? Новые обложки и девственно-чистые листы без загнутых уголков и карандашных пометок? Мой мозг взорвался. Я полюбила новые книги. Предпочитала брать в библиотеке именно их. Вернувшись домой, я сказала родителям: когда вырасту, буду работать в издательстве.

Здорово, что я воплотила в жизнь детскую мечту. Но если честно, в настоящий момент основная причина, почему я не ищу другую работу, такова: я не могу допустить, чтобы Джошуа меня обставил.

В процессе работы я слышу только пулеметные очереди его ударов по клавиатуре да тихий свист кондиционера. Время от времени Джошуа берет калькулятор и нажимает кнопки. Могу побиться об заклад, мистер Бексли тоже попросил его предоставить прогноз в цифрах. Двое личных помощников выйдут на битву, вооруженные данными, которые могут не совпадать. Идеальное топливо для костра их взаимной ненависти.

– Прошу прощения, Джошуа.

Он не обращает на меня внимания целую минуту. Удары по клавишам учащаются. Бетховен за роялем сейчас устыдился бы своей неловкости.

– В чем дело, Люсинда?

Даже родители не называли меня Люсиндой. Стискиваю челюсти, но потом виновато расслабляю мышцы. Дантист умолял меня следить за собой.

– Ты работаешь над цифрами прогноза на следующий квартал?

Он отнимает обе руки от клавиатуры и таращится на меня:

– Нет. – (Я испускаю полувздых и возвращаю взгляд к своему столу.) – Я закончил это два часа назад.

Он снова начинает печатать. Я смотрю на развернутую перед глазами таблицу и считаю до десяти.

Мы оба работаем быстро и пользуемся репутацией финишеров, ну, знаете, это сотрудники, доводящие до конца неприятные, нудные, слишком сложные дела, от которых все остальные стараются уклониться.

Я предпочитаю садиться и обсуждать с людьми проблемы глаза в глаза. Джошуа общается только по электронной почте. В конце его писем всегда стоит «С ув. Дж.». Поплохеет ему, что ли, если он напишет «С уважением, Джошуа»? Очевидно, на это уйдет слишком много ударов по клавишам. Вероятно, он может сказать навскидку, сколько минут рабочего времени в год таким образом экономится для «Б и Г».

Мы в чем-то схожи, но постоянно на ножах. Я стараюсь как могу поддерживать корпоративный дух, но все мои качества не подходят для «Б и Г». Я гаминовка до мозга костей. Помада у меня слишком красная, волосы ведут себя чересчур вольно. Каблуки стучат по плиткам пола громче положенного. Я не способна достать кредитку, чтобы купить черный костюм. В «Гамине» мне никогда не приходилось носить такую одежду, и я упрямо отказываюсь ассимилироваться с «Бексли». Мой гардероб – вязаное ретро. Этакая стильная библиотекарша, я надеюсь.

На выполнение задания уходит сорок пять минут. Я подгоняю себя, хотя счет не моя сильная сторона, потому что тешусь мыслью: Джошуа на это потратил бы час. Даже в мыслях я соревнуюсь с ним.

– Спасибо, Люси! – слышу я слабый голос Хелен сквозь сверкающую дверь кабинета после отправки ей документа.

Снова заглядываю во входящие. Все по графику. Смотрю на часы. Три пятнадцать. Проверяю помаду, глядя на свое отражение в гладкой плитке на стене рядом с компьютерным монитором. И кошусь на Джошуа. Теперь мы играем в гляделки.

Следует упомянуть, что конечная цель всех наших игр – заставить противника улыбнуться или заплакать. Что-то в этом роде. Я знаю, когда побеждаю.

При первой встрече с Джошуа я совершила ошибку – улыбнулась ему. Самой лучшей, солнечной улыбкой во весь рот, глаза мои светились глупым оптимизмом, я еще надеялась, что слияние бизнесов не окажется худшим из случившегося со мной за всю жизнь. Его глаза просканировали меня от макушки до подошвы туфель. Ростом я всего пять футов, так что на это не

ушло много времени. Потом я отвела глаза и посмотрела в окно. Джошуа не улыбнулся в ответ, и у меня до сих пор ощущение, что с тех пор он так и носит мою улыбку у себя в нагрудном кармане. Очко в его пользу. После неудачной завязки отношений нам потребовалось всего несколько недель, чтобы перейти к открытой вражде. И постепенно чаша ненависти начала переполняться, как ванна от капающей в нее воды.

Я зеваю в кулак и разглядываю нагрудный карман Джошуа, расположенный слева. Каждый день этот парень надевает одинаковые деловые рубашки, только разного цвета: белую, в бело-серую полоску, кремовую, бледно-желтую, горчичную, светло-голубую, синюю, как яйцо малиновки, голубино-серую, темно-синюю и черную. Чередуются они в неизменной последовательности.

Между прочим, моя самая любимая из его рубашек – цвета яйца малиновки, а самая нелюбимая – горчичная, она на нем сейчас. Все рубашки смотрятся на Джошуа отлично. Все цвета идут ему. Если я надену что-нибудь горчичное, то буду похожа на мертвеца. А он сидит тут, загорелый и цветущий, как обычно.

– Сегодня горчица, – произношу я вслух. Зачем я тычу палкой в осиное гнездо? – Не могу дождаться светло-голубой в понедельник.

Взгляд, каким он меня одаривает, одновременно снисходителен и искрит раздражением.

– Ты так много замечаешь во мне, Печенька. Но смею напомнить, комментарии относительно внешнего вида противоречат кадровой политике «Б и Г».

Ах, началась игра в «Отдел кадров». Давненько мы за нее не брались.

– Перестань называть меня Печенькой, или я пожалуюсь менеджеру по персоналу.

Мы оба ведем журнал наблюдений друг за другом. Насчет Джошуа я могу только предполагать, но, похоже, он помнит все мои проступки. Мой журнал – это защищенный паролем документ, спрятанный на моем личном диске, и там перечислены все стычки с Джошуа Темплманом. За этот год мы оба по четыре раза жаловались кадровикам.

Джошуа получил устное и письменное предупреждение по поводу использования прозвища, которым наделил меня. Я тоже удостоилась двух: за словесное оскорбление и детский розыгрыш, который вышел за грань приличий. Я не горжусь этим.

Кажется, Джошуа не может сформулировать ответ, и мы пялимся друг на друга.

Жду с нетерпением, когда рубашки Джошуа станут более темными. Сегодня – темно-синяя, а за ней последует черная. Роскошная черная, как день зарплаты.

Мое финансовое положение примерно такое же. Придется идти пешком двадцать пять минут от «Б и Г», чтобы забрать машину у Джерри, механика, и вычерпать остаток на кредитке почти до максимума. Зарплата завтра, и я должна пополнить баланс карты. Все выходные из моей тачки будет сочиться черная жижа, и это я замечу к тому моменту, когда рубашки Джошуа станут белыми, как бока единорога. Звоню Джерри. Возвращаю машину в мастерскую и сажусь на бюджетную диету. Рубашки становятся темнее. Мне нужно что-то делать с машиной.

Джошуа прислонился к косяку двери мистера Бексли. Его фигура заполняет почти весь дверной проем. Мне это видно, потому что я подглядываю через отражение в стене рядом с моим монитором. Слышу тихий хриплый смех, совсем не похожий на ослиный рев мистера Бексли. Тру ладонями предплечья, чтобы пригладить тонкие волоски на руках. Голову поворачивать не стану. Он меня поймает. Как обычно. Тогда я словлю его хмурый взгляд.

Часы медленно перемальывают время, скоро пять, сквозь пыльное окно я вижу грозовые тучи. Хелен уехала час назад. Одна из ее привилегий как содиректора – работать не дольше, чем положено школьникам, и делегировать свои обязанности мне. Мистер Бексли проводит здесь больше времени, у него очень удобное кресло. Когда в офис заглядывает вечернее солнце, он имеет склонность подремать.

Не подумайте, что мы с Джошуа управляем верхним этажом, но, честно говоря, впечатление иногда складывается именно такое. Бухгалтерия и отдел продаж отчитываются непосредственно перед Джошуа, а он фильтрует огромное количество сведений, составляет отчеты в несколько байт и кормит ими с ложечки беспокойного краснолицего мистера Бексли.

Мне подчиняются редакционный отдел, общий и маркетинговый. Каждый месяц я свожу их отчеты в один для Хелен... и, наверное, тоже кормлю ее с ложечки в какой-то мере. Я скрепляю листы спиралью, чтобы она могла читать отчет во время занятий на тренажере, шагая по беговой дорожке. Использую ее любимый шрифт. Каждый день в издательстве я чувствую одновременно и вызов, и счастье, и отчаяние. Но стоит мне подумать обо всех тех мелких маневрах, которые я совершила начиная с одиннадцати лет, чтобы оказаться здесь, и я меняю точку зрения. Я ничего не забыла. И могу выносить Джошуа чуточку дольше.

На встречу с руководителями отделов я приношу кексы домашней выпечки, и все сотрудники меня обожают. Обо мне говорят, «она стоит своего веса в золоте». Джошуа притаскивает на собрания со своими подразделениями плохие новости, и его вес измеряют в других субстанциях.

Мимо моего стола проходит мистер Бексли с кожаным портфелем в руке. Вероятно, он покупает вещи в «Хампти-Дампти» – мужская одежда всех размеров. Где еще можно найти такие широченные костюмы на маленький рост? Мистер Бексли лыс, покрыт пигментными пятнами и богат как смертный грех. «Бексли букс» основал его дед. Внук любит напоминать Хелен, что она всего лишь наемный работник. По нашим с Хелен личным наблюдениям, он старый дегенерат. Я над ним посмеиваюсь. Его имя Ричард. Толстый Коротышка Дик.

– Хорошего вечера, мистер Бексли.

– Хорошего вечера, Люси. – Он останавливается у моего стола, чтобы сверху заглянуть в вырез моей красной шелковой блузки. – Надеюсь, Джошуа передал вам экземпляр «Из темноты стекла», который я взял для вас? Самый первый.

У Толстого Коротышки Дика есть огромная полка, забитая экземплярами всех изданий «Б и Г». Каждая книга – первая из сошедших с печатного станка. Традиция заведена его дедом. Он любит похвалиться этим собранием перед гостями, но однажды я присмотрелась к этой полке: корешок ни одной книги даже не надломлен.

– Вы забрали его, а? – Мистер Бексли по круговой орбите перевел взгляд на Джошуа. – Вы мне не сообщили, доктор Джош.

Толстый Коротышка Дик называет так своего помощника, вероятно, потому, что тот настоящий клиницист. Я слышала, как говорили, что, когда дела в «Бексли букс» пошли совсем плохо, Джошуа умудрился хирургическими методами избавиться от трети персонала. Не знаю, как ему спится по ночам.

– Пока он есть у вас, это не имеет значения, – ровным голосом отвечает Джошуа, и его босс вспоминает, что он Босс.

– Да-да, – пыхтит он и снова заглядывается на мою блузку. – Хорошо работаете, вы оба.

Мистер Бексли заходит в лифт, и я опускаю взгляд на свою грудь. Все пуговицы застегнуты. Что он мог там разглядывать? Смотрю в зеркальные плитки на потолке и слабо различаю узкий треугольник затененной ложбинки.

– Если застегнешься еще выше, мы не увидим твоего лица, – говорит

Джошуа экрану компьютера, завершая работу.

– Может, посоветуешь своему боссу иногда смотреть на мое лицо? – Я тоже выхожу из системы.

– Вероятно, он пытается увидеть твою монтажную плату. Или интересуется, на каком топливе ты работаешь.

Я накидываю на плечи пальто:

– Мое топливо – ненависть к тебе.

Рот Джошуа кривится, я почти достала его. Слежу, как он накатывает на лицо безразличное выражение.

– Если тебя это беспокоит, поговори с ним сама. Поборись за себя. Что, вечером полируешь ногти, отчаянно одинокая?

И как он догадался?

– Да. А вы, доктор Джош, мастурбируете и плачете в подушку?

Он смотрит на верхнюю пуговицу моей блузки:

– Да. И не зови меня так.

Я проглатываю комок смеха. Мы перекидываемся ехидными замечаниями, входя в лифт. Он бьется за «Бексли», а я отвечаю от «Гамин».

– Ловишь попутку?

– Машина в мастерской, – отвечаю я, надевая балетки, а туфли на шпильке засовывая в сумку.

Теперь я стала еще меньше ростом. В тусклой полированной поверхности дверей лифта вижу отражение: я едва дохожу Джошуа до плеча. Выгляжу как чихуахуа рядом с датским догом.

Двери лифта открываются во внутренний двор здания. Мир за пределами «Б и Г» подернут голубоватой дымкой; промозгло, как в холодильнике, полно насильников и убийц, моросит мелкий дождь. Мимо, как нарочно, пролетает газетный лист.

Джошуа придерживает могучей рукой дверь лифта и высовывается наружу – посмотреть погоду. Потом косится на меня своими темно-синими глазами, лоб его начинает морщиться. В моей голове формируется знакомый пузырь с фразой: «Хотелось бы мне, чтобы он был моим другом». Я протыкаю его невидимой булавкой.

– Я тебя подвезу, – выдавливает из себя Джошуа.

– Еще чего! – бросаю я через плечо и убегаю.

Глава 2

Сегодня среда кремовой рубашки. Джошуа ушел обедать. Незадолго до этого отпустив несколько комментариев по поводу того, что я люблю и делаю. Они оказались настолько точными, что я почти уверена: он рылся в моих вещах. Знание – сила, а у меня его не много.

Прежде всего я провожу тщательный обыск своего стола. И Хелен, и мистер Бексли ненавидят компьютерные календари, так что у нас обоих имеются бумажные ежедневники, будто мы клерки в адвокатском бюро времен Диккенса. В моем – только расписание Хелен. Свой компьютер я блокирую с маниакальной настойчивостью, даже отходя к принтеру. Оставить доступ Джошуа? С тем же успехом я могла бы передать ему ядерные коды.

В «Гамин» мой стол представлял собой форт, составленный из книг. Карандаши я вкладывала в корешки. Распаковывая вещи в новом кабинете, я заметила, в какой стерильной чистоте содержит рабочее место Джошуа, и почувствовала себя совсем ребенком. Календарь «Слово дня» и фигурки смурфиков я унесла домой.

Перед слиянием у меня на работе была лучшая подруга. Мы с Вэл Стоун нередко сидели на протертых кожаных диванах в комнате отдыха и играли в нашу любимую игру: разрисовывали фотографии красивых людей в журналах. Я приделывала усы Наоми Кэмпбелл. Вэл закрашивала черным зуб. Вскоре изображение покрывалось изрядным количеством шрамов и ссадин, появлялись повязка на глазу и дьявольские рога, а белки глаз наливались кровью; наконец картинка абсолютно теряла вид, нам становилось скучно, и мы брались за следующую.

Вэл стала одной из тех, кого сократили. Она злилась, что я не предупредила ее. Но разве мне позволили бы сделать это, даже если бы я знала. Она мне не верила. Я медленно разворачиваюсь, мое отражение крутится на двадцати различных поверхностях. Вижу себя всех размеров – от музыкальной шкатулки до киноэкрана. Подол вишневого цвета юбки взлетает вверх, и я совершаю новый пируэт, пошло оно все к черту, пытаюсь избавиться от тошнотворного чувства, которое возникает всякий раз при мысли о Вэл.

Как бы то ни было, аудит подтверждает: на моем столе имеются красная, черная и синяя ручки. Пачка розовых бумажек с липучкой. Тюбик губной помады. Коробка с салфетками – подправлять помаду на губах и

вытирать слезы ярости. Ежедневник. Ничего больше.

Шаркая ногами, я совершаю легкую пробежку по мраморному суперхайвею. Теперь я в стане Джошуа. Сажусь на его место и смотрю на все его глазами. Кресло у него такое высокое, что мои ноги не достают до пола. Ерзаю задом, чтобы углубиться в кожаное сиденье. Ощущение совершенно непристойное. Одним глазом кошусь на лифт, а другим изучаю его стол в поисках ключей к разгадке.

Стол Джошуа – мужская версия моего. Голубые стикеры. Помимо трех ручек, у него есть остро заточенный карандаш. Вместо помады – жестянка с мятными драже. Беру одну и кладу в маленький, доселе не использованный кармашек юбки. Представляю, как подыскиваю в аптеке среди слабительных средств подходящего вида пилюлю, и тихо ржу. Трясу ящик стола. Заперт. Компьютер тоже заблокирован. Форт-Нокс. Хорошая игра, Темплман. Предпринимаю несколько безуспешных попыток подобрать пароль. Может быть, он не ненавидит меня навечно.

На его столе нет фотографии жены или любимой в рамочке. Ни ухмыляющейся, счастливой собаки, ни снимка на тропическом пляже. Сомневаюсь, что он вообще ценит кого-нибудь настолько, чтобы вставить в рамку. Во время одной из вдохновенных речей Джошуа о продажах Толстый Коротышка Дик саркастически прогремел: «Похоже, вы кого угодно завалите в постель, доктор Джош!»

Джошуа ответил: «Вы правы, босс. Воздержание еще никому не пошло на пользу». Он произнес это, глядя на меня. Я помню, когда это было. У меня записано в дневнике для кадровика.

Что-то слегка щекочет мне нос. Одеколон Джошуа? Феромоны, которые источают его поры? Гадость. Открываю его ежедневник и кое-что замечаю: записанный карандашом набор цифр в нижней строке каждого дня. Чувствуя себя Джеймсом Бондом, я беру свой телефон и делаю снимок.

Слышу, как задвигались тросы лифта, и вскакиваю на ноги. Метнувшись к краю стола, успеваю захлопнуть ежедневник прежде, чем раздвигаются двери и появляется он. Краем глаза вижу: его кресло еще завершает вращательное движение. Попалась.

– Что ты делаешь?

Телефон надежно заткнут под резинку трусов. На заметку: не забыть продезинфицировать его.

– Ничего. – В голосе легкая дрожь, немедленно меня изобличающая. – Пыталась посмотреть, будет ли вечером дождь. Я задела твое кресло. Извини.

Он надвигается на меня, как Дракула. С грозным образом контрастирует пакет из магазина спортивных товаров, который цепляется за ногу Джошуа и громко хлопает. В пакете, судя по форме, обувная коробка.

Представляю себе измученного продавца, которому пришлось помогать Джошуа с выбором ботинок. «Мне нужна обувь, в которой я точно смогу догнать жертв, за убийство которых на досуге мне платят. Я не хочу зря потратить деньги. У меня одиннадцатый размер».

Джошуа смотрит на свой стол, на экран заблокированного компьютера с окошком безопасного входа в систему, на свой закрытый ежедневник. Я медленно и с шумом выдыхаю, контролируя этот процесс. Джошуа роняет пакет на пол. Подходит так близко, что носки его кожаных ботинок почти касаются миниатюрных лакированных туфель на каблук.

– А теперь почему бы тебе не признаться, что ты делала у моего стола?

Еще никогда я не играла с ним в гляделки с такого близкого расстояния. Я коротышка пяти футов ростом. Это мой крест на всю жизнь. Низкорослость – вечная тема для насмешек надо мной. Джошуа вымахал по крайней мере до шести футов и четырех дюймов. Пяти. Шести. Может, больше. Человеческий гигант. И собран из прочных материалов.

Храбро отвечаю на его взгляд. Я могу находиться в любом месте этого кабинета. Да пошел он! Как напуганное животное, которое пытается выглядеть более крупным, я упираю руки в бедра.

Джошуа не противный с виду, я уже упоминала, но мне всегда трудно подобрать слова для описания его внешности. Помню, однажды – это было довольно давно – я обедала, сидя на диване, а по телику показывали забавные новости. Старую книгу комиксов о Супермене продали на аукционе за рекордную цену. Рука в белой перчатке переворачивала страницы, и старомодные изображения Кларка Кента напомнили мне Джошуа.

Как и у Кларка Кента, стать и сила Джошуа спрятаны под одеждой, смоделированной специально для того, чтобы сделать его незаметным и помочь смешаться с толпой. Никто в «Дейли плэнет»^[1] ничего не знает о Кларке. Под наглухо застегнутыми рубашками Джошуа может не иметь особых примет или быть покрытым шрамами, как Супермен. Это загадка.

У него нет кучерявого вихра на лбу или очков в черной оправе, как у всезнайки, зато – мужественная линия подбородка и маленькие, угрюмо поджатые губы. Я все время считала, что волосы у Джошуа черные, но сейчас, когда он стоит так близко, вижу, что они темно-каштановые. Он не зачесывает их так гладко, как Кларк. Но определенно имеет чернильно-

синие глаза, обладает лазерным взглядом и, вероятно, наделен еще какой-нибудь суперсилой.

Но Кларк Кент такой милый, такой неловкий и нежный. Джошуа едва ли похож на репортера с вкрадчивыми манерами. Он саркастичен и циничен, этакий эксцентричный Кларк Кент, который терроризирует весь отдел новостей и доводит бедняжку Лоис Лейн до того, что она по ночам рыдает в подушку.

Мне не нравятся крупные парни. Они слишком похожи на жеребцов. Могут вас растоптать, если окажетесь у них под ногами. Джошуа изучает меня прищуренным взглядом, как и я его. Интересно, как выглядит макушка моей головы? Уверена, он блудит только с амазонками. Наши взгляды скрещиваются, – может быть, сравнение его глаз с чернильными пятнами было немного резковатым. Зря ему достались такие.

Чтобы избежать летального исхода, я неохотно втягиваю ноздрими кедрово-сосновый аромат. Мой противник пахнет как свежезаточенный карандаш. Рождественская елка в прохладной темной комнате. Хотя связки в горле начинают сводить судорогой, я не позволяю себе опустить взгляд. Но все же приходится таращиться на его рот, а я на него уже насмотрелась в те моменты, когда противник через весь кабинет бросал оскорбления. Неужели после этого мне захочется вглядываться в него пристальнее? Не захочется.

Звук открывающихся дверей лифта – как ответ на мои молитвы.

Входит Энди, курьер.

Он похож на киношного статиста, о котором в титрах пишут: «Курьер». Задубевший, лет сорока пяти, одет во флуоресцирующий желтый. Солнцезащитные очки сидят у него на голове, как тиара. По традиции большинства курьеров Энди разнообразит свой рабочий день, флиртуя с каждой встречной женщиной в возрасте моложе шестидесяти.

– Милашка Люси! – провозглашает он так громко, что я слышу, как Толстый Коротышка Дик фыркает и, вздрогнув, просыпается в своем кабинете.

– Энди! – Я возвращаю ему приветствие и потихоньку пячусь назад. Я готова от души обнять его за то, что он пришел и прервал какую-то новую, непонятную игру. В руке у Энди – маленькая бандероль, не крупнее кубика Рубика. Наверное, это моя смурфетка 1984 года, играющая в бейсбол. Очень редкая, в отличном состоянии. Я давно мечтала о ней и отслеживала ее путь ко мне по номеру заказа.

– Знаю, ты хотела, чтобы я позвонил из холла, когда принесу твоего смурфа, но никто не отвечал.

Звонки на рабочий номер переведены на мой мобильник, который временно прижат к тазовой кости резинкой трусов. Так вот что за жужжание щекотало бок. Тьфу! Я-то думала...

Мне нужно прочистить мозги.

– О чем это он? Какие смурфы? – Джошуа смотрит на нас с прищуром, будто подозревает, что мы не в себе.

– Уверена, у тебя уйма дел, Энди! Не стану тебя задерживать. – Я выхватываю из руки курьера посылку, но уже поздно.

– Это ее страсть. Она живет и дышит смурфами. Это маленькие голубые человечки, вот такой величины. В белых шапочках. – Энди показывает двумя пальцами расстояние в дюйм.

– Я знаю, кто такие смурфы. – Джошуа раздражен.

– Я не живу и не дышу ими. – Мой голос выдает ложь.

Внезапный кашель Джошуа звучит подозрительно похоже на смешок.

– Смурфы, значит? Так вот что это за маленькие коробочки. Я думал, ты покупаешь себе какую-то миниатюрную одежду онлайн. Люсинда, ты считаешь, это нормально, когда личные вещи тебе доставляют на рабочее место?

– У нее их целая комната. У нее есть... Как его, Люси? Смурф Томас Эдисон? Это очень редкий экземпляр, Джош. Родители подарили ей на окончание школы. – Энди продолжает беспечно унижать меня.

– Ну хватит, Энди! Как у тебя дела? Что нового? – Влажной от пота рукой я расписываюсь за посылку в его портативном регистраторе. Ну и трепло этот Энди.

– Родители подарили тебе смурфа в честь окончания школы? – Джошуа откидывается назад в кресле и смотрит на меня с циничным интересом.

– Да-да, а ты наверняка получил машину или что-нибудь такое. – Я убита.

– У меня все хорошо, дорогуша, – говорит мне Энди, забирая свою маленькую штуковину, нажимает на ней несколько кнопок и убирает в карман. Теперь деловая часть нашего общения завершилась, и его губы расплываются в обольстительной ухмылке. – Как приятно видеть тебя! Говорю тебе, Джош, дружище, если бы я сидел напротив этого прелестного маленького создания, то вообще не смог бы работать.

Энди зацепляет карманы брюк большими пальцами и улыбается мне. Не хочу задевать его чувства, а потому добродушно округляю глаза.

– Это нелегко, – саркастически замечает Джошуа. – Радуйся, что ты тут не задерживаешься.

– У него, наверное, каменное сердце.

– Это точно. Если мне удастся выпинать его отсюда и упаковать в ящик, ты доставишь его в какое-нибудь удаленное местечко? – Я облокачиваюсь на стол и смотрю на свою крошечную бандерольку.

– Международные отправления подорожали, – предупреждает Энди.

Джошуа качает головой, ему наскучил этот разговор, и он начинает вводить пароль.

– У меня есть кое-какие сбережения. Думаю, Джошуа понравится небольшое приключение в Зимбабве.

– Ты что-то не в духе, да? – В кармане у Энди плачет. Роясь в нем, курьер двигается к лифту. – Что ж, милашка Люси, как всегда, был рад встрече. Скоро увидимся. Наверняка до следующего онлайн-аукциона ждать недолго.

– Пока. – Когда Энди скрывается в лифте, я возвращаю взгляд к своему столу, выражение лица мгновенно становится непроницаемым.

– Как трогательно.

Издаю звуковой сигнал из шоу «Джеопарди!»:

– Бдз-з-з-з. Кто такой Джошуа Темплман?

– Люсинда флиртует с курьерами. Жалкое зрелище.

Джошуа барабанит по клавиатуре. Он действительно делает это с впечатляющей скоростью. Прохожу мимо его стола. Я вознаграждена разъяренным стуком ударов по клавише «бэкспейс».

– Я мила с ним.

– Ты? Мила?

Это замечание задевает меня. Странно.

– Я прелесть. Спроси кого угодно.

– Ладно. Джош, она прелесть? – громко спрашивает он сам себя. – Хмм, дай-ка подумать... – Он берет баночку с мятными драже, открывает крышку, проверяет содержимое и смотрит на меня, а я открываю рот и приподнимаю язык, как пациент в психбольнице у окошка для выдачи лекарств. – Полагаю, в ней есть несколько прелестных черт.

Я поднимаю вверх палец и твердо провозглашаю:

– Отдел кадров.

Джошуа садится прямее, но уголок его рта подрагивает. Хотелось бы мне большими пальцами растянуть его губы в широкую безумную улыбку. Когда полиция оттащит меня от него и скует наручниками, я прокричу: «Улыбайся! Черт тебя подери!»

Мы должны сравняться, потому что это нечестно. Он завладел одной из моих улыбок и видел, как я дарю их бесчисленному количеству людей. Я

же никогда не видела его улыбки и никакого другого выражения на лице, кроме безразличного, скучающего, угрюмого, подозрительного, настороженного, возмущенного. Порой на его физиономии появляется еще кое-что, но это когда мы ругаемся, – мрачная маска серийного убийцы.

Прохожу по центральной линии, выложенной плитками, и чувствую, как голова Джошуа поворачивается.

– Не то чтобы меня интересовало твое мнение, но меня здесь любят. Все в восторге от моего книжного клуба, который, по твоему мнению, а ты ясно дал это понять, никуда не годится, но он поможет сплотить команду, это именно то, что нужно, учитывая, где мы работаем.

– Да ты просто у руля индустрии.

– Я собираю пожертвования на библиотеки. Планирую рождественские вечера. Разрешаю стажерам всюду ходить за мной по пятам. – Я ставлю галочки, загибая пальцы.

– Все это не слишком убеждает меня в том, что тебя не волнует мое мнение. – Джошуа еще дальше откидывается назад в кресле, его длинные пальцы свободно сплетены на от природы плоском животе. Пуговица рядом с большим пальцем полурасстегнута. Не знаю, что выражает мое лицо, но Джошуа опускает взгляд и приводит ее в порядок.

– Твое мнение меня не волнует, но мне хочется, чтобы нормальные люди относились ко мне с симпатией.

– Ты хронически помешана на том, чтобы заставить людей обожать тебя. – От того, как он говорит это, мне становится тошно.

– Что ж, прошу меня извинить за то, что я стараюсь составить себе хорошую репутацию. Что стремлюсь быть позитивной. Ты же помешан на том, чтобы вызвать у окружающих ненависть к себе, ну мы и пара.

Я сажусь и изо всех сил щелкаю мышью раз десять подряд. Слова Джошуа жалят. Он будто зеркало, в котором отражаются мои недостатки. Словно я снова оказываюсь в школе. Жалкая карлица Люси использует свою сомнительную миловидность, чтобы ее не раздавили большие дети. Я всегда была домашним зверьком, очаровашкой, той, кого качали на качелях и катали в коляске, носили на руках и баловали. Наверное, я и правда немного жалкая.

– Тебе надо иногда относиться ко всему без напряжения. Говорю тебе, это дает свободу. – Губы Джошуа сжимаются, и странная тень наползает на лицо. Мгновение ока, и она исчезает.

– Я не просила твоих советов, Джошуа. Я и так злюсь на себя за то, что все время опускаюсь до твоего уровня, куда ты меня постоянно тащишь.

– И к какому же это уровню в твоём воображении я тебя тащу? – Голос

у него слегка бархатный, он закусывает губу. – К горизонтальному?

Мысленно ставлю абзац в своем журнале для кадровика и начинаю новую строку.

– Ты отвратителен. Иди к черту! – Самое время выйти и поорать где-нибудь в глухом месте.

– Сама иди. Ты так легко посылаешь меня к черту. Неплохое начало. Вполне в твоём духе. А попробуй-ка то же самое с другими людьми. Ты сама не понимаешь, что тебя используют. Как ты можешь рассчитывать на серьезное отношение к себе? Перестань давать одним и тем же людям отсрочки, месяц за месяцем.

– Не понимаю, о чем ты.

– Джули.

– Это не каждый месяц. – Ненавижу его, потому что он прав.

– Каждый месяц, и тебе приходится отсиживать задницу и корпеть тут допоздна, чтобы самой успеть к сроку. Ты видела, чтобы я так делал? Нет. Эти болваны с нижнего этажа сдают мне все вовремя.

Выкапываю в памяти фразу из тренинга по уверенности в себе, эта книга лежит на моей прикроватной тумбочке.

– Не хочу продолжать этот разговор.

– Я даю тебе хороший совет, воспользуйся им. Перестань забирать из химчистки вещи Хелен, это не твоя работа.

– Все, прекращаю этот разговор. – Я встаю. Может быть, пойти поразвлечься в вечерних пробках, чтобы выпустить пар?

– И курьера оставь в покое. Этот печальный пожилой тип думает, что ты с ним флиртуешь.

– То же самое говорят о тебе, – вылетает у меня изо рта неудачная ремарка, и я пытаюсь отмотать время назад. Ничего не выходит.

– Думаешь, то, чем мы с тобой занимаемся, – флирт?

Джошуа снова лихо откидывается назад в своем кресле. У меня так никогда не получается. Спинка моего сиденья не сдвигается с места, когда я пытаюсь нажать на нее. Я лишь с успехом откатываюсь назад и врезаюсь в стену.

– Печенька, если бы мы флиртировали, ты бы об этом знала.

Наши взгляды сцепляются, и я чувствую, как внутри у меня все опускается. Этот разговор явно завел нас не туда.

– Потому что это меня травмирует?

– Потому что ты будешь долго думать об этом, лежа в постели.

– А ты представляешь себе мою постель, да? – с трудом выдавливаю я из себя.

Он моргает, новое, редкое для него выражение появляется на лице. Мне хочется стереть его пощечиной. Кажется, будто он знает что-то такое, что мне неизвестно. Мужское самодовольство. Ненавижу это.

– Могу поспорить, это очень маленькая постель.

Я почти изрыгаю пламя. Хочется обогнуть его стол, толчком раздвинуть ему ноги и встать между ними. Я бы поставила колено на маленький треугольник под его пахом, чуть-чуть приподнялась и заставила этого наглеца хрипеть от боли.

Я бы ослабила ему галстук, расстегнула ворот рубашки. Обхватила бы руками крепкое загорелое горло и сдавила бы его, сдавила, кожа под моими пальцами теплая, тело трепыхается и бьется о мое, воздух между нами пропитан запахами кедра и сосны, он опалает мне ноздри, как дым.

– Что ты воображаешь? У тебя такое гадкое выражение на лице.

– Как я душу тебя. Голыми руками. – Мне едва удастся выговорить эти слова. Голос более хриплый, чем у оператора из секса по телефону после двойной смены.

– Так вот на чем ты повернута! – Глаза Джошуа темнеют.

– Только в отношении тебя.

Брови Джошуа взлетают вверх, он открывает рот, а глаза его становятся совершенно черными, но, кажется, он не в состоянии произнести ни слова.

Это восхитительно!

О сделанном снимке страницы из ежедневника Джошуа я вспоминаю в день светло-голубой рубашки. Прочитав прогнозный отчет об издательской деятельности за квартал и составив краткое резюме со списком предлагаемых действий для Хелен, перекидываю фотографию с телефона на рабочий компьютер. Потом оглядываюсь, как преступница.

Джошуа все утро провел в кабинете Толстого Коротышки Дика, и время тянулось медленно. Тут так тихо, когда некого ненавидеть.

Нажимаю кнопку «Печать», блокирую компьютер и стучу каблуками по коридору. Делаю две копии, повышая интенсивность цвета, пока карандашные пометки не становятся виднее. Ни к чему упоминать о том, что лишние свидетельства я уничтожаю. С удовольствием пропустила бы их через уничтожитель бумаг дважды.

Теперь Джошуа запирает свой ежедневник в ящик стола.

Прислоняюсь к стене и подставляю страницу к свету. На фотографии запечатлелись понедельник и вторник пару недель назад. Легко считываю встречи мистера Бексли. А вот рядом с понедельником поставлена буква

«П». А вторник помечен «Ю». Тут есть серия тонких линий, всего восемь. Точки рядом с обеденным временем. Ряд из четырех иксов и шесть маленьких косых черт.

Все послеобеденное время я тайно пытаюсь разгадать эту загадку. Возникает искушение пойти в отдел охраны и попросить у Скотта записи с камер наблюдения за этот период, но Хелен может узнать. Это определенно будет расценено как напрасная трата ресурсов компании, сверх моего противоправного ксерокопирования и общих простоев в работе.

Отгадка приходит не сразу. Время идет к вечеру, Джошуа сидит на своем обычном месте напротив меня. Голубая рубашка светится, как айсберг. Когда до меня вдруг доходит, как расшифровать карандашные пометки, я хлопаю себя по лбу. Не могу поверить. Какая же я тугодумка!

– Спасибо. Весь вечер умирал от желания сделать это, – говорит Джошуа, не отрывая взгляда от монитора.

Он не знает, что я заглядывала в его ежедневник и видела карандашные коды. Надо просто заметить, когда он пользуется карандашом, и сопоставить данные.

Начнем игру в шпионов.

Глава 3

Не слишком удачной получается шпионская игра. К моменту, когда Джошуа надевает голубино-серую рубашку, у меня уже не остается никаких соображений. Он почувствовал мой пристальный интерес к его занятиям и стал еще более скрытным и подозрительным. Нужно как-то разговорить его. Иначе я никогда больше не увижу его карандаш пришедшим в движение. А пока Джошуа только и делает, что сидит, слегка нахмутив брови, и пялится в экран компьютера.

Я начинаю игру под названием «Ты просто такой...». Происходит это так.

– Ты просто такой... Ах, да что там. – Я вздыхаю.

Он заглатывает наживку:

– Прекрасный. Умный. Нет, погоди. Самый лучший. Ты, кажется, начинаешь мыслить разумно, Люсинда.

Джошуа закрывает сеанс в компьютере и берется за ежедневник, одна его рука зависает над стаканчиком с письменными принадлежностями. Я задерживаю дыхание. Джош хмурится и захлопывает ежедневник. В серой рубашке он должен выглядеть как киборг, но нет, ничего подобного – он красив и интеллигентен. Хуже его никого нет.

– Ты просто такой предсказуемый. – Почему-то я знаю, что его это глубоко заденет.

Глаза Джошуа сужаются в щелки ненависти.

– О, неужели? Как же так?

Игра «Ты просто такой...» дает обоим свободу высказываться, как они ненавидят друг друга.

– Рубашки. Настроения. Шаблоны действий. Таким, как ты, успеха не видать. Если бы ты хоть раз повел себя необычно и удивил меня, я бы умерла от шока.

– Я должен воспринимать это как личный вызов? – Джошуа смотрит на свой стол, очевидно в глубоком раздумье.

– Хотела бы я посмотреть, как ты пытаешься измениться. Просто ты такой негибкий.

– А ты гибкая?

– Очень. – В самую точку, это действительно так. Я могла бы дотянуть ногу до лица прямо сейчас. Делаю передышку, изгибая бровь и с усмешкой устремляя взгляд на потолок. К моменту, когда я снова встречаюсь взглядом

с противником, мои губы уже превратились в бесстрастный розовый бутон, отраженный сотней блестящих поверхностей.

Джошуа опускает глаза, и я скрещиваю лодыжки, запоздало вспоминая, что недавно скинула туфли. Трудно изображать из себя персонификацию судьбы, когда наружу торчат ярко-красные ногти пальцев ног.

– Если я совершу нечто мне несвойственное, ты умрешь от шока?

Вижу отражение своего лица в стенной панели рядом с его плечом. Я похожа на черноглазую, с дико растрепанной шевелюрой версию самой себя. Темные волосы рваными прядями рассыпались по плечам.

– Может, это будет стоить того.

С понедельника по пятницу он превращает меня в страшилище. Я напоминаю цыганку, крикливым голосом предвещающую неминуемую смерть. Буйнопомешанную в психушке, готовую выцарапать себе глаза.

– Ну что же, Люсинда Хаттон. Маленькая гибкая девчонка. – Джошуа снова откидывается назад в кресле. Обе ступни прочно уперты в пол, носки ботинок нацелены на меня, как револьверы во время перестрелки где-нибудь на Диком Западе.

– Кадровики, – предостерегающе обрываю я его.

Я терплю поражение в игре, и он это понимает. Упоминание отдела кадров равнозначно признанию того, что я выдохлась. Джошуа берет карандаш и давит острым кончиком в подушечку большого пальца. Если человек способен усмехаться, не меняясь в лице, то он только что сделал это.

– Я имел в виду, что ты гибко подходишь к жизни. Это, должно быть, твое здоровое воспитание, а, Печенька? Чем там занимаются твои родители? Не напомнишь мне?

– Ты сам прекрасно знаешь. – Я слишком занята, чтобы реагировать на эту ерунду. Беру стопку исписанных бумажек с заметками и начинаю разбирать их.

– У них ферма... – Джошуа смотрит в потолок, притворяясь, что шевелит мозгами. – У них ферма...

Незаконченная фраза повисает в воздухе на целую вечность. Это попытка. Я стараюсь не заполнять тишину, но слово, которое сильно забавляет Джошуа, проклятием вылетает у меня изо рта.

– Клубничная. – Отсюда и мое прозвище Клубничная Печенька. Я уступаю желанию поскрежетать зубами. Мой стоматолог об этом не узнает.

– «Скай даймонд строуберис»^[2]. Мило. Слушай, я сделал закладку на одном блоге. – Он дважды кликает мышью и разворачивает экран

компьютера ко мне.

Я кривлюсь так сильно, что внутри растягиваются какие-то связки. Как он это нашел? Моя мать, наверное, прямо сейчас кричит отцу: «Найджел, дорогой! Наш блог набирает популярность!»

«Ежедневник „Скай даймонд“». Да, вы не ослышались. Ежедневник. Давненько я туда не заглядывала. Времени не хватает. Когда мама встретила отца, она работала журналистом в местной газете, но ушла с работы, чтобы растить меня, и тогда родители завели ферму. Если знать историю мамы, ежедневные записи в блоге оставляют довольно грустное впечатление. Я щурюсь на монитор Джошуа. Сегодняшняя заметка посвящена поливу.

Продукция с нашей фермы поступает на три местных рынка фермерских товаров и в сеть овощных магазинов. Ферма открыта для туристов, которые могут сами набрать себе чего хотят, и еще мама продает банки консервов. В жаркую погоду она готовит домашнее мороженое. Два года назад «Скай даймонд» получила сертификат, что вся ее продукция – натуральная, и для родителей это стало большим событием. В бизнесе бывают приливы и отливы в зависимости от погоды.

Приезжая домой, я до сих пор в свою очередь занимаю место у въездных ворот и объясняю посетителям разницу во вкусе между клубникой сортов «Эрлиглоу» и «Диамонт», «Камино реал» и «Эвер». Все они звучат как названия крутых старых тачек. Мало кто обращает внимание на мой бейдж с именем и сопоставляет его с названием фермы. Фанаты «Битлз», которые делают это, остаются очень довольны собой.

Могу поспорить, вы догадываетесь, что я ем, когда скучаю по дому.

– Нет! Ты не посмеешь! Как ты вообще...

– И знаешь, тут где-то были милейшие семейные фотографии... А-а, вот они. – Джошуа снова кликает мышью, ему почти не нужно смотреть на экран. Глаза его загораются дьявольским весельем, он наблюдает за мной. – Как мило! Это твои родители, да? А что это за восхитительная малышка с черными волосами? Это твоя маленькая кузина? Нет... Это довольно старый снимок. – Джошуа разворачивает картинку на весь экран.

Я становлюсь краснее чертовой клубники. Разумеется, это я. Такого снимка, кажется, я и сама ни разу не видела. Мутная линия деревьев на заднем плане миглом дает ориентир. Мне исполнилось восемь, когда родители посадили рядами эти деревца с западной стороны участка. Бизнес тогда шел в гору, отсюда и гордые улыбки на лицах отца и матери. Я не стыжусь своих родителей, но их занятие неизменно забавляет тех, кто вырос в городе. Большинство беловоротничковых ослов, вроде Джошуа,

находят это таким причудливым и милым. Они представляют членов моего семейства таким простым человеком, деревенщинами, живущими на склоне поросшего виноградом холма. Такие, как Джошуа, убеждены, что клубника производится в магазинах, упакованной в пластиковые коробочки.

На этой фотографии я распласталась у ног родителей, как новорожденный жеребенок. На мне старый, заношенный, короткий комбинезон, а темные курчавые волосы разметались, как каракули по листу. Лямка сшитого из лоскутков рюкзака для походов в библиотеку обхватывает тело. Нет сомнений, он набит изданиями из серии «Нянины посиделки» и старомодными книжками с историями про лошадей. Одну руку я запустила в куст клубники, а другая полна ягод. Я пишу здоровьем от солнца и, вероятно, переизбытка витамина С. Возможно, потому я и выросла такой маленькой. Это приостановило рост.

– Знаешь, она очень похожа на тебя. Может, мне стоит отправить ссылку на общую почту «Б и Г» и попросить всех угадать, кто эта маленькая девочка? – Джошуа заметно содрогается от внутреннего смеха.

– Я убью тебя!

На этом снимке я выгляжу настоящей дикаркой. Глаза у меня светлее неба, я щурюсь от солнца и широко улыбаюсь. Та же улыбка появляется у меня на лице всю жизнь. Начинаю ощущать спазм в горле и жжение в носовых пазухах.

Смотрю на своих родителей. Оба они такие молодые. Спина у отца на этом снимке прямая, но каждый раз, как я приезжаю домой, она все больше сгибается. Бросаю быстрый взгляд на Джошуа. Он, кажется, больше не давится смехом. Глаза начинает пощипывать от слез, я не успеваю остановить их и подумать о том, где нахожусь и кто сидит напротив меня.

Джошуа медленно поворачивает экран компьютера на место, неспешно закрывает браузер. Типичный мужчина – чувствует неловкость при виде женских слез. Я отворачиваюсь, смотрю в потолок, стараясь заставить соленые капли утечь обратно, туда, откуда они выкатились.

– Но разговор был обо мне. Что мне сделать, чтобы быть больше похожим на тебя? – Со стороны могло показаться, что он говорит почти по-доброму.

– Ты можешь попытаться не быть такой ослиной задницей, – шепотом произношу я и в потолочном отражении вижу, как лоб Джошуа начинает морщиться.

О боже! Он озабочен.

В сцену одновременно вмешиваются наши компьютеры: звенит напоминание об общем собрании через пятнадцать минут. Я приглаживаю

брови, поправляю помаду, используя стену в качестве зеркала. С трудом скручиваю волосы в низкий узел, для чего стягиваю резинку с запястья. Сминаю в комочек бумажную салфетку и прижимаю ее к уголку каждого глаза.

Невыраженная тоска по дому продолжает kloкотать в груди. Одиночка. Открывая глаза, вижу, что Джошуа стоит и наверняка видит мое отражение. В руке у него карандаш.

– Что?! – рывкаю я на него.

Он выиграл. Заставил меня плакать. Я встаю и беру в руку папку. Он тоже, и мы беспрепятственно переходим к игре «Зеркало». Оба дважды тихо стучим в дверь своего босса.

«Войдите», – одновременно приглашают нас.

Хелен, сдвинув брови, смотрит в экран компьютера. Она больше привыкла печатать на машинке. Раньше, пока мы не переехали сюда, она пользовалась ею, и я любила слушать ритмичные удары клавиш, доносившиеся из ее кабинета. Теперь машинка стоит в одном из шкафов. Хелен боится насмешек Толстого Коротышки Дика.

– Привет. У нас общее собрание через пятнадцать минут, помнишь? Внизу, в главном зале совещаний.

Она тяжело вздыхает и поднимает на меня глаза. Они большие, темные, выразительные, ресницы – рядком, отдельно одна от другой под аккуратными бровями. Не могу заметить на ее лице ни следа макияжа, кроме розовой помады.

Хелен переехала сюда из Франции с родителями, когда ей было пятнадцать, и хотя теперь ей уже немного за пятьдесят, в ее речи сохраняются нотки урчания.

Своей элегантности Хелен не замечает, что делает ее еще более изящной.

Она носит короткую, аккуратную стрижку. Коротко обрезанные ногти всегда покрашены кремово-розовым лаком. Всю одежду она покупает в Париже, прежде чем ехать навещать престарелых родителей в Сент-Этьен. Гладкий шерстяной свитер, надетый на ней сейчас, наверное, стоит дороже, чем три полные продуктовые тележки.

Если вы еще не поняли, она мой идол. Именно из-за нее я перестала густо красить глаза. Я хочу быть ею, когда стану старше.

Любимое слово Хелен – «дорогая».

– Дорогая Люси, – говорит она сейчас, протягивая руку, и я вкладываю в нее папку, – с тобой все в порядке?

– Аллергия. Глаза чешутся.

– Хмм, это нехорошо.

Хелен пробегает глазами повестку дня. К более крупным собраниям мы готовимся серьезнее, но с общими все более-менее ясно, потому что на них большей частью говорят руководители отделов. Директора присутствуют в основном, чтобы продемонстрировать причастность.

– Алану исполнилось пятьдесят?

– Я заказала торт. Мы вынесем его в конце.

– Это хорошо для поддержания духа, – с отсутствующим видом замечает Хелен. Она открывает рот, колеблется. Я слежу за тем, как она пытается подобрать слова. – Бексли и я – мы сделаем объявление на этом собрании. Для тебя оно очень важно. Мы поговорим об этом сразу после.

Живот скручивает. Меня увольняют, это точно.

– Нет, новости хорошие, дорогая.

Общее собрание идет по плану. На таких мероприятиях я не сижу рядом с Хелен, предпочитаю смешаться с другими сотрудниками. Такой у меня способ напомнить им, что я часть команды, однако сдержанность в отношении меня все равно ощущается. Неужели они и впрямь воображают, будто я доношу Хелен, когда у них дело дрянь?

Джошуа восседает сбоку от Толстяка Дика во главе стола. Обоих недолюбливают, и кажется, что они находятся в каком-то невидимом пузыре.

Алан розовеет и явно радуется, когда я приношу торт. Он закостенелый бексливец из недр финансового отдела, это утверждает меня в мысли, что я не зря старалась ради него. Я протянула через изгородь, разделяющую два лагеря, милое предложение о мире, покрытое тонкой корочкой льдистой глазури. Вот как поступаем мы, гаминовцы. В Бексливилле, наверное, дни рождения отмечают, презентуя новые батарейки для калькулятора.

Комната наполнена опоздавшими, которые прислонились к стенам или приткнулись на низких подоконниках. Гул голосов стоит оглушающий в сравнении с мертвенной тишиной десятого этажа.

Джошуа не притронулся к торту, а ему до него – рукой подать. Он не любит перекусы на ходу, он вообще не едок. Я наполняю наш пещеристый кабинет ритмическим хрустом морковки и яблок. Пакетики попкорна и маленькие стаканчики йогурта исчезают в моей бездонной утробе. Каждый день я уничтожаю стайки тартинок со шведского стола, Джошуа же по контрасту со мной поглощает мятные драже. Господи боже мой, он же в два раза крупнее меня! Он не человек.

Присмотревшись к торту, издаю громкий стон. Из всех возможных

украшений, которые могли бы использовать в кондитерской... Вы сами догадываетесь.

В совершенстве владеющий искусством читать мысли, Джошуа тянется вперед и берет с торта клубничину. Соскребает с нее глазурь и смотрит на маленький катышек цвета слоновой кости у себя на большом пальце. Что он сделает? Слизнет его? Вытрет палец носовым платком с монограммой? Должно быть, он почувствовал мое заинтересованное внимание, потому что метнул на меня взгляд. Мое лицо вспыхивает, и я отвожу глаза.

Быстро спрашиваю Марджери, как продвигается у ее сына обучение игре на трубе (медленно), а Дена об операции на колене (скоро). Им льстит, что я помню, и они отвечают с улыбками. Полагаю, это правда, что я всегда замечаю, выслушиваю и собираю всякие мелочи. Но не с какой-то скверной целью. А в основном потому, что я одинокий лузер.

Перекидываюсь парой фраз с Кейт по поводу ее внучки (растет) и с Элен – о ремонте на кухне (ночной кошмар). А между тем в голове крутится и крутится: «Можешь сгрызть свое сердце, Джошуа Темплман. Я мила. Я всем нравлюсь. Я часть этой команды. А ты совсем один».

С другой стороны стола, чтобы привлечь мое внимание, мне делает знак Дэнни Флетчер из отдела дизайна обложек.

– Я посмотрел документальный фильм, который ты советовала.

Ворошу память, но ничего не всплывает.

– У-у, хм? Какой?

– Это было пару общих собраний назад. Мы говорили о фильме, который ты посмотрела, – про да Винчи по каналу «История». Я скачал его.

Я много с кем болтаю, исполняя свою роль. И никогда не подозревала, что кто-то к этим разговорам прислушивается. На полях блокнота Дэнни – затейливый рисунок, я пытаюсь краем глаза рассмотреть его.

– Тебе понравилось?

– О да. Он был во многом исключительный человек, правда?

– Не стану спорить. Я-то совсем никчемная – ничего не изобрела.

Дэнни хохочет, открыто и громко. Перевожу взгляд с блокнота на лицо хозяина. Наверное, впервые я посмотрела на него по-настоящему. Отключив кнопку автопилота, я ощущаю под ребрами легкий спазм удивления. Ох! Да он симпатичный.

– Ну бог с ним, ты знаешь, что я скоро уйду отсюда?

– Нет. Почему? – Маленький пузырек флирта лопается у меня в животе. Игра окончена.

– Мы с одним приятелем разрабатываем новую платформу для

самопубликаций. Здесь мне осталось проработать пару недель. Это мое последнее общее собрание.

– Что ж, это утрата. Не для меня. Для «Б и Г». – Пояснение неубедительное, как у влюбленной девочки.

Надо же, не заметить рядом с собой такого милого парня. Он сидел напротив меня. А теперь он уходит. Остается только вздыхать. Самое время приглядеться к Дэнни Флетчеру по-настоящему. Привлекательный, сухощавый, в хорошей форме, с мягкими светлыми кудрями, постриженными очень коротко. Он невысок, это мне подходит. Он из команды Бексли, но не типичный представитель. Манжеты рубашки, хотя она и хрустит, как открытка на день рождения, закатаны. Галстук покрыт тонким рисунком из маленьких ножниц и планшетов с зажимами.

– Симпатичный галстук.

Дэнни смотрит вниз и улыбается:

– Я очень много вырезаю и вставляю.

Смотрю в сторону команды дизайнеров, в основном бексливцев: все они одеты, как распорядители похорон. Мне понятно решение Дэнни уйти из «Б и Г» – это самая унылая команда дизайнеров на планете.

Потом я смотрю на левую руку Дэнни. На пальцах ничего, и он тихонько постукивает ими по столу.

– Ну, если когда-нибудь захочешь поучаствовать в изобретении чего-нибудь новенького, я к твоим услугам. – Он озорно улыбается.

– Ты фрилансишь как изобретатель и к тому же заново изобретаешь самопубликации?

– Именно. – Дэнни явно по душе моя остроумная игра в слова.

Никогда никто не флиртовал со мной на работе. Украдкой гляжу на Джошуа. Он разговаривает с мистером Бексли.

– Будет трудно изобрести что-нибудь такое, до чего еще недодумались японцы.

Дэнни на мгновение задумывается.

– Вроде этих маленьких щеток, которые детям надевают на руки и ноги, когда они ползают?

– Да. А ты видел эти подушки в форме мужского плеча для одиноких женщин?

Подбородок Дэнни угловатый и серебрится от щетины, а губы из тех, что кажутся жесткими, пока человек не заулыбается, что он сейчас и делает, глядя мне прямо в глаза.

– Тебе, конечно, они не нужны, верно? – Он понижает тон, теперь его едва слышно сквозь гомон голосов. Глаза Дэнни искрятся, подзадоривают

меня.

– Может быть. – Я делаю горестное лицо.

– Уверен, ты способна найти живого волонтера.

Я пытаюсь вернуть разговор в прежнее русло. К сожалению, выходит так, будто я делаю ему предложение.

– Наверное, будет занятно изобрести что-нибудь вместе.

Хелен собирает свои бумаги и постукивает ими по столу, чтобы собрать в аккуратную стопку. Я неохотно разворачиваюсь на стуле. Джошуа взирает на меня, гневно сдвинув брови. Использую мозговые импульсы, чтобы отразить его удар и направить в обратную сторону. Он его получает и, подобравшись, садится прямо.

– Еще одна вещь, прежде чем мы разойдемся, – говорит мистер Бексли.

Хелен старается не хмурить брови. Она терпеть не может, когда Коротышка Дик ведет себя так, будто он один председательствует на собрании.

– У нас есть объявление по поводу реструктуризации в команде заместителей, – без перерыва подхватывает его речь Хелен, и губы мистера Бексли раздраженно поджимаются, после чего он перебивает Хелен:

– Вводится третья должность заместителя – главный операционный директор. – (Мы с Джошуа одновременно подсакиваем на стульях, как ударенные током.) – Эта должность будет ниже моей и Хелен. Мы хотим формализовать обязанности человека, который отслеживает все процессы, дав возможность заместителям сфокусироваться на стратегических задачах. – Он бросает тонкогубую усмешку в сторону Джошуа, который натянуто кивает ему в ответ. Хелен ловит мой взгляд и многозначительно приподнимает брови. Кто-то пихает меня локтем. – Объявление будет опубликовано завтра, подробности – на портале поиска работы и в Интернете. – Бексли произносит последние слова таким тоном, будто Интернет – это какое-то новомодное изобретение.

– Вакансия открыта для внутренних и внешних соискателей. – Хелен подхватывает стопку своих бумаг и встает.

Толстый Коротышка Дик тоже поднимается, чтобы идти, и выбирает себе еще кусок торта. Хелен следует за ним, покачивая головой. Комната снова взрывается от шума, коробку с тортом тащат по столу. Джошуа стоит у двери. Я упрямо остаюсь сидеть, и он выскальзывает наружу.

– Похоже, ты получила новую работу, – говорит мне Дэнни.

Я киваю, сглатываю и машу рукой на прощание всей комнате в целом, слишком ошеломленная, чтобы выйти грациозно. В коридоре перехожу на

бег, на лестнице перескакиваю через две ступеньки. Вижу закрытую дверь кабинета мистера Бексли и на всех парусах подлетаю к кабинету Хелен, резко торможу, распахиваю дверь и захлопываю, привалившись к ней спиной.

– Кто перед кем отчитывается?

– Ты будешь боссом Джошуа, если твой вопрос об этом.

Меня захлестывает волна чистого восторга. Я – БОСС Джошуа. Ему придется выполнять все мои распоряжения и относиться ко мне с уважением. Возникает угроза обмочить трусы здесь и сейчас.

– Поверх всего этого написано слово «катастрофа», но я хочу, чтобы ты получила эту работу.

– Катастрофа? – Я опускаюсь на стул. – Почему?

– Вы с Джошем не ладите. Как кошка с собакой. А если к этому прибавляется еще и такая динамическая сила... – Она с сомнением прищелкивает языком.

– Но я справлюсь.

– Конечно, дорогая. Я хочу видеть на этой должности тебя.

Новая реструктуризация, но на этот раз я буду иметь возможность влиять на весь процесс. Я смогу сохранять рабочие места, вместо того чтобы ликвидировать их. Ответственности больше, и повышение статуса существенное. Я смогу чаще ездить домой. У меня будет новая машина.

– Ты должна учесть: Бексли хочет, чтобы это место занял Джош. Мы долго бились по этому поводу.

– Если Джошуа станет моим начальником, мне придется уволиться, – мгновенно вылетает у меня изо рта. Такую фразу могли бы произнести в кино.

– Тем больше у нас поводов постараться заполучить эту должность для тебя, дорогая. Если бы это было в моей власти, я бы просто объявила о твоём повышении.

Я прикусываю большой палец.

– Но как добиться, чтобы все шло по-честному? Джошуа и мистер Бексли будут саботировать меня.

– Я думала об этом. Интервью проводит независимая комиссия консультантов по набору персонала. Ты будешь соревноваться на равных условиях. Соискатели не из «Б и Г» тоже появятся. Вероятно, подберется сильная компания. Тебе нужно подготовиться.

– Я подготовлюсь, – говорю я с надеждой.

– Частью собеседования должна быть презентация. Придется тебе поработать над ней. Они захотят услышать твои мысли о будущем

устройстве «Б и Г».

Я ерзаю от желания вернуться к рабочему столу. Мне нужно обновить резюме.

– Вы не против, если я буду работать над своей заявкой в обеденный перерыв?

– Дорогая, я не буду возражать, даже если ты посвятишь этому все рабочее время, пока она не будет готова. Люси Хаттон – главный операционный директор «Бексли и Гамин». Звучит неплохо, верно? – (Мое лицо расплывается в улыбке.) – Место твое. Я это чувствую. – Хелен делает жест, будто застегивает на молнию свои губы. – А теперь иди. Готовься.

Я сажусь за стол, снимаю блокировку с компьютера, чтобы открыть свое удручающе застарелое резюме. Появление новых возможностей греет меня изнутри. Все вокруг изменилось. Ну почти все.

После нескольких минут редактирования замечаю стоящую рядом фигуру. Втягиваю носом воздух. Пряный кедр. Мне подмигивает пряжка его ремня. Не прерываю ударов по клавиатуре.

– Работа моя, Печенька, – раздается голос Джошуа.

Дико тянет встать и ударить его под дых. Чтобы сдержаться, считаю – один, два, три, четыре...

– Забавно, именно это только что сказала мне Хелен. – Я слежу в отражении на поверхности своего стола, как удаляется от меня спина Джошуа, и клянусь самой себе: Джошуа Темплман проиграет эту игру – самую важную из всех, в какие мы играли.

Глава 4

Сегодня бело-серые полоски, и у меня в ежедневнике на пятнице стоит жирный красный крест. Могу поспорить на сотню баксов, точно такой же – в ежедневнике у Джошуа. Наши заявки на работу готовы.

У меня уже почти съехала крыша от перечитывания своей. Я так поглощена подготовкой презентации, что начала видеть ее во сне. Мне нужен перерыв. Гашу экран и с интересом смотрю на Джошуа, он делает то же самое. Мы работаем в паре, как игроки в шахматы. Складываем на груди руки. Карандаша в руке Джошуа я так и не видела.

– Как дела, Малышка Люси?

Радостный тон и мягкое выражение лица показывают, что мы затеяли очень редкую игру. Она называется «Как дела?» и обычно начинается с впечатления, что мы вовсе не испытываем ненависти друг к другу. Ведем себя как нормальные коллеги, которые не жаждут обгадить руки кровью друг друга. Это тревожно.

– Отлично, спасибо, Большой Джош. Как у тебя дела?

– Супер! Собираюсь выпить кофе. Налить тебе чашку чая? – В руке у него тяжелая черная кружка. Ненавижу ее.

Смотрю вниз. В моей руке уже появилась красная чашка в горошек. Он наплюет в любой напиток, какой бы ни приготовил для меня. Думает, я сумасшедшая?

– Пожалуй, я присоединюсь к тебе.

Мы целенаправленно движемся в сторону кухни, шагаем в ногу – левой, правой, левой, правой, как прокуроры к камере во вступительных титрах сериала «Закон и порядок». Это требует от меня почти удваивать длину шага. Коллеги обрывают разговоры и смотрят на нас испытующими взглядами. Мы с Джошуа поворачиваемся друг к другу и обнажаем зубы в улыбке. Время вести себя цивилизованно. Как заместители.

– Ах-ха-ха! – добродушно смеемся мы какой-то фальшивой шутке. – Ах-ха-ха!

Заворачиваем за угол. Аннабель оглядывается на нас от ксерокса и едва не роняет бумаги:

– Что случилось?

Мы с Джошуа киваем ей и продолжаем шагать, объединенные бесконечной игрой в «Перещеголяй другого». Складки моего короткого полосатого платья хлопают под действием силы тяжести.

– Мамочка и папочка вас очень любят, детки, – тихо произносит Джошуа. Слышу его только я. Со стороны кажется, что он просто вежливо разговаривает. Несколько голов сурикатов выскакивают вверх из-за перегородок отделов. Похоже, мы легендарные личности. – Иногда мы распялемся и начинаем спорить. Но не переживайте. Даже когда мы ругаемся, вы в этом не виноваты.

– Так бывает у взрослых, – мягко объясняю я настороженным лицам, мимо которых мы проходим. – Иногда папочка спит на диване, но это в порядке вещей. Мы все равно вас любим.

На кухне я вешаю пакетик с чаем на край чашки, а тем временем меня едва не сшибает с ног океанская волна хохота, которую приходится как-то сдерживать. Я хватаюсь за край стойки и беззвучно трясусь.

Джошуа не обращает на меня внимания и ходит туда-сюда, готовя себе кофе. Я поднимаю взгляд и вижу, как его руки открывают шкафчик в миле над моей головой, чувствую тепло, исходящее от его тела, которое находится в нескольких дюймах за моей спиной. Оно как солнечный свет. Я уже и забыла, что люди теплые. Ощущаю запах его кожи. Желание смеяться гаснет.

Никаких близких контактов с людьми я не имела с тех пор, как моя парикмахерша Анджела сделала мне массаж головы недель восемь назад. Теперь я представляю, как прислоняюсь к нему и расслабляю мышцы. Что он сделает, если я упаду в обморок? Вероятно, позволит мне рухнуть на пол, а потом пнет носком ботинка.

Еще один стоп-кадр всплывает в мозгу. Джошуа подхватывает меня, не дает упасть. Его руки – на моей талии, кончики пальцев вжимаются в мое тело.

– Ты такой смешной, – произношу я, поняв, что какое-то время молчала. – Очень смешной. – Я громко сглатываю.

– Ты тоже. – Он подходит к холодильнику.

Джанет из отдела кадров угрюмым, замученным призраком материализуется в дверном проеме. Вообще-то, она милая, вот только ее уже тошнит от наших дрызг.

– Что происходит? – Она упирает руки в бедра, точнее, в то место, где должны быть бедра.

Ее фигура под звякающим тибетским пончо выглядит треугольной. Наверное, раздобыла этот наряд на своем последнем духовном квесте. Она гаминовка, само собой.

– Джанет! Готовим кофе. Не соблазнишься? – Джошуа качает кружкой в ее сторону, она раздраженно отмахивается. Джанет от души ненавидит

Джошуа. Под стать мне.

– Мне поступил тревожный звонок. Я здесь в качества арбитра.

– Это ни к чему, Джанет. Все в порядке. – Я тихонько макаю в воду пакетик с чаем, наблюдая за тем, как вода становится кирпично-красной.

Джошуа насыпает в мою чашку полную ложку сахара:

– Не очень сладкий, верно?

Издаю фальшивый смешок, глядя на шкафчик перед собой, а про себя удивляюсь: откуда он знает, какой чай я пью? Откуда ему вообще что-то обо мне известно?

Джанет подозрительно смотрит на нас. Джошуа отвечает ей приветливым взглядом:

– Мы готовим горячие напитки. Что нового в сфере кадров?

– Двух главных в компании серийных жалобщиков не стоит оставлять наедине. – Угол ее пончо наставлен в сторону кухни.

– Да, положение серьезное. Мы сидим одни в кабинете целый день. Я провожу от сорока до пятидесяти часов в неделю с этой милой женщиной. Наедине. – Он говорит вежливо и добродушно, но подтекст его речи – «Да пошла ты!».

– По этому поводу я дала вашим боссам несколько рекомендаций, – мрачно произносит Джанет. В ее подтексте слышится то же самое.

– Что ж, скоро я стану боссом Люсинды, – отвечает Джошуа, и я бросаю на него недовольный взгляд. – Я профессионал и справлюсь с кем угодно.

По тому, как он произносит «с кем угодно», ясно: он намекает, что я слабоумная.

– На самом деле это я скоро буду твоим боссом. – Голос у меня приторно-сладкий.

Маленькие ручки Джанет вылезают из-под пончо. Она трет глаза, размазывая тушь.

– Вы двое занимаете весь мой рабочий день, – говорит она мягко, но в ее словах звучит тихое отчаяние.

Ощущаю укол вины. Я веду себя неподобающим для будущего главного замдиректора образом. Пора исправить это положение.

– Я знаю, в прошлом мои отношения с мистером Темплманом были немного... напряженными. С удовольствием займусь этой проблемой, а также укреплением командного духа в «Б и Г», – говорю я своим самым лучшим, ровным голосом профессионала и замечаю, что лицо Джанет недоверчиво кривится, а Джошуа наставляет на меня два лазерных луча своего взгляда.

Я набросала рекомендации для Хелен, наметив вечерние встречи по командообразованию для администраторов, бухгалтеров, ведущих, главных и дизайнеров. Мы называем это для краткости АБВГД или Алфавитная ветвь. К этому привел меня последний мозговой штурм. Как здорово это прозвучит на собеседовании! Очень здорово.

– Я подпишу это тоже, чтобы показать сопричастность, – произносит Джошуа.

Чертов плагиатор! Запястье у меня дрожит, так и хочется плеснуть ему в лицо горячим чаем.

– Не беспокойся, – говорю я Джанет, пока мы стоим напротив нее. – Все будет хорошо.

Ее пончо горестно звякает, и мы удаляемся.

– Когда я буду твоим боссом, то уработаю тебя до полного изнеможения, – произносит Джошуа мерзким голосом.

Теперь я с трудом за ним поспеваю, но держусь. Немного чая выплескивается на ковер.

– Когда я стану твоим боссом, ты будешь выполнять все мои распоряжения с широкой улыбкой на лице. – Я вежливо киваю Марни и Алану, когда мы проходим мимо них.

Огибаем угол, как скаковые лошади.

– Когда я буду твоим боссом, три допущенные тобой ошибки в расчетах послужат поводом для официального предупреждения.

Я бормочу себе под нос, но Джошуа все равно меня слышит.

– Когда я стану твоим боссом, меня обвинят в убийстве.

– Когда я буду твоим боссом, то введу деловой дресс-код. И больше ты не будешь носить свои странные маленькие ретрокостюмы. Я уже отметил варианты в каталоге корпоративной одежды. Серое рабочее платье. – Он делает паузу для усиления эффекта. – Полиэстер. Длиной до колена. А тебе дойдет до лодыжек.

Я до безумия чувствительна к разговорам о моем росте и до чертиков ненавижу синтетические ткани. Открываю рот, и из него вылетает такое миленькое животное рычание. Я бросаюсь вперед и толкаю бедром стеклянную дверь нашего шикарного офиса.

– Это поможет тебе перестать вожделеть меня? – рывкаю я, и Джошуа закатывает глаза к потолку и тяжело вздыхает:

– Ты видишь меня насквозь, Печенька.

– О, я тебя отлично понимаю.

Оба мы дышим немного тяжелее, чем подобает в такой ситуации. Ставим кружки на столы и враждебнозираем друг на друга.

– Я никогда не буду работать на тебя. Не будет никаких платьев из полиэстера. Если ты получишь эту должность, я уволюсь. Тут даже говорить нечего.

Долю секунды Джошуа смотрит на меня с искренним удивлением:

– Ох, неужели?

– Как будто ты не уволишься, если работу получу я.

– Я не уверен. – Он в раздумье вращает глазами.

– Джошуа, тебе придется уйти, если должность получу я.

– Я не бросаю дела на полдороге. – Голос моего противника напряжен до крайности, он кладет руку на бедро.

– Я тоже не бросаю. Но если ты так уверен, что получишь эту работу, почему такая проблема пообещать, что ты уволишься? – Я слежу за тем, как он переваривает эти слова.

Мне хочется видеть Джошуа своим подчиненным, который сидит весь как на иголках, пока я просматриваю отчет о его работе, который, само собой, разорву. Хочу, чтобы он ползал на четвереньках у моих ног и собирал обрывки отчета, бормотал извинения и признавал свою некомпетентность. Пусть поплачет в кабинете у Джанет, браня себя за неадекватность действий. Хочу, чтобы он завязался узлами от нервного напряжения.

– О'кей. Я согласен. Если ты получишь повышение, обещаю уволиться. У тебя снова этот голодный взгляд, – добавляет Джошуа, после чего отворачивается и садится. Открывает ключом ящик стола, достает из него ежедневник, деловито пролистывает страницы. – Снова мысленно душишь меня? – Он делает пометку карандашом, одну прямую палочку, и тут замечает мой взгляд. – Чему ты ухмыляешься?

Думаю, он ставит отметки в ежедневнике, когда мы ругаемся.

– Пожалуй, я лучше пойду спать. – Я разговариваю с родителями и одновременно аккуратно чищу зубной щеткой для младенцев смурфа, купленного за два доллара пару недель назад на eBay.

Фоном идет «Закон и порядок», детективы направились по ложному следу. На лице у меня маска из белой глины, на ногтях пальцев ног сохнет лак.

– Ладно, Смурфетка, – встречаются двухголовым монстром мои родители.

Они еще не разобрались, что не нужно сидеть, прижавшись щека к щеке, чтобы поместиться в экран видеочата. А может, разобрались, просто им так больше нравится.

Папа как-то опасно загорел на солнце, вокруг глаз четко очерчен белый контур солнцезащитных очков. «Эффект панды» наоборот. У него громкий смех, и он любитель поговорить, так что я много раз краем глаза замечаю зияние дырки на месте отколотого при поедании свиных ребрышек зуба. Отец одет в толстовку, которая была у него еще во времена моего детства, и от этого у меня возникает тоска по дому. Забавно.

Мама никогда не смотрит прямо в камеру. Ее отвлекает маленькое окошечко предпросмотра, где она видит свое изображение на экране. Думаю, она рассматривает морщины. Из-за этого во время разговоров у нас нет контакта, и я начинаю скучать по ней еще больше.

Мамина светлая кожа не приспособлена к яркому солнцу. Там, где у отца загар, у нее появляются веснушки. Мы с ней одной расцветки, и я знаю, что случится, если перестану пользоваться солнцезащитным кремом. Каждый квадратный сантиметр маминой кожи на лице и руках покрыт веснушками. Даже на веках они есть. У нее ярко-голубые глаза и черные волосы, которые обычно скручены в узел высоко на голове, и, как правило, люди на нее оглядываются, куда бы она ни заходила. Отец – раб ее красоты. Я это точно знаю, потому что он сам говорил ей об этом минут десять назад.

– Ну, тебе не стоит ни о чем беспокоиться. Ты тут самая решительная личность, я уверен. Ты хотела работать в издательстве и сделала это. И знаешь что? Что бы ни случилось, ты всегда останешься хозяйкой «Скай даймонд строуберис». – Папа весьма многословно разбирал причины, по которым я должна получить повышение.

– Ну пап... – Я смеюсь, чтобы скрыть эмоции, которые продолжаю ощущать с того момента, как расклеилась на глазах у Джошуа после просмотра родительского блога. – Мое первое распоряжение в качестве директора будет такое: вы оба должны рано ложиться спать. Удачи с «Люси-42», мам.

С последними десятью записями в блоге я ознакомилась, пока ела ужин. У мамы очень ясный, фактический стиль письма. Думаю, она дослужилась бы до должности мэра, если бы не ушла с работы. Энни Хаттон – мастер журналистских расследований. Вместо этого она проводит дни за пересадкой гниющих растений, упаковкой товара для отправки в магазины и выведением гибридов клубники в духе Франкенштейна. Для меня тот факт, что она бросила любимую работу ради мужчины, – это трагедия, и не важно, какой замечательный человек мой отец, как не имеет значения и тот факт, что я сейчас сижу здесь в качестве результата этого.

– Надеюсь, они не получатся такими же, как «Люси-41». Я никогда не

видела ничего подобного. Снаружи ягоды совершенно нормальные, а внутри абсолютно пустые. Правда, Найджел?

– Они были как воздушные шарик в виде фруктов.

– Собеседование пройдет хорошо, дорогая. Они за пять минут поймут, что ты живешь и дышишь издательским делом. Я до сих пор помню, как ты вернулась после той школьной поездки. Ты как будто влюбилась. – Мамины глаза затуманиваются от воспоминаний. – Я знаю, что ты чувствовала. Сама помню момент, когда впервые вступила в редакционную комнату в газете. Запах типографской краски был как наркотик.

– У тебя все еще есть проблемы с Иеремией на работе? – Отец знает настоящее имя Джошуа, но предпочитает его не использовать.

– Джошуа. И – да. Он все равно ненавидит меня. – Беру горсть орешков кешью и начинаю их грызть слегка агрессивно.

Папа льстиво мистифицирует ситуацию:

– Невероятно. Кто на такое способен?

– Действительно, кто? – эхом подхватывает мама и прикасается пальцем к коже под глазом. – Она миниатюрная и милая. Маленьких милых людей все любят.

Папа незамедлительно соглашается с ней, и оба они начинают разговаривать так, будто меня тут вовсе нет.

– Она самая очаровательная девушка в мире. У этого Джулиана точно какой-то комплекс неполноценности. Или он из сексистов. Хочет всех унижать, чтобы чувствовать себя лучше. Комплекс Наполеона. Комплекс Гитлера. Что-то с ним не так. – Папа загибает пальцы, перечисляя проблемы Джошуа.

– Все вместе. Пап, приклей бумажку с липучкой на экран, чтобы она не могла разглядывать себя. Она на меня вообще не смотрит.

– Может, он безнадежно влюблен в нее, – добавляет оптимизма мама и в первый раз направляет взгляд прямо в камеру.

Мое сердце проваливается в пятки. Мельком смотрю на свое лицо – глиняная маска, запечатлевшая выражение изумления и ужаса.

Отец усмехается:

– Странный способ показать это, тебе не кажется? Он сделал это место невыносимым для нее. Говорю тебе, если бы я с ним встретился, ему пришлось бы поунижаться. Слышишь, Люси? Скажи ему, чтобы вел себя как надо, а то твой папочка прилетит и поговорит с ним по душам.

Представить их лицом к лицу – странно.

– Я не стану утруждаться этим, папа.

Последние фразы позволяют маме перейти к интересующей ее теме.

– Кстати, о перелетах, мы можем перевести тебе на счет немного денег, чтобы ты могла забронировать билет и навестить нас. Мы уже давно тебя не видели. Очень давно, Люси.

– Дело не в деньгах. На это нужно время, – пытаюсь объяснить я, но они оба начинают говорить, не слушая меня, получается какая-то невразумительная мешанина из просьб, мольбы и уговоров. – Я приеду, как только смогу выкроить немного времени, но едва ли надолго. Если я получу повышение, то буду очень занята. Если нет... – Я изучаю клавиатуру.

– Тогда? – Папа резок.

– Мне надо будет искать другую работу, – говорю я и закатываю глаза.

– Конечно ты его получишь. Ты никогда не будешь работать на этого осла Джастина.

«Хорошо бы, чтоб она жила дома, – говорит отец матери. – От книг мало проку. А нам нужна дополнительная мозговая сила».

Я вижу, что маму продолжает беспокоить моя ситуация с работой.

Она крайне экономна и прожила на ферме уже достаточно долго, так что в ее воображении город – злодейски дорогой, суетливый мегаполис. Она недалеко от истины. У меня хороший заработок, но после того, как банк списывает со счета плату за жилье, уже не разгуляешься. Мысль о том, чтобы снимать квартиру с кем-нибудь на пару, ужасает меня.

– Как она будет...

Папа шикает на нее и машет рукой, чтобы развеять самую мысль о возможной неудаче, как клуб дыма.

– Все будет хорошо. Это Джонни останется без работы и будет ночевать под мостом, а не она.

– Такого с ней никогда не случится, – встrepенулась мама.

– Ты помирилась со своей подружкой, с которой вы раньше работали? Валери, кажется?

– Не спрашивай, это ее расстраивает, – журит мать отца.

Он поднимает руки, мол, сдаюсь, и смотрит на потолок.

Верно. Это меня расстраивает, но я не подаю виду и говорю ровным тоном:

– После слияния я приглашала ее на кофе, чтобы объясниться, но она потеряла работу, а я нет. Она не может мне этого простить. Сказала, что настоящая подружка как-нибудь предупредила бы ее.

– Но ты ведь не знала, – начинает папа.

Я киваю. Это правда. Но проблема, которую я с тех пор пытаюсь разрешить, такова: должна ли я была попытаться что-то вывести для нее?

– Круг ее друзей начал превращаться в мой... и вот я здесь. Снова одна.

Печальная одинокая неудачница.

– Там у тебя на работе наверняка есть и другие люди, с которыми можно подружиться, – говорит мама.

– Никто не хочет со мной дружить. Они думают, я расскажу их секреты боссу. Может, сменим тему? На этой неделе я говорила с одним парнем. – И я мигом начинаю сожалеть о сказанном.

– О-о-о! – хором интонируют родители. – У-ух! – Они обмениваются взглядами.

– Он милый?

Это всегда их первый вопрос.

– О да. Очень милый.

– Как его зовут?

– Дэнни. Он из дизайнерского отдела, с работы. Мы с ним никуда не ходили, ничего такого, но...

– Как здорово! – восклицает мама, а папа одновременно с ней произносит:

– Давно пора!

Он зажимает большим пальцем микрофон, и они начинают переговариваться друг с другом, спекуляции выются вокруг них роем.

– Как я уже сказала, мы не ходили на свидание. Не знаю, хочет ли он этого на самом деле. – Я думаю о Дэнни, о косых взглядах, которые он бросал на меня, о его кривых усмешках. Он хочет.

Отец говорит так громко, что микрофон иногда начинает шипеть.

– Ты должна пригласить его. Надоело, наверное, сидеть в кабинете по десять часов и швыряться грязью в Джеймса. Сходи куда-нибудь, развейся. Надень свое красное вечернее платье. Хочу услышать, что ты это сделала, когда мы будем в следующий раз связываться по скайпу.

– Тебе можно ходить на свидания с коллегами? – спрашивает мама, и отец хмурится.

Негативные концепты и сценарии с плохим концом его не интересуют. Тем не менее мама затронула хорошую тему.

– Это не допускается, но он от нас уходит. Собирается фрилансить.

– Милый мальчик, – говорит отцу мама, – у меня доброе предчувствие.

– Мне правда нужно ложиться, – напоминаю я, зеваю, и глиняная маска на лице покрывается трещинами.

– Спи, спи, сладкая, – хором отзываются они.

Я слышу, как мама с горечью говорит: «Почему она не хочет приезжать

домой...», и отец нажимает на клавишу «Отбой».

Сказать честно? Оба они обращаются со мной как с заезжей знаменитостью на волне полного и высочайшего успеха. То, как они хвастаются мной перед своими друзьями, выглядит просто нелепо. Когда я приезжаю домой, то чувствую себя мошенницей.

Споласкивая лицо, я пытаюсь заглушить чувство вины плохой дочери, решая, какие вещи возьму с собой, если мне придется жить под мостом. Спальный мешок, нож, зонтик, коврик для йоги. Я могу спать на нем. И заниматься йогой, чтобы сохранять ловкость. Всех своих редких смурфов я могу сложить в ящик для рыболовных снастей.

Копия листа из ежедневника Джошуа лежит на краю кровати.

Пора немного побыть мисс Марпл. Тревожно, что частица Джошуа Темплмана проникла в мою спальню. Мозг театрально шепчет: «Представь!» Гильотинирую эту мысль.

Изучаю листок. Палочки – думаю, это ссоры. Делаю отметку на полях. В тот день их было шесть. Звучит похоже на правду. Маленькие косые линии – не имею понятия, что это. Но иксы? Вспоминаю открытки на День святого Валентина с поцелуйчиками. В нашем кабинете такое не встречается. Это, должно быть, его кляузы кадровикам.

Складываю ноутбук и убираю его, потом чищу зубы и ложусь в постель.

Насмешка Джошуа над моей одеждой – «странные маленькие ретро костюмы» – подвигает меня к тому, чтобы завтра откопать в глубине платяного шкафа маленькое черное платье и надеть его. Это полная противоположность серому рабочему длиной до лодыжек. В маленьком черном моя талия выглядит очень тонкой, а попа – восхитительной. Дюймовочка в образе Джессики Рэббит^[3]. Он думает, что видел маленькую одежду? Он ничего не видел.

Коротышек вроде меня обычно считают скорее милыми, чем сильными, так что я смету все преграды. Ажурные колготки такие мягкие, они щекочут кожу, как мелкий песок. Красные туфли на шпильке вознесут меня на невиданную высоту пяти футов и пяти дюймов.

Завтра не должно быть никаких упоминаний о клубнике. Когда я войду, кофе прыснет из носа Джошуа Темплмана. Не знаю, почему мне этого хочется, но это факт.

Что за вздорная мысль! С такой разве уснешь спокойно.

Глава 5

Уснула с его именем в голове, отсюда, наверное, и мой сон. Середина ночи, я лежу на животе, прижавшись щекой к подушке. Он лежит на мне сверху, прижавшись животом к моей спине, теплый, как солнечный свет. Его горячий шепот раздается у меня в ухе, когда он ерзает бедрами, пристраиваясь между моих ягодиц.

Я уработаю тебя. До полного. Изнеможения.

Получаю исчерпывающее представление о его весе и размере. Пытаюсь прижаться к нему еще раз, чтобы снова ощутить это, но он тихо и укоризненно произносит мое имя, а потом забирается выше. Его колени сжимают мои бедра, кончики пальцев гладят округлые выступы грудей. Жар дыхания оседает паром на моей шее. Мне не удастся вдохнуть полной грудью. Он слишком тяжел, а я слишком возбуждена. Забытая чувственность пробуждается к жизни. Я скребу ногтями по простыне, пока кончикам пальцев не становится горячо от трения.

Во сне я черте чем занимаюсь с Джошуа Темплманом?! Содрогаюсь от сознания этого и балансирую на грани пробуждения, но глаз не открываю. Нужно узнать, куда заведет меня мой ум. Через несколько минут снова проваливаюсь в сон.

Я сделаю все, что ты захочешь, Люсинда. Но ты должна будешь попросить.

Он говорит ленивым тоном, какой использует, когда смотрит на меня с таким выражением лица, словно подглядывал за мной в дырочку в стене и знает, какая я, во всех подробностях.

Поворачиваю голову и вижу его запястье – манжета деловой рубашки расстегнута, в ней нет запонки. Мне виден дюйм его запястья – волоски, вены и сухожилия. Рука сжимается в кулак, и от одной мысли о торжестве над ним у меня все внутри трепещет.

Лица его я не вижу. Хотя это может все испортить, переворачиваюсь на спину, таща за собой одеяло и простыню. Я спутана его руками и ногами. Понимаю, что возбуждена, и при одном взгляде в его блестящие синие глаза вдруг ощущаю влагу между ног. Издаю театральный вздох ужаса. Он отвечает хриловатым смешком.

Боюсь, что так. А он, судя по всему, ни о чем не жалеет.

Вес его тела приятно давит на меня сверху. Бедра, руки. Я извиваюсь и лгну к Джошуа из сновидения, чувствую, как он напрягается, закусывает

губу, чтобы не застонать, и открываю для себя шокирующую истину.

Ты безумно хочешь меня.

Слова эхом вырываются из моего рта, неотвратимо правдивые. Поцелуй под ухо, в то место, где бьется пульс, подтверждает то, что я уже знаю. Это больше, чем просто влечение, мрачнее, чем плотское желание. Это беспокойное напряжение между нами, которое никак не находило себе выхода до настоящего момента. Кремовые простыни обжигают горячи.

Ты узлами завязываешься из-за меня. Чувствую прикосновения скользких по моему телу рук, они задерживаются на изгибах, пуговицы расстегиваются, швы расползаются. Меня раздевают, исследуют. Зубы кусаются, и меня съедают. Никогда еще и никто меня так не хотел. Я постыдным образом возбудилась, и, хотя лежу на спине, взгляд в его глаза подтверждает – в этой игре победа за мной. Пытаюсь притянуть его вниз, чтобы он меня поцеловал, но мой партнер уклоняется от этого и продолжает меня дразнить.

Ты все время знала, говорит он мне, и от его великолепной улыбки я переливаюсь через край. Просыпаюсь, дрожа. Резко убираю руку от шва влажной пижамы, лицо в темноте полыхает. Не могу решить, как поступить. Довести дело до конца или принять холодный душ? В конце концов я остаюсь лежать.

Над изножьем кровати висит мое черное платье, его силуэт выглядит пугающим. Я смотрю на него, пока мое дыхание не замедляется. Перевожу взгляд на часы с красными цифрами. У меня есть четыре часа, чтобы подавить воспоминание об этом «ночном кошмаре».

Семь тридцать утра, день кремовой рубашки. Отражение в двери лифта подтверждает: мое пальто длиннее маленького платья, так что я выгляжу как высокочеловеческая девушка по вызову, которая направляется в гостиничный пентхаус в одном белье под верхней одеждой.

Сегодня пришлось ехать в офис на автобусе. Мне едва удалось забраться с тротуара на первую ступеньку, не сверкнув нижним бельем, а когда двери у меня за спиной закрылись, я поняла, что надеть это платье было катастрофическим безрассудством. Пока я чапала по тротуару к офису «Б и Г», мое шествие сопровождала серия воодушевленных гудков от проезжавших мимо грузовиков, что только подтвердило сложившееся в автобусе мнение. Если бы «Таргет» сегодня работал, я бы заскочила в него и купила какие-нибудь штаны.

Ничего, справлюсь. Просто буду весь день не вставать со своего места. Двери лифта открываются, и, конечно же, Джошуа уже сидит за столом.

Чего он вечно припирается на работу ни свет ни заря? Он вообще ходит домой? Или спит в цинковом ящике в котельной? Полагаю, те же вопросы он может адресовать мне.

Я надеялась, что смогу провести здесь минуту или две в одиночестве, чтобы подготовиться к долгому дню без вставания. Но вот он, уже сидит тут. Прячусь за вешалкой для верхней одежды и притворяюсь, что роюсь в сумочке, – выигрываю время.

Если я сосредоточусь на платье, как на главной проблеме, то смогу проигнорировать вспышки воспоминаний о ночном кошмаре. Джошуа поднимает глаза от ежедневника, карандаш – в руке. Он смотрит на то, как я начинаю развязывать пояс пальто, но продолжать невозможно. Синева его глаз гораздо более живая, чем в моем сне. Он рассматривает меня с таким видом, будто занят чтением моих мыслей.

– Тут нежарко, да?

Джошуа раздраженно выпячивает губы, проводит рукой в воздухе, будто говорит: «Смирись с этим». Защищаясь глубоким вздохом, я снимаю пальто и вешаю его на свои личные плечики с мягкой набивкой. Пока иду к рабочему столу, чувствую, как трутся друг об дружку между бедер ромбика сетчатых колготок. Я все равно что в купальном костюме.

Замечаю, как глаза Джошуа опускаются в ежедневник, от темных ресниц на щеки полумесяцами падают тени. Так он выглядит совсем юным, но вот поднимает взгляд, и это взгляд мужчины – тяжелый, испытующий. Лодыжки у меня вихляют.

– Вау-вау! – протягивает он и делает карандашом какую-то пометку. – Грядет жаркое свидание, Печенька?

– Да, – автоматом вру я, и он с циничным видом закладывает карандаш за ухо.

– Расскажи.

Я пытаюсь беззаботно пристроить попу на край своего стола. Стекло обдает холодом заднюю поверхность бедер. Это ужасная ошибка, но я не могу прямо сейчас снова встать вертикально. Буду выглядеть идиоткой. Мы оба пялимся на мои ноги.

Опускаю взгляд на свои ярко-красные туфли на высоком каблуке и вижу ноги до самого платья, плитки на полу так хорошо отполированы. Локон волос падает на глаза, и пусть. Если я сфокусируюсь на этом глупом платье, то смогу забыть о том, как мой мозг хочет, чтобы Джошуа облизал меня, покусал меня, раздел меня.

– Ну и?.. – В кои-то веки голос Джошуа звучит нормально. – Что произошло?

Защипываю пальцами слишком сильно растянувшийся ромбик на бедре. Сон наверняка написан у меня на лице. Щеки теплеют. На Джошуа – кремовая рубашка, мягкая и шелковистая, как простыни в моем сновидении. Подсознание играет со мной злую шутку. Пытаюсь посмотреть в глаза Джошуа, но лишь испуганно отвожу взгляд и небрежной походкой добираюсь до своего кресла. Хотелось бы мне так же небрежно выйти отсюда и отправиться домой.

– Эй! – говорит Джошуа более резко. – Что происходит? Расскажи мне.

– Я видела... сон, – произношу я таким тоном, каким в кино говорят: «Бабушка умерла». Сажусь в кресло, свожу колени и крепко сжимаю их, пока не хрустнули суставы.

– Опиши свой сон. – Карандаш снова в руке Джошуа, а я чувствую себя терьером, который следит за движениями ножа и вилки в руках хозяина.

Мы начинаем игру в словесный теннис. Проигрывает тот, кто первым не сможет придумать ответ.

– Ты покраснела. До самой шеи.

– Хватит пялиться на меня. – Конечно, он прав.

Этот офис, похожий на зеркальный шар, подтверждает его слова.

– Не могу. Ты у меня прямо перед глазами.

– Ну попробуйся.

– Не так часто я вижу столь интересный выбор открывающего бедра костюма для работы. В руководстве кадровой службы по поводу делового стиля в одежде...

– Ты не можешь оторвать глаз от моих бедер уже достаточно долго, так что действительно пора заглянуть в руководство.

Это правда. Джошуа опускает взгляд, но буквально через секунду красная точка снайперского прицела его глаз возвращается на прежнее место – косточку моей лодыжки и начинает скользить вверх.

– Я его запомнил.

– Тогда ты должен знать, что бедра – это неподходящий предмет для разговора. Если я получу свое полиэстеровое платье-мешок, тогда, полагаю, тебе придется послать им на прощание воздушный поцелуй.

– Жду этого с нетерпением. Я имею в виду повышение. Не твои бедра... Не беспокойся.

– Размечтался, извращенец. – Я ввожу пароль. Срок действия предыдущего истек. Новый будет такой: УМРИ-ДЖОШ-УМРИ! – Это моя работа, не твоя.

– Так с кем же у тебя свидание?

– С парнем.

Я найду кого-нибудь до окончания рабочего дня. Сниму парня, если придется. Позвоню в модельное агентство и закажу эскорт. Он приедет на лимузине и заберет меня от дверей «Б и Г». И Джошуа будет посрамлен.

– Во сколько вы встречаетесь?

– В семь, – иду я на риск.

– А где? – Джошуа медленно делает карандашную пометку.

Икс? Косая черта? Я не могу сказать.

– Ты очень заинтересовался. С чего бы это?

– Исследования показали: если руководитель проявляет интерес к личной жизни своих подчиненных, это повышает их самооценку и вызывает ощущение значимости. Я практикуюсь, прежде чем стану твоим боссом. – Пустая болтовня в деловом тоне противоречит странной напряженности, сквозящей в его глазах. Джошуа на самом деле увлечен этим разговором.

Я бросаю на него самый лучший испепеляющий взгляд.

– Я встречаюсь с ним в спортивном баре на Федерал-авеню. И еще: ты никогда не будешь моим боссом.

– Какое совпадение. Я как раз иду туда же вечером посмотреть игру. К семи.

Моя умная выдумка оказалась тактической ошибкой. Смотрю на своего противника изучающим взглядом и не могу решить, где кончается его лицо и начинается ложь.

– Может, мы там встретимся, – продолжает он.

Настоящий дьявол!

– Конечно, может быть. – Я придаю голосу скучающий оттенок: пусть не догадывается, что, произнося эти слова, я одновременно бешусь и паникую.

– А что там со сном?.. В нем был мужчина, да?

– О да, разумеется. – Глаза мои блуждают по лицу Джошуа без моего позволения. Кажется, мне удастся рассмотреть, какой формы у него ключица. – Он был жутко эротичный.

– Нужно послать имейл Джанет, – едва слышно произносит Джош после паузы и хриплого откашливания. Он неуклюже изображает, что печатает, хотя сам даже не смотрит на экран.

– Я сказала «эротичный»? Я имела в виду, эзотеричный. Вечно путаю эти два слова.

Джошуа прищуривает один глаз:

– Твой сон был... загадочным?

Что тут ответишь? Пришел мой черед проверить себя на детекторе лжи.

– Он был полон символов и скрытых значений. Я заблудилась в саду, и там был мужчина. Некто, с кем я провожу много времени, но на этот раз он показался мне незнакомцем.

– Продолжай, – говорит Джошуа.

Как странно разговаривать с ним и не видеть перед собой маску скуки вместо лица.

Я кладу ногу на ногу так элегантно, как только могу, и его глаза ныряют под мой стол, потом возвращаются к лицу.

– Я была замотана в простыню. Больше на мне ничего не было, – произношу я доверительным тоном, потом делаю паузу. – Это ведь строго между нами, да?

Джош обалдело кивает, а я мысленно хлопаю сама себя ладонью в ладонь за победу в «словесном теннисе».

Нужно продлить этот момент, не так часто я получаю превосходство. Подкрашиваю губы, используя стену в качестве зеркала. Цвет называется «Огнемет», и это мой фирменный стиль. Порочный, агрессивный, ядовитый красный. Как вскрытые вены на запястьях. «Цвет трусов дьявола», по выражению отца. У меня столько тюбиков этой помады, что хотя бы один из них всегда находится в радиусе трех футов. Сейчас я словно героиня черно-белого кино, но благодаря «Огнемету» обретаю цвет. Я живу в тревожном ожидании, что производитель прекратит ее выпуск, отсюда и накопление запасов.

– Так вот, иду я по этому саду, а мужчина держится у меня за спиной. – Сегодня я патологическая лгунья. Вот что сотворил со мной Джошуа Темплман. – Он прямо позади. Прикасается ко мне. Даже прижимается.

Я встаю и звонко хлопаю себя по заду, чтобы внести окончательную ясность. Слова мои звучат так правдиво, потому что по большей части это и есть правда. Джошуа медленно кивает, кадык на его горле вздрагивает от проглоченной слюны, а глаза путешествуют по моему платью.

– Кажется, я узнаю его голос. – Я делаю паузу на тридцать секунд, промокаю губы, поднимаю вверх салфетку, чтобы полюбоваться на маленькое пятнышко в форме сердца, отпечатавшееся на ней. Потом сминаю ее и отправляю в корзину рядом с носками туфель. Начинаю заново наносить помаду.

– Ты всегда делаешь это дважды? – Джошуа начинает раздражать эта неестественная манера рассказывать истории. Он нетерпеливо постукивает пальцами по столу.

Я подмигиваю:

– Не хочу, чтобы она смазалась от поцелуев.

– Кто этот парень, конкретно? Как его зовут?

– Парень. Ты меняешь тему, но это ничего. Прости, что заставила тебя скучать. – Я сажусь и кликаю мышью, компьютер оживает, начинает урчать.

– Нет-нет, – слабо произносит Джошуа, как будто у него перехватило дыхание. – Мне не скучно.

– Ладно. Итак, я в саду, и там... повсюду отражения. Как будто он весь заставлен зеркалами.

Джошуа кивает, локти ползут вперед по столу, подбородок ложится на руки. Он откатывает кресло назад.

– И я... – Я замолкаю и гляжу на него. – Да нет, ничего.

– Что? – рявкает Джош так громко, что я подсакиваю на дюйм на своем сиденье.

– Я спрашиваю: «Кто ты? Почему ты так сильно хочешь меня?» И когда он называет мне свое имя, я так шокирована...

Джошуа висит на крючке моей удочки, глянцевитая рыба, трепыхается, но попалась крепко, не сорвется. Я ощущаю, как воздух в пространстве между нами вибрирует от напряжения.

– Подойди сюда, такое я могу произнести только шепотом, – мурлычу я и смотрю направо и налево, хотя мы оба знаем, что вокруг никого на многие мили.

Джошуа рефлексивно встряхивает головой и смотрит на свои колени. Он не единственный, кто может заглядывать под стол.

– О-о-о, – произношу я, как чересчур догадливая зануда, но, к моему изумлению, на скулах моего визави загораются красные пятна. Джошуа Темплман возбудился в моем присутствии. Почему мне хочется раздражить его еще сильнее?

– Я подойду сама и скажу тебе. – Я блокирую экран компьютера.

– Все в порядке.

– Мне нужно поделиться этим. – Я медленно подхожу и упираюсь ладонями в край его стола. Джошуа смотрит на мои ноги в сетчатых колготках с выражением муки на лице. Мне почти жалко его.

– Это непрофессионально. – Он возводит очи к потолку в поисках вдохновения, а потом завершает: – Кадровики.

– Это наше спасительное кодовое слово? Ладно.

В люминесцентном свете нашего кабинета Джошуа выглядит здоровым, кожа золотистая, безупречно гладкая, и это раздражает. Однако

лицо покрылось едва заметной испариной.

– Ты немного вспотел. – Я беру с его стола пачку листков для заметок и медленно ставлю на верхней отпечаток своих целующих губ. Отрываю его и прилепляю посреди экрана компьютера Джоша. – Надеюсь, ты не заболел.

Я уйду на кухню. Слышу, как у меня за спиной тихонько взвизгивают колесики его кресла.

Развейся немного.

В отсеке Дэнни все сдвинуто со своих мест и выглядит несколько хаотично. Повсюду стоят коробки для вещей, разложены стопки бумаг и папок.

– Привет!

Он вздрагивает и на авторском снимке, который он фотошопит, остается рваная серая линия. Чисто сработано, Люси.

– Прости. Мне нужно было носить на ноге бубенчик.

– Ничего, все о'кей. Привет. – Он нажимает «Отменить», «Сохранить», после чего поворачивается ко мне на стуле. Глаза его пробегают по мне вверх-вниз с быстротой молнии, прежде чем спотыкаются о подол моего платья и задерживаются там на несколько секунд.

– Привет. Я тут подумала, не изобрел ли ты чего-нибудь, с чего мы могли бы начать?

Не могу поверить, что веду себя так прямолинейно, но у меня отчаянная ситуация. На кону стоит моя гордость. Мне нужен человек, который посидит рядом со мной на барном стуле, или Джошуа обсмеет меня по полной.

По лицу Дэнни расплзается улыбка.

– У меня есть незаконченная машина времени, я мог бы показать ее тебе.

– Они не слишком сложно устроены. Я могу тебе помочь.

– Назови время и место.

– Спорт-бар на Федерал-авеню. Сегодня, в семь вечера.

– Звучит отлично. Слушай, я дам тебе свой номер. – Наши пальцы соприкасаются, когда он передает мне карточку с телефоном. Ой, ой. Что за милый мальчик! И где только он пропадал все это время?

– Увидимся вечером. Приноси, ну, эти... чертежи.

Я петляю среди отсеков в обратном направлении, поднимаюсь по лестнице на верхний этаж, мысленно присыпая руки тальком, как атлет перед подходом к снаряду.

Пора браться за работу. Плюхаюсь на свое кресло и начинаю составлять предложения, как воплотить в жизнь наше стремление сплотить коллектив. Оставляю внизу место для двух подписей, расписываюсь сама и погружаю листок в поднос для входящих документов на столе Джошуа. У него уходит два часа на то, чтобы добраться до этой бумаги. Когда долгожданный момент наступает, он тратит на чтение не больше четырех секунд, размашистым росчерком ставит подпись и не глядя кидает на свой поднос с исходящими документами. Сегодня мой коллега пребывает в каком-то странном настроении.

Соединив пальцы домиком, я начинаю игру в гляделки. Проходит минуты три, наконец Джошуа вздыхает и блокирует экран. Мы так пристально всматриваемся в глаза друг другу, что будто соединяемся в мрачной трехмерной компьютерной реальности, где нет ничего, кроме зеленых линий сетки и тишины.

– Что? Нервничаешь?

– С чего бы это?

– Из-за твоего важного свидания, Печенька. У тебя уже давненько их не было. Думаю, столько времени, сколько я тебя знаю. – Слова «важное свидание» он закавычивает, сгибая по два пальца на каждой руке. Он уверен, что все это ложь.

– Я очень разборчива.

Джошуа сцепляет пальцы так сильно, что кажется, ему должно быть больно.

– Верно.

– Тут явная нехватка подходящих мужчин.

– А вот это неверно.

– Ты подыскиваешь себе симпатичного холостяка?

– Я – нет... Заткнись!

– Ты прав. – На долю секунды опускаю глаза на его рот. – Я наконец-то нашла кое-кого в этом богом забытом месте. Мужчину моей мечты. – Я многозначительно изгибаю бровь.

Джошуа моментально проводит сопоставление с нашим утренним разговором.

– Значит, твой сон был определенно о человеке, с которым ты работаешь.

– Да. Он скоро уходит из «Б и Г», так что, вероятно, мне тоже нужно будет что-то предпринимать.

– Ты уверена в этом?

– Да. – Не могу припомнить, когда он моргал в последний раз. Глаза у

него черные и пугающие. – У тебя снова взгляд серийного убийцы. – Я встаю и забираю у него свою бумагу с предложениями. – Я сделаю тебе копию для Толстого Коротышки Дика. Ты в это дело не суйся, Джошуа. У тебя нет представления о том, как создавать команду. Оставь это эксперту.

Когда я возвращаюсь, вид у Джошуа уже не такой мрачный, но волосы растрепаны. Он берет бумагу, на которой я поставила штамп «Копия», смотрит на нее, и я вижу, в какой именно момент его осеняет идея. Это краткая остановка, какую делает лисица, как бы случайно пробегая мимо незапертых воротец курятника. Он поднимает на меня взгляд, глаза его блестят. Закусывает нижнюю губу, медлит.

– О чем бы ты ни думал, нет.

Джошуа берет ручку и пишет что-то внизу страницы. Я пытаюсь рассмотреть, но он встает и поднимает бумагу высоко вверх, так что верхний угол листа касается потолка. Рисковать становиться на цыпочки в этом платье я не стану.

– Как я мог устоять? – Он обходит свой стол и на ходу проводит большим пальцем по моему подбородку.

– Что ты сделал? – вопрошаю я его спину, а он уже входит в кабинет мистера Бексли.

Я стремительно бросаюсь к Хелен, потирая подбородок.

– Я согласна, – говорит она, откладывая документ в сторону. – Это хорошая идея. Ты видела, как гаминовцы и бексливцы садятся по отдельности на командных встречах? Я от этого устала. Мы ничего не делали как одна команда с того дня, когда планировалось слияние. Меня впечатляет, что вы с Джошуа воссоединились.

Надеюсь, мой извращенный мозг не заархивирует ее последнее замечание с пошловатым подтекстом.

– Мы стараемся сгладить наши разногласия. – В голосе ни намек на обман.

– Я поговорю с Бексли во время нашей битвы титанов в четыре часа. Какие у тебя мысли?

– Я нашла корпоративный центр отдыха в пятнадцати минутах отсюда по шоссе. Это одно из тех мест, где все стены состоят из белых учебных досок.

– Звучит дорого. – Хелен кривится.

Этого я ждала.

– Я проверила сводки. Мы не истратили бюджет, отпущенный в этом году на тренинги.

– И что же мы будем делать в этой комнате корпоративной любви?

– Я уже придумала несколько специальных заданий для сплочения коллектива. Мы будем выполнять их по круговой системе и так, чтобы составы команд все время перемешивались. Я бы хотела в этот день быть медиатором. Мне хочется покончить с этой враждой между бексливцами и гаминовцами.

– Люди терпеть не могут командные игры, – заметила Хелен.

С этим не поспоришь. Это признается за истину всеми: работники корпораций предпочтут съесть скелет крысы, чем примут участие в групповой активности. Я бы точно лучше съела. Утешаться можно только тем, что за последнее время бизнес-модели для сплочения команды сотрудников стали значительно интереснее. Так что иного нам не дано.

– Тот из участников, кто будет больше всех стараться и внесет самый значительный вклад в успех своей команды, получит приз. – Для пущего эффекта я делаю паузу. – Оплачиваемый выходной.

– Мне это нравится, – кудахчет Хелен.

– Джошуа запланировал еще что-то, – предупреждаю я, и она кивает.

Хелен вступает на арену Колизея ровно в четыре. Как обычно, я слышу крики боссов.

В пять Хелен покидает кабинет мистера Бексли. Она подходит к моему столу в состоянии крайнего раздражения и бросает через плечо:

– Джошуа. – Голос ее окрашен неприязнью.

– Миссис Паскаль, как вы? – Над его головой сияет нимб.

Она не обращает на него внимания:

– Дорогая, мне очень жаль. Жребий выпал не мне. Мы выбрали идею Джоша по тимбилдингу. Как называется эта штука? Пейнтбол?

Господи Иисусе, нет!

– Но этого не было в рекомендациях. Кому и знать, как не мне. Я ведь сама их составляла.

Джошуа едва сдерживает улыбку. Она слабо мерцает на его лице, как голограмма. Вибрирует внутри и волнами распространяется во все стороны.

– Я взял на себя смелость предложить мистеру Бексли альтернативу. Игру в пейнтбол. Это занятие уже доказало свою эффективность в качестве инструмента для сплочения коллектива. Свежий воздух, физическая нагрузка...

– Травмы и страховочные выплаты, – возражает Хелен. – Стоимость.

– Люди с радостью выложат по двадцать долларов из своего кармана за возможность подстрелить коллегу шариком с краской, – убеждает ее Джошуа, поглядывая на меня. – Это не будет стоить компании ни цента.

Они все подпишут отказ от претензий в случае травмы. Мы разделимся на команды.

– Дорогой, как это поможет сплочению коллектива, если мы разделим сотрудников и вооружим их пистолетами с краской?

Пока они спорят фальшиво вежливыми голосами, я закипаю. Он похитил мою корпоративную инициативу и свел ее к ребяческому, элементарному уровню. На такое способен только бексливец.

– Возможно, мы увидим примеры неожиданных союзов, – отвечает Джошуа.

– В таком случае я хочу увидеть в паре вас двоих, – лукаво говорит Хелен, и я готова ее обнять. Он не сможет подстрелить своего товарища по команде.

– Я и говорю, неожиданные союзы. Но не будем излишне волновать Люсинду перед ее горячим свиданием.

– О, это правда, Люси? – Хелен постукивает пальцами по моему столу. – Свидание. Буду ждать подробного отчета утром, дорогая. И можешь прийти попозже, если хочешь. Ты слишком много работаешь. Развейся немного.

Глава 6

В половине седьмого у меня начинается зуд в коленках.

– Ты не опоздаешь?

– Не твое дело.

Черт побери, уберется когда-нибудь этот Джошуа?! Он провел на работе уже одиннадцать часов и все равно выглядит свежим, как ромашка. Мне уже хочется повалиться на диван вниз лицом.

– Ты разве не говорила, что в семь? Как ты доберешься?

– На такси.

– Я тоже еду туда. И подвезу тебя. Я настаиваю.

Во время этого короткого разговора на лице Джошуа написано, что он от души забавляется. Он ждет меня, чтобы поймать на лжи. Приятно чувствовать, что у меня есть такой туз в рукаве, как Дэнни.

– Отлично! Давай! – Моя ярость по поводу похищения идей для тимбилдинга перегорела, остался лишь пепел. Все постепенно, спиральным вихрем выходит из-под контроля.

Я отправляюсь в дамскую комнату с косметичкой в руке. Мои шаги эхом разносятся по пустому коридору. У меня уже давно не было свиданий. Я слишком занята. Работа, ненависть к Джошуа Темплману и сон занимают все мое время, ни на что другое его не остается.

Джошуа не может поверить, что кто-нибудь добровольно согласится провести время в моем обществе. Для него я всего лишь несносная маленькая мегера. Осторожно рисую кошачьи стрелки. Стираю помаду, пока не остается только слабый налет. Брызгаю духами под лифчик, подмигиваю самой себе и произношу несколько подбадривающих фраз.

В кармашке косметички у меня лежит пара длинных серег. Достая их и вдеваю в уши. Из офиса на вечеринку, как в статьях из глянцевого журналов. Поправляя бюстгальтер, я выхожу из туалета и наталкиваюсь на Джошуа. У него в руках мои пальто и сумочка. От соприкосновения с его телом меня пробирает дрожь.

Джошуа как-то странно смотрит на меня:

– Зачем ты все это затеяла?

– Ой, спасибо. – Я протягиваю руку, и он вешает на нее мою сумочку. Продолжая держать мое пальто, нажимает на кнопку лифта. – Значит, я увижу твою машину.

Я стараюсь разбавить болтовней тишину. Мысль о том, что мы

окажемся одни в тесном пространстве, гораздо больше задевает нервы, чем встреча с Дэнни. Мы с мистером Темплманом хотя бы сидели раньше рядом друг с другом? Сомневаюсь.

– Я давно пыталась ее себе представить. Думала, это «фольксваген-жук». Белый, с пятнами ржавчины, как старичок «херби» из диснеевских мультиков.

– Еще версии? – Джош лениво обнимает мое пальто. Его пальцы теребят обшлаг рукава.

На фоне его тела мое пальто выглядит детским пиджачком. Мне становится жалко это бедное пальтишко. Я протягиваю к нему руку, но Джошуа игнорирует мой жест.

– «Мини-купер» начала тысяча девятьсот восьмидесятых. Зеленый, как Кермит^[4], сиденье не отодвигается назад, так что колени находятся с обеих сторон от руля.

– У тебя довольно живое воображение. Ты едешь на «хонде-аккорд» две тысячи третьего года. Серебристой. Внутри кавардак. Хронические проблемы с коробкой передач. Если бы это была лошадь, ты бы ее пристрелила.

Двери лифта открываются, и я осторожно ступаю внутрь.

– Ты лучший разоблачитель, чем я. – Я чувствую холодок страха, видя, как большим пальцем Джошуа нажимает на кнопку подземного этажа.

Джошуа смотрит на меня сверху вниз, глаза его темны, взгляд напряженный. Он явно что-то замышляет.

Может, он меня пристукнет там, внизу. Дни мои закончатся в мусорном контейнере. Следователи увидят мои сетчатые колготки, обильный макияж и придут к заключению, что я шлюха. Они пойдут по ложному следу и проверят все неправильные версии. Тем временем Джошуа преспокойно вытравит следы моей ДНК со своих ботинок и приготовит себе сэндвич.

– Глаза серийного убийцы. – Лучше бы мои слова не звучали так испуганно. Джошуа смотрит поверх моего плеча на свое отражение в стенке лифта:

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. У тебя самой взгляд возбужденный. – Палец Джошуа висит и драматически описывает спираль над панелью с кнопками.

– Нет, это у меня взгляд серийного убийцы.

Джошуа делает глубокий вдох и нажимает кнопку аварийной остановки. Лифт вздрагивает и замирает.

– Пожалуйста, не убивай меня. Тут, наверное, есть камера. – Я делаю

шаг назад, готовясь обороняться.

– Сомневаюсь.

Он нависает надо мной. Воздевает вверх руки, а я начинаю поднимать свои, чтобы защитить лицо, как будто играю в самом отстойном фильме ужасов, какие люди смотрят в открытых кинотеатрах, не вылезая из своих тачек. Вот оно. Этот парень хочет придушить меня. Он спятил.

Джошуа сгребает меня в охапку, приподнимает и подсаживает на поручень, который я раньше не замечала. Мои руки падают ему на плечи, а платье задирается до самого верха бедер. Когда он опускает взгляд, в его дыхании появляется хрип, словно я вправду его душу.

– Поставь меня вниз. Это не смешно.

Мои ступни бестолково рисуют в воздухе спиральки. Это не первый раз, когда большой ребенок наваливается на меня всем своим весом. Однажды в третьем классе Маркус Дюшей закинул меня на капот машины директора школы и со смехом убежал. Это проклятие маленьких людей. Нам трудно сохранять достоинство в этом мире гигантов.

– Побудь здесь со мной секундочку.

– Да для чего? – Я пытаюсь соскользнуть с поручня, но Джошуа крепко держит меня руками за талию и прижимает к стенке лифта. Я вцепляюсь руками в его плечи и прихожу к компетентному мнению, что у этого парня крепкие мышцы, спрятанные под рубашками в духе Кларка Кента.

– Черт возьми! – Его ключица под моими ладонями похожа на лом. Я говорю единственное, что приходит в голову, но это идиотизм: – Мышцы. Кости.

– Спасибо.

Мы оба тяжело дышим. Для равновесия упираюсь в Джошуа ногой, и его ладонь обхватывает мою икру.

Когда он кладет руку мне на шею и отклоняет назад мою голову, я жду: вот сейчас он начнет душить. В любой момент его теплая длань сожмется, и я начну умирать. Нос к носу. Дышим в лицо друг другу. Один из его пальцев – у меня за мочкой уха, и я вздрагиваю от поглаживания.

– Печенька... – (Нежное слово растворяется в воздухе, и я сглатываю.) – Я не собираюсь убивать тебя. Ты так все драматизируешь.

Потом он мягко прикасается губами к моим губам.

Ни один из нас не закрывает глаз. Мы смотрим друг на друга, как обычно, только с более близкого расстояния. Его радужки обведены темно-синим кружком. Ресницы опускаются, и он глядит на меня с выражением как будто возмущенным.

Слегка прикусывает зубами мою нижнюю губу, по телу ползут мурашки. Соски набухают. Пальцы ног в туфлях поджимаются. Нечаянно я касаюсь его языком, проверяя, нет ли повреждений, хотя губе не больно. Укус был слишком нежный, слишком осторожный. Мой мозг безнадежно силится найти объяснение происходящему, а тело начинает цепляться за Джошуа и устраиваться поудобнее.

Когда он снова склоняется ко мне и начинает водить по моим губам своими, будто уговаривая приоткрыть их, до меня наконец доходит.

Джошуа. Темплман. Целует. Меня.

На несколько секунд я замираю. Кажется, я забыла, как целоваться. Прошло так много времени с той поры, когда это было для меня ежедневным занятием. Судя по всему, Джошуа не удивлен, он объясняет правила губами.

Игра в поцелуи происходит вот так, Печенька. Надави, расслабься, отклонись, вдохни, повтори. Используй руки, чтобы подправить угол. Разминайся, пока не добьешься медленного влажного скольжения. Слышишь, как стучит кровь в ушах? Выживай на маленьких глотках воздуха. Не останавливайся. Даже не думай об этом. Прерывисто вдохни, отстранись, пусть твой партнер ловит тебя губами или зубами, расслабь спину и приготовься к чему-то более глубокому. Более влажному. Почувствуй, как твои нервные окончания с электрическим треском оживают от каждого прикосновения языка. Почувствуй тяжесть между ног.

Цель игры – заниматься этим до конца жизни. Наплюй на человеческую цивилизацию и все ее ограничения. Лифт сейчас – дом. Вот чем мы тут занимаемся.

Только не останавливайся.

Он испытывает меня и чуть-чуть отстраняется. Главнейшее правило нарушено. Притягиваю его рот к своему, сжав руки в кулаки у него на загривке. Я учусь быстро, а он прекрасный учитель.

На вкус Джошуа как мятные драже, которыми он вечно хрустит. Кто жует мяту? Я однажды попробовала и чуть не прожгла язык. Он делает это мне назло, в глазах его мелькает искра веселья, когда я раздраженно фыркаю. В отместку я кусаю его, и он – нет чтобы отпрянуть, льнет ко мне, тело напряжено, и от него ко мне течет тепло через все точки соприкосновения. Наши зубы клацают друг о друга.

Какого черта, что происходит? – беззвучно спрашиваю я поцелуем.

Молчи, Печенька. Я тебя ненавижу.

Если бы мы были киноактеры, то бились бы о стенки лифта, пуговицы

разлетались бы по сторонам, сеточка моих колготок оказалась бы порванной в клочья, а туфли свалились бы с ног. Но наш поцелуй декадентский. Мы прислонились к залитой солнцем стене, сонно вылизываем из рожков мороженое и быстро падаем жертвами теплового удара и абсурдных галлюцинаций.

Давай придвигайся ближе, оно тает. Лизни мое, а я лизну твое.

Сила тяжести хватает меня за лодыжку и начинает стаскивать с поручня. Джошуа приподнимает меня, подсунув руку под мои бедра. Наши рты ненадолго расцепились, и я недовольно рычу. *Скорее возвращайся, нарушитель правил.* Он достаточно умен, чтобы слушаться. В ответ слышится что-то вроде «у-гу». Такой довольный звук вырывается у людей в тот момент, когда они неожиданно обнаруживают что-то приятное, будто говоря самим себе «иначе и быть не могло». Губы Джошуа изгибаются, и я прикасаюсь к его лицу. Впервые он улыбается в моем присутствии, и эта его улыбка прижата к моим губам. Я в восторге откидываю голову назад, и в одну миллисекунду лицо Джошуа снова становится по умолчанию мрачным и серьезным, хотя и пылает краской.

Из переговорного устройства лифта раздается резкое шипение, и мы оба вздрагиваем, когда тоненький голос, кхекнув, произносит:

– У вас там все в порядке?

Мы замираем, как в сценке «Пойманные с поличным». Джошуа реагирует первым, наклоняется и нажимает клавишу голосовой связи:

– Задели кнопку. – Он медленно ставит меня на пол и отходит на несколько шагов назад.

Я опираюсь на поручень локтем, ноги у меня разъезжаются, как на роликах.

– Что это было? – сипло выдыхаю я.

– Подземный этаж, пожалуйста.

– Ладно.

Лифт спускается вниз фута на три, и двери открываются. Если бы он подождал еще полсекунды, этого бы никогда не случилось. Мое пальто комом валяется на полу, Джош поднимает его и отряхивает на удивление заботливо.

– Пошли.

Он выходит не оглядываясь. Серьги зацепились за волосы, спутанные его руками. Ищу выход. Его нет. Двери лифта задвигаются у меня за спиной. Джошуа открывает навороченный черный спортивный автомобиль, и, когда я оказываюсь у дверцы со стороны пассажирского сиденья, мы смотрим друг на друга. Глаза у меня как яичница-глазунья. Джошуа

приходится отвернуться, чтобы я не увидела, как он смеется. Я замечаю отражение его белых зубов в боковом зеркале стоящего рядом микроавтобуса.

– О нет же, – протягивает Джошуа, поворачиваясь обратно, и проводит рукой по лицу, стирая с него улыбку. – Я травмировал тебя.

– Что... что...

– Поедем.

Мне хочется умчаться прочь, но ноги не поддерживают эту идею.

– Не думай об этом, – говорит Джошуа.

Я залезаю в машину и почти теряю сознание. Запах хозяина здесь очень интенсивен, прожарен солнцем, заморожен снегом, запечатан и спрессован внутри салона из стекла и металла. Я принохиваюсь, как профессиональный парфюмер. Верхние ноты – мята, горький кофе и хлопок. Средние – черный перец и сосна. Базовые – кожа и кедр. Кашемировая роскошь. Если так пахнет его машина, вообразите, какой аромат у него в постели. Отличная идея! Представь-ка его кровать.

Джошуа залезает в машину, бросает мое пальто на заднее сиденье, я кошусь на его колени. Вот черт! Отвожу взгляд. Что бы у него там ни было, это впечатляет, так что глаза мои помимо воли скользят обратно.

– Ты обмерла от шока, – говорит он с укором, как школьный учитель.

Я прерывисто дышу, он поворачивается ко мне, глаза ядовито-черные. Поднимает руку, и я вжимаюсь в сиденье. Он хмурится, замирает, потом аккуратно поправляет ближайшую к нему сережку в моем ухе.

– Я думала, ты собираешься убить меня.

– Мне все еще хочется это сделать. – Он дотягивается до второй сережки, внутренняя сторона его запястья достаточно близко, легко можно вцепиться зубами. Джошуа аккуратно распутывает прядь волос, зацепившуюся за сережку, пока не приводит все в порядок. – Так хочется. Ты даже не представляешь.

Он заводит машину, сдает назад и выруливает из гаража, как будто ничего не случилось.

– Нам нужно об этом поговорить. – Голос у меня грубый и как будто грязный.

Пальцы Джошуа обхватывают руль.

– Кажется, момент подходящий.

– Но ты целовал меня. Зачем ты это сделал?

– Мне нужно было проверить теорию, которая созрела у меня некоторое время назад. И ты на самом деле целовала меня в ответ.

Я корчусь на сиденье, впереди загораются красный. Джошуа

останавливает машину и окидывает взглядом мои губы и бедра.

– У тебя созрела теория? Больше похоже, что ты пытался смутить меня перед свиданием. – Машины позади сигналият, и я оглядываюсь через плечо. – Трогай.

– А-а, верно, твое свидание. Твое воображаемое фальшивое свидание.

– Оно не воображаемое. Я встречаюсь с Дэнни Флетчером из отдела дизайна.

Выражение шока от удивления на лице Джошуа восхитительно. Я бы хотела, чтобы какой-нибудь живописец запечатлел этот момент в масле и я могла завещать портрет будущим поколениям. Он был бы просто бесценен.

Машины начинают объезжать нас с обеих сторон, гудки блеют и воют. Череду обычных на дороге ругательств выводит Джошуа из ступора.

– Что? – Он наконец замечает зеленый свет и резко дает по газам, потом притормаживает, чтобы не врезаться в машину, которая едет перед нами и сворачивает на боковую дорогу. Джошуа вытирает рот одной рукой. Я никогда еще не видела его таким взволнованным.

– Дэнни Флетчер. Я встречаюсь с ним через десять минут. Вот куда ты меня везешь. Что с тобой?

Несколько кварталов мы проезжаем в молчании. Я упрямо смотрю на свои руки, а думать способна только о его языке у меня во рту. У меня во рту. Прикидываю, что в истории человечества, наверное, было не меньше десяти миллиардов поцелуев в лифтах. Ненавижу, что мы действовали по тому же клише.

– Ты думал, я лгала? – Ну что ж, технически я врала, но только поначалу.

– Я всегда считаю, что ты врешь. – Джошуа сердито ворочает рулем и перестраивается на другую полосу. Над ним собирается зловещая грозовая туча гнева.

Ненавидеть кого-нибудь утомительно. Это факт. Каждый удар пульса в венах приближает меня к смерти. Я трачу эти скоротечные мгновения жизни с человеком, который искренне презирает меня.

Прикрываю веки, чтобы снова вспомнить. *Я вся на нервах, взгромождаю коробку на свой стол в только что отремонтированном здании «Б и Г», на десятом этаже. У окна стоит мужчина, он смотрит на вереницы машин. Раннее утро. Он поворачивается, и мы первый раз встречаемся взглядами.*

Никогда больше у меня не будет такого поцелуя, как этот, во всю оставшуюся жизнь.

– Мне хотелось бы, чтобы мы могли стать друзьями, – вдруг

произношу я громко.

Я так долго держала эти слова в себе, что создается впечатление, будто я метнула гранату. Джош совсем притих, может, он вообще меня не слышал. Но потом он бросает на меня взгляд, полный такого высокомерия, что я чувствую, как внутри у меня болезненно сжимаются все внутренности.

– Мы никогда не будем друзьями. – Он произносит «друзьями», как будто говорит о чем-то презренно-жалком и ничтожном.

Когда Джошуа притормаживает перед входом в бар, я выскакиваю наружу и убегаю, пока машина еще не успела полностью остановиться. Слышу раздраженный оклик. Отмечаю, что он называет меня Люси.

Вижу у стойки бара Дэнни. Между пальцами у него болтается бутылка пива. Провинчиваюсь сквозь толпу и падаю в его объятия. Бедняга Дэнни! Как настоящий джентльмен, он явился заранее, даже не подозревая, с какой сумасшедшей женщиной согласился провести вечер.

– Привет! – Дэнни рад. – Ты это сделала.

– Конечно! – Я выдавливаю из себя робкий смешок. – Мне нужно выпить после такого дня.

Как жокей, оседлываю барный стул. Дэнни делает знак бармену. На большом экране, который висит на стене над баром, машут одинаковые бейсбольные биты. Ощущение губ Джошуа на моих губах не проходит, и я прикасаюсь к ним кончиками пальцев.

– Большой джин с тоником. Самый большой, пожалуйста.

Бармен послушно выполняет заказ. Я выпиваю залпом половину стакана и даже немного проливаю – течет по подбородку. Облизываю уголки рта, продолжая ощущать вкус Джошуа. Дэнни ловит мой взгляд, когда я опускаю стакан.

– Все в порядке? Думаю, тебе стоит рассказать мне, как прошел день.

Я всматриваюсь в него. Дэнни переделся в темные джинсы и симпатичную клетчатую рубашку с пуговицами. Мне приятно, что он потрудился сходить домой и сменить костюм ради меня.

– Ты хорошо выглядишь, – честно говорю ему я, и в его глазах вспыхивают искорки.

– А ты выглядишь великолепно, – доверительным тоном сообщает Дэнни.

Он опирается локтем на барную стойку, лицо у него открытое и совершенно беззлобное, в нем нет ничего зловещего или устрашающего. В груди у меня пузырятся какие-то странные эмоции.

– Что? – Я вытираю подбородок.

Этот мужчина смотрит на меня без ненависти. Необычно.

– Я не мог сказать тебе этого на работе. Но я всегда считал тебя самой красивой девушкой.

– О, ну... – Вероятно, я краснею до ушей и точно чувствую, как перехватило горло.

– Ты не привыкла к комплиментам.

– Я нечасто их получаю.

Это истинная правда. Дэнни смеется:

– Ну конечно!

– Серьезно. Разве что от мамы с папой по скайпу.

– Ну что ж, придется мне изменить эту ситуацию. Расскажи о себе.

– Я работаю на Хелен, как ты знаешь, – неуверенно начинаю я.

Он кивает, губы его вздрагивают.

– Что еще сказать.

Дэнни улыбается, и я едва не опрокидываюсь назад со своего стула. Я так замкнута, что почти не способна разговаривать с нормальными людьми. Лучше бы мне сейчас лежать дома на диване, завалив голову подушками.

– Да, но мне интересно узнать о тебе. Как ты развлекаешься? Откуда твоя семья?

Лицо у него такое бесхитростное. Он напоминает ребенка, не испорченного этим миром.

– Я, пожалуй, сначала схожу освежусь. А то пришла прямо с работы.

Я заглатываю остаток джина. Вкус отбивает непреходящая мята на моем языке.

Дэнни кивает, и я, как пчела, кратчайшим путем лечу в уборную. Прислоняюсь к стене, не заходя внутрь, достаю салфетку, заткнутую спереди под лифчик, и прижимаю ее к уголкам глаз. *Выглядишь великолепно.*

Коридор затмевает чья-то тень. Я знаю, что это Джошуа. Даже самым краем глаза я скорее опознаю его фигуру, чем собственную тень. В руках у него пальто, которое я оставила на заднем сиденье в его машине.

Меня вдруг разбирает смех, и я хохочу, пока из глаз не начинают литься слезы, безжалостно размывая макияж.

– Убирайся, – говорю я ему, но он вместо этого подходит ближе. Берет меня за подбородок и вглядывается в мое лицо.

Память о поцелуе облачком парит между нами, и я не могу взглянуть ему в глаза. Помню свой стон, глухо отозвавшийся у него во рту. Какое унижение!

– Не надо. – Я отмахиваюсь от него.

– Ты плачешь.

Обхватываю себя за плечи.

– Нет, я не плачу. Зачем ты здесь?

– Парковка в этом районе – ночной кошмар. Твое пальто.

– Ах, мое пальто. Ну конечно. Что же еще! Я сегодня слишком устала, чтобы биться с тобой. Ты победил. – Он смотрит на меня с недоумением, поэтому я поясняю: – Ты видел меня смеющейся и плачущей. Ты вынудил меня поцеловать тебя, когда мне следовало бы треснуть по твоей наглой физиономии. У тебя выдался хороший день. Иди смотри игру и лопай крендельки.

– Ты думаешь, я борюсь за такие награды? Увидеть тебя плачущей? – Он качает головой. – Это совсем не так.

– Конечно так. А теперь иди, – говорю я более настойчиво.

Он пятится и прислоняется к противоположной стене:

– Почему ты прячешься здесь? Разве не лучше тебе быть там и очаровывать своего поклонника по самое дальше некуда? – Джошуа смотрит в сторону бара и трет руками лицо.

– Мне нужно было собраться. Это не так-то просто, поверь.

– Уверен, у тебя не будет проблем.

В его голосе нет сарказма. Я вытираю слезы и смотрю на салфетку. На ней осталась тушь. Глубоко, прерывисто вздыхаю.

– Ты выглядишь отлично. – Более приятных слов я от него ни разу не слышала.

Начинаю ощупывать рукой стену в поисках портала в другое измерение или по крайней мере двери в дамскую комнату. Все, что угодно, лишь бы скрыться от него. Он зарывается рукой в волосы, лицо искажено от смятения.

– Ладно, я не должен был целовать тебя. Это было чертовски глупо с моей стороны. Если хочешь сообщить кадровикам...

– Тебя это волнует? Не настрою ли я жалобу в отдел кадров? – Я повышаю голос, так что хозяева бара оборачиваются в нашу сторону. Глубоко вдыхаю и начинаю говорить гораздо тише: – Ты совершенно растоптал меня, я даже не могу справиться с собой, когда мужчина говорит мне, что я прекрасна. – (По лицу Джошуа распространяется уныние.) – Вот почему я плачу. Потому что Дэнни сказал мне, что я прекрасная девушка, а я чуть не упала со стула. Ты разрушил меня.

– Я... – начинает фразу Джошуа, но не может продолжить. – Люси, я...

– Больше ты со мной ничего не можешь сделать. Сегодня ты выиграл.

У него такое лицо, будто я ударила его. Тень Джошуа удаляется по

коридору, и вот его нет.

Глава 7

Утром звоню Хелен и говорю, что похмелья у меня нет, но есть личные проблемы и я немного задержусь. Она проявляет понимание и советует мне отдохнуть и взять отгул.

– Отдохни и доделай свою заявку, потому что, дорогая, завтра она должна быть готова.

Я скучаю по сегодняшней бледно-желтой рубашке. Это цвет стен детской, когда пол еще не рожденного ребенка – сюрприз для родителей. Это цвет моей трусливой души.

Вчера вечером, после того как Джошуа ускользнул от меня с лицом, омраченным чувством вины и сожалением, я привела себя в порядок и вернулась к Дэнни спасать вечер. У нас с ним есть кое-что общее. Его родители завели ферму для развлечения, так что рассказ о том, как я росла среди грядок с клубникой не вызвал обычной порции веселого, покровительственного пренебрежения.

Такой оборот придал мне смелости, и я задержалась на этой теме дольше обычного. Мы обменялись историями о жизни на ферме. Я наблюдала за лицом Дэнни, выражения сменялись на нем, проплывая легкими облачками. Мы просидели в баре несколько часов, смеялись, будто старые приятели, которым уютно вместе, как паре домашних тапочек.

Я должна быть счастливой и испытывать восторг. Мне нужно вылизывать свою заявку на работу. Надо подумать о следующем свидании. Но заканчиваю я вечер тем, чего делать не следовало: лежу в кровати с закрытыми глазами и проигрываю в голове поцелуй.

Печенька, если бы мы флиртовали, ты бы знала об этом.

Может, он забыл, что я Люсинда Хаттон, радующая людей Клубничная Печенька, и я для него трансформировалась во что-то другое? Замкнутое пространство, непривычный макияж, короткое платье и свежий парфюм. В мгновение безумия, которое длилось на протяжении спуска с десятого этажа в подземный, я превратилась для него в объект вожделения. И он определенно принадлежал мне.

Мне нужно было проверить теорию, которая созрела у меня некоторое время назад. Какая теория? Какое-то время назад – это сколько? Если я была объектом некоего эксперимента на людях, он мог бы соблюсти приличия и познакомить меня со своими заключениями.

Стоит мне вспомнить о том, как он тихонько прикусил мою нижнюю

губу, и между ног у меня начинается какое-то трепетание. Когда я думаю о его руке на своих бедрах, тянет положить ладонь на то место, в которое впечатались растопыренные пальцы Джоша, и ощупать его. А крепость тела? На несколько секунд я перестаю дышать. Интересно, какой я показалась ему на вкус. А на ощупь?

Я шатаюсь по дому в пижаме, уже три часа дня, истекает срок для подачи заявки, и это меня парализует. Вдруг меня пугает звонок в дверь. Первая мысль: это Джошуа пришел утащить меня на работу. Вместо этого за дверью обнаруживается человек из службы доставки цветов. Огромный букет розовых, как губная помада, роз. Вскрываю маленький конвертик, на карточке три слова: «Ты всегда прекрасна».

Подписи нет, но она не нужна. Без труда представляю себе, как теплеет лицо Джанет, когда она передает Дэнни бумажку с моим адресом и бормочет: «Я тебе его не давала». Даже кадровички нарушают правила ради любви.

Пишу ему сообщение:

Спасибо тебе большое!

Он отвечает почти мгновенно:

Я прекрасно провел время. Хотел бы увидеться с тобой еще раз.

Отвечаю:

Неприменно.

Я стою, уперев руки в бедра, и смотрю на цветы. Лучшего времени для подпитки эго не придумаешь. Поворачиваюсь к компьютеру. Эта работа будет моей. А Джошуа уйдет.

– Пора покончить с этим.

Входя в кабинет в пятницу, вижу краем глаза огромное горчичное пятно. Вешаю пальто и сразу отправляюсь в кабинет Хелен. Хоть раз она пришла рано. Я готова обхватить ее руками и крепко сжать в объятиях.

– Я здесь, – говорю я, и она делает мне знак, мол, входи, и я закрываю за собой дверь.

– Подала? – (Я киваю.) – Джошуа тоже. И еще два внешних

соискателя. Как прошло свидание? Ты в порядке?

Хелен всегда образец хладнокровия. Сегодня на ней блейзер поверх футболки из чистого шелка, убранной внутрь юбки. Хелен не носит ничего такого простого, как хлопок. Надеюсь, после смерти она завещает мне свой гардероб.

Я опускаюсь на стул:

– Все прошло хорошо. Я была с Дэнни Флетчером из отдела дизайна. Надеюсь, с этим сложностей не предвидится. Он уходит от нас на следующей неделе, будет фрилансить.

– Жаль. Он хорошо работает. Не вижу проблем в том, что вы встречаетесь.

В голове всплывает поцелуй с Джошуа в лифте. Вот это действительно проблема.

– Но что-то случилось, – догадывается Хелен.

– Мы с Джошуа крупно поссорились перед свиданием, и это меня смущает. Проснулась сама не своя. Как будто, если войду сюда, нас обоих, утопающих в крови, увезут на каталках санитары.

Хелен задумчиво меня рассматривает:

– Из-за чего вы поссорились?

Может, это не лучшая идея – обсуждать мои личные проблемы с Хелен. Я совершенно непрофессиональна. Щеки у меня начинают пылать, а когда я не могу придумать, что соврать, то выдаю информацию в урезанном виде:

– Он думал, что я вру про свидание. Такая я неудачница.

– Интересно, – медленно произносит Хелен. – Ты подумала об этом хорошенько?

Я пожимаю плечами. Да уж, я так подумала, что почти довела себя до бессонницы.

– Меня расстраивает, что я позволяю ему давить на мои больные точки. Вы даже не представляете, как это тяжело – сидеть напротив него и постоянно выдерживать атаки.

– Кое-какое представление об этом я имею. Это называется балансированием на грани войны, дорогая. – Она тычет большим пальцем в стену.

Хелен именно тот человек, которому можно довериться. За стеной у нее – мистер Бексли, строит замыслы уничтожения противницы. Она смотрит туда же, куда и я. Мы слышим слабый звук сморкания, фырканье и какое-то ворчание.

– С чего он решил, что ты лжешь? И почему это тебя так

расстраивает? – Хелен рисует завитушки в своем блокноте, чем слегка гипнотизирует меня. Сейчас она выступает в роли психотерапевта.

– Он думает, что я предмет для шуток. Всегда смеется над занятиями моих родителей. Уверена, он потешается и над школой, где я училась. Над моей одеждой. Ростом. Лицом. – Хелен терпеливо кивает, следя за тем, как я пытаюсь облечь в слова свои путанные мысли. – Мне неприятно, что он так обо мне думает. Это сбивает меня. Я просто хочу, чтобы он меня уважал.

– Ты заслужила репутацию располагающего к себе, отзывчивого человека, – поддерживает меня Хелен. – Ты всем нравишься. Он единственный, кто упирается.

– Он существует ради того, чтобы сжить меня со свету. – Может быть, я немного драматизирую.

– А ты – его, – замечает Хелен.

– Да. И мне не хочется быть такой.

– Не общайся с ним сегодня. Ты можешь на несколько дней занять пустой кабинет на третьем этаже. Мы переведем звонки туда.

Я качаю головой:

– Соблазнительно, но нет. Я с этим справлюсь. Займусь составлением квартального отчета и буду сдерживаться.

Я все еще помню вкус его губ. Я втягивала в себя его горячее дыхание, пока мои легкие не наполнились им. Его воздух был в моем теле. За пару минут он научил меня тому, чего я не узнала за всю свою жизнь. Забыть, что он существует, будет для меня испытанием, но вся эта работа – сплошные испытания.

Тихо прикрываю дверь кабинета Хелен и собираюсь с духом. Поворачиваюсь. Вот и он, сгорбился над своим столом.

– Привет, – получаю я робкое приветствие.

– Здравствуй, – отвечаю я сухо и цокаю шпильками к своему столу.

Его следующая фраза меня изумляет.

– Прости меня. Я очень, очень виноват, Люси.

Я ему верю. Воспоминание о смятении, написанном на лице Джошуа, когда он отшатнулся от меня в баре, две ночи почти не давало мне уснуть. Теперь настал момент восстановить статус-кво. Я могла бы наорать на него, он бы облаял меня в ответ. Но я не хочу быть такой.

– Я верю твоим словам.

Мы оба готовы заулыбаться и смотрим на губы друг друга. Призрак поцелуя брезжит между нами.

Джошуа сегодня не так безупречен, как обычно. Слегка помят –

вероятно, плохо спал пару ночей. Галстук повязан небрежно, на щеках тень легкой поросли. Волосы не причесаны, с одного бока рогом торчит непослушный вихор. Он сегодня практически гаминовец. Выглядит божественно и смотрит на меня с воспоминанием в глазах.

Мне хочется бежать, пока ноги не подкосятся. Смести все рукой с его стола. Я чувствую прикосновение одежды к коже. Вот какие ощущения вызывает у меня взгляд Джошуа.

– Давай сложим оружие, а? – Он поднимает руки, чтобы показать: они пусты. Кисти у него большие – легко обхватят мои лодыжки. Я сглатываю.

Дабы скрыть неловкость, я изображаю, что вынимаю из кармана пистолет и отбрасываю его в сторону. Джош забирается в воображаемую заплечную кобуру, достает из нее оружие и кладет на свой ежедневник. Я извлекаю из невидимых ножен на бедре кинжал.

– Все. – Я указываю под стол. Джошуа опускает руку к лодыжке и притворяется, будто вытаскивает из ножной кобуры револьвер. – Так-то лучше. – Я откидываюсь на спинку кресла и закрываю глаза.

– Ты очень странная, Печенька. – Голос у него не злой. Я с натугой разлепляю веки, и игра в гляделки едва не убивает меня. Глаза у Джоша синие, как грудь павлина. Все меняется. – Ты собираешься жаловаться на меня кадровикам?

У меня в груди что-то болезненно схлопывается. Так вот почему он так дерьмово выглядит. Вчера у него был адский денек – предвкушал, как его выведут из здания под белы ручки при моем появлении. Вид моего пустующего стола, должно быть, внушал ему ужас. Он сидел и представлял, как его швырнут в камеру за то, что обижал хрупкую женщину. Теперь все ясно. Ну и глупа же я.

– Нет. Но давай больше никогда не будем упоминать об... этом? – Слова звучат с легкой хрипотцой. Я спускаю Джоша с крючка, вместо того чтобы изводить пугающей перспективой. Еще один шаг к тому, чтобы быть человеком, который мне нравится. Тем не менее Джошуа хмурится, как будто он глубоко оскорблен.

– Ты этого хочешь?

Киваю, но какая же я маленькая лгунья. *Все, чего я хочу, – это целовать тебя, пока не засну. Я хочу забраться к тебе под одеяло и узнать, что творится в твоей голове и у тебя под одеждой. Пусть даже при этом я буду выглядеть полной дурой.*

Дверь в кабинет мистера Бексли открыта, а потому я говорю как можно тише:

– Это сводит меня с ума.

Джошуа понимает, что я не выдумываю. В глазах у меня застыло отчаяние. Он кивает, как будто нажимает на клавиши «Выделить все» и «Удалить». Поцелуя не было.

Молю: пусть что-нибудь случится и эта сцена завершится. Противопожарные учения. Или звонок от Джули, которая скажет, что больше никогда не сможет выполнить задание к сроку. Не я одна молюсь об обрушении перекрытий.

– Как прошло... свидание? – Голос у Джошуа тихий, костяшки пальцев побелели. Быть обходительным со мной – это стоит ему немалых усилий.

– Хорошо. У нас много общего.

Я безуспешно пытаюсь вывести компьютер из спячки.

– Вы оба невероятно маленькие. – Джошуа хмурится, глядя на свой монитор, будто ему никогда не доводилось участвовать в более неприятной беседе. Проявлять дружелюбие ко мне без натуги пока не получается.

– Он даже не стал подшучивать надо мной из-за клубники. Дэнни... он... милый. Он мне подходит. – Больше я ничего не могу придумать.

– Значит, милый – это то, чего тебе хочется?

– Этого все хотят. Родители годами упрашивают меня найти себе какого-нибудь милого парня. – Я стараюсь говорить без напряжения, но внутри затеплился огонек надежды. Мы разговариваем как друзья.

– А мистер Милый Парень отвез тебя домой?

Я понимаю, о чем он спрашивает.

– Нет. Я вызвала такси. Сама.

Джошуа тяжело вздыхает. В изнеможении трет руками лицо, потом смотрит на меня сквозь пальцы:

– Во что нам теперь играть?

– Как насчет игры в нормальных коллег? Или можем поиграть в дружбу. Я умирала от желания попробовать обе игры. – Поднимаю взгляд и перестаю дышать.

Джошуа сидит прямо и сердито смотрит на меня:

– Обе будут пустой тратой времени, ты так не считаешь?

– Что ж, жаль. – Если бы я сказала это с сарказмом, он бы не понял серьезности моих слов.

Джошуа открывает ежедневник, в руке карандаш, делает пометку за пометкой. Я только успеваю моргать, а потом отворачиваюсь к своему компьютеру. Сил больше нет переживать из-за его проклятого ежедневника. Карандаш Джошуа, мои шпионские эксперименты. Всеу конец, прямо сейчас. Все это было пустой тратой времени.

Уверяю себя, что надо радоваться.

Сегодня восхитительный день черной футболки. Напишу об этом в дневнике. Поведу своим внукам. Отрываю от нее взгляд, но через мгновение глаза сами собой тянутся обратно. Под этой футболкой – тело, от которого затуманятся очки пожилой библиотекарши. Думаю, нижнее белье скатывается с меня, завиваясь, как горящая бумага.

После поцелуя, о котором я больше не вспоминаю, миновала неделя. Алфавитную ветвь «Бексли и Гамин» согнали к автобусу, как стадо скота.

– Расписки, – снова и снова повторяет Джошуа, и люди суют ему в руки листки. – Расписки мне. Деньги – Люсинде. Эй, тут нет подписи. Подпиши. Расписки.

– Кто такая Люсинда? – спрашивает человек в конце очереди.

– Деньги – Люси. Это смешная маленькая женщина вон там. Волосы. Помада. Люси.

Я знаю, кого вскорости изрешетят шарики с краской. Очередь двигается вперед, и меня почти придавили к автобусу.

– Эй, я не говорил вам топтать ее.

Джошуа будто взмахом бича отгоняет толпу назад и приводит меня в равновесие, как кеглю в боулинге, тепло его руки пробирается сквозь рукав. Джули берет меня за локоть другой, и я едва не выпрыгиваю из шкурки.

– Прости, что опять просрочила сдачу отчета. Не могу дождаться, когда мне удастся нормально выспаться. Я как зомби.

Она передает мне двадцатку, ногти у нее подпилены на французский манер. Я прячу в кулак свои, слегка сложащиеся.

– Надеюсь на одолжение, – говорит Джули, над ее плечом я вижу Джошуа – он напрягся, склонил ухо в нашу сторону, как спутник-шпион. Подслушивать неприлично. Я оттаскиваю свою собеседницу немного в сторону, оставляя руку вытянутой, чтобы люди продолжали вкладывать в нее двадцатки.

– Ну что там у тебя? – Внутри заранее все опускается.

– Моей племяннице шестнадцать, и ей нужно пройти где-нибудь практику. Ее школьный психолог считает, что это поможет ей увидеть личностные и профессиональные перспективы. Не может же она пропускать уроки и просто спать весь день, понимаешь? Подростки понятия не имеют, что такое работа.

– Поговори с Джанет, она что-нибудь организует. – Беру деньги еще у кого-то. – Они всегда хотят работать с дизайнерами.

– Нет, я хочу, чтобы она стажировалась у тебя.

– У меня? Почему? – Возникает сильное желание сбежать.

– Ты единственная из всех здесь, кто сможет быть достаточно терпеливым с ней. Она несколько строптива.

Впервые в жизни мне хочется, чтобы вмешался Джошуа. Тревога. Тревога. Прошу. Посылаю сообщения в его шпионское ухо, но спутник их не принимает. *Джошуа, SOS, SOS. Я все для тебя сделаю, если ты вмешаешься.*

– У нее много проблем. Наркотики и еще кое-что. Прошу тебя, Люси. Это будет много значить для ее матери, – может, девочка соберется и снова войдет в колею.

– Что ж... Могу я подумать на эту тему? – Я отвожу взгляд от Джошуа, который бросил подслушивать и теперь повернулся к нам, уперев одну руку в бедро.

– Мне нужно знать сейчас. Через полчаса она встречается в школе с психологом. Предполагается, что у нее уже будут какие-то варианты. – Джули смотрит на меня, ее рот изогнулся в выжидательной улыбке.

– Сколько это будет продолжаться? День?

Джули подходит ко мне на шаг и до боли сжимает мне руку своими холеными пальцами:

– Две недели во время следующих школьных каникул. Ты такая добрая. Спасибо тебе, я сейчас же пошлю ей сообщение. Она не слишком обрадуется, но ты приведешь ее в чувство.

– Погоди... – начинаю я, но она уже жмет на клавиши.

– Ну вот, все прошло хорошо. Знаешь, что бы сказал ей я? – спрашивает Джошуа.

Я зарываюсь рукой в волосы. Скальп горяч и колок.

– Заткнись!

– Я бы сказал ей одно короткое слово. Это просто, тебе нужно использовать такой метод время от времени. Произнеси вместе со мной. Нет.

– Привет, – с улыбкой произносит Дэнни, вставая в очередь.

– Нет. Привет. – Я надеваю на лицо свою самую солнечную улыбку. Надеюсь, на его светлой серебристой коже есть крем от загара. – Хорошо, что ты пришел. Полагаю, сыграть в пейнтбол – это прекрасный способ отметить последний рабочий день.

– Ага, будет весело. Митчелл сказал, я не обязан приходить, но мне самому хотелось. К тому же ребята из отдела пригласили меня на прощальный обед.

Большую часть этого я знаю, всю неделю мы слали друг другу мейлы, и я помогала Дэнни отнести несколько коробок к его машине. Маленькая

иконка в виде конвертика на панели инструментов вызывала у меня легкие приступы возбуждения. Все утро меня бросало в жар от беспокойства. Совсем потеряла голову. Я определенно близка к кризису.

– Расписку, – встревает Джошуа.

Дэнни протягивает ему листок, не отрывая от меня взгляда, и говорит:

– Мне нравится, как у тебя сегодня уложены волосы.

Польщенная, я пригибаю голову. Это правильное замечание в мой адрес. Я до смешного тщеславна, когда речь идет о моих волосах. Кондиционер, которым я пользуюсь, стоит, наверное, дороже кокаина.

– Спасибо, они немного растрепались. Думаю, еще не совсем высохли.

– Ну, мне нравится, как они растрепались. – Дэнни прикасается к кудрявому локону, который примостился у меня на плече. Мы встречаемся взглядами и начинаем смеяться.

– Могу поспорить, так и есть, негодник. – Я качаю головой.

– Передай ей деньги и садись в автобус, – медленно произносит Джошуа, как будто Дэнни совсем уж простачок.

Они обмениваются недружелюбными взглядами. Я беру у парня двадцатку и одариваю его улыбкой цвета «Огнемет».

– Будем в одной команде?

– Да, – говорю я, а Джошуа в один голос со мной рычит: «Нет». Он действительно поднаторел в произнесении этого слова.

– Команды сформированы заранее! – рявкает он, и Дэнни бросает на него взгляд, который ясно говорит: «Что за козел?»

– Я надеялся... – начинает Дэнни, но Джошуа стреляет в него ответным взглядом: «Что бы ты ни затеял, ничего не выйдет».

Последний человек в очереди отдает мне деньги, и мы остаемся стоять в тумане какого-то странного напряжения.

Глава 8

– Скоро поговорим, – обещает мне Дэнни и садится в автобус.
Джошуа складывает руки на груди, как вышибала в ночном клубе.
– Что все это значит? – спрашиваю я.

Он качает головой.

Хелен и мистер Бексли отъезжают в своих «порше» и «роллсе», чтобы встретить нас на месте. Конечно, они не станут участвовать в сплочении коллектива. Нет, они будут сидеть на балконе, оглядывая сверху пейнтбольный парк, пить кофе и ненавидеть друг друга до самых кишок.

– Пошли, – говорит Джошуа и запикивает меня в автобус.

Там осталось только два места, и они впереди. Джошуа зарезервировал их стопкой планшетов для бумаг. Дэнни высовывается в проход и с сожалением пожимает плечами.

Джошуа отправил всем нам серию мейлов с инструкциями – в обед переодеться в какую-нибудь простую старую одежду, которую не жалко испортить. На мне облегающие джинсы и растянутая винтажная футболка с Элвисом. Раньше ее носил мой отец. Толстый Элвис в комбинезоне с микрофоном у рта. Она свободно сползает с моего плеча. Я старалась подражать виду Кейт Мосс на музыкальном фестивале. Когда меня увидел Джошуа, судя по его лицу, можно было заключить, что моя попытка окончилась полным и трагическим провалом. Тем не менее он задержал взгляд на изумрудно-зеленой ляжке моего спортивного лифчика. Это я знаю точно.

Сам Джошуа тоже переоделся. Пока он, как продавец в магазине, аккуратнейшим образом складывал у себя на столе свою черную деловую рубашку, я поймала взглядом собственное отражение в стене по диагонали от Джошуа: маска идиотского вождения с отвисшей челюстью. Во-первых, Джошуа был одет в джинсы – рваные и сильно заношенные, с пятнышками небесно-голубой краски. Когда он садился, штанины натягивались на бедрах. К этим джинсам у меня нет претензий.

Затем, на нем футболка. Мягкий, полупротертый хлопок растекается по торсу, когда Джош нагибается. Бугры мышц, которые играют под этой футболкой... Рукава, очерчивающие мускулы, вызывают у меня... А от его плоского живота я... Кожа золотистая, как...

– Могу я тебе чем-нибудь помочь? – Он оглаживает рукой футболку.

Мои глаза скользят вслед за ней. Мне хочется положить эту футболку в

миску и съесть ее десертной ложечкой.

– Никогда не думала, что ты наденешь... – Небрежным жестом я машу в сторону его сказочного торса.

– Ты думала, я буду играть в пейнтбол в чем-нибудь от Хьюго Босс?

– Хьюго Босс? Это не они разработали нацистскую униформу?

– Люсинда, клянусь... – Он закрывает глаза почти на целую минуту, пощипывает переносицу.

Могу поспорить, он силится не рассмеяться или не закричать.

Навожу на него взгляд, высовываю язык и произвожу звук:

– Др-р-р-р-р...

Он не раскалывается. Потерпев поражение, я поворачиваюсь и оглядываю спинки сидений, пока не нахожу лохматую голову Дэнни. Мы машем друг другу и делаем одинаковые лица, чтобы показать, как недовольны оба сидящими рядом с нами. Потом до меня доходит, что мои сиськи – в нескольких дюймах от головы Джошуа, и я сажусь нормально.

– Ты и он? Это выглядит жалко. – Джош раздражен.

Его слова глубоко задевают меня. Жалко! Он уже называл меня жалкой! Мы совершили круг и вернулись ровно в то место, где нам комфортнее всего. Я размышляла, как будут складываться наши отношения после поцелуя, после слез, боли в его глазах. Извинений. Тишины, которая заполняла с тех пор все дни.

Судя по поведению Джошуа, мы снова вернулись к ненависти, и я больше так не могу. Не могу продолжать в том же духе. Это слишком тяжело. То, что раньше происходило легко, как дыхание, теперь превратилось в тяжелые бои. Я так устала. Мне от этого больно.

– Конечно. Я жалкая. – Я смотрю на дорогу впереди, а тем временем начинается игра в гляделки, односторонняя. Я игнорирую его. Нас никто не видит, кроме женщины за рулем, но ее внимание привлечено к ситуации на дороге, так что она нами не интересуется.

– Печенька... – (Я не реагирую.) – Печенька...

– Не знаю никого с таким именем.

– Поиграй со мной минутку, – шепчет он прямо мне в ухо.

Я поворачиваю к нему лицо и, стараясь не сбиться с дыхания, говорю:

– Отдел кадров.

Лицо Джоша так близко к моему, что я ощущаю вкус его дыхания, горячую мятную сладость. Различаю тонкие полосочки в его радужках, крошечные неожиданные сполохи желтого и зеленого. Но больше всего там голубых искр – много, как звезд в галактиках.

– Твои розы все еще живы?

Есть ли что-то такое, чего не знает этот мужчина? Я стараюсь не замечать, что наши локти тихонько трутся один о другой. Локти не эрогенны. По крайней мере, я никогда не думала, что они могут такими быть.

– От кого ты о них узнал?

– Ну, всем известно, что Дэнни Флетчер – мужчина твоей мечты. Розы и все такое прочее. Ланчи на двоих при свечах на офисной кухне. – Он смотрит на мои губы, и я их облизываю. Он смотрит на ляжку моего лифчика, и я свожу колени.

– Кто твой информатор?

Глаза Джошуа темнеют. Зрачок поглощает голубизну, и я вспоминаю его глаза в лифте. Глаза убийцы. Страстные. Полупомешанные.

– Внутренний источник? Как у журналов для сбора сведений о знаменитостях? Ты разве знаменитость, Люсинда?

– Мне непонятно, откуда такая осведомленность.

– Я проницательный. Я все знаю.

– Ты знаешь, что у меня в спальне стоят розы. Откуда? Читаешь язык тела? Мысли? Ты такой гадкий! Наверное, подсматривал за мной через окно с помощью телескопа.

– Может, у меня квартира напротив твоей.

– Тебе этого хотелось бы, лазутчик. – Я начинаю ощущать, как на спине выступают первые капельки пота. Если так, я, вероятно, сама готова посидеть в темноте, вооружившись биноклем.

– Ну так что? Они живы?

– Завяли. Мне пришлось выбросить их сегодня утром.

Его ладонь скользит по моей руке – медленно, мягко. Она очень холодная. Я смотрю на лицо Джошуа. Выражение хмурое по умолчанию.

– Ты горячая.

– Да, это всем известный факт, – говорю я с сарказмом и убираю руку.

Автобус заворачивает за угол, и мое зрение затуманивает легкая волна головокружения, начинает подташнивать. До настоящей тошноты дело не доходит. Возможно, мое тело реагирует на стресс, вызванный подачей заявки на новую должность, поцелуем и убийственным блеском в глазах Джошуа.

– Ждешь не дождешься, когда тебя пристрелят?

Я беру себя в руки и выдаю лучшую отповедь, на какую способна:

– Я собираюсь уничтожить тебя. Игрой в ненависть. Ты против меня. Только так можно покончить с этим.

– Верно! – резко бросает Джошуа, поворачивается и встает на колени

на своем сиденье, чтобы обратиться к коллегам.

Все неохотно прерывают разговоры, и я чувствую – зреет бунт.

Я тоже встаю на колени и машу рукой. Все улыбаются. Хороший маленький коп, всеми презираемый коп. Отмечаю, что гаминовцы сидят слева, а бексливцы – справа.

– Сегодня у вас будет шесть сложных задач, – начинает Джошуа.

– Семь, если включить в список его, – говорю я и получаю в ответ несколько дешевых смешков.

Джошуа хмуро косится на меня:

– Шесть команд по четыре человека. Каждое новое задание вы будете выполнять в другой группе. Цель – познакомиться с коллегами в отличном от офисного окружении и в процессе активных действий. В командах вы должны выработать стратегию и первыми захватить флаг. – Лица остаются безучастными, и Джошуа тяжело вздыхает. – Серьезно? Никто из вас раньше не играл в пейнтбол? Вы будете пытаться захватить флаг, опередив команду-соперника. Основное правило – не стрелять в следящих за флагами. А также в лицо и в пах друг другу.

Черт, это именно то, о чем я мечтала.

– Мэрион, Тим, Фиона, Кэри – вы будете судьями. Ваша задача – оценивать, как идет игра, с удобной позиции рядом с флагом. Начисляйте людям очки, если хотите.

Я немного удивлена. Трудно представить себе этих четверых перемещающими свои грузные, усталые, болящие, стареющие тела вдоль края пейнтбольной площадки. Мэрион и Кэри, сознавая собственную важность, кивают друг другу, а Джошуа тем временем передает назад четыре планшета. Мне хотелось бы, чтобы он обсудил все это со мной. Сейчас он полностью контролирует ситуацию, и мне это не нравится.

– По окончании игры мы соберемся на смотровой площадке, выпьем кофе и обсудим, что узнали друг о друге за этот день. – С этими словами Джошуа сползает обратно в кресло.

– Есть вопросы? – Я поворачиваю голову туда-сюда; поднимаются несколько рук.

– Нам дадут комбинезоны?

Джошуа бубнит себе под нос то-то вроде «гребаные придурки». Я отвечаю экспромтом:

– Вы все получите защитный костюм и шлем, который прикроет глаза и лицо. – Чувствую на бедре сквозь футболку вздох Джошуа.

– Да, – указываю я на вопрошающего, и Энди опускает руку.

– Больно бьют пейнтбольные шарики?

– Очень, – отвечает Джошуа со своего места.

– Помните, ребята, цель не в том, чтобы нанести вред друг другу. – Я бросаю взгляд на Джошуа. – Не важно, как сильно вам этого хочется!

– Вы двое будете на противоположных сторонах? – спрашивает кто-то с задних рядов, вызывая смех.

Наша репутация ненавидящих друг друга, похоже, несколько вышла из-под контроля, и большей частью по моей вине. Я вечно отпускаю шуточки по поводу своей неприязни к Джошуа.

– Это придумано для того, чтобы мы сдружились. Мы все в разные моменты попадем в противоборствующие команды, будем то соперниками, то союзниками, как на работе. Даже мы с Джошуа сегодня будем заодно. В любом случае приз хорош! – Все выпрямляют спины и садятся прямо.

– Приз, – громко прерывает меня Джошуа со своего места, – дополнительный день к отпуску. Правда-правда – оплачиваемый отгул. Но вы должны его заработать, демонстрируя выдающийся вклад в успех своей команды.

В автобусе поднимается гвалт голосов. Отгул. Увольнительная из тюрьмы. Эти слова разнеслись над их головами, как звон латунного кольца^[5].

Пейнтбольный полигон расположен в маленьком сосновом лесочке. Почва под ногами пыльная и плотно утоптанная. Деревья – заморыши. Над головой, издавая зловещие крики, кружит ворона. Все собрались в неровный круг рядом с воротами.

Парень в камуфляжном комбинезоне пейнтбольного полигона, как армейский сержант, картинно стоит рядом с Джошуа. Они одного роста, мускулистые, сложением похожи на матросов. Боевые товарищи, которые прошли через многие суровые «красочные битвы» в этой голой пустыне. Оба выжидательно смотрят на меня, и я понимаю, что тоже должна быть в авангарде.

Джошуа показывает, как надевать костюм и защитные приспособления. Все следят за ним с искренним интересом. Сержант Пейнтбол не задумываясь и с выработанным практикой терпением отвечает на череду глупых вопросов. Мы все получаем снаряжение – костюмы, шлемы, наколенники. Потом вооружаемся.

Мы взрослые люди, а потому командный дух в коллективе создаем как профессионалы: несколько минут скачем по площадке, принимаем стрелковые позы, целясь друг в друга пейнтбольными пистолетами и сопровождая это звуковыми эффектами. Джошуа и сержант Пейнтбол наблюдают за нами, как санитары в психбольнице. Алан, недавний

именинник, изображает, что скосил нас всех очередью. «Пиу, пиу, пиу, – нараспев произносит он своим мрачным баритоном. – Пиу, пиу».

Я выбираюсь из зоны фальшивой перестрелки, ощущая себя слабой и слишком маленькой. Смотрю на окружающие меня длинные конечности, глаза людей горят страстью к пальбе краской. А вдруг ситуация выйдет из-под контроля? Они все, гаминовцы и бексливцы, расшались до того, что сменяют пейнтбольные пистолеты на АК-47.

На лбу и над верхней губой у меня выступает пот, а с животом творится что-то неладное. Помада на губах смазалась и превратилась в бледно-розовые следы от фруктового льда на палочке, а волосы придавлены тяжелым шлемом. Самый маленький костюм, имевшийся в наличии, все равно настолько велик, что люди, завидев меня, покатываются со смеху. Какая элегантность! Какая грация! Придется сильно постараться, чтобы пережить этот день.

Хелен машет мне рукой. Она стоит на наблюдательной площадке, одетая в кремовую полосатую рубашку и белые узкие, как сигареты, брючки; на голове у нее белый козырек от солнца; она потягивает через соломинку диетическую колу. Только Хелен могла одеться в белое для посещения пейнтбольного парка. Мистер Бексли чем-то недоволен, сидит, руки скрещены на груди – лягушка-бык в хаки.

– Хорошенько повеселитесь! – кричит Хелен. – И помните, мы вас видим!

Устрашающий окрик Большого Брата отзвучал в наших ушах, и мы начинаем.

Джошуа зачитывает составы первых команд, я оказываюсь в одной с ним. Мы выдвигаемся на поле брани с нашими товарищами – Энди и Аннабель. Двое гаминовцев, двое бексливцев. Наши противники выходят шеренгой, в том же соотношении. Джошуа, наверное, подобрал так все команды.

Надо было мне нарушить молчание в эту последнюю неделю и спросить у него, что он задумал, но неловкость, возникшая между нами, была непреодолима. К тому же моя идея корпоративного отдыха была полностью отвергнута, а настроение испорчено. Он похитил у меня инициативу и оказался способен чертовски здорово все организовать.

Но теперь я ощущаю, что воздух наполнен осязаемым восторгом. Ясно, моя блестящая идея теперь будет записана на счет достижений Джошуа. Я такая идиотка.

Замечаю Мэрион с флагом. Она весело машет, зажав в зубах шариковую ручку, в руке – планшет, а на груди висит бинокль. Эта

женщина относится к своей мнимо важной работе с большой серьезностью.

– Какой у нас план, команда? – Противников я не вижу.

– Будем держаться вместе или пойдем врассыпную? – Анабель сомневается.

– Хмм, я бы сказала, что стоит держаться вместе, раз уж наша задача – сплочение коллектива.

Я облакачиваюсь на тонкие сосновые ветки. Хочется вытереть лицо. В этом костюме так жарко, что я близка к обмороку.

– Мы должны выбрать одного человека, который пойдет добывать флаг, и защищать его, – предлагает Энди, и это неплохая мысль.

– Мне нравится. Кто возьмет это на себя?

Аннабель и Энди косятся на Джошуа, они явно его боятся. Почему-то шлем не выглядит на нем глупо. Руки в перчатках кажутся достаточно мощными, чтобы проломить стену. С него нужно сделать миниатюрную фигурку и продавать ее в игрушечных магазинах маленьким мальчикам, склонным к агрессии.

– Аннабель, – выносит приговор Джошуа. – А если ее подстрелят, мы пойдем за флагом в алфавитном порядке по именам.

Отлично. Это значит – Энди^[6], Джошуа, а потом Люси. То есть в принципе меня вообще никто не прикрывает. Я пушечное мясо. Мы движемся шеренгой и прячемся в укрытии. Энди замечает мою возрастающую панику и по-доброму улыбается мне:

– Мы позаботимся о тебе, Люси, не волнуйся.

Почему-то мне ясно, что Джошуа найдет способ, как поиздеваться надо мной. Я выйду из этой переделки вся в синяках, избитая, заляпанная краской. И не смогу его подстрелить, пока не перейду в другую команду.

Раздается гудок рожка, и я неловко карабкаюсь на четвереньках вверх по склону, поскользываясь на осыпающейся почве. Я выдвинулась вперед первой. В этом есть смысл, учитывая нашу стратегию. Разведую путь. Меня же удобнее всего пустить в расход.

Руки не выдерживают моего веса долго, и я распластываюсь на животе. Аннабель выбегает вперед меня, она работает конечностями, как мельница, и не применяет никаких стратегических хитростей. Я встаю на колени и пытаюсь окликнуть ее. Меня хватает за икру и тащит назад чья-то рука. Наконец Джошуа плюхается на землю рядом со мной, в руке у него пистолет. Он собирается придавить меня к земле.

– Не тронь! – шиплю я.

– Получишь выстрел в лицо, если будешь так высовываться.

– Почему тогда ты мне этого не позволил?

Рука Джошуа опускается на мою поясницу и крепко прищипливает к земле. В мыслях признаюсь себе, что тяжесть его руки приятна. Слои ткани между нашей кожей начинают нагреваться.

– Что с тобой творится?

– Ничего не творится. – Я пытаюсь вывернуться и отползти.

– Ты выглядишь ужасно.

– Спасибо. Мы должны прикрывать Аннабель. – Я приподнимаю голову и вижу, как она неловко петляет среди тонких сосновых стволов у всех на виду. Энди галантно скачет вслед за ней. Флаг – это какой-то оранжевый обрывок ткани, который маячит вдали.

Я поднимаюсь на ноги и бегу, Джошуа – сзади. Падаю за валун и замечаю Марни из команды противника. Поднимаю пистолет и делаю несколько выстрелов. Задеваю ее плечо. Она разочарованно ахает и уходит.

Смотрю на Джошуа, тот впечатлен, но не слишком сильно.

– Чертовка!

Аннабель скрылась из виду. Воздух наполнен треском, хлопками и криками боли. Совершив несколько коротких перебежек, нахожу Энди. Он стоит на одном колене и пытается зашнуровать ботинок. На груди у него – большое пятно краски.

– Ох, Энди!

Он смотрит на меня усталыми глазами ветерана вьетнамской войны, который знает, что вот-вот умрет, кровь фонтаном хлещет из глубокой раны в животе. Раненый хватает меня за коленку:

– Спаси ее.

Видно, Энди посмотрелся боевиков, но обо мне можно сказать то же самое, судя по тому, как раздувает меня изнутри чувство ответственности и желание встать на защиту. Я спасу Аннабель.

– Схожу за колой, – говорит мне Энди, разрушая этот возвышенный момент.

Бегу дальше. Дышу часто, очки слегка запотели. Слышу треск и прыгаю за пирамиду из бочек, в которую барабанной дробью стучат пули. Оглядываю себя. На мне пока ничего. Полагаю, я бы почувствовала. Проверяю заднюю поверхность ног.

– Чисто, – говорит Джошуа.

Я смотрю на него через плечо. Он присел за большим пнем неподалеку. Держит свой пистолет, как профи, стволом в небо. Пытаюсь скопировать его и едва не роняю оружие.

– Дура! – В его комментариях нет необходимости. Должно быть, у него

сильные запястья.

– Заткнись!

Аннабель укрылась за тоненьким суицидальным деревцем. Я вижу, как она целится и подстреливает Матта из противоположной команды. Издаю радостный визг, она оборачивается и показывает мне поднятый вверх большой палец. Широко улыбается и машет, чтоб я двигалась вперед. Флаг трепещет на ветру ярдах в тридцати. Вдруг Аннабель получает выстрел в спину и вскрикивает от боли. Мне не нужно смотреть на Джошуа. Я и без того знаю, что он укоризненно качает головой.

– Давай выбирайся оттуда. Я тебя прикрою. Мы с тобой остались вдвоем, только ты и я, приятель. Опыт прежде красоты.

– Отлично! Я покойник. – Джошуа быстро перескакивает к моему укрытию за бочками и перезаряжает оружие, оглядываясь через плечо.

– Твои родители были военными?

Это многое бы объяснило. Жесткость в поведении, резкую, безличную манеру общения. Пристрастие к правилам и последовательным действиям. Аккуратность и экономность во всем, что он делает. Сейчас у него мало друзей, и он не способен заводить новых. Могу поспорить, его родители часто бывали в заграничных командировках. От его идеально застеленной кровати четвертаки отскакивают^[7].

– Нет, – отвечает Джошуа, проверяя мой пистолет. – Они врачи. Хирурги. Ну, то есть были.

– Они умерли? Ты... сирота?

– Я – кто? Они на пенсии. Живы-здоровы.

– Хм... Ты здешний? – Кончик дула моего пистолета упирается в землю.

Я устала. Надеюсь, меня подстрелят. Мне нужен отдых.

– В этом городе живем только мы с братом. – Джошуа хмурится, глядя на меня, и постукивает своим пистолетом по моему. – Подними оружие.

– Так вас двое? Господи, помоги!

Я пытаюсь послушно выполнить приказание, но руки у меня как ватные.

– Тебе будет приятно узнать, что мы совсем не похожи.

– Ты часто с ним видишься?

– Нет. – Джошуа оценивает обстановку впереди.

– Почему?

– Тебя это не касается.

Ну и дела!

В отдалении я вижу Дэнни. Он крадется от дерева к дереву – участвует

в перестрелке двух других команд. Между нами – разделительная веревка. Я машу ему, он в ответ поднимает вверх руку, расплываясь в улыбке. Джошуа вскидывает оружие и со снайперской точностью дважды стреляет ему сзади в бедро, после чего насмешливо фыркает.

– К чему это? Я не против вас! – кричит Дэнни. Он зовет судью и возвращается к игре, на этот раз слегка прихрамывая.

– Зачем ты так, Джошуа? Это неспортивно.

Мы начинаем двигаться вперед. Джошуа низко пригибается и с удивительной легкостью уваливает от града пуль, отпихивая меня за дерево. Флаг болтается рядом, но нам противостоят еще двое соперников.

– Тихо, – в унисон шипим мы друг на друга и переглядываемся.

Худшего места для начала игры «в гляделки», чем разгар пейнтбольной перестрелки, не придумаешь.

Для того чтобы нормально смотреть на него, мне приходится сдвинуть на затылок и прислонить к дереву шлем. Глаза у Джошуа невиданного цвета. Они наэлектризованы азартом битвы. Он оглядывается, чтобы проверить обстановку сзади, и хмурит брови. Как мне удастся сохранять самообладание под этим огненным взглядом?

Мы прижались друг к другу. Кожа моя мгновенно становится гиперчувствительной. Стоит скосить глаза – и боковым зрением я вижу выпуклую линию его накачанных рук. Сердце сбивается с ритма при воспоминании о его прикосновении к моему лицу, как он держал его в ладонях и приподнял мой подбородок, чтобы слиться с моими губами. Как он пробовал меня на вкус, будто изысканную сладость. Он смотрит на мой рот, и я понимаю, что в его мыслях то же самое.

Глава 9

– Ты вспотела. – Джошуа хмурится, а может, и нет.

Слышу хруст ветки. Значит, кто-то подкрадывается к нам сзади. Приподнимаю брови и кошусь в ту сторону, Джошуа кивает. Мой час настал, а ему нужно добыть флаг. Хватаю его за пейнтбольный комбинезон и, развернув вокруг себя, прижимаю к дереву.

– Что ты... – начинает говорить он у меня за спиной, но я оглядываю местность, ищу, где засада.

Я – Лара Крофт, поднимающая оружие, с глазами, пылающими жаждой возмездия. Вижу за бочками вражеский локоть.

– Иди! – кричу я, перебираю пальцами в толстых перчатках, нащупывая курок. – Я тебя прикрою!

И вдруг это случилось. Бах, бах, бах! Меня пронзает боль – руки, ноги, живот, грудь. Я вою, но выстрелы не прекращаются, я вся забрызгана белым. Это беспощадное убийство. Джошуа аккуратно разворачивает нас и прикрывает меня от выстрелов своим телом. Я чувствую, как он вздрагивает от все новых и новых пуль, рука его приподнимается и обхватывает мою голову. Вот бы остановить время и немного поспать прямо здесь.

Джошуа поворачивает голову и сердито кричит на нашего убийцу. Выстрелы прекращаются, и я слышу триумфальный клич Саймона, он стоит наверху пригорка и размахивает флагом. Черт бы его побрал! Это была моя работа, и он не дал мне ее сделать.

– Ты должен был уйти. Я прикрывала тебя. Теперь мы проиграли. – Меня едва не валит с ног новый приступ тошноты.

– Прости-и-и, – саркастически говорит Джошуа.

К нам подходит Роб с опущенным пистолетом. Я тихо хнычу. Боль пульсирует по всему телу.

– Прости, Люси. Мне очень жаль. Я слегка... перевозбудился. Слишком много играю в компьютерные игры. – Видя выражение лица Джошуа, Роб делает несколько шагов назад.

– Ты на самом деле сделал ей больно! – рывкает на него Джошуа, и я чувствую, как он поддерживает мою голову рукой и продолжает прижимать меня к дереву, обхватив мои колени своими. Смотрю влево, там Мэрион, она разглядывает нас в бинокль. Потом опускает его и что-то записывает в планшет, губы ее усмеваются.

– Пусти! – Я толкаю Джошуа изо всех сил.

Тело у него большое и тяжелое, а мне так жарко, что хочется сорвать с себя одежду и окунуться в холодную краску. Мы все, немного запыхавшись, возвращаемся на стартовую площадку под балконом. Я прихрамываю, и Джошуа бесцеремонно берет меня под руку, вероятно, чтобы я шла побыстрее. Вижу наверху Хелен, она опускает солнцезащитные очки. Я машу ей, как бедный котенок из мультфильма, – ой, ой, ой!

Потерь много. Люди стонут и осторожно потирают запачканные краской части тел. В воображении заново проигрываются сцены баталий. Оглядываю себя и вижу, что спереди я почти целиком залита краской. У Джошуа грудь в порядке, но на спине сплошь краска. Что доказывает, какие мы разные.

Когда я стаскиваю с себя шлем и перчатки, Джошуа передает мне свой планшет со списком команд и бутылку воды. Я подношу ее к губам и опустошаю, почти не заметив как. Ощущения странные. Джошуа спрашивает сержанта Пейнтбола, есть ли у них аспирин.

Дэнни пробирается ко мне мимо наших павших товарищей. Я прекрасно понимаю, как отвратительно должна выглядеть. Он смотрит на меня спереди:

– Ух!

– Я один сплошной синяк.

– Отомстить за тебя?

– А то, это было бы здорово. Роб из общего отдела любит пускать в ход оружие.

– Считай, о нем уже позаботились. Как же так, Джошуа? Ты прострелил мне ногу, а я был совершенно в другой игре.

– Прости, я перепутал, – говорит тот, но в его тоне сквозит неискренность.

Дэнни притеняет глаза ладонью, а Джошуа ухмыляется, глядя в небо. Наши коллеги ходят туда-сюда и машут руками, измазанные краской и страдающие от боли, не зная, что делать дальше. Ситуация быстро разлагается. Я смотрю в листок на планшете. Вижу, что Джошуа записал меня в одну с ним команду на каждую игру, возможно по требованию Хелен. Она ничего не узнает. Пусть себе разгадывает задачки sudoku на балконе. Быстро беру карандаш и вношу в список изменения, прежде чем назвать составы следующих команд. Народ сбивается в кучу и жалуется.

– Погоди, сейчас принесут аптечку. Ты лучше посиди в сторонке остальную часть вечера. С тобой что-то не так, – говорит Джошуа.

Я снова смотрю вверх на Хелен, а потом обвожу взглядом всех вокруг. Скоро я, вероятно, встану во главе этого соборща. Нынешний вечер – хорошая проверка, тут нет сомнений. И я не собираюсь проявлять слабость.

– Ага, ты говорил мне это со дня нашей встречи. Наслаждайся окончанием вечера. – Я не оглядываясь ухожу к своей новой команде.

Кажется, это самый длинный вечер за всю мою жизнь, но в то же время он пролетает как молния. Ощущение, что за тобой все время следят, напрягает нервы, и в нашей маленькой команде мгновенно завязываются крепкие узы. Я толкаю Квинтуса из отдела по работе с дебиторскими задолженностями в укрытие, а нас сверху поливают розовые пули.

– Давай! Давай! – ору я, как спецназовский взводный, а Бриджит тем временем на корточках подкрадывается к флагу, брызги краски фонтанчиками взлетают вверх у ее пяток.

Насколько я не в себе, становится ясно во время третьей смены команд, после того как я схватила флаг. Знаю, это крайне печально, но, честно говоря, я ощутила такой триумф, будто покорила Эверест. Мои товарищи по команде закричали, а баскетболистка Саманта – из бексливцев – подхватила меня с земли и закужила. Я немного срыгнула.

Руки у меня трясутся от напряжения, пистолет держать тяжело. Все кажется немного нереальным, как будто в любой момент я очнусь от дурного послеобеденного сна. Небо раскинулось над головой серебристо-белым куполом.

Смотрю на окружающие меня блестящие от пота лица. И чувствую такое родство с этими людьми. Вот гаминовец хлопает ладонью в ладонь бексливца, и оба раздражаются хохотом. Мы вместе. Может, идея Джошуа устроить эту игру была вовсе не плоха. Может, единственное, что способно по-настоящему объединить людей, – это боль и схватка. Соперничество и состязание. Может, главное – пережить что-нибудь вместе.

А где же все-таки сам Джошуа? В продолжение остальной части вечера я вижу его разве что во время смены команд. При взгляде на каждого крадущегося между деревьями человека глаза играют со мной шутки. Я вижу очертания плеч Джошуа, изгиб его спины. Но потом моргаю, и это оказывается кто-то другой.

Я жду одного фатального выстрела. Красного пятна на месте сердца.

– Где Джошуа? – спрашиваю я судей, но те пожимают плечами. – Где Джошуа? – задаю я вопрос всем, кто попадает на пути. – Где Джошуа?

Ответы становятся какими-то отрывистыми и раздраженными.

Хватаюсь за свой пейнтбольный костюм, несмотря на ритмичные хлопки и треск оживленной перестрелки вокруг. Безуспешно пытаюсь

оттянуть воротник-стойку – прохладному воздуху подставляется всего полдюйма потной кожи. Потом меня выворачивает. Там ничего, кроме воды и чая. Мне сегодня не хотелось ни обедать, ни завтракать. Забрасываю блевоту песком и вытираю рот тыльной стороной ладони. Планета вращается слишком быстро, так что я держусь за дерево.

Воздух становится прохладнее, звучит финальный рожок, и мы все устало бредем обратно к главному штабу. Все явно утомлены. Пока мы снимаем костюмы, царит суматоха. Каждый на что-нибудь жалуется. У сержанта Пейнтбола такой вид, будто он оценивает свои шансы остаться в живых. Джошуа стоит, уперев одну руку в бедро, и я инстинктивно поднимаю пистолет. Момент настал.

Люси против Джошуа, тотальное уничтожение.

Он подходит ко мне и забирает оружие с абсолютно невозмутимым видом, моя боевая стойка его не смущает. Я стаскиваю шлем. Он встает позади меня, его пальцы скользят по моему взмокшему загривку. Это все равно что прикоснуться к проводу под напряжением, и я как-то странно рыгаю. Джошуа берет за замочек молнии на спинке моего костюма и резким движением опускает его вниз. Я прыгаю на одной ноге, чтобы снять комбинезон, и откидываю в сторону руки Джошуа.

– Ты нездорова, – ставит диагноз он.

Я уклончиво пожимаю плечами и, виляя бедрами, поднимаюсь по лестнице к ожидающим развязки Хелен и Толстому Коротышке Дику.

– Похоже, получилась отличная командная работа, – говорит Хелен.

Мы издаем слабое «у-р-ра-а!», подбадривая друг друга. Я приподнимаю край футболки. Синяки побагровели. От запаха кофе меня начинает подташнивать. Я подхожу к краю балкона. Джошуа слишком долго заправлял этим маленьким шоу. Надо спасти ситуацию.

– Могу я пригласить наших четырех судей подняться и обсудить примеры командной работы и проявлений отваги, которые они отметили?

Судьи высказывают свои соображения, я пытаюсь собрать их мнения воедино. Очевидно, Сьюзи устроила суматоху, позволив своему товарищу по команде поскользнуться и добыть флаг.

– Я за это получила четыре пули! – кричит Сьюзи, потирая бедро и морщась.

– Но ты получила их ради команды, – говорит мистер Бексли, выводя себя из ступора, который, как я начинаю подозревать, вызван прописанными ему таблетками. – Хорошая работа, юная леди.

– А что касается храбрости, – говорит Мэрион, и у меня появляется тяжесть в животе, – Малышка Люси совершила нечто выдающееся.

Поднимается шум радостных возгласов, я машу рукой, чтобы утихомирились. Если еще кто-нибудь назовет меня маленькой, крошкой, смешной малышкой, я испробую на нем какой-нибудь прием карате.

– Она приняла на себя не меньше десяти выстрелов, защищая коллегу от человека, который немного перешел границы. Он останется неназванным. – Мэрион в упор смотрит на Роба, тот опускает голову, как виноватая псина.

Другие люди хмуро смотрят на него.

– Она встала впереди своего коллеги с раскинутыми в стороны руками и готова была защищать его до самой смерти! – Мэрион изображает мои действия: руки прямые, как у пугала, тело вздрагивает от выстрелов. Она хорошая актриса.

– И к своему удивлению, я заметила, что защищала Люси не кого-нибудь, а Джошуа Темплмана!

Раздается дружный смех. Люди весело переглядываются, две девицы из отдела кадров даже толкают друг дружку локтями.

– Но... но потом! Он развернул ее вокруг себя, чтобы защитить, и получил выстрел в спину! Защитить ее! Это было действительно нечто.

Забавный факт: в обеденный перерыв Мэрион читает на кухне любовные романы. Я ловлю взгляд Джошуа, он грубо вытирает лоб рукой.

– Похоже, пейнтбол сегодня свел нас всех вместе, – с трудом выговариваю я, и все аплодируют.

Если бы это была сцена из телесериала, то мы только что подошли к точке, за которой следует моральный вывод: перестаньте ненавидеть друг друга. Хелен довольна, губы ее изогнуты в понимающей улыбке.

Оплачиваемый отгул отдан Сьюзи, и она с глубоким поклоном получает свой шуточный наградной сертификат. Дебора сделала несколько удачных снимков этого момента. Я прошу ее прислать их мне по электронной почте, чтобы подготовить информационное письмо для сотрудников.

Хелен хватает меня за локоть:

– Не забудь, в понедельник меня не будет. Я медитирую под деревом.

Все направляются к автобусу, и мне очень радостно видеть, что теперь довольно трудно определить, кто из нас гаминовец, а кто бексливец. У всех вид пассажиров, вместе переживших крушение поезда; грязная одежда и вспотевшие, красные лбы. У большинства женщин под глазами темные круги от размазавшейся туши, как у панд. Несмотря на физический дискомфорт, возникло некое новое ощущение товарищества.

Хелен и мистер Бексли укатывают, рванув с места, как психованные

гонщики. Несколько человек забирают супруги, поднимается кутерьма – машины выворачивают со стоянки и разъезжаются, пыль стоит столбом. Мы подходим к автобусу. Женщина-водитель откладывает газету и открывает дверь.

– Пожалуйста, подождите несколько минут, – говорю я ей и трусцой бегу назад – в штаб. Заскакиваю в туалет, и меня сильно рвет. Не успеваю я увериться, что больше позывов к рвоте не будет, потому что меня вывернуло до полного опорожнения внутренностей, раздается резкий стук в дверь. Есть только один человек, который мог бы стучать с таким нетерпением и вкладывать в свой стук столько раздражения.

– Уходи, – говорю я ему.

– Это Джошуа.

– Я знаю. – Меня снова тошнит.

– Ты больна. Я предупреждал тебя. – Он легонько крутит дверную ручку.

– Я сама доберусь домой. Уходи.

Наступает тишина, и я делаю вывод, что он ушел к автобусу. Меня снова прополаскивает. Мою руки, прислонившись к раковине, водяные брызги пропитывают джинсы. Элвис влажно прилипает ко мне.

– Я больна, – говорю я своему отражению в зеркале.

У меня озноб, глаза блестят. Я сизо-серо-белая. Дверь с треском открывается, я пронзительно вскрикиваю от страха.

– Плохо дело. – Брови Джошуа сходятся к переносице. – Ты неважно выглядишь.

Я едва могу сфокусировать взгляд. Пол ходит под ногами.

– Я не вынесу. Эта поездка на автобусе. Я не могу.

– Я позвоню Хелен. Пусть возвращается, она еще не могла далеко уехать.

– Нет-нет! Со мной все будет в порядке. Она едет в оздоровительный центр. Я могу сама о себе позаботиться.

Джошуа прислоняется к дверному косяку, на лбу у него собираются морщины.

Я привожу себя в чувство, набирая горсть холодной воды и выливая ее сзади себе на шею. Волосы выбились из узла и липнут к коже. Я споласкиваю рот.

– Ну вот, я в порядке.

По пути назад Джошуа зацепляет двумя пальцами острый кончик моего локтя, как пакет мусора. Чувствую жадные взгляды, наблюдающие за нами сквозь тонированные стекла автобуса. Вспоминаю двух девушек,

которые пихали одна другую локтями, и стряхиваю с себя руку Джошуа.

– Я могу оставить тебя здесь, а потом вернуться и забрать, но на это уйдет по крайней мере час.

– Ты? Вернешься и заберешь меня? Да я проведу здесь всю ночь.

– Эй, не говори так больше, ладно? – Он раздражен.

– Ага-ага. Отдел кадров. – Пошатываясь, я залезаю в автобус.

– О боже! – громко восклицает Мэрион. – Люси, ты выглядишь ужасно.

– Люси! – окликает меня Дэнни с задних рядов автобуса. – Я занял тебе место.

Он где-то так далеко, будто я смотрю на него в перевернутую обратным концом подзорную трубу. Если я сяду там, то заблую всех, это точно. «Прости», – говорю я Дэнни одними губами, сажусь на переднее сиденье и закрываю глаза.

Джошуа прижимает тыльную сторону ладони к моему влажному лбу, и я шиплю:

– У тебя рука холодная.

– Нет, это ты вся горишь. Нужно вызвать врача.

– Сегодня пятница, уже вечер. Какие шансы, что это случится? Мне нужно лечь в постель.

Поездка до дому проходит скверно. Я поймана в ловушку бесконечного, ничем не примечательного временного интервала. Я жук в банке, которую трясет ребенок. Автобус качается, в нем жарко, душно, я ощущаю каждый толчок и поворот. Фокусируюсь на дыхании и на ощущении руки Джошуа, которая прижата к моей. На одном особенно резком выраже он подставляет плечо и поддерживает меня в вертикальном положении.

– Зачем? – бессмысленно спрашиваю я и чувствую, как он пожимает плечами.

Мы выгружаемся перед зданием «Б и Г». Несколько женщин собираются вокруг меня, я пытаюсь понять, что они говорят. Джошуа держит меня за ворот влажной футболки и говорит им, что все в порядке.

Происходят оживленные дебаты с Дэнни, который все время спрашивает меня: «Ты уверена?»

– Конечно она уверена, твою мать! – громыкает Джошуа.

Потом мы остаемся одни.

– Ты поедешь на машине?

– Джерри нужны еще одни выходные. Механику. Я поеду на автобусе.

Джошуа двигает меня вперед – тяжело дышащую, потную марионетку.

Вкус на языке кислотный. Джошуа убирает руку с моей шеи и цепляется пальцем за шлевку сзади на моих джинсах, другой придерживает меня за локоть. Чувствую, как костяшка его пальца давит на точку над ложбинкой между ягодиц, и громко хохочу.

Ступени на подземной автостоянке крутые, и я останавливаюсь, но Джошуа толкает меня вперед, руки его напрягаются. Он чиркает пластиковым ключом по пропускному устройству, мы входим внутрь, и он аккуратно подводит меня к своей черной машине. Чувствую запах выхлопных газов и бензина. Чувствую все запахи. Сухо блюю за колонной. Джошуа озабоченно кладет руку между моими лопатками. Несколько раз поглаживает круговыми движениями. Меня сотрясает новый приступ рвоты.

Джошуа усаживает меня на пассажирское сиденье. Забрасывает на заднее сумку, о которой я и думать забыла. Заводит машину. Я мельком вижу свое отражение в боковом зеркале: голова свернута набок, на скулах – темные тени, тушь размазалась.

– Ну что? Тебя стошнит в машине, Печенька? – В его голосе не слышно ни нетерпения, ни раздражения. Он открывает окно с моей стороны на несколько дюймов.

– Нет. Может быть. Ну, вероятно.

– Используй вот это, если понадобится, – говорит он мне, подавая использованный стакан от кофе навынос. Включает задний ход. – Говори, куда ехать.

– Катись в ад! – Я снова начинаю смеяться.

– Так вот, значит, откуда ты явилась.

– ...ткнись. Давай налево.

Я, как навигатор, провожу машину к дому, где живу. Глаза держу полуприкрытыми, считаю вдохи и выдохи, и меня не рвет. Это достижение.

– Здесь. Перед домом будет в самый раз.

Джошуа качает головой, и я, не в силах сопротивляться, показываю ему свое пустующее парковочное место. Ему приходится помочь мне вылезти из машины, и я повисаю на нем. Моя щека мигом ложится на что-то вроде его груди. Рука обнимает нечто вроде его талии.

Он нажимает кнопку, и вот мы уже стоим напротив друг друга в кабине лифта. Игра в гляделки перекрывается жарким, потливым воспоминанием о том последнем разе, когда мы делали это вместе.

– В тот день у тебя глаза были как у серийного убийцы. – Должно быть, вместе со рвотой я изрыгнула из себя словесный фильтр.

– У тебя тоже.

– Мне нравится твоя футболка. Очень. Она на тебе отлично смотрится. Джошуа озадаченно оглядывает себя:

– В ней нет ничего особенного. Мне... мне твоя тоже нравится. Она такая большая, как платье.

Двери лифта открываются. Я вываливаюсь наружу. К несчастью, Джошуа меня не оставляет.

– Здесь. – Я прислоняюсь к двери своей квартиры.

Джошуа находит ключи в моей сумке и отпирает дверь.

Никогда не видела человека, которому больше хотелось бы получить приглашение войти. Он просовывает голову в дверной проем. Руки цепляются за косяк, будто он вот-вот ввалится внутрь.

– Это не то, чего я ожидал. Не так уж... цветасто.

– Спасибо тебе. Всего хорошего. – Я проталкиваюсь на кухню и хватаю стакан. Потом пью прямо из-под крана.

– Думаю, мы могли бы найти клинику, которая работает в вечернее время, – произносит у меня за спиной Джошуа и забирает стакан, прежде чем я успеваю его уронить.

Он придвигает к стенке тостер и, чтобы заполнить неловкую паузу, складывает кухонное полотенце. Потом скребет ногтем приставшую к столешнице крошку. О боже, он из тех мужчин, которые любят чистоту! Ему хочется засучить рукава и начать мыть и чистить.

– Тут такой бардак, да? – Я указываю на чашку с отпечатком помады на краю.

Он смотрит на нее с вожделием, и мы одновременно пытаемся разойтись в тесном пространстве.

– Позволь мне отвезти тебя к врачу.

– Мне нужно прилечь. И все.

– Может, позвонить кому-нибудь?

– Мне никто не нужен, – гордо заявляю я и протягиваю руку за ключами.

Джошуа держит их вне пределов досягаемости. *Мне никто не нужен. Я позабочусь о себе сама. Справлюсь. Я одна в этом мире.*

– Одна во всем мире? Как драматично! Схожу в аптеку и посмотрю, что я могу сделать для тебя.

– Конечно-конечно. Приятных выходных.

Когда дверь за ним прикрывается, я заново утверждаюсь в мысли, что моя квартира похожа на зону стихийного бедствия, загромождена вещами и, да, довольно бесцветна. Отец называет мою берлогу «иглу». У меня не хватило времени, чтобы придать ей отпечаток моей личности. Я была

слишком занята. Застекленный шкаф со смурфами занимает большую часть стены в гостиной, но без подсветки он тонет в темноте. Слава богу, Джошуа ушел!

Кровать моя выглядит так, будто я видела тревожный сексуальный сон, что верно. Простыни сбиты и смяты, а та сторона, где должен спать мужчина, завалена книгами. Из ящиков, как салат из бургера, торчат лямки нижнего белья и краешек трусов со смурфами. Беру с прикроватной тумбочки копию страницы из ежедневника Джошуа и прячу ее.

Принимаю душ: он восхитителен, мучителен, бесконечен. Делаю воду прохладной и ледяной. Потом включаю горячую и разогреваю себя изнутри. Ловлю ртом струйки. Выдавливаю себе на макушку горку шампуня и даю воде смыть его. Свидетельство того, что я, вероятно, близка к смерти, – отсутствие желания воспользоваться кондиционером для волос.

Голова идет кругом и полнится нелепыми образами. Я прислоняюсь к кафельной стенке и вспоминаю, каково это было – опираться спиной на дерево, когда Джошуа Темплман прикрывал меня своим телом.

Наедине с собой я могу воображать что хочу, и мысли мои вовсе не прогрессивные, созвучные двадцать первому веку.

Это развратные, brutальные мысли пещерной женщины. В моих мечтаниях Джошуа наэлектризован животным инстинктом защищать меня, его большие руки с крепкими мышцами обхватили мое тело. Он принимает на себя все удары, и это его привилегия. Он напичкан по самое некуда природным супернаркотиком тестостероном.

Я завернулась в Джошуа и защищена от всех напастей, которые может послать мне мир. Всему болезненному или жестокому придется сперва пробиться сквозь него, прежде чем оно доберется до меня. И этого никогда не случится.

– Жива?

Я вскрикиваю, когда понимаю, что резонирующий голос звучит не в моем воображении, и вжимаюсь в кафель.

– Не входи! – Дверь я закрыла. Спасибо вам, ангелы-хранители. Скрещиваю руки поверх частей тела, которые просвечивают на флюорографии.

– Конечно я не войду, – рычит Джошуа.

– Я совершенно голая. Синяки... – Я акварель Моне, фиолетовые кувшинки плавают на зеленой воде. Он ничего не отвечает. – Ты иди. В гостиную.

Вытирание причиняет боль. Приоткрываю дверь ванной и слышу тишину. Семеню в спальню и нахожу белье – отвратительный бежевый

лифчик, шорты и старый верх от пижамы с миленьким динозавром на нем, глаза его сонно полуприкрыты, а под ним написано: «Соннозавр».

Голая, одеваюсь, меня отделяет от Джошуа стена. Я люблю тебя, стена. Хорошая стена. Бросаюсь на постель, так что матрас жалобно взвизгивает, и больше ничего не слышу.

Просыпаюсь, как на вулкане.

– Нет! Нет!

– Я не отравлю тебя. Хватит кривиться. – Рука Джошуа поддерживает меня за шею, а другая вкладывает мне в рот две пилюли. Я делаю глоток воды, после чего Джошуа меня отпускает.

– Мама всегда давала мне лимонад. И сидела со мной. Когда я просыпалась, она всегда была рядом. А твоя? – Я говорю, как пятилетняя девочка.

– Мои родители были слишком заняты, работали сменами, следили за другими больными, так что на меня у них времени не оставалось.

– Врачи.

– Да, я был не в счет. – Резкость тона выдает, что это болезненная тема. Чувствую его руку у себя на лбу, пальцы легкие и напряженные.

– Давай измерим температуру.

– Я чувствую себя так глупо. – Голос у меня искажен из-за термометра во рту.

Наверное, Джошуа купил его, потому что у меня градусника нет. Я переживаю момент, которому судьбой назначено стать самым неприятным воспоминанием в моей жизни.

– Ты никогда не позволишь мне забыть об этом. – Вот что я пытаюсь сказать. Благодаря термометру получается какая-то невнятица, будто у меня контузия.

– Конечно позволю. Не сжуй термометр, – тихо отвечает он, вынимая градусник у меня изо рта. – Нельзя допускать, чтобы температура поднялась выше ста четырех.

В приглушенном вечернем свете глаза Джошуа стали темно-синими. Он смотрит на меня внимательно, почти как врач, а потом нежно проводит по моему лбу, уже не проверяя температуру, а просто так. Немного поправляет мою подушку. Глаза у него совсем не такие, какие я привыкла видеть.

– Ладно. Остайся на минутку. Но если хочешь, можешь уходить.

– Люси, я останусь.

Когда я наконец засыпаю, то снится мне Джошуа, сидящий на краю

моей постели и наблюдающий за тем, как я сплю.

Глава 10

Меня рвет. Джошуа Темплман держит у меня перед лицом большой контейнер фирмы «Гапервер» – в нем я обычно ношу торты на работу. Чувствую слабый, ввевшийся в пластик сладковатый запах сахарной помадки и яиц. Новый приступ рвоты. Запястье Джошуа поддерживает мою полуживую голову, волосы он собрал в кулак.

– Это так отвратительно, – говорю я между позывами. – Я так... я так...

– Ш-ш-ш, – отвечает Джошуа, и я засыпаю, вздрагивая и хватая ртом воздух, а он протирает мне лицо чем-то холодным и влажным.

Когда я вновь просыпаюсь и сажусь прямо, на часах 1:08. Я испуганно вздрагиваю, замечая, что кровать рядом со мной прогнулась под какой-то тяжестью.

– Это я, – произносит Джошуа.

Он сидит близко к изголовью кровати, вложив большой палец в каталог со смурфами. Обуви на ногах нет, ступни в носках небрежно скрещены. Другие книги аккуратной стопкой переложены на комод.

– Мне так холодно, – стуча зубами, говорю я, кладу руку на голову – волосы все еще не высохли после душа.

– У тебя температура поднимается, – качает головой Джошуа.

– Нет, мне холодно, – возражаю я.

Пошатываясь, я иду в ванную, оставляя дверь открытой. Писаю, смываю воду и тут только понимаю: леди так себя не ведут. Ну что же. Теперь он видел и слышал практически все. Что еще мне осталось? Разве что инсценировать собственную смерть и начать новую жизнь.

Пальцем втираю на язык немного зубной пасты. Икаю. И еще раз.

Слышу, как разворачивается хлопковая ткань, щелкает резинка, скрипит матрас, в щель двери вижу, что это Джошуа стелет на кровать свежее белье. Я взмокшая, отвратительная развалина, но все равно с интересом глазею на его согнутую фигуру со спины.

– Как дела? – Он смотрит на меня из-под руки и надевает простыню на резинке на последний угол матраса. Моему матрасу повезло – получил сеанс мануальной терапии.

– О, просто здорово. А у тебя? – Я падаю на постель и закутываюсь в одеяло.

Матрас рядом со мной тяжело прогибается, и на лоб мне ложится рука

Джошуа.

– Ах, как приятно.

Рука у него такой температуры, которой мне нужно стремиться достичь. Цель наших стремлений – не нарушать правила «зуб за зуб», поэтому я поднимаю руки и кладу их ему на лоб.

– Ладно. – Он веселится.

Я трогаю лицо своего коллеги Джошуа. Это сон. Я проснусь с ним, сидя в автобусе, и он будет усмехаться, глядя на нитки слюней у меня на подбородке. Но минута проходит за минутой, а этого не случается.

Я веду руки вниз, по наждачке на его щеках, вспоминая, как он держал в ладонях мое лицо в лифте. Никто никогда так не держал меня. Открываю глаза, и, могу поклясться, он дрожит. Трогаю его пульс. Он трогает мой.

Теперь мои руки у Джошуа на горле, и я вспоминаю, как однажды ужасно хотелось придушить его. Раздвигаю пальцы на его шее, просто чтобы проверить размер, он прищуривает один глаз и говорит:

– Давай. Сделай это.

Его шея слишком толстая для моих маленьких рук. Чувствую, как внутри его, во всем теле нарастает напряжение. В горле возникает какой-то звук.

Ему больно. Может, я душу его. Горло его краснеет. Когда он пронзает меня взглядом, я понимаю, сейчас что-то будет. Но вот это происходит, и я оказываюсь неготовой.

Мир взрывается от его смеха.

Это тот же человек, на которого я смотрю каждый день на работе, но только он зажегся. Он будто подключен к сети и наэлектризован. От него исходят веселье и свет, и его цвета начинают переливаться, как витражное стекло. Коричневый, золотистый, голубой, белый. Это преступление, что я до сих пор ни разу не видела этих складок от улыбки на его щеках. Губы Джошуа слегка изогнуты, видны ровные зубы, а каждый из уголков рта взят, как в скобки, маленькой ямочкой.

Смешки вырываются из него хрипловатыми, сдавленными порывами, как будто он не может удержать их внутри, и это так же очаровывает меня, как вкус его губ или запах кожи. Его восхитительный смех – это то, что мне сейчас нужно.

Если бы я раньше замечала, как он красив, мимоходом или в моменты раздражения, то никогда не узнала бы, чем все обернется. Когда Джош улыбается, он ослепителен. Сердце мое стучит, и я спешно сохраняю в памяти этот сумеречный момент. Другого такого у меня не было, хотя сейчас я и в горячке.

Если бы только я могла продлить этот миг! Но я уже чувствую грусть, которая опустошит меня, когда он закончится. Мне хочется сказать: «Не уходи». Пальцы мои, наверное, сжимаются, потому что Джош хохочет так, что матрас под нами начинает ходить ходуном. Бриллиантовая влажная искра света в уголке его глаза – для меня пуля в сердце. Этот прекрасный, невероятный момент я буду прокручивать в памяти даже в сто лет.

– Ну давай убей меня, Печенька, – выдыхает он, вытирая глаза рукой. – Тебе ведь хочется этого.

– Ужасно! – У меня тоже сдавливает горло, и я едва способна повторить то, что он однажды сказал мне: – Так хочется. Ты даже не представляешь.

Пижама взмокла от пота. Я чувствую это сразу после резкого пробуждения. В моей спальне находится третий человек. Раньше я никогда не видела его. Поднимаю визг, как раненая обезьянка.

– Успокойся, – говорит мне в ухо Джош.

Я забираюсь к нему на колени, прижимаюсь щекой к его ключице и втягиваю в себя кедровый аромат с такой силой, что, наверное, могу вместе с ним вобрать в себя дух Джоша. Меня хотят отправить в отделение неотложной помощи, забрать из моего надежного убежища – собственной постели и этих рук.

– Не позволяй им, Джош! Мне уже лучше!

– Я врач, Люси. Когда вы заболели и каковы симптомы? – Мужчина надевает перчатки.

– Она с самого утра не была здорова. Румянец, рассеянность, и ей становилось хуже в течение дня. С обеда было видно испарину. И она ничего не ела. В пять вечера началась рвота.

– А потом? – Доктор продолжает перебирать вещи в своем чемоданчике, выкладывая их на край моей кровати, и я смотрю на это с подозрением.

– К восьми начался бред. Пыталась задушить меня голыми руками в половине второго. Температура поднялась почти до ста четырех, а сейчас у нее сто пять и шесть.

Я зажмуриваю глаза. Незнакомые прорезиненные руки ощупывают железы. Джош утешительно поглаживает мне руку. Теперь я сижу между его бедрами, ощущая за лопатками массивное тело. Мое личное человеческое кресло. Врач нажимает пальцами на мой живот, я тихо вскрикиваю. Верх пижамы задран на несколько дюймов вверх.

– Что с ней случилось?

При виде синяков они оба сочувственно вздыхают.

– У нас на работе был пейнтбольный день. Но даже у меня спина не такая страшная, как это. – Пальцы Джоша гладят мою кожу, и я усиленно обливаюсь потом. – Бедная Печенька, – говорит он мне в ухо. Это не сарказм.

– Вы ели в каком-нибудь ресторане?

Копаюсь в мозгах.

– Обедала в тайском, где дают еду навынос. Но не сегодня. Может быть, вчера.

Когда врач хмурится, его лицо начинает казаться мне таким знакомым.

– Пищевое отравление – это вполне возможно.

– Но может быть и вирус, – возражает Джош. – Времени прошло многовато.

– Если ты так хорошо ставишь диагнозы, зачем было звать меня?

Они начинают пререкаться по поводу симптомов моей болезни. Мне они напоминают двух парней, говорящих о спорте, а вирусы, которые в последнее время отмечены в городе, – это команды. Я слежу за ними из-под полуприкрытых век. Никогда не встречалась с врачами, которые приходят на дом, особенно в два тридцать девять ночи. Ему за тридцать, высокий, темноволосый, с голубыми глазами. Он явно надел пиджак поверх пижамы.

– Вы красивый, – говорю я доктору.

Потеря способности фильтровать мысли и слова может стать вторичным диагнозом.

– Вау, она, вероятно, действительно бредит, – едко замечает Джош и кладет руки мне на плечи, сжимая пальцами ключицы. От этого я замираю.

– Забавно, обычно красавчиком называли его, – с кривой усмешкой говорит доктор, роясь в чемоданчике, который стоит в ногах кровати. – О, не беспокойся, Джош.

– Вы его БРАТ, – произношу я с детским изумлением, когда заржавевшие шестеренки в моем мозгу снова приходят в движение. – Я думала, он неудачный эксперимент.

Мужчины переглядываются, и брат Джоша смеется:

– А она милая.

– Она... – Я чувствую, Джош качает головой. Он придвигает меня немного ближе к своей груди, и мой лихорадочный мозг интерпретирует это как то, что мой спаситель льнет ко мне.

– Я жалкая. Это он мне постоянно говорит. Как вас зовут?

– Я Патрик.

– Патрик Темплман. Ну и дела! Значит, вы тот самый доктор

Темплман.

Я сижу между колен Джоша. Моя голова упирается в его шею, может быть увлажняя ее моим потом. Пытаюсь отстраниться, но меня держат крепко.

– Я действительно доктор Темплман. Один из них, во всяком случае. – Веселость сходит с его лица, он откашливается и начинает отворачиваться.

Я хватаю его за рукав, пытаюсь разглядеть, много ли в его лице черт Джоша. Он послушно останавливается, но бросает быстрый взгляд на Джоша, который сидит у меня за спиной, окаменевший, как кирпичная стена.

– Сожалею. Но да, Джош симпатичнее.

Повисает пауза, а потом оба брата раздражаются хохотом. Патрик ничуть не обижен, руки Джоша расслабляются.

– Можете рассказать мне о нем какие-нибудь постыдные вещи?

– Когда вы почувствуете себя лучше, обязательно. Давай ей пить, Джош. Она маленькая, и легко может наступить обезвоживание.

– Я знаю. – Вместе они ласково заставляют меня выпить какое-то кислое лекарство, потом укладывают в постель и оба выходят из комнаты, но голоса их до меня долетают.

– Ты справился бы сам, – говорит Патрик, шумно роясь в чемоданчике с инструментами. – Ты все сделал правильно.

Джош шумно вздыхает. Я уверена, он только что сложил на груди руки.

– Не принимай защитную стойку. Теперь следующий тяжелый вопрос. Ты собираешься отвечать на мое приглашение? Когда-нибудь?

– Я собирался. – Он лжет.

– Ну что ж, ты можешь сделать это сейчас. И не притворяйся, будто не знаешь дату. Мне известно, что мама передала тебе приглашение лично. Мы не хотим, чтобы оно «где-то затерялось», как случилось с приглашением на вечеринку по случаю помолвки.

Джош, ты маленький плут.

Патрик думает так же.

– Отвечай прямо сейчас. Минди нужно знать. Хотя бы ради таких мелких деталей, как заказ кейтеринга. Рассадка.

– Я сейчас занят, – пытается отбрыкаться Джош, но Патрик его обрывает:

– Представь, как это будет выглядеть, если ты не появишься. – Джош не отвечает, и Патрик настаивает: – Я знаю, это будет нелегко.

– Ты ждешь, что я приду туда, как будто ничего не случилось?

Патрик смущается:

– Но ты приведешь с собой Люси, разве нет?

Я раздумываю об этом в темноте. С чего Джошу так трудно прийти на свадьбу к своему брату?

– Она не моя девушка. Мы работаем вместе. – Джош говорит раздраженно.

Лучше бы эти слова не были для меня ударом ниже пояса, но они бьют, и больно.

– Значит, ты обманул меня.

– Да, но она ищет себе симпатичного парня. Разве не все они такие?

Напряженная тишина.

– Сколько еще раз я должен говорить тебе...

– Больше ни разу. – Джош как будто кладет конец этому разговору.

Снова тихо. Я почти слышу, как оба они смотрят на дверь моей спальни.

Патрик понижает голос, и я ничего не могу разобрать, кроме того, что они обиженно спорят. Отчаянно ненавидя себя, я тихо сползаю с кровати, осторожно, чтобы не засветиться. Отвратительная маленькая шпионка.

– Я прошу тебя прийти на мою свадьбу и порадовать твою мать. Осчастливить меня. Минди сама не своя от переживаний, что происходит какая-то семейная междоусобица.

Джош вздыхает, тяжело и пораженчески:

– Ладно.

– Значит, это «да»? «Да, спасибо, Патрик, я с удовольствием приду на твою свадьбу»? «Я принимаю твое любезное приглашение»?

– Да. Так.

– Я внесу тебя в список и помечу «плюс один». Если она переживет ночь.

Я в ужасе хватаюсь за стену, но потом слышу, как Джош саркастично произносит:

– Ха-ха.

Время предрассветное, и в моей комнате царит голубоватый льдистый полумрак. Я сижу и неловко глотаю нечто похожее на лимонад. Джош сходил в магазин через дорогу, что ли? Кисло-сладкий вкус ностальгии по детству и тоска по дому – из-за них я едва не поперхнулась.

Джошуа забирает стакан и снова опускает меня на подушки, поддерживая рукой за плечи. Вчера его прикосновения были неуверенными, но теперь он прикладывает ко мне ладонь и расставляет

кончики пальцев без колебаний. Он выглядит усталым.

– Джош...

В его глазах вспыхивают искры удивления.

– Люси...

– Люсинда, – едко шепчу я. Он отворачивается, чтобы скрыть улыбку, но я хватаю его за рукав. – Не надо. Я уже видела. – Мне его улыбка никогда не надоест.

– Ладно.

Могу точно сказать, Джош смущен. И не он один. Я так долго смотрела на него, что он разложился на цветовой спектр. Он мои дни недели. Клеточки в моем календаре.

– Белая, в бело-серую полоску, кремовая, неспецифическая по гендерной принадлежности желтая, отвратительная горчичная, светло-голубая, цвета яйца малиновки, голубино-серая, темно-синяя, черная. – Я загибаю пальцы.

Джош встревожен:

– Ты бредишь.

– Не-а. Это цвета твоих рубашек. Хьюго Босс. Ты когда-нибудь покупал вещи на распродажах?

– Какая разница между белой и бело-серой?

– Небеленое полотно. Скорлупа яйца. Они разные. Ты удивил меня всего один раз.

– И когда же это случилось? – Он задает вопрос снисходительно, как няня ребенку.

Я сердито стучаю пяткой по матрасу.

Почему я не в черной комбинации хотя бы? Никогда еще я не была столь непривлекательной. На мне какой-то «Соннозавр». Я опускаю взгляд. Красный топ. Вот черт! Он меня передел.

– Лифт, – выбалтываю я. Хочется перенести этот момент в то время, когда я была хоть в половину привлекательнее. – Ты тогда удивил меня.

Джош смотрит на меня с осторожностью:

– Что ты подумала?

– Я подумала, ты хочешь навредить мне.

– О, здорово! – Он откидывается назад в замешательстве. – Очевидно, мои приемы несколько устарели.

Я хватаюсь за его рукав с нечеловеческой силой и немного приподнимаюсь.

– Но потом я поняла, что ты делал. Целовался. Разумеется. Я не целовалась уже целую вечность.

Джош хмурится:

– О, ну да.

Он смотрит на меня сверху вниз.

Я так старательно подбираю слова, что голос дрожит:

– Было здорово.

– Меня не беспокоили ни кадровики, ни копы, так что... – Он замолкает, глядя на мои губы.

Я накручиваю на кулаки его футболку. Она настолько мягкая, что мне хочется завернуться в нее целиком.

– Моя кровать такая, какой ты ее представлял?

– Я не ожидал увидеть столько книг. И она несколько больше, чем я думал.

– А как насчет квартиры?

– Это маленький свинарник. – Он не порочит меня таким отзывом.

Это правда.

– Ты думаешь, мистер Бексли и Хелен целуются в лифте? – Пока он отвечает на мои вопросы, я буду продолжать задавать их.

– Даю гарантию. Уверен, они неистово трахаются из ненависти друг к другу после каждого квартального отчета. – Глаза Джоша становятся черными, он выкручивает из моих рук футболку, а я успеваю углядеть узкую полоску его живота – твердого и с волосками. Начинаю потеть еще больше.

– Могу поспорить, когда ты принимаешь душ, вода льется прямо... сюда. – Я кладу палец на его ключицу. – Мне хочется пить. У меня будет обезвоживание. – Джош вздыхает, и меня обдает потоком воздуха. – Давай будем как они, когда вырастем, Джош. Мы можем начать новую игру. Представь. Мы можем играть в игры вечно.

– Давай поговорим об этом, когда ты справишься от лихорадки.

– Ага, верно. Когда я поправлюсь, ты снова начнешь меня ненавидеть, но сейчас между нами все хорошо. – Я беру его руку и кладу себе на лоб, чтобы скрыть внезапное отчаяние.

– Я не буду, – говорит он, убирает руку и проводит ею по моим волосам.

– Ты так ненавидишь меня, я больше не могу этого выносить. – Я жалка. Слышу это по голосу.

– Печенька...

– Перестань называть меня Печенькой! – Я пытаюсь откатиться на свою половину, но он мягко давит ладонями на мои плечи. Я перестаю дышать.

– Наблюдать за тем, как ты изображаешь возмущение этим прозвищем, – самое большое удовольствие за день.

Я не отвечаю, тогда он отпускает меня, сдерживая улыбку.

– Пора рассказать мне о клубничной ферме.

Это больная тема, и, кроме того, он не первый раз заводит подобный разговор. Может, сейчас я дам ему пищу для шуток, которыми он станет дразнить меня еще долго.

– Зачем?

– Мне всегда хотелось знать. Расскажи мне все о клубнике. – Его тихий, соблазняющий шепот просто смерть для меня.

Мысленно я почти там, под большим зонтом с оторванным краем полотняного купола, разговариваю с туристами, а их дети уже бегут вперед, клацающая ведерками. Знакомый, чуждый этому дому стрекот цикад наполняет воздух. Там никогда не бывает тихо.

– Ну что ж. Альпийская, которую называют также «Миньонет», растет во Франции в диком виде на склонах холмов, ягоды у нее крупные, с твой ноготь большого пальца. Для своего размера они удивительно ароматные.

– Расскажи еще.

Я приоткрываю глаза.

– Клубника – это не шутки. Говоря на эту тему, я могу положить на лопатки любого.

– И это так привлекательно в тебе.

Слово «привлекательно» неоновым огоньком вспыхивает в моей полутемной спальне. Я настолько взволнована, что начинаю трещать без умолку.

– Ладно. Хорошо. Ранозцветающая. Она растет очень быстро. В один день ты идешь на закате мимо зеленых грядок, на следующее утро – они в цвету. Маленькие красные бутончики становятся ярче. К обеду расцветают, как рождественские огни.

Джош вздыхает и на секунду прикрывает глаза. Он вымотался.

– Какую ты любишь больше всего?

– «Рэд гонтлет». Она росла на ближайших к кухне грядках, и мне было лень идти дальше. Каждое утро на завтрак у меня был большой розовый смузи.

Джош сидит молча, и глаза у него какие-то совсем незнакомые. Задумчивые, одинокие и такие красивые, что мне приходится закрыть свои.

– Клянусь, я все еще чувствую застрявшие между зубов семечки. «Чадлер» – любимый сорт моего отца. Он говорит, что благодаря ему заплатил за мое обучение в колледже.

– Какой он, твой отец? Его зовут Найджел, да?

– Ты же читал блог. Он так много работал, чтобы отправить меня учиться. Даже не могу сказать, чего ему это стоило. В тот день, когда я уезжала в колледж, он плакал на заднем крыльце. Он сказал... – Я замолкаю. Горло сдавливает, и продолжать говорить невозможно.

– Что он сказал?

От прямого ответа я уклоняюсь:

– Я давно не вспоминала об этом. Дома не была уже одиннадцать месяцев. Пропустила Рождество, потому что Хелен уезжала во Францию навестить родных и я оставалась за нее.

– Я тоже не ездил домой.

– О да. Родители прислали мне огромную посылку. Я ела печенье, разворачивала подарки на полу в гостиной и смотрела рекламу по телику. А ты что делал?

– Почти то же самое. Что он сказал тебе тогда? Твой отец, на заднем крыльце. – Он вцепился в эту тему, как собака в кость.

Я не могу передать ему весь разговор, а то начну плакать. И мне будет не остановиться. Отец, локти на коленях, слезы оставляют светлые полосы на его загорелом, запыленном лице. Я сокращаю разговор до продезинфицированной оболочки:

– Что его утрата – выигрыш для мира. А моя мама, она не переставала хвастаться, всем рассказывала, что ее дочь уезжает в колледж... Она выводит новые сорта клубники, они все называются «Люси».

– Судя по блогу, «Люси» номер двенадцать оказался достаточно хорошим результатом. Расскажи еще.

– Не понимаю, что тебя так увлекает в этом блоге. Мама была журналистом в газете, но ей пришлось бросить профессию.

– Ради чего?

– Ради моего отца. Она готовила статью о воздействии сильных дождей на сельское хозяйство и поэтому пошла в местный фруктовый сад. Отца она нашла на дереве. Он мечтал открыть клубничную ферму и не мог сделать это в одиночку.

– Ты считаешь, она приняла неверное решение?

– Отец всегда говорит: «Она сняла меня». Как яблоко, прямо с дерева. Я люблю их, но иногда думаю, что это печальная история.

– Ты могла бы спросить ее об этом. Возможно, она ни о чем не жалеет. Они до сих пор вместе, и благодаря этому ты здесь.

– Отец всегда называет другие имена, которые начинаются с «Джей», но никогда не произносит твое настоящее имя.

– Что? – Джош выглядит встревоженным. – Ты рассказала обо мне своему отцу?

– Он злится на тебя за то, что ты такой неприятный тип. Джулиан, Джаспер и Джон. Однажды он назвал тебя Джебедия, и я чуть не описалась от смеха. Тебе придется подлизываться к моему отцу, это точно.

Джош выглядит таким взволнованным, что я решаю дать ему передышку и сменить тему.

– Когда я скучаю по дому, то могу почувствовать запах теплой клубники. И мне этого хватает с лихвой. – Я наблюдаю, как Джош пытается выкарабкаться из этой мешанины бессмысленных фраз.

– Ты там играла на грядках? Когда была маленькой?

– Ты видел фотографии в блоге. Ясно же, что играла.

Я отворачиваюсь. Вот я. Коленки измазаны розовым ягодным соком, копна растрепанных волос, глаза голубее неба. Маленькая дикарка с фермы.

– Не смущайся. – Джош нежно прикасается кончиками пальцев к моему подбородку и поворачивает мое лицо к себе. – Ты в коротком комбинезоне. У тебя такой вид, будто ты целые дни проводила на улице. Вся грязная и дикая. Улыбка у тебя все такая же.

– Ты никогда не видишь мою улыбку.

– Могу поспорить, у тебя был домик на дереве.

– Был. Я практически жила в нем.

Глаза Джоша разгораются, такого выражения я в них еще не видела. На секунду прикрываю свои, чтобы дать им отдохнуть.

Он щупает мне лоб – проверяет температуру, а когда убирает ладонь, я скулю. Он берет меня за руку:

– Я никогда не считал твое происхождение низким.

– О конечно. Ха-ха! Клубничная Печенька!

– Мне было интересно, где ты родилась и выросла. «Скай даймонд строуберис» – это лучшее место, какое только можно вообразить. Мне всегда хотелось побывать там. Я даже проложил путь по картам «Гугл». Забронировал билет на самолет и арендовал машину.

– Ты любишь клубнику? – Я не знаю, что еще сказать.

– Я люблю клубнику. Так сильно, ты просто не представляешь. – В его голосе столько тепла, что я ощущаю прилив эмоций. Не могу открыть глаз. Он увидит, что в них стоят слезы.

– Ну что ж, ферма ждет тебя. Заплати даме под зонтиком и возьми ведерко. Сошлись на меня, чтобы тебе дали скидку, но только учти: тебя подвергнут допросу, как у меня дела. Как у меня дела взаправду. Не

одиноко ли мне? Нормально ли я питаюсь? Почему я никак не могу найти времени и приехать?

Я вижу перед собой заявки на работу, как они лежат рядышком в бежевой папке, и вдруг ощущаю страшную усталость и головокружение. Мне хочется погрузиться в сон, уйти в это прелестное темное пространство, куда за мной не последуют тревоги и беспокойства. Начинаю ощущать медленное кружение.

– Что ей сказать?

– Мне так страшно. Скоро все это закончится, так или иначе. Я вишу на волоске. И не представляю, принесет ли когда-нибудь доход инвестиция, сделанная в меня родителями. Иногда мне так одиноко, что хочется плакать. Я потеряла лучшую подругу. Провожу все время с огромным, устрашающим мужчиной, который хочет меня убить, а теперь он, вероятно, мой единственный друг, хотя ему самому этого не хочется. И это разбивает мне сердце.

Его губы прижимаются к моей щеке. Поцелуй. Чудо. Теплое дыхание Джоша обдает мою кожу. Кончики его пальцев проскальзывают в мои ладони, и мои пальцы сплетаются с его пальцами.

– Печенька. Нет.

Я пробираюсь сквозь бесконечные извилистые ходы и крепче сжимаю его руки.

– У меня так кружится голова... – Да, но мне нужно закончить этот разговор.

– Мне нужно тебя кое о чем спросить, – через некоторое время прорывается через дымчатую мглу голос Джоша. – Это нечестно – спрашивать сейчас, но я спрошу. Если я придумаю способ, как нам выбраться из этой запутанной ситуации, ты хотела бы, чтобы я его применил?

Я продолжаю цепляться за него, как будто он – единственное, что может удержать меня от падения с этой планеты.

– Какой способ?

– Какой получится. Ты хотела бы, чтобы я это сделал?

Если он останется моим другом до конца дней, этого будет достаточно. Это будет настолько восхитительно, что весь негатив улетучится. Хватит одной улыбки.

– Это часть сна, где ты улыбаешься, Джош.

Он с досадой вздыхает. Спокойно держит мои руки, а я, уплывая по орбите в сон, шепчу сквозь дремотный туман:

– Конечно хотела бы.

Глава 11

Я осторожно принимаю сидячее положение в залитой солнцем спальне. Артефакты болезни разбросаны по всей комнате. Полотенца, махровые салфетки, контейнер «Тапервер», чисто вымытый. Верх от пижамы с соннозавром свешивается с крышки корзины для белья. Там же и красный топ. Пейнтбольная одежда лежит на полу кучей и требует сожжения.

Держу во рту термометр, чтобы подтвердить то, что уже известно: лихорадка прошла.

Теперь на мне голубая майка. Цепляюсь рукой за край матраса, так как моя уязвимость становится все более очевидной. Ощупываю плечо и понимаю: лифчик еще на мне. Благодарю всех возможных богов. Но тем не менее. Джошуа Темплман видел весь мой остальной торс.

Заглядываю в гостиную. Он там, растянулся на диване, одна ступня в носке свешивается с края.

Беру свежую одежду и плетусь в ванную. Вот те на! Тушь не смылась под душем, а вместо этого размазалась по лицу и напоминает хеллоуиновскую маску Элиса Купера. Волосы у меня тоже как у него, я скручиваю их в узел. Переодеваюсь, быстро умываю лицо, полощу рот. В любой момент может раздаться стук в дверь.

Это ощущение хуже, чем похмелье. Хуже, чем проснуться утром после рождественской вечеринки в офисе, где пели караоке нагишом. Прошлой ночью я слишком много говорила. Он знает, как мне одиноко. Он видел все, что у меня есть. Теперь он знает столько, что сознание превосходства будет валить из него ядовитыми облаками. Надо выставить его из квартиры.

Я подхожу к дивану. На нем могут сидеть трое, но Джошуа даже вполовину не помещается. Он вздрагивает и приподнимается прежде, чем я успеваю увидеть его спящим.

– Думаю, теперь со мной все будет в порядке.

Мои журналы сложены в стопки. Туфли на каблук убраны из-под кофейного столика. Джошуа прибрал в квартире. Он лежит рядом с моим стенным шкафом, где хранятся смурфы, выстроенные в четыре-пять рядов. Подсветка включена, и это яркое доказательство моего слабоумия. Джошуа встает, и комната уменьшается в размерах.

– Спасибо, что пожертвовал ради меня пятничным вечером. Я не стану возражать, если ты захочешь уйти.

– Ты уверена? – Он суетливо прислоняет пальцы тыльной стороной к моему лбу, щекам, шее.

Я чувствую себя явно лучше, потому что, когда он трогает шею, в ответ на это соски у меня выпячиваются. Я складываю на груди руки:

– Да. Теперь все будет хорошо. Пожалуйста, иди домой.

Он смотрит на меня своими темно-синими глазами, лицо серьезное, но я помню, как оно улыбалось. Сейчас это взгляд врача на пациента. Я больше не стою поцелуя в лифте. Ничто лучше не разрушает химию, чем рвота.

– Я могу остаться. Если ты способна перестать дурить. – На его лице – тень сожаления, и я понимаю, чем это вызвано.

Неловкость между нами не односторонняя. Я тоже заглянула в потайные уголки его сердца этой бесконечной ночью, которую мы пережили. За неприглядным фасадом обнаружили доброта и терпимость. Человеческая порядочность. Юмор. А эта улыбка...

В глубине его глаз таятся искры света, а ресницы, кажется, закрутятся вокруг подушечки моего мизинца. Его скулы поместятся в лодочки моих ладоней. А губы... ну, они подойдут мне в любом месте.

– У тебя глаза потемнели от возбуждения, – говорит он, и я ощущаю жар на щеках. – Наверное, тебе лучше, если ты способна так смотреть на меня.

– Меня тошнит. – Я произношу это чопорно и, отворачиваясь, слышу его хрипловатый смешок.

Он уходит в спальню, и я делаю несколько глотков воздуха.

– Ты и правда немного не в себе. – Когда Джошуа возвращается, в руках у него пиджак, и я понимаю, что он всю ночь провел в своей пейнтбольной одежде. И от него даже не пахнет. Где справедливость?

– Мне нужно... – Я впадаю в отчаяние.

Я беру его за локоть, когда он начинает обуваться в прихожей.

– Да-да, я уйду. Не нужно выставлять меня за дверь. Увидимся на работе, Люсинда. – Он встряхивает баночку с таблетками и передает ее мне. – Возвращайся в постель. Прими еще две в следующий раз, когда проснешься. – Он медлит, на лице написано нежелание уходить. – Ты уверена, что все будет хорошо? – Снова трогает мой лоб, проверяет температуру, хотя она, разумеется, не могла измениться за прошедшие тридцать секунд.

– Не смей дразнить меня этим в понедельник.

Слово «понедельник» продолжает дребезжать между нами, и он убирает руку. Думаю, это наше новое кодовое слово.

– Я притворюсь, что ничего не было, если ты этого хочешь, – сухо отвечает он, и я чувствую, как внутри все сжимается.

В последний раз похожий разговор между нами происходил из-за поцелуя. Он сдержал свое обещание.

Взгляд у него такой, что, наверное, краска может облезть со стены у меня за спиной.

– Знание состава твоей рвоты даст мне преимущество. Какая чушь, Люсинда!

Но вот дверь за ним с грохотом захлопывается, и в квартире наступает тишина, мне хочется набраться храбрости, позвонить и вернуть его. Чтобы сказать спасибо, извиниться, потому что, да, он, как всегда, прав.

Я веду себя совершенно по-дурацки. Чтобы избежать мыслей об этом, я заваливаюсь спать.

Когда я снова открываю глаза, то вижу новую перспективу. Сейчас субботний вечер, и вечернее солнце окрашивает стену у изножья моей кровати в медово-персиковый цвет мерцающей свечи. В цвет его кожи. Моя спальня освещается силой моего прозрения.

Я смотрю в потолок и сознаю ошеломительную правду о самой себе.

Я не испытываю ненависти к Джошуа Темплману.

Сегодня понедельник белой рубашки, шесть тридцать утра. Меня так прополоскало, что можно позвонить и сказать больно, к тому же Хелен все равно не будет на месте, но мне нужно увидеть Джошуа.

Не сомневайтесь, я подвергла микроскопическому анализу каждый момент его присутствия в моей квартире и понимаю необходимость извиниться за то, что выставила его вот так. Он был ко мне добр и вел себя уважительно. Мы балансировали на грани дружбы, а я разрушила все своим острым языком. Вспоминая, как подслушивала разговор Джоша с Патриком, я ощущаю тошнотворное чувство вины. Это не было предназначено для моих ушей.

Как достойно отблагодарить коллегу, который помогал мне опорожнять желудок? Старые бабушкины книги с руководствами по этикету тут не помогут. Открытка с благодарностью или небольшой тортик к такому случаю не подходят.

Я смотрю на себя в зеркало в ванной. Фестиваль рвоты, на котором я отрывалась все выходные, вытравил краску с моего лица. Глаза припухли и покраснели. Губы бледные и шелушатся. Вид такой, будто меня держали заложницей в шахте.

Кухня сверкает, как новая булава. Джош рассортировал мою почту и

сложил аккуратной стопкой на полке. Я вскрываю ногтем верхний конверт, а другой рукой одновременно макаю в чашку пакетик с травяным чаем. Внутри составленная в дружеском тоне записка с сообщением, что плата за квартиру увеличивается. Я прищуриваюсь, глядя на новые цифры ежемесячного взноса, и от моего вздоха, вероятно, задрожали смурфы на полках. Отчаянное заявление о намерении покинуть «Б и Г» теперь выглядит гораздо более пугающим.

Смогу ли я когда-нибудь отважиться на собеседование в другой компании, где придется объяснять, чем я хороша и почему именно меня должны взять на работу? Пытаюсь собрать воедино все те вещи, которые делаю хорошо, но вспоминается только подкалывание Джошуа. Я инфантильна и непрофессиональна.

Я тяжело опускаюсь на стул и пытаюсь прожевать закинутую в рот горсть сухих хлопьев из коробки. Потом еще глубже погружаюсь в уныние и сомнения в собственных силах.

Захожу в Интернет и начинаю просматривать угнетающе пустой сайт по поиску работы. Испытываю облегчение, когда звонит мобильник и на экране отображается номер Дэнни. Странно. Может, у него лопнула шина:

– Алло?

– Привет. Как ты себя чувствуешь? – Тон у него теплый.

– Жива. Еле-еле.

– Я несколько раз звонил тебе в пятницу вечером, но все время наткнулся на Джоша. Ну и мудака!

– Он помогал мне. – Слышу натянутость в собственном голосе и понимаю, что начинаю принимать защитную позу, аж волоски на теле встают дыбом. Что за черт!

Когда меня рвало, он был рядом. Посреди ночи вызвал своего брата. Вымыл посуду. И я почти уверена, следил за мной, пока я спала.

– О прости, я думал, мы его ненавидим. Ты придешь сегодня на работу?

– Да, приду.

– Я внизу, в холле... хм... могу тебя подвезти.

– Правда? Разве у тебя сегодня не первый день свободы?

– Ну да. Но Митчелл написал рекомендательное письмо для меня, и мне нужно его забрать. Так что подвезти тебя – не проблема.

– Я буду внизу через пять минут. – Проверяю, застегнута ли молния на моем сером платье. Накрашенные губы на таком помятом лице – это будет выглядеть глупо.

– Привет! – окликает меня Дэнни, как только я выхожу из лифта. В

руках у него пучок белых ромашек. Мои эмоции балансируют на канате между удовольствием и смущением.

Кажется, Дэнни пружинит на канате рядом со мной. Надо быть слепой, чтобы не заметить, как на его лице за доли секунды возникло выражение удрученного изумления. Какой бы потной и неуклюжей я ни казалась в пятницу, все равно выглядела лучше, чем сейчас.

Дэнни смаргивает эту неподконтрольную разуму реакцию и протягивает мне цветы:

– Не лучше ли тебе остаться дома?

– Я выгляжу хуже, чем чувствую себя. Может, мне... – Я делаю жест рукой в сторону лифта и снова смотрю на Дэнни. На нем футболка с концерта «Матчбокс Твенти», высоко на голове – солнцезащитные очки в некрасивой белой оправе.

Мы стоим и неловко глядим друг на друга.

– Ты можешь поставить их на свой рабочий стол в кабинете.

– Ладно, я так и сделаю.

Это не кажется мне хорошей идеей, но я вся в смятении. Если понесу цветы наверх, то придется звать с собой Дэнни. Мы выходим на улицу, и я впервые за несколько дней делаю глоток свежего воздуха.

Надо как-то выпутываться. Дэнни сегодня что-то задумчив. Я прикрываю глаза от солнца. Может, мне тоже принять задумчивый вид? Может, в магазине напротив продаются оливковые ветви?

– Мне нужно кое-что купить. Я сейчас вернусь.

Расплачиваясь за благодарственный подарок для Джошуа и бант на липучке по жутко завышенной цене, я вижу прислонившегося к машине Дэнни. Засовываю подарок в сумку и торопливо перебегаю улицу в обратном направлении.

Мой спутник открывает дверцу своего внедорожника и помогает мне забраться внутрь. Я слежу, как он огибает капот. В повседневной одежде он выглядит моложе. Стройнее. Бледнее. Пока Дэнни пристегивается ремнем и заводит машину, я соображаю, что так и не поблагодарила его по-настоящему за красные розы. Я девушка с дурными манерами.

– Мне понравились розы. – Я смотрю на маленький букетик у себя на коленях.

– Ромашки? – Он встраивается в поток.

– Да, это ромашки. Хороший выбор для того, кто выздоравливает после эпически-рвотных выходных.

Лучше бы я не говорила таких грубостей, но Дэнни смеется:

– Значит, Джош Темплман. Какая у него роль?

– Дьявол послал на землю своего единственного сына. – Странно, я чувствую стыд.

– Он все время говорил таким покровительственным тоном, как старший брат. – Дэнни прощупывает почву, и мне это ясно.

Я не подаю виду.

– Правда?

– О да. Но не волнуйся. Я скажу ему, что намерения у меня самые достойные. – Он бросает на меня взгляд и криво усмехается, а во мне эхом отзывается растущее чувство глубокого разочарования. Искра желания флиртовать гаснет в груди.

Неужели я для Джошуа как младшая сестричка? Уже не в первый раз парень говорит мне такое. Застарелый стыд возникает вновь. Он поцеловал меня в лифте, и это противоречит братско-сестринской теории. Но повторить этого не пытался, так что, может, она и верна. Вспоминаю, как сказала Джошуа, что целоваться в лифте было здорово, и морщусь.

– Он не сказал о твоём звонке. Спасибо, что ты справлялся обо мне.

– Я и не думал, что он передаст тебе мои сообщения. Но это не важно. Я хочу сходить с тобой куда-нибудь еще раз. На этот раз поужинать. Тебя явно нужно хорошенько подкормить.

Нельзя не оценить его упорство, учитывая странность моего поведения и сегодняшний внешний вид. Пусть меня обворожил Джошуа, но это еще не означает, что надо отказываться. Смотрю на Дэнни. Если бы я бросила в огонь разорванный листок с написанным на нем желанием, Мэри Поппинс доставила бы именно такого парня.

– Поужинать – это иногда бывает неплохо.

Дэнни паркуется в зоне, где можно оставлять машину только на двадцать минут, я записываю его посетителем. Когда двери лифта открываются, я запоздало соображаю, что Дэнни проводил меня до десятого этажа.

– Спасибо.

Он выходит вместе со мной и заставляет остановиться.

– Не напрягайся сегодня.

Дэнни поправляет воротник моего пальто, задевая костяшками пальцев шею. Я упорно противлюсь искушению взглянуть налево. Джошуа может сидеть на своем месте и наблюдать за этой сценой, а может, он еще не пришел. Напряжение, вызываемое неизвестностью, мучительно.

– Ужин? Как насчет того, чтобы перекусить вместе сегодня вечером? Не повредит?

– Конечно, – соглашаюсь я, только бы он ушел.

Дэнни немного манерным жестом отдает мне ромашки, я выдавливаю из себя улыбку. Медленно, как на шарнирах, разворачиваюсь.

Раньше этот момент стал бы настоящим триумфом. Я грезила им наяву. Но когда я вижу Джошуа, который сидит за своим столом и резко стучит по столу стопкой бумаг, подравнивая края, мне хочется отмотать время назад.

Мы играем в новую игру. Правила мне пока неизвестны, но я уже знаю, что совершила неверный первый ход. Кладу ромашки на край своего стола и снимаю с плеч пальто.

– Привет, дружище, – говорит Дэнни Джошу, который развалился в кресле. Поза властного босса, она у него отработана превосходно.

– Ты здесь больше не работаешь. – Джош далек от того, чтобы проявлять любезность.

– Я подвез Люси и подумал, что стоит зайти и поинтересоваться, не в обиде ли ты на меня.

– Что ты имеешь в виду? – Взгляд Джоша режет словно бритва.

– Ну, я знаю, ты покровительствуешь Люси. Но я ведь ничем тебя не задел, верно?

Я барахтаюсь, как рыба на песке, под их коллективным взглядом.

– Ну да, конечно.

Чтобы бросать вызов человеку габаритов Джошуа, надо обладать немалым запасом смелости, и у Дэнни он, очевидно, имеется. Потому что он не отступается:

– То есть у тебя явно были какие-то проблемы. В пятницу ты разговаривал по телефону, как настоящий мудила.

– Она заблевала себе весь топ. У меня хватало проблем и без того, чтобы быть ее секретарем.

– Ты говорил типа как старший брат. Нам нужно это обсудить.

– Потихе! – шиплю я, так как дверь в кабинет мистера Бексли открыта.

– Ну что ж, нет парней, достойных моей сестренки. – Голос Джошуа налит сарказмом, но я все равно падаю духом.

Ужаснейшее утро!

– И ты прав. Я здесь больше не работаю, а потому могу свободно встречаться с Люси, если захочу. – Дэнни смотрит мимо меня на мой стол и приподнимает брови. – Ну-ну. Ты сам знаешь. Романтику никто не отменял.

Джошуа сердито сводит брови и закусывает ноготь большого пальца.

– Убирайся, пока я тебя отсюда не вышвырнул.

Дэнни целует меня в щеку, и я почти уверена: он сыграл на публику.

Это был милый жест в его роли.

– Я позвоню тебе сегодня попозже насчет ужина, Люси. А с тобой нам, вероятно, придется еще поговорить, Джош.

– Пока, приятель, – произносит Джошуа фальшиво-дружелюбным тоном.

Мы оба смотрим, как Дэнни заходит в лифт.

Мистер Бексли ревет как бык в своем кабинете, и только тут я замечаю красную розу на своей клавиатуре.

– Ох!

Я полная и совершенная идиотка.

– Она была здесь, когда я пришел.

Я провела с Джошуа в одной комнате не менее тысячи часов и могу точно сказать: в его голосе звучит кристально чистая ложь. Роза прекрасна в своем бархатисто-красном совершенстве. В сравнении с ней ромашки выглядят как пучок сорняков, выдеранных из канавы.

– Они были от тебя? Почему ты не сказал?

Снова раздается рев мистера Бексли, более раздраженный. Джош продолжает игнорировать его и пронзает меня взглядом:

– Лучше бы с тобой остался Дэнни. Не я.

– Он... Мы просто... Это... Я не знаю. Он милый. – Замешательство олимпийского уровня.

– Да-да. Милый. Необходимейшее качество в мужчине.

– В самую точку. Ты был мил со мной в выходные. Ты был мил, когда послал мне розы. Но теперь снова превращаешься в полного недоумка. – Последние слова я прошипела, как гусыня.

– Доктор Джош, – встречает мистер Бексли из дверного проема, – зайдите в мой кабинет, если вы готовы уделить мне минуточку внимания. А вы, мисс Хаттон, следите за языком. – Он досадливо фыркает.

– Простите, босс. Я сейчас, – произносит Джошуа сквозь сжатые зубы.

Мы оба разгорячились, еще пара секунд – и мы кинемся душить друг друга. Джошуа пролетает мимо моего стола и сметает с него розу.

– Да что с тобой! – Я хватаю цветок, и шип царапает мне ладонь.

– Я послал тебе эти дурацкие розы, потому что ты выглядела сильно расстроенной после нашей ссоры. Вот почему я не делаю для людей приятные вещи.

– Ау! – Я смотрю на свою ладонь. На ней формируется жгучая красная линия. Пытаюсь остановить кровь. – Ты поцарапал меня! – Я ловлю его за манжету и смертельной хваткой сжимаю запястье. – Спасибо вам, сиделка Джошуа, вы были необыкновенно добры. И спасибо вашему прекрасному

брату-доктору.

Джош что-то вспоминает:

– Из-за тебя мне теперь придется идти на его свадьбу. А ведь я почти отделался от этого. Это твоя вина.

– Моя вина?

– Если бы ты не заболела, я бы не встретился с Патриком.

– Это какая-то бессмыслица. Я не просила тебя звать его.

Джошуа изучает кровавую полоску, которую я оставила на его манжете, с выражением крайнего и полнейшего отвращения. Он вкладывает в мою ладонь бумажную салфетку.

– Просто восхитительно, – говорит он, бросая сломанную розу в мусорную корзину. – Продезинфицируй рану. – Джош исчезает в кабинете мистера Бексли.

Я открываю папку с входящими письмами и вижу, что наши собеседования назначены на следующий четверг. Живот слегка вспучивается. Вспоминаю о квартплате. Смотрю на пустующий стол напротив.

Потом я поднимаю коврик для мыши, где спрятала маленькую карточку от флориста, приложенную к букету роз. Я украдкой поглядывала на нее на прошлой неделе, когда Джошуа не видел.

Сейчас смотрю на нее и удивляюсь: как можно было подумать, что розы прислал Дэнни? Это же почерк Джошуа, но тогда я не обратила внимания на наклон и скученность букв.

Ты всегда прекрасна.

На столе лежит одинокий красный лепесток, я надавливаю на него подушечкой большого пальца, поднимаю и выдыхаю аромат, уголкем глаза видя ромашки. Ладонь зудит и щиплет. Джош абсолютно прав. Я поранилась из-за собственной неловкости.

Сижу и вдыхаю запах роз и клубники, пока не прихожу в себя – теперь точно не расплачусь.

Глава 12

Я чувствую себя ребенком, глядя на закатанные белые манжеты Джоша, на одной из которых теперь есть моя ДНК. Много часов он пылающим взглядом буравит экран компьютера и не говорит мне ни слова. Меня это достало.

– Я отнесу твою рубашку в химчистку, – даю я обещание, но он не реагирует. – Я куплю тебе новую. Прости, Джош...

Он обрывает меня:

– Ты думала, сегодня все будет по-другому?

К горлу подступает ком.

– Я надеялась на это. Не злись.

– Я не злюсь. – Шея у него покраснела и ярко горит на фоне белого воротничка.

– Я пытаюсь принести извинения. И хотела поблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал.

– Значит, эти милые ромашки для меня?

Тут я вспоминаю. Это может все исправить.

– Погоди, у меня есть для тебя подарок.

Вынимаю из сумочки небольшой пластиковый кубик, увенчанный красным бантом. И преподношу Джошу с таким видом, будто это коробка с «Ролексом». В его глазах вспыхивает какое-то неясное чувство, но он тут же снова принимает хмурый вид:

– Клубника.

– Ты сказал, что очень любишь ее.

Слово «любовь», вероятно, еще ни разу не произносилось в нашем кабинете, и от этого голос у меня как-то странно подрагивает. Джош смотрит на меня в упор:

– Удивляюсь, что ты хоть что-то помнишь. – Он ставит коробочку с клубникой на поднос для исходящих бумаг и снова вводит пароль на компьютере.

Несколько минут тишины, и я предпринимаю новую попытку:

– Чем я могу отплатить тебе за... за все? – Баланс сил драматическим образом сместился. Я у него в долгу. Я должна ему. – Скажи, что я могу сделать. Я все сделаю.

На самом деле мне хочется сказать: «Поговори со мной. Пообщайся. У меня ничего не клеится, если ты меня игнорируешь».

Джош продолжает печатать, лицо бесстрастное, как у манекена, которого используют на аварийных испытаниях. Справа от него сводки с цифрами продаж, он черкает по ним зеленым текстовыделителем. Мне же вообще нечем заняться из-за отсутствия Хелен.

– Я сделаю уборку в твоей квартире. Я буду твоей рабой на целый день. Я... испеку для тебя торт.

Между нами как будто поставлена звуконепроницаемая панель. Или, может быть, меня стерли ластиком. Лучше дать ему возможность заниматься в тишине своим делом, но я не могу замолкнуть. Он все равно меня не слышит, так что не имеет значения, если я произнесу вслух следующие слова:

– Я пойду с тобой на свадьбу.

– Замолчи, Люсинда!

Значит, он меня слышит.

– Я буду твоим личным водителем. Ты сможешь выпиться. До чертиков. И прекрасно проведешь время. Я буду твоим шофером.

Джошуа берет калькулятор и начинает считать. Я не унимаюсь:

– Я отвезу тебя домой и уложу в постель, как ты меня. Ты можешь блевать в тазик «Тапервер», и я его вымою. Тогда мы будем квиты.

Джошуа опускает кончики пальцев на клавиатуру и закрывает глаза. Кажется, он перебирает в голове череду ругательств.

– Ты даже не знаешь, где будет свадьба.

– Если не в Северной Корее, я поеду. Когда она будет?

– В эту субботу.

– Я свободна. Решено. Дай мне свой адрес, я заберу тебя и так далее.

Назначь время.

– Довольно самонадеянно с твоей стороны предполагать, что мне не с кем пойти.

Я едва не открываю рот, чтобы возразить: мне доподлинно известно, что я его «плюс один». Тут весьма кстати звонит мой телефон. Дэнни. Разворачиваю кресло на сто восемьдесят градусов. Он что, не слышал о существовании эсэмэсок?

– Привет, Люси. Тебе лучше? Мы все еще собираемся идти ужинать?

Я понижаю голос до шепота:

– Не уверена. Мне нужно забрать машину из ремонта, да и чувствую я себя дерьмово.

– Я так много слышал об этой твоей машине.

– Кажется, она серебристая... насколько я помню.

– Я забронировал столик на семь часов сегодня. «Братья Бонито». Ты

говорила, что любишь это место?

Выбора не остается. Там трудно зарезервировать место. Пытаюсь не издать вздоха.

– «Братья Бонито» – это здорово. Спасибо. Особого аппетита у меня не будет, но я постараюсь. Встретимся там.

– До вечера.

Я вешаю трубку и некоторое время сижу, глядя в стену.

– Дэнни Флетчер припас для тебя шаблонный вечер. Итальянский ресторан, скатерти в клетку. Возможно, свечи. Последнюю фрикадельку он толкнет носом в твою сторону. Второе свидание, да?

– Давай сменим тему. – Я притворяюсь, что печатаю. Экран наполняется сообщениями об ошибках.

– Большинство парней пытаются поцеловать девушку на втором свидании.

Я вдруг замираю, и вид у меня, наверное, безумный. Представляю, как Джошуа предпринимает такую попытку на втором свидании. Нет, это невероятно. Джошуа на свидании, пауза.

Рисую в воображении Джоша, он сидит напротив красивой женщины, смеется и улыбается. Такой улыбкой он одарил меня только однажды. Глаза у него сияют в предвкушении прощального поцелуя. Грудь мою сдавливают, начинает жечь изнутри, я пытаюсь откашляться – не помогает.

Не одна я выгляжу слегка ополоумевшей.

– Просто скажи это. А то у тебя такой вид, будто ты сейчас взорвешься.

– Сделай одолжение самой себе и посиди сегодня дома. Ты выглядишь уж-ж-жасно.

– Благодарю вас, доктор Джош. Почему тебя так называет Толстый Коротышка Дик, а?

– Потому что мои родители и мой брат – доктора. Таким образом он напоминает мне, что я не раскрыл свой потенциал. – Тоном Джош показывает, что я дурочка, потом встает на ноги.

Я тащусь за ним следом по коридору в комнату, где стоят копиры. Джош не замедляет хода, поэтому я хватаю его за руку:

– Подожди минутку. Я пытаюсь уладить ситуацию. Знаешь, ты прав. Я пришла сюда сегодня в надежде, что последние дни нашей совместной работы могут быть другими.

Джош открывает рот, но я решительно наступаю на него. Он позволяет мне прижать себя к стене, хотя оба мы знаем: он способен поднять меня, как шахматную фигуру, и убрать с дороги, если захочет.

По направлению к нам степенно, как подковы тяжеловоза, цокают чьи-то высокие каблуки, и раздражение во мне нарастает. Мне надо разобраться со всем этим сейчас, или у меня случится разрыв аневризмы.

Кладовка уборщицы подойдет. К счастью, она не заперта, я захожу в нее и стою среди банок с порошками и пылесосов.

– Давай сюда.

Джошуа неохотно подчиняется, я запираю дверь и приваливаюсь к ней спиной. Мы молчим, каблуки заворачивают за угол и двигаются дальше.

– Тут уютно. – Джош пинает носком ботинка штабель рулонов туалетной бумаги. – Ну? Так что?

– Я все испортила. Сама знаю.

– Тут нечего портить. Ты меня разозлила. Статус-кво восстановлен.

Джош опирается локтем на полку и устало проводит рукой по волосам, рубашка ползет вверх, и обнажается узкая полоска пояса его брюк. Мы так близки, я слышу, как ткань растягивается и трется о его кожу.

– Я подумала, может, война закончится. И мы станем друзьями. – (В глазах Джоша вспыхивает отвращение, надо его загасить.) – Джош, я хочу, чтобы мы были друзьями. Или еще что-нибудь. Не знаю почему, просто ты ужасен.

Он поднимает вверх палец:

– Среди всего, что ты сейчас сказала, есть пара интересных слов.

– Я сказала массу интересных слов. И ты ни одного из них не услышал. – Я сжимаю пальцы в кулаки до хруста суставов, и тут меня осеняет.

Причина моего растущего недовольства вот в чем: мне никогда больше не увидеть его потаенной нежности. Я думаю о руках Джоша, которые подкладывают под меня подушку, о том, как он разговорами отвлекает меня и помогает пережить лихорадку. Его ладони легко скользят по моей коже.

Сейчас у него такой вид, будто он готов сжечь меня у столба. Один раз он был мне другом, одной безумной ночью, и все, больше мне ничего не светит.

– Или еще что-нибудь. – Джош пальцами закавычивает фразу. – Говоришь, хочешь, чтобы мы были друзьями или еще что-нибудь. Что на самом деле скрывается за этим «еще что-нибудь»? Я хочу знать, какой у меня выбор.

– За этим скрывается, например, отсутствие неприкрытой ненависти друг к другу. Я не знаю, – отвечаю я и пытаюсь присесть на составленные стопкой коробки, но они разъезжаются подо мной, и я снова встаю.

– А что там с этим твоим бойфрендом? – Джош упирает руки в бедра,

и комната из маленькой превращается в микроскопическую.

Теперь он очень близко ко мне. Каким бы божественным мылом ни пользовался Джош, мне нужно раздобыть кусочек. Я буду держать его в ящике с бельем для отдушки. Щеки у меня начинают гореть.

– Тебя не может волновать мое свидание с Дэнни. Ты ведь поверить не можешь, что какому-нибудь парню захочется быть со мной.

Вместо ответа Джош вытягивает вперед руку открытой ладонью вверх. Рукава рубашки так и остались закатанными, и мне видны крепкие сухожилия на его запястье. Впервые я замечаю, что на внутренней стороне рук жилы у него вздутые, как у качка.

– Трогать друг друга на работе – противоречит кадровой политике. – В горле у меня сухо, как в пустыне. *А не прикоснуться ко мне будет беззаконием.*

Джош выжидательно смотрит на меня, пока я не вкладываю свою ладонь в его. Трудно устоять, когда кто-нибудь вот так протягивает тебе руку, и абсолютно невозможно, если этот кто-то – Джошуа. Отмечаю теплоту и размер его пальцев, прежде чем он переворачивает мою кисть, чтобы осмотреть царапину на ладони. Руку мою он держит, как раненого голубя.

– Серьезно, ты ее промыла? На шипах роз может быть грибок. И в царапину может попасть инфекция.

Он нажимает пальцами на кожу вдоль пореза и хмурится. Как могут уживаться в нем два таких разных человека? И снова меня осеняет. Может быть, я определяющий фактор? Мысль пугает. Единственное, что способно заставить его ослабить бдительность, – это равноценное ослабление моего собственного контроля. А вдруг я смогу все изменить.

– Джош...

Услышав, что я назвала его кратким именем, он отпускает мою руку. Пора попробовать. Молю, только бы не ошибиться.

– Я хотела тебя тогда, в пятницу. Тебя, и только тебя. И если ты не хочешь быть мне другом, я попытаюсь сыграть с тобой в игру «Или еще что-нибудь».

Долгая пауза. Он не реагирует. Если я неправильно разобралась в ситуации, мне этого не пережить. Сердце стучит часто-часто, отчего делается тревожно.

– Правда? – скептически переспрашивает Джош.

Я придавливаю его к двери и, слыша глухой удар его тела, испытываю трепет.

– Поцелуй меня, – шепчу я, и воздух теплеет.

– Значит, игра «Или еще что-нибудь» предполагает поцелуи. Как интересно, Люсинда. – Он проводит пальцами по моим волосам, нежно убирая их с моего лица.

– Я пока не знаю правил. Это совсем новая игра.

– Ты в этом уверена? – Он опускает взгляд на мою руку, которая распласталась у него на животе.

Я давлю на него. Он ничуть не поддается.

– Ты что, носишь бронежилет?

– В этой конторе приходится.

– Мне и правда очень жаль, что я задела твои чувства и выставила тебя из своей квартиры, Джош. – Когда я использую его краткое имя, это предложение мира. Извинение.

И, честно говоря, удовольствие. Это позволяет мне представлять, будто Джош мне друг. Друг, который разрешает гладить его торс в кладовке уборщицы. Хотелось бы мне, чтобы он провел своими пальцами по моему.

– Извинения принимаются. Но ты не можешь ожидать от меня, что я буду милым парнем, когда другой мужчина провожает тебя до кабинета, целует и дарит тебе цветы. Так мы с тобой в эту игру играть не будем.

– До сих пор я не получала ни малейшего намека на то, как мы это будем делать. – Я натужно сглатываю.

Джош прикасается пальцем к моему подбородку и приподнимает его:

– Я думал, ты такая умная, Люсинда. Наверное, я ошибся.

Я встаю на цыпочки, кладу руки ему на плечи, впиваюсь в него ногтями, и его кадык приходит в движение, а мне удается запечатлеть на его губах мимолетный влажный поцелуй. Эффект ощутишь: руки Джоша напрягаются, бедра тянутся ко мне. Что-то твердое упирается мне в живот.

Это самая лучшая игра, в какую я когда-либо играла.

Джош опускает руку на мою поясницу, а я выгибаюсь и обнимаю его за шею.

– Есть какая-то причина, по которой мы до сих пор не целуемся?

– Разница в росте в основном. – Джош пытается скрыть тот факт, что у него эрекция и член его затвердел так, что им можно вскрыть жестяную банку. Задача невыполнимая. Я улыбаюсь и пробую притянуть Джоша к своим губам.

– Ну не заставляй меня карабкаться вверх.

Его губы принадлежат мне, но дальше Джош не нагибается. Лицо его напряжено и выражает нерешительность и сдерживаемое вождение. Я воображаю, что он размышляет о каких-то рабочих моментах.

– Едва ли мы проработаем вместе еще две недели. Так какая

разница? – Мысленно я поздравляю себя с тем, что мне удастся произнести это небрежным тоном.

– Какое романтическое предложение. – Джош высовывает язык и лижет уголок моего рта. Он хочет. Это очевидно. Но все же продолжает сопротивляться.

– Положи на меня руки.

Вместо того чтобы обхватить меня, Джош выставляет руки вперед, предлагая их мне, как я только что отдавала руку ему. И просто стоит. Его грудь вздымается и опадает.

– Положи их на себя сама.

Все происходит не так, как я ожидаю. Беру одну из его рук и кладу себе на бок. Вторую я решаю обвести вокруг себя и пристроить на ягодицу. Обе сжимают меня, но не двигаются. Вообще-то, я чувствую, что приподнялась, но как будто совершенно без его помощи.

– Это делается в обход правил кадровиков? Больше никаких угроз отделом кадров. Сейчас говорить об этом – пускать слова на ветер. – Говоря это, я запыхалась. Мне не хватает кислорода. Жар рук Джоша сквозь одежду обжигает кожу.

Я опускаю его руку ниже, туда, где ягодицы переходят в бедра. Ему приходится согнуться, и его губы становятся ближе. Вторую руку перетягиваю с ребер на грудь. У Джоша такой вид, будто он сейчас упадет в обморок. Меня распирает самодовольство, мое эго с трудом умещается в этой комнатухе.

– Значит, вот как будет выглядеть секс с тобой. – Не могу удержаться, чтобы не подразнить Джоша. – Я надеялась, ты примешь более активное участие.

Наконец Джош произносит хоть что-то:

– Я приму. Так, что ты на следующий день не сможешь ходить прямо.

За дверью слышны шаги, мимо идут люди. Я нахожусь в комнате размером меньше тюремной камеры, и руки Джоша на мне. Рискуя своим спокойствием, я поднимаю одну из них и прикладываю кончики пальцев к ложбинке между грудями, просто чтобы посмотреть, что случится.

– Это не страшно, необходимость в хождении переоценивают.

Самоконтроль Джоша заметно снизился, и его рука обретает автономию. Он заводит ее мне под колено и поднимает мою ногу. Пальцы забираются под подол платья и прокладывают дорожку по бедру к трусикам, прикасаются к резинке, и меня пробирает дрожь. Пальцы другой руки, находящиеся между грудями, углубляются в ложбинку и ласкают кожу. Потом Джош ставит мою ногу на пол и убирает руки в карманы.

– Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала. Сходи на свидание с Дэнни и поцелуй его. – При этих словах рот Джоша кривится.

На днях мы много такого наговорили друг другу, во что трудно поверить, но последние слова Джоша – это нечто выходящее за все грани дозволенного.

– Что? Зачем? – Я убираю руки с его плеч.

Настроение резко ухудшается. Значит, он просто забавлялся все это время. Джош видит тревогу в моих глазах и придерживает меня за локоть, чтобы я не сбежала.

– Если он окажется лучше, чем наш поцелуй в лифте, дело закрыто. Встречайся с ним. Планируй свадьбу весной в бельведере на «Скай даймонд строуберис». – Я начинаю протестовать, но он обрывает меня. – Если он не будет так хорош, ты должна признаться в этом мне. В глаза. Словесно. Честно. Без сарказма.

Все лазейки законопачены.

– Странно, что ты этого хочешь. – Я делаю шаг назад и опрокидываю швабру.

– Игра «Или еще что-нибудь» не возобновится, пока ты не скажешь мне, что никто не целовал тебя так, как я.

– Могу я сказать тебе это сейчас? – Я снова приподнимаюсь на цыпочки, но он не собирается реагировать.

– Я не намерен быть твоим подопытным кроликом, чтобы потом ты выбрала мистера Милого Парня. Поэтому да, я хочу, чтобы сегодня вечером ты поцеловала Дэнни Флетчера и отчиталась передо мной о результатах. Если все пройдет отлично, тогда я пожелаю тебе удачи.

– У тебя явно какие-то предубеждения против милых парней.

Джош добавляет еще одно условие:

– И последнее. Если поцелуй с этим милым парнем окажется не таким хорошим, как со мной, ты больше не будешь с ним целоваться.

Джош открывает дверь и выталкивает меня наружу. По коридору, глядя исподлобья, топает мистер Бексли, поэтому я быстро прикрываю за собой дверь. Он смотрит на меня мельком, потом возвращает ко мне взгляд, соображая, что я выхожу из каморки уборщицы.

– Я искала какое-нибудь средство для чистки стекла. А то по всему офису отпечатки пальцев.

– Вы не видели Джоша? Его нигде нет. Все разваливается, а он куда-то пропал.

– Он пошел принести вам кофе и пончики. Вы были очень заняты. Обещайте, что изобразите удивление.

Мистер Бексли оживляется, фыркает, что-то ворчит, и все это сливается в одном гортанном звуке. Потом он смотрит на мое платье и то, что в нем заключено, с таким неспешным вниманием, что я в раздражении ставлю руку на бедро. Он этого не замечает.

– Вы немного возбуждены, мисс Хаттон. Я не против, когда у юной леди слегка покраснеют щеки. Хотя вам надо чаще улыбаться.

– Упс, мой телефон звонит, – говорю я, хотя это не так. – Не забудьте изобразить удивление, когда Джош вернется.

– Я удивлюсь, – обещает мне мистер Бексли и направляется в мужскую уборную. В одной руке у него газета. Джош теперь может не торопиться возвращаться.

Я храню самообладание, пока не оказываюсь у своего стола, но тут даю себе волю и делаю то, в чем отчаянно нуждаюсь: дышу тяжело и часто. Я ловлю ртом воздух так, будто пробежала половину марафонской дистанции. Пот выступил на загривке и на лице. Пальцы горят от прикосновения к хлопку, скрывавшему кожу Джоша. От моего дыхания покрывается паром половина поверхностей на десятом этаже, только после этого я наконец успокаиваюсь настолько, что могу хотя бы просто сидеть на своем месте.

Я так возбуждена, что мне хочется отключиться, пока это не пройдет.

Джошуа появляется через двадцать минут, приносит кофе и пончики. Мистер Бексли так и не вернулся из туалета.

– Здорово выкрутилась, – говорит Джошуа и ставит рядом с моим ковриком для мыши горячий шоколад и малиновый пончик. – Впечатляющий экспромт.

Я смотрю на красивый розовый пончик и как будто проваливаюсь в черную дыру, а Джош тем временем исчезает в кабинете своего босса. Прошло двадцать минут, и сомнение в собственных силах начинает подтачивать мою самоуверенность. Справлюсь ли я с игрой в «Или что-нибудь еще»? Он слишком большой, слишком умный, и мое тело неумно тянется к нему. Мне необходимо установить какие-то основные правила. Когда Джош садится за свой стол и отпивает глоток кофе, все вылетает из меня наружу самым пошлым образом.

– Если игра в «Или что-нибудь еще» предполагает секс, это будет одноразовая сделка. Один раз. Один ничего не значащий раз. – Я зажимаю рот ладонью.

Джош цинично прищуривается и начинает поедать мою клубнику. Это завораживает. Я никогда не видела его за едой.

– Один. – Я поднимаю вверх палец.

– Всего один? Ты уверена? Может, ты сперва купишь мне ужин, по крайней мере? – Он откидывается в кресле, наслаждаясь этим обменом любезностями. Откусывает, жует, глотает, и мне приходится отвести взгляд, потому что это адски сексуально, тут ничего не попишешь.

– Мы можем заехать и купить «Счастливый обед» по дороге.

– Вот спасибо. Бургер и игрушка, прежде чем мы займемся этим. Один раз. – Он отпивает глоток кофе и смотрит в потолок. – Ты разве не можешь потратиться на симпатичный итальянский ресторанчик? Или ты хочешь, чтобы я почувствовал себя дешевкой?

– Один раз. – Я засовываю в рот костяшки пальцев и прикусываю их до боли. *Закрой свой рот, Люси.*

– Ты можешь уточнить, что будет включать в себя этот один раз? – Джош кладет подбородок на руки и, зевая, прикрывает глаза.

Можно подумать, что мы обсуждаем презентацию, которую надо подготовить по работе, а не игры голышом в моей постели.

– Твои родители никогда не говорили с тобой о пчелках и птичках? – Я отхлебываю шоколад.

– Я пытаюсь честно разобраться в правилах. По ходу дела ты выдумываешь все новые и новые. Не могла бы ты прислать мне их по мейлу?

Мимо нас проходит мистер Бексли, разрушая момент. Заметив на своем столе кофе и пончики, он издает какой-то неубедительный звук, изображая удивление.

– Я сейчас найду, одну минуточку, – обращается к нему Джошуа, а мне говорит: – Один раз, да? И потом ты будешь сдерживаться?

Я вижу, как уголок его рта приподнимается в легкой улыбке, и он начинает кликать мышью, водя курсором по экрану компьютера.

– Что-то у тебя слишком самодовольный вид, – шепотом произношу я. – Еще не факт, что это вообще случится.

– Не изображай, будто этого хочется только мне. Ты не мне одолжение делаешь. Довольно большое одолжение ты делаешь самой себе.

Непохоже, что Джош грязно намекает на то, что лежит у него под молнией брюк, но я все равно смотрю туда. И кажется, не могу перестать болтать.

– Если цель – разрядить странное сексуальное напряжение между нами, тогда это будет только один раз. Как я и сказала, что с того?

Джош тяжело опускает веки, открывает рот, хочет что-то возразить, но, похоже, раздумывает. Для парня, которому женщина только что сказала, что обдумывает возможность секса с ним, он выглядит несколько

разочарованным.

– Тогда, полагаю, я постараюсь извлечь из него максимум, Печенька.

Обещание и предостережение. Я откусываю почти половину пончика, чтобы не отвечать.

Я контролирую ситуацию, выставляя условия. Джош встает и берет свой кофе. Это сигнал к отступлению. Но потом он перебрасывает теннисный мяч на мою сторону, причем так открыто заставляет меня принять решение, что, вынуждена сознаться, я нахожусь под впечатлением.

Он пишет что-то на голубой бумажке для заметок. Острые черные буквы ложатся на листок под сильным наклоном, чернила слегка растекаются по целлюлозным венам.

Он пишет нечто такое... Я даже не мечтала когда-нибудь это узнать. Теряюсь в догадках: говорится ли в записке, что я должна забрать его перед свадьбой *или еще что-нибудь*. Спросить не могу – рот набит.

Джош прилепляет листок на экран моего компьютера. Это его домашний адрес.

Глава 13

– Я все еще жду, что твой большой брат вот-вот прилетит сюда и тебя утащит. Ты как будто ушла на вечеринку накануне первого учебного дня после каникул, – говорит Дэнни, а я нехотя вонзаю ложку в лимонное итальянское мороженое. – Уверен, он дежурит в своей машине у входа, готовый тебя забрать.

Это не вполне похоже на шутку.

Подходит официантка – поинтересоваться, все ли нам нравится. Мы в который уже раз уверяем ее, что все очень вкусно. Все до тошноты великолепно. Скатерти в клетку и свечи. Романтическая музыка и я премиленькая в красном платье и с алой помадой на губах. Единственное, что удерживает меня от полного забытья, – это нервное напряжение в животе, которое возникает при воспоминании о неотвратимости поцелуя.

– Я хочу спросить. Ты... свободна? У тебя нет парня? А то у меня такое ощущение... Ты и он... Вы не?..

– Да, нет. Нет! Никакого влечения. Абсолютно ничего. Я одна. – Я повторяю это еще несколько раз.

Лицо Дэнни выражает сомнение. Леди протестует как-то слишком решительно.

Меня охватывает паническое чувство. Если кто-нибудь заподозрит, будто между мной и Джошем что-то есть, это не останется без последствий. Для репутации. Для кадровиков. Для достоинства. Вспоминаю лукавые взгляды и подпихивание друг друга локтями на собрании после пейнтбола и морщусь при мысли, что птичка, наверное, уже выпущена из клетки.

– В офисе столько парочек сложилось. Саманта и Глен, например. Фу, это была катастрофа. – Дэнни усмехается.

Он сплетник, это точно. Приподнимает брови в надежде, что у меня есть какая-нибудь смачная история, которой я готова поделиться, но я качаю головой.

– Со мной на работе никто не разговаривает. Они думают, я стукачка.

– Это правда, что Джош окончил один курс в медицинском институте?

– Я не знаю. Хотя его родители и брат – врачи.

– Мы жили надеждой, что он уйдет из «Бексли букс» и станет проктологом или кем-нибудь еще.

Я не могу удержаться от смеха.

– Так что же, у тебя был какой-нибудь тяжелый разрыв в прошлом? – Дэнни выглядит искренне заинтересованным. – Я просто хочу понять, почему ты одна.

– У меня не было времени для свиданий, и я не прикладывала особых усилий к тому, чтобы обзавестись новыми друзьями после того, как потеряла связь с людьми из «Гамин» в результате слияния. Работа поглотила мою жизнь. Заместитель директора – это не обычная пахота с девяти до пяти.

– А что это за роза была у тебя на столе? – Дэнни выжидательно вскидывает брови.

– Это была шутка.

Дэнни надеется на пояснения, но я их не даю, тогда он меняет тему:

– Ты подала заявку на новую должность?

– Ее рассматривают. Собеседования пройдут на следующей неделе.

– Много кандидатов?

– В списке на собеседование только я, пара претендентов со стороны и мой приятель Джошуа Темплман. Всего четыре заявки.

– Ты долго ждала этого, – догадывается Дэнни.

Наверное, у меня опять этот безумный, напряженный взгляд.

– Хелен меня всегда продвигала. Когда мы были «Гамин паблишинг», меня после года работы отметили и перевели в редакторский отдел. – Я слышу горечь в собственном голосе.

Дэнни подхватывает мою мысль:

– Любым способом перебираться ближе к издательскому делу – тут нет ничего необычного. Даже если это будет всего лишь секретарская должность. Половина людей начинают вовсе не с работы своей мечты. Использовать любую открывающуюся возможность – это мудро.

– Нет, моя проблема не в том. Я очень довольна, что перешла на должность, связанную с ведением бизнеса.

– Но потом произошло слияние.

– Да. Многие потеряли работу. Мне повезло, я сохранила свое место. Хотя и осталась на той же должности. Но я лишилась лучшей подруги. – Мои слова прозвучали так, будто она мертва.

– Главный операционный директор – это будет выглядеть круто в резюме, особенно в твоём возрасте.

– Да. – Я вздыхаю, представляя эти слова, набранные шрифтом «Ариал». Потом вижу их же в резюме Джошуа, и приятные мечтания обращаются в кисляк. – Я готовлю презентацию для собеседования. Обдумываю ее уже довольно долгое время. На той должности, которую я

занимаю, у меня не хватает полномочий. Да и времени всегда в обрез. Я хочу разработать проект по переводу уже опубликованных книг в электронный формат. Все переделать – обложки, верстку. Думаю, на новой должности у меня появятся рычаги влияния, которых мне не хватало.

– Похоже, тебе понадобится поддержка в плане дизайна обложек. Имей меня в виду, – говорит Дэнни, роется в кармане и дает мне свою новую визитку.

Дама за соседним столиком косо смотрит на него, мол, что за придурок.

Дэнни делает знак, чтобы принесли счет, и отдает свою кредитку.

– О, спасибо, – неловко пишу я, и он отвечает улыбкой.

Мы идем к моей машине.

– Прости, я так много говорила о работе.

– Ничего страшного. Я ведь работал там же, не забыла? Ну вот и она. Твоя машина. – Дэнни останавливается, опирается руками на мою «хонду». – Это невероятно.

– Правда? – Я прислоняюсь к дверце. – Наконец-то свободна, наконец-то свободна.

– Ты цитируешь Мартина Лютера Кинга-младшего в приложении к своей машине?

– Хм... Да, полагаю, что так...

Он хохочет:

– Боже, ты восхитительна!

– Я идиотка.

– Не говори так. Мне хотелось бы поцеловать тебя. Пожалуйста, – игриво добавляет он.

– Ладно.

Мы закрываем глаза. Оба знаем, что вот он, момент истины. Либо Дэнни сведет меня с ума, либо мне придется подпитывать эго Джоша.

Мы выглядим как парочка с валентинки. Дорога скользкая от дождя, белый свет фонаря выхватывает нас из темноты. Мое красное платье – фокальная точка, и мужчина с ангельскими светлыми кудрями немного отклоняет меня назад, его взгляд бледно-голубых глаз опускается на мои губы. По росту мы идеально подходим друг другу.

Дыхание у него легкое и сладкое от десерта, руки уважительно располагаются на моей талии. Когда губы Дэнни прикасаются к моим, я умоляю себя что-нибудь почувствовать. Пусть бы над головой промелькнула падающая звезда. Молю, чтобы у меня вдруг закружилась голова от желания. Я целую Дэнни Флетчера снова и снова, пока не

убеждаюсь, что желание не возникнет никогда.

Его губы принуждают меня немного приоткрыть рот, хотя, как настоящий джентльмен, он не пускает в ход язык. Я кладу руку на его плечо. Тело Дэнни, на вид такое мускулистое, на поверку оказывается каким-то бесплотным и как будто пустым, вроде куриной кости. Могу поспорить, ему не поднять меня на руки.

Мы оба отстраняемся друг от друга.

– Ну что ж... – Все мои надежды перечеркнуты, и, думаю, он это понимает.

Дэнни изучает мое лицо. Это было то же самое, что поцеловать кузена. Все не так. Я хочу попробовать еще раз, чтобы удостовериться, но когда делаю движение вперед, Дэнни отступает на полшага и убирает руки с моей талии.

– Мне приятно проводить с тобой время, – начинает он. – Ты прекрасная девушка...

Я заканчиваю фразу за него:

– Но не могли бы мы остаться просто друзьями? Прости.

На его лице отображается разочарование – ах, жаль, не успел сказать это первым! – облегчение и легкий оттенок раздражения, отчего он начинает нравиться мне меньше.

– Конечно. Разумеется. Мы друзья.

Я вынимаю ключи от машины:

– Ну, спасибо за ужин. Спокойной ночи.

Смотрю ему вслед, он делает взмах рукой на прощание, подбрасывает в воздух и ловит ключи от машины, идет слегка замедленно. Недешевый ужин в обмен на неважный поцелуй.

Ну вот, Джошуа Темплман, ты выиграл состязание в поцелуях. Этого я и боялась.

Внутри меня собирается маленькая грозовая тучка. Это был ничемный, скучный, потраченный впустую вечер.

Но что еще хуже? Если бы Джошуа не существовало, это было бы вполне сносное свидание по моим стандартам. Очень даже сносное. Бывали и худшие встречи, и гораздо более никудышные поцелуи. Хотя между нами не пробежала искра, мы могли бы постараться высечь ее. Единственная надежда, которая у меня появилась за последнее время, и та не оправдалась.

Такое ощущение, что Джошуа сидел третьим за нашим романтическим столиком, следил, оценивал. Напоминал мне обо всем, что я теряю. Когда я смотрела на губы Дэнни, то умоляла себя что-нибудь почувствовать.

Улицы становятся совсем незнакомыми, я останавливаюсь у обочины и бесконечно долго бьюсь с навигатором. Неловкие пальцы все время жмут не на те клавиши, голубой квадратик бумаги зажат в зубах.

Обзываю женщину из навигатора самыми погаными кличками, какие только могу придумать. Умоляю ее остановиться, но она не прекращает. Как полная стерва, она ведет меня к дому Джоша.

Я ни за что не зайду в его дом. Не совсем же я жалкая. Паркуюсь на боковой улочке и смотрю на здание, размышляя, какое из освещенных окон – его?

«Джош, зачем ты превратил меня в руину?»

Жужжит мобильник. Это имя я едва ли когда-то видела на экране.

Джошуа Темплман: Ну? Я в ожидании.

Я закрываю машину и на ходу кутаюсь в пальто. Думаю, как ответить. Сказать нечего, честно. Моя гордость уязвлена. Глупо. Надо было лучше стараться. Убедить себя. Но я так устала стараться.

Составляю ответ. Это эмодикон – улыбающаяся кучка какашек. Прекрасно подводит итог этого вечера. Я решаю обойти кругом дом Джоша, молясь, чтобы меня не похитили, пока я буду прогуливаться. Особенно беспокоиться ни к чему. Дождь смыл с улиц всех, кроме самых заядлых шпионов. Красные туфли на каблуке звонко цокают, эхо подхватывает этот звук, пока я произвожу разведку.

Странно идти и смотреть на вещи глазами другого человека, особенно своего заклятого врага. Я гляжу на трещины в тротуарной плитке и думаю, наступает ли он на них, когда идет в маленький магазинчик с органической едой. Я бы хотела жить рядом с таким – может быть, тогда ела бы меньше макарон и сыра.

Я всегда подозревала, что люди, которые встречаются нам в жизни, преподают нам какие-нибудь уроки, и была уверена, Джошуа появился, чтобы испытать меня. Растормошить. Сделать жестче. И до определенной степени это верно.

Прохожу мимо стеклянной витрины, останавливаюсь, изучаю свое отражение. Это платье такое милое, как пуговка. На щеках у меня снова заиграл румянец, губы тоже яркие, по большей части это косметика. Думаю о розах. Так и не могу постичь: они были от Джошуа Темплмана! Он пошел в цветочный магазин, по собственному желанию, и написал на карточке три слова, которые изменили ход игры.

Он мог написать что угодно. Любая фраза из следующих была бы

исключительно хороша.

Я сожалею. Прости меня. Я все испортил. Я ужасный дурак. Война окончена. Я сдаюсь. Теперь мы друзья.

Но вместо этого – три простых коротких слова. *Ты всегда прекрасна.* Наистраннейшее признание, которого я меньше всего ожидала от этого человека. Позволяю себе думать о том, что всегда так превосходно блокировала. Снова свиритит в кармане.

Джошуа Темплман: Где ты?

А действительно, где? Не твое дело, Темплман. Я прячусь за твоим домом, смотрю на помойку, пытаюсь ответить на вопрос: то ли это кафе, куда ты ходишь постоянно, там, на другой стороне улицы, гуляешь ли ты в маленьком сквере с фонтанчиком? Свет фонарей отражается от тротуара, и я смотрю на все новыми глазами.

Где я? На другой планете.

Еще сообщение.

Джошуа Темплман: Люсинда, я начинаю нервничать.

Не отвечаю. Какой прок? Этот вечер я отмечу как еще один неудачный опыт. Бросаю взгляд вдоль улицы и вижу в конце квартала свою машину. Она терпеливо ждет. Мимо проезжает такси, притормаживает и, когда я качаю головой, отваливает.

С этого начинается слезка? Я поднимаю взгляд и вижу мушку, которая кружит в свете фонаря. Сегодня я в полной мере понимаю это создание.

Один раз прошлась мимо его дома – и со мной кончено. Поворачиваю голову туда, где находятся почтовые ящики. Может, мне захочется оставить ему записку со смертельной угрозой. Или грязную анонимку, завернутую в трусы размером с морской сигнальный флажок.

Я удлиняю шаги, чтобы миновать входную дверь. Краем глаза замечаю чистый холл и тут вижу идущего впереди человека. Мужчина, высокий, тело с красивыми пропорциями, руки в карманах, в движениях ощущается раздражение и взволнованность. Тот же силуэт я видела в первый день работы в «Б и Г». Эти формы я знаю лучше, чем собственную тень.

Разумеется, кто еще, кроме Джошуа, мог оказаться на этой новой планете, куда я прибыла.

Он оглядывается через плечо. Нет сомнений, он услышал мои безумно громкие шаги, а потом понял, что я остановилась. Затем присматривается.

Словно уточняет показания для журнала наблюдений.

– Занимаюсь слезжкой! – кричу я.

Получается не так, как хотелось. Не легко и весело, а как предупреждение. Я сейчас злобная стерва. Поднимаю руки вверх, чтобы показать: оружия у меня нет. Сердце бешено стучит.

– Я тоже, – отвечает он.

Мимо, как акула, проплывает еще одно такси.

– Куда ты на самом деле идешь? – разносится мой голос по пустой улице.

– Я только что сказал тебе. Вышел заниматься слезжкой.

– Что, пешком? – Я подхожу ближе на шесть шагов. – Ты собирался прогуляться?

– Я собирался пробежаться посреди улицы, как Терминатор.

Из меня вырывается смешок. Улыбаясь ему, я нарушаю одно из своих правил, но, кажется, не могу остановиться.

– Ты-то вообще на каблуках. – Он указывает на мои туфли.

– Так я на несколько дюймов выше, удобнее копать в твоём мусоре.

– Нашла что-нибудь интересное? – Он подходит ближе и останавливается.

Теперь между нами всего шагов десять. Я почти ощущаю запах его кожи.

– Ничего выдающегося, как я и предполагала. Овощные очистки, кофейная гуща, памперсы для взрослых.

Он закидывает голову назад и смеется в небо, сквозь облака видны мелкие звезды. Его смех восхитителен, он еще лучше, чем тот, что я сохранила в памяти. Каждый атом моего тела трепещет, мне нужно больше. Пространство между нами вибрирует от энергетических токов.

– Ты умеешь улыбаться. – Это все, что я способна произнести.

Его улыбка стоит тысячи улыбок других людей. Мне нужна фотография. Пусть вся эта странная планета прекратит кружиться, чтобы я могла остановить мгновение и запечатлеть его в вечности. Какая катастрофа!

– Что тут скажешь? Сегодня вечером ты весел.

Улыбка сходит с его лица, когда я делаю шаг назад.

– Значит, чтобы обнаружить тебя здесь, мне всего лишь нужно было дать тебе свой адрес? Наверное, следовало сделать это в первый день знакомства.

– Чтобы ты мог переехать меня на своей машине?

Я тихо подхожу ближе, пока мы не встречаемся под фонарем. Сегодня

я смотрела на Джоша больше восьми часов, но вне офиса он выглядит совершенно по-новому и как-то непривычно.

Волосы у него блестящие и влажные, на скулах горит румянец. На нем застиранная синяя хлопковая футболка, наверное, она мягче, чем пеленки для младенца, и, вероятно, прохладный воздух пощипывает его голые руки. Эти старые джинсы любят его тело, и пуговица подмигивает мне, как римская монета. Шнурки на кроссовках завязаны слабо. Смотреть на него – абсолютное удовольствие.

– Свидание прошло не слишком удачно, – догадывается он.

К его чести, он не усмехается. Темно-синие глаза глядят на меня терпеливо. Он позволяет мне просто стоять и думать о своем. Как мне выпутаться из этой ситуации? Меня снова начинает охватывать смущение, шутливое настроение растворяется и исчезает.

– Оно прошло нормально. – Я смотрю на часы.

– Но не великолепно, если ты оказалась у моего дома. Или ты здесь для того, чтобы сообщить мне хорошие новости?

– О, заткнись! Я хотела... Я не знаю. Посмотреть, где ты живешь. Как я могла удержаться? Я рассчитывала когда-нибудь подложить дохлую рыбу в твой почтовый ящик. Ты видел, где я живу. Это нечестно и дает тебе преимущество.

Его не сбить с темы.

– Ты поцеловала его, как мы договаривались?

Я смотрю на фонарь:

– Да.

– И?..

Пока я медлю в нерешительности, он кладет руки на бедра и смотрит вдоль улицы, очевидно исчерпав все свои ресурсы.

– Само свидание прошло нормально, – начинаю я, но он подступает ближе и берет в ладони мое лицо. От напряжения между нами искрит, как от статического электричества.

– Нормально. Нормально, отлично и мило. Тебе нужно больше, чем нормально. Скажи мне правду.

– Нормально – это именно то, что мне нужно. Мне нужно нечто нормальное и легкое. – Я вижу в его глазах разочарование.

– Тебе не это нужно. Поверь.

Я пытаюсь отвернуться, но он не дает. Чувствую, как его большой палец скользит по моей щеке. Пробую оттолкнуть наглеца, но в конце концов притягиваю к себе, зажав в кулаки его футболку.

– Тебе его не хватит.

– Не понимаю, что я здесь делаю.

– Ты понимаешь. – Он целует меня в щеку, и я приподнимаюсь на цыпочки, вся дрожа. – Ты здесь, чтобы сказать мне правду. Когда перестанешь быть маленькой лгуньей.

Разумеется, он прав. Он всегда прав.

– Никто не целовал меня, как ты.

Я получаю редкую привилегию – видеть, как глаза Джоша вспыхивают не от раздражения или злости. Он подступает ближе и делает паузу, оценивающе глядя на меня. То, что он замечает в моих глазах, вселяет в него уверенность. Он обхватывает меня рукой и приподнимает, так что ноги отрываются от земли. Его губы прикасаются к моим.

Мы оба издаем вздох облегчения. Нет смысла врать, почему я здесь, на мокром тротуаре у его дома.

Сначала мы ловим дыхание друг друга, потом давление губ переходит в скольжение языков. Кажется, я говорила, что поцелуй ничего не значит. К несчастью для меня, он значит очень много.

Мышцы моих рук жалко подрагивают на шее у Джоша, он сжимает меня крепче, пока я не начинаю понимать, что вся в его власти. Зарываюсь пальцами ему в волосы и перебираю шелковистую густую копну. Он стонет. Наши губы сливаются в роскошном поцелуе. Скользят, напрягаются, расслабляются.

Энергия, бестолково бурлившая внутри нас, теперь устремляется в одно русло, формируя между нами электрическую петлю, по которой перетекает через меня в него. Сердце горит в груди, как лампочка, зажигается ярче от каждого движения его губ.

Мне удастся сделать вдох, и наше неспешное сексуальное скольжение прерывается серией поцелуев, похожих на нежные укусы. Он делает пробные шаги, и в этом ощущается робость. У меня такое чувство, будто мне раскрывают какой-то секрет.

В его поцелуях есть хрупкость, которой я не ожидала. Ее можно сравнить с сознанием, что когда-нибудь воспоминание об этом померкнет. Он пытается заставить меня хранить его в памяти. И это пронизано такой сладкой горечью, что у меня начинает ныть сердце. Только я открываю губы и пытаюсь сделать движение языком, как Джош обрывает поцелуй на целомудренной ноте.

Это был последний поцелуй?

– Это мой фирменный поцелуй для второго свидания. – Он ждет ответа, но по моему лицу, должно быть, видно, что в этот момент я не способна выразиться человеческим языком.

Джош продолжает обнимать меня, очень уютно. Я скрещиваю лодыжки и смотрю ему в лицо, как будто впервые вижу этого человека. Воздействие его красоты, этих сверкающих глаз в такой близости почти пугает. Мы тремся носами. Во рту у меня искрит от желания соединиться с ним.

Представляю себе Джоша на свидании с кем-нибудь другим, и живот скручивает приступ ревности.

– Да-да. Ты выиграл, – говорю я, отдышавшись. – Еще.

Я тянусь вперед, но он не понимает намека. Это было прекрасно, но явно лишь малая доля того, на что он способен. Мне нужно ощутить тот же накал, что был в лифте.

Мимо нас, взявшись за руки, проходит пожилая пара, и окружающий нас пузырь лопается. Женщина оглядывается через плечо, взгляд выражает, что у нее на сердце. Мы явно выглядим до чертиков восхитительно.

– Моя машина там. – Я начинаю выворачиваться из его объятий.

– Моя квартира там. – Джош кивает вверх и осторожно, как бутылку с молоком, ставит меня на землю.

– Я не могу.

– Хрупкий. Маленький. Цыпленок.

У него есть номер моего телефона, вот и ладно. Настал мой черед провести проверку на прочность пугающей правдой.

– Отлично. Признаю. Мне очень страшно. Если я поднимусь вверх, мы оба знаем, что случится.

– Молю, скажи.

– «Или еще что-нибудь» случится. Тот один раз, о котором я говорила. Мы не должны заниматься этим до собеседований на следующей неделе. Мы оба покалечимся в твоей кровати и раздерем в клочья постельное белье.

Губы Джоша начинают искривляться. Похоже, сейчас появится еще одна из этих его чертовых, разрывающих сердце улыбок, поэтому я нацеливаюсь в сторону машины и бросаюсь бежать.

Глава 14

– Нет, ты не убежишь! – Джош заходит в холл своего дома, держа меня под мышкой, как скрученную трубочкой газету, и даже успевает проверить почтовый ящик. – Расслабься. Я всего лишь хочу показать тебе свою квартиру, чтобы мы были квиты.

– Я всегда думала, что ты живешь в каком-нибудь подzemелье, рядом с ядром земли, – удается мне выговорить, пока он нажимает кнопку четвертого этажа. Наблюдение за его пальцами вызывает вспышку воспоминаний. Я смотрю на красную кнопку экстренного вызова и поручень.

Пытаюсь незаметно принюхаться к своему носильщику. Потом бросаю осторожность, тычусь носом в его футболку и дважды набираю полные легкие воздуха. Бесстыжая наркоманка. Если он и заметил, то никак не отреагировал.

– У дядюшки Сатаны нет свободных квартир в моей ценовой категории.

Лифт просторный, и мне нет нужды оставаться у Джоша под мышкой. Но четвертый этаж – это такая короткая дистанция, незачем даже убирать руки с его талии. Пальцы Джоша путаются в моих волосах.

Я медленно провожу руками по его спине и по животу. Мышцы, жар и плоть. Прижимаюсь носом к ребрам, снова вдыхаю.

– Чудачка, – тихо произносит Джош.

Мы идем по коридору. Открывается дверь, я пошатываюсь на пороге квартиры Джошуа Темплмана. Он снимает с меня пальто, как шкурку с банана. Я обхватываю себя руками.

Пальто размещается на вешалке рядом с дверью.

– Ну входи уже.

Я не знаю, чего ожидать. Может, увижу нечто вроде серой бетонной камеры, лишенной отпечатка личности хозяина, огромный телевизор с плоским экраном и одинокий деревянный стул. Куклу вуду с черными волосами и яркими губами. Или куклу Клубничная Печенька с ножом в сердце.

– Где же доска для игры в дартс с моей фотографией? – Я слегка наклоняюсь вперед.

– Она в отдельной комнате.

В обстановке квартиры чувствуется мужской характер, здесь

соблазнительно темно и тепло, а стены окрашены в цвета шоколада и песка. Стоит потрясающий запах апельсинов. Центральное место занимает огромный топкий диван перед обязательным для мужской берлоги гигантским плоским экраном, который Джош даже не выключил. Так спешил. Я вынимаю ноги из туфель, отчего мгновенно уменьшаюсь в размерах. Джош скрывается на кухне, и я выглядываю из-за угла.

– Осмотрись. Я знаю, тебе до смерти хочется все разнюхать. – Он наполняет водой сверкающий серебристый чайник и ставит его на плиту.

Я издаю прерывистый вздох. Меня не собираются насиловать. Никто перед этим не кипятит воду, разве что, может быть, в Средневековье.

Конечно, Джош не ошибся. Я умираю от желания посмотреть. Затем я сюда и пришла. Джошуа, которого я знаю, теперь недостаточно. Знание – сила, и ничто не будет лишним. В горле у меня застрял беззвучный восторженный писк. Это намного лучше, чем просто взглянуть на тротуар у его дома.

Всю стену занимает книжный шкаф. У окна стоят кресло и торшер, который освещает стопку книг внизу. Еще больше книг – на кофейном столике. От этого я испытываю сильное облегчение. Что бы я стала делать, если бы он оказался очаровательным невежей?

Мне нравятся абажуры на его лампах. Я вступаю в один из больших бутылочно-зеленых кругов света, которые падают от светильников на восточный ковер. Опускаю взгляд, изучаю рисунок: плети плюща извиваются и переплетаются. На стене в гостиной висит пейзаж в раме с изображением гористой местности, как в Италии, может быть в Тоскане. Это оригинал, не репродукция. Я различаю мазки, сделанные кистью, рама позолоченная, резная. К холму прилепилась кучка домов, видны шпили и купола церкви, а сверху – темнеющее, фиолетовое небо и пятнышки крошечных серебристых звезд.

На кофейном столике разложено несколько журналов о бизнесе. На диване валяется симпатичная подушка, сделанная из полосок голубой ленты. Это так... неожиданно. Никакого минимализма. Похоже, тут обитает реальный, живой человек. Вдруг я понимаю, что дом Джоша гораздо приятнее моего. Заглядываю под диван. Ничего. Даже пыли нет.

Замечаю маленькую птичку – оригами, сделанную из бумажки для записок, которую я кинула в своего врага во время одного из собраний. Пташка пристроилась на краю полки с книгами. Я разглядываю профиль Джоша на кухне: гостеприимный хозяин ставит на столешницу перед собой две кружки. Трудно представить, как он кладет в карман мою сложенную птичкой записку и приносит ее домой.

На полке ниже стоит одинокая фотография в рамке – Джош и Патрик между парой людей в возрасте, наверное, это их родители. Его отец – крупный и привлекательный мужчина, с оттенком грусти в улыбке, а вот мать на этом снимке вся так и сияет. Она буквально трещит по швам от гордости, что у нее два таких прекрасных взрослых сына.

– Мне нравится твоя мама, – говорю я Джошу, когда тот появляется.

Он смотрит на фотографию и поджимает губы. Намек понят, я оставляю эту тему.

В самом низу – подборка медицинских учебников, с виду довольно старых. Там же – подвижная анатомическая модель руки, на которой видны все кости. Я сгибаю пальцы, оставляя поднятым только средний, и усмехаюсь своему остроумию.

– Зачем тебе это?

– Это из моей другой жизни. – Джош снова скрывается на кухне.

Пультom я выключаю звук телевизора, и нас затопляет тишина. Я прокрадываюсь мимо хозяина на кухню. Она сияет чистотой, гудит посудомоечная машина. Запах апельсина издает антибактериальный спрей для мытья кухонных поверхностей. Вижу прилепленный к холодильнику листок с отпечатком моего поцелуя и указываю на него.

Джош пожимает плечами:

– Ты вложила в это столько чувства. Было жаль выбрасывать.

Стою в свете лампочки холодильника и осматриваю его содержимое. Тут целая радуга цветов. Побег. Листья. Бородатые корни. Тофу и органический соус для пасты.

– У меня в холодильнике нет ничего, кроме сыра и соусов.

– Знаю.

Я закрываю холодильник и прислоняюсь к нему, магнетики впиваются в спину. Подставляю лицо для поцелуя, но Джош качает головой.

Слегка удрученная, я заглядываю в ящик со столовыми приборами и задеваю рукав пиджака, висящего у двери. В кармане нахожу счет с заправки. Сорок пять долларов, заплачено наличными.

Все аккуратно, все на своих местах. Неудивительно, что от моей квартирки у него руки зачесались.

– Мой дом в сравнении с этим – калькуттские трущобы. Мне тоже надо завести корзину для спортивных принадлежностей. А где у тебя все барахло? Где коробки с ненужными вещами?

– Твои худшие подозрения подтвердились. Я чокнутый аккуратист.

А я как чокнутая потратила по меньшей мере двадцать минут на изучение всего, что у него есть. Я так грубо вторгаюсь в его личное

пространство, что мне самой становится неприятно, но Джош не вмешивается, позволяет мне все.

В квартире две спальни, я стою, руки в боки, посреди той, что приспособлена под кабинет. Большой монитор компьютера, несколько огромных гантелей. Шкаф, забитый зимним спортивным снаряжением, там же – спальный мешок. Еще книги. С вождением смотрю на шкафчик для документов. Если бы Джоша не было здесь, я бы с удовольствием порылась в его счетах за электричество.

– Ну что, закончила?

Я смотрю на свои руки. В них – старая моделька машины, найденная в одном из узких ящичков бюро. Я сжимаю ее в ладони, как старая карманница.

– Еще нет. – От страха я едва способна произнести это.

Джош показывает пальцем, и я иду к еще не обследованному темному коридору. Он щелкает выключателем прямо над моим ухом, и из меня вырывается сдавленный восторженный вздох.

Комната окрашена в голубой цвет моей самой любимой из всех рубашек Джоша. Цвет яйца малиновки. Бледно-бирюзовый в сочетании с молочным. Чувствую, как от чего-то теснит грудь, испытываю ощущение дежавю. Словно я уже была здесь и еще побываю. Прижимаюсь к дверному косяку.

– Это твой любимый цвет?

– Да. – В его голосе слышно напряжение. Может быть, его раньше из-за этого дразнили.

– Мне нравится, – уважительно говорю я.

Я оцениваю этот неожиданный яркий взрыв на фоне темного шоколада и серо-коричневого и размышляю про себя: как же это похоже на Джоша. Нечто неожиданное. Нежное, бледно-синее. Темно-коричневое, обтянутое кожей изголовье кровати лишает комнату налета женственности. Джош стоит у меня за спиной, легко можно прислониться, но я удерживаюсь. Запах его тела кружит мне голову. Постель заправлена, и белье на ней белое, эту незначительную деталь я нахожу довольно сексуальной. В ванной все начищено до блеска. Красные полотенца и красная зубная щетка. Вид как в каталоге ИКЕА.

– Никогда бы не подумала, что у такого человека, как ты, может расти папоротник. У меня был однажды, но весь пожелтел и стал ломким.

Я иду к кровати Джошуа Темплмана. Провожу пальцем по краю наволочки.

– Ну ладно, ты уже начинаешь чудачить через край.

Пытаюсь потрясти спинку кровати, но она держится прочно.

– Прекрати. Сядь на диван. Я налью тебе чая.

Я бочком, по-крабьи, пробираюсь в гостиную.

– Как ты мог просто стоять и наблюдать, как я повсюду сую свой нос?

Беру в руки чудную подушечку и подсовываю себе под спину. Джош дает мне кружку, и я держу ее, как оружие.

– Я рыскал по твоей квартире. Теперь твой черед.

Я возбуждена, но стараюсь скрыть это за шуткой:

– Ты нашел все свои фотографии с выцарапанными глазами?

– Нет. Твои альбомы с вырезками мне не попадались. Я знаю, что у тебя двадцать шесть фигурок Папы Смурфа и ты плохо складываешь постельное белье.

Джош сидит на другом конце дивана, голова мягко склонена набок, руки-ноги комфортно раскинуты. На работе он часто качается в своем офисном кресле, но я никогда не видела, чтобы его тело принимало такие расслабленные позы. Не могу оторвать от него глаз.

– Простыни слишком большие. У меня не такие длинные руки.

Он вздыхает и качает головой:

– Это не оправдание.

– Ты заглядывал в мой ящик с нижним бельем?

– Разумеется, нет. Нужно же было оставить что-нибудь для другого раза.

– Можно мне заглянуть в твой сейчас? – Я теряю голову. Мое здравомыслие осталось за порогом квартиры Джоша. Я отпиваю чай. Он как нектар.

– Теперь, Печенька, мы сделаем кое-что необычное.

Он включает звук телевизора, делает глоток из своей чашки и смотрит повтор старого сериала «Скорая помощь», как будто мы занимаемся этим каждый вечер. Я сижу и пытаюсь сконцентрироваться, сердце стучит. Эй, тут нет ничего особенного. Я просто сижу на диване Джошуа Темплмана.

Склоняю голову набок и смотрю на него в продолжение целого эпизода, наблюдая за сценами хирургических операций и конфликтами в палатах, которые отражаются в глазах Джоша.

– Я тебя не беспокою?

– Нет, – безразлично отвечает он. – Я привык к этому.

Мы ненормальные. Минута проходит за минутой. Джош пьет кофе, а я продолжаю глядеть на него. На его подбородке проступила тень от щетины, в рабочее время такого за ним не замечалось. Грудь моя напряжена от волнения. Когда я нахожусь в непосредственной близости от Джошуа, тело

и мозг приходят в состояние боевой готовности. Только он поворачивает голову, я дергаюсь назад. Он кладет на диван между нами свою руку ладонью вверх и снова устремляет взгляд на экран.

Это выглядит так, будто он выставил вперед блюдце с семечками и теперь сидит очень тихо, поджидая, когда трусливый маленький цыпленок решится сделать шаг. Меня хватает ненадолго. Я неуверенно беру его руку и переплетаю свои пальцы с его пальцами. Одно пугающее мгновение он не реагирует, но вот тепло его ладони начинает проникать в мою руку, и он пожимает ее, сильно и с чувством. Потом опускает наши соединенные кисти на диван, а другой рукой поднимает кружку и кивает на экран:

– Я смотрю медицинские драмы, чтобы позлить отца. Его они просто сводят с ума. В отцовском доме их вообще не включают.

– Почему? Там много ошибок? – Я рада, что могу сконцентрироваться на чем-то другом, кроме этого странного развития отношений между нашими руками.

– О да. Это полная ерунда.

– Я предпочитаю «Закон и порядок». Мне нравится, когда ресторанный работник находит труп в мусорном контейнере.

– Или человек, который гуляет с собакой в Центральном парке. – Джош делает жест рукой в сторону экрана кружкой с кофе. – Этот так называемый доктор даже не надевает перчаток. – И хмурится, будто оскорблен до глубины души.

Искусство держаться за руки недооценено, я смущена тем, в какое почти бездыханное волнение меня приводит это простое действие. Подушечка его большого пальца через тыльную сторону моей ладони добирается до запястья.

Крупные мужчины всегда пугали меня. Если вспомнить моих прежних бойфрендов – все они были ростом с жокеев. С такими легче иметь дело. Более равные партнеры. Никогда вблизи меня не оказывалось такой ошеломляющей мужской архитектуры, как сейчас.

Округлости плечевых мышц гармонируют с мягко изогнутыми бицепсами на руках. Суставы на локтях и запястьях похожи на какие-то штуки из магазина скобяных изделий. Каково это будет – лежать под таким огромным мужиком? Наверное, потом ноги будут подкашиваться.

Джош смотрит «Скорую помощь» и зевает, не подозревая, что я пытаюсь оценить размер его грудной клетки, как жадный до мяса хищник.

Возможно, несовместимость размеров добавила остроты нашим отношениям на работе. Я всегда пыталась усилить свои позиции единственным доступным мне способом – умом и языком. Похоже,

Джошуа обратил меня в свою веру. Теперь я не против мускулатуры. Начинаю дышать немного тяжелее, и он смотрит на меня:

– Что за странный взгляд? Расслабься.

– Я думала, какой ты большой.

Смотрю на наши соединенные руки. Джош тихонько гладит большим пальцем мою ладонь. Когда мы снова встречаемся взглядами, глаза его слегка потемнели.

– Я тебе подхожу как надо.

По коже ползут мурашки. Я сдвигаю бедра и невзначай фыркаю, как пони. Я адски разгорячилась. Не могу удержаться, заглядываю через плечо в его спальню. Она так близко. Хватит, наверное, пяти больших шагов, чтобы оказаться на постели. И язык Джоша будет прикасаться к моей коже меньше чем через полминуты.

– Если ты так уж хорошо мне подходишь, покажи это.

– Покажу.

Ладони у нас скользкие. Шея сзади под волосами взмокла. Мне нужен поцелуй. На этот раз я намерена гладить языком язык Джоша, пока парень не застонет. Пока не упрется в меня чем-то твердым. Пока не отнесет в свою спальню и не снимет с себя одежду.

Бегут титры самой длинной в истории серии «Скорой помощи». Сердце мое грозит лопнуть, как воздушный шарик.

Джош зловецce приглушает звук телевизора и поворачивает голову – начинается игра в гляделки. Вижу, его глаза стали черными, и не дышу в предвкушении того, что должно случиться. Ощущаю биение пульса во всех чувствительных частях тела. Между ног – теплая тяжесть. Смотрю на губы Джоша. Он смотрит на мои. Потом переводит взгляд на наши соединенные руки.

– Что теперь?

Он косится на меня. Следующие слова, слетающие с его губ, как удар кнутом.

– Раздевайся! – Я вздрагиваю, он усмехается и выключает телевизор. – Шучу. Пошли, я провожу тебя до машины.

Его улыбки опасно кружат мне голову. Это уже третья за последнее время? Я сую их в карманы. Набиваю ими рот.

– Но... – голос у меня жалобный, – я думала...

Брови Джоша сходятся к переносице, он наигранно изображает непонимание.

– Ты знаешь...

– Довольно обидно, когда хотят только моего тела. У меня еще даже не

было предварительного свидания. – Он снова смотрит на наши руки.

– Насколько я могу судить, ты замечательно сложен. Чего еще должна я от тебя хотеть?

Я начинаю трогать и сжимать его руки в разных местах. Это самый худший шаблон соблазнения из всех, какие можно придумать, но Джошу, кажется, и дела нет. Локоть у него слишком большой, мне его не обхватить ладонью. Платье приходит на помощь и немного сползает вниз на груди, когда я тянусь к Джошу. Его глаза перемещаются к открывшейся ложбинке.

Когда мы снова встречаемся взглядами, я понимаю, что сказала глупость.

Он быстро закрывает тему, принимая хмурый вид:

– Сегодня мы этого делать не будем.

Я едва не парирую какой-нибудь резкостью, но, замечая, как Джош прикрывает глаза и делает глубокий вдох, понимаю, как мне не хочется завершать этот вечер.

– Если я задам вопрос о тебе, ты ответишь?

– А ты? – Он вновь обретает самообладание, как и я.

– Конечно. – Все, что мы делаем, взаимно – зуб за зуб.

– Ладно.

Джош открывает глаза, и сперва я не могу придумать никакого вопроса, который не раскрыл бы слишком многое обо мне самой.

Что ты на самом деле думаешь обо мне? Не есть ли все это тщательно разработанный план, чтобы разделаться со мной? Сильно ли я буду страдать?

– Давай превратим это в игру, как все, что мы делаем. Так легче. Правда или желание? – Я пытаюсь говорить легко, без напряжения.

– Правда. Тебе ведь до смерти хочется, чтобы я сказал «желание».

– Что за коды ты пишешь карандашом в своем ежедневнике? Это для кадровиков?

Джош хмурится:

– А какое желание?

Его запах окутывает меня пряным туманом. Теплый плюшевый диван будто подбивает подкрасться ближе к коленям Джоша.

– Ты еще спрашиваешь?

Он встает сам и поднимает меня на ноги. Я засовываю пальцы за пояс его джинсов и ощущаю крепкое мужское тело. Едва не пускаю слюни.

– Мы не можем начать это сегодня. – Он вынимает мои пальцы из своих джинсов.

– Почему нет? – Кажется, я умоляю.

– Мне нужно больше времени.
– Еще только половина девятого. – Я иду за ним к входной двери.
– Ты сказала, что мы займемся этим всего раз. Мне нужно много времени.

Я ощущаю трепет между ног.

– Сколько?

– Много. Дни. Может быть, больше.

Мои коленки стучаются друг об дружку. Глаза Джоша прищуриваются.

– Давай завтра скажемся больными. – Я неутомима в стремлении найти средство снять с него одежду.

Он смотрит в потолок и тяжело сглатывает:

– Думаешь, я собираюсь растратить впустую свой единственный шанс, превратив его в стандартную ночь с понедельника на вторник?

– Это не будет пустая трата.

– Как бы тебе объяснить? Когда мы были детьми, Патрик всегда сразу съедал пасхальное яйцо. А я мог оставить свое до дня рождения.

– Когда у тебя день рождения?

– Двадцатого июня.

– Что это за знак? Рак?

– Близнецы.

– И почему бы тебе не съесть все прямо сейчас? – Вау, я умею сказать так, чтобы прозвучало грязно.

Он убирает волосы с моего плеча:

– Патрик ужасно мне завидовал. Он приходил в мою комнату и нависал над яйцом. Каждый день спрашивал, съел ли я его. Это ужасно бесило моего брата. И родителей доводило до исступления. Даже они начинали умолять меня съесть яйцо. Когда я наконец делал это, было гораздо вкуснее от сознания того, что кто-то еще так страстно хотел сделать то же самое.

Джош на полдьюма сдвигает с плеча мое красное платье и смотрит на кожу, а потом нагибается и втягивает в себя воздух. Я ощущаю щекотное движение воздушных струек и чувствую всем нутром, какой неземной пыткой были для всех его пасхальные яйца.

– Это извращение – возбуждаться от детской истории про двух братьев, правда?

Он прижимается губами к моему плечу и смеется. От поцелуя все тело вибрирует. Я окидываю взглядом его прекрасную спальню, она залита светом, который так и не выключили. Сине-белая, как роскошная коробка от Тиффани. Подарок с ленточкой. Комната, в которой я хотела бы провести

не один день. Комната, из которой мне, вероятно, вообще не захочется выходить.

– Ты съедал его, откусывая по кусочку, или выбирал день и заглатывал целиком?

– Полагаю, ты это узнаешь. Со временем.

Джош берет ключи и стоит, позвякивая ими, пока я надеваю пальто. В лифте мы не прикасаемся друг к другу. Он безмолвно провожает меня на улицу до моей машины.

– Пока. Спасибо за чай. – Меня охватывает стыд. Вела себя как чокнутая. Почему я могу быть нормальной с такими парнями, как Дэнни, но с Джошем вечно начинаю придуриваться? Что-то твердое впивается в руку. О черт, я все еще держу в ней модельку. – Я чудачка. – Закрываю лицо руками, маленькие колесики крутятся у щеки.

– Да. – Джош тихо веселится.

– Прости.

– Оставь себе. Это подарок.

Вот она – первая вещь, которую Джош мне подарил, кроме роз. Я загордилась, аж слов нет, и заново изучаю модельку. На днище нацарапаны инициалы «ДТ».

– Это детское сокровище? С виду она старая. – Не думаю, что отдам ее, даже если Джош вдруг переменит решение.

– Может быть, она положит начало твоей новой коллекции. Думаю, я совершил нечто значительное для нас обоих. Мы соблюдали перемирие. На протяжении целой серии фильма.

– Ты хорошо умеешь держать за руку.

– Вероятно, я не слишком хорош во многих других вещах, но постараюсь исправиться, – говорит он.

Очень странно слышать такое, и я чувствую, что в разделяющей нас стене появляется новая трещина.

– Ну что ж, спасибо. Увидимся завтра.

– Нет, не увидимся. Я взял отгул.

Никогда еще Джош не брал отгулов.

– Займешься чем-нибудь особенным? – Я смотрю на окна его квартиры, и меня накрывает волной одиночества.

– У меня назначена встреча.

Только я подумала, что остановила верчение этого калейдоскопа странных чувств, как волшебная трубочка опять поворачивается и преподносит мне новый сюрприз. Такое ощущение, будто мне сообщили, что Рождество отменяется. Не будет Джоша, сидящего, как обычно,

напротив меня? Приходится закусить губу, чтобы немного успокоиться.

«Пожалуйста! – умоляющим тоном обращаюсь к самой себе. – Прощу тебя, возненавидь Джоша снова! Это слишком тяжело».

– Ты ведь не будешь скучать по мне, а? Проведешь вторник наедине с собой. – Он дотрагивается до маленькой игрушечной машинки у меня в руке и тихонько крутит колесики.

Я стараюсь принять равнодушный вид, но Джош, вероятно, видит меня насквозь.

– Скучать по тебе? Мне будет скучно не видеть твоего милого лица, не больше.

Надеюсь, эти слова приземлились где-то в области слабого сарказма. Я запикиваю свое трепещущее тело в машину. Джош барабанит по стеклу, чтобы я не забыла заблокировать дверцу. Ключ вставляется в замок зажигания не с первой попытки.

В зеркале заднего вида отражается неподвижно стоящий Джош, постепенно он превращается в мелкое пятнышко, в одного из миллионов людей, но я не могу оторвать от него взгляд, пока он не исчезает вовсе.

Придя домой, продолжаю сжимать в руке его машинку.

Глава 15

Я сижу за своим столом, веки сухие и напряженные, и смотрю на пустое кресло Джоша. В кабинете холодно. Тихо. Профессиональное убежище. Обитатели любого из отделов этажом ниже пошли бы на убийство ради такой тишины.

Джош должен сидеть напротив меня, предположительно в рубашке с бело-серыми полосками. Он держал бы в руке калькулятор, нажимал кнопки, хмурился, снова давил на клавиши.

Если бы он был здесь, то поглядывал бы на меня. Мы встречались бы взглядами, и в такие моменты у меня внутри загоралась бы лампочка, словно вспышка фотокамеры. Я бы назвала это признаком раздражения или неприязни. Посчитала тем, чем эти вспышки на самом деле не являются.

Гляжу на часы. Жду маленькую вечность, проходит минута. Чтобы развлечься, катаю мою новую модельку вперед-назад по коврику для мыши, потом вынимаю из-под него карточку из букета.

Ты всегда прекрасна.

Рассматриваю свое отражение в окружающей меня дурацкой стеклянной призме. Смотрю на стену, на потолок, анализирую свою внешность под разными углами зрения. Теперь этих трех слов мало, чтобы меня насытить. Он сотворил монстра.

Переворачиваю карточку и читаю адрес. У меня появляется новая идея, и я громко кхекаю. Взяв сумочку, я иду в тот самый цветочный магазин за углом. Пока не растеряла решимость, заказываю доставку Джошу букета белых роз с карточкой. Не совсем понимаю, что я собираюсь написать, наконец рука сама собой выводит:

Я хочу тебя не только из-за твоего тела. Я хочу тебя из-за твоих моделек. Печенька.

Мгновенно возникает сомнение, но хозяин магазина уже взял у меня открытку и унес букет в заднюю комнату.

Это всего лишь шутка, эти цветы. Джош послал букет мне, а мы оба ненавидим быть в долгу друг перед другом. Засовываю кредитку в сумочку и представляю, как Джош открывает дверь и какое выражение у него на лице. Я на самом деле палю из пушки туда, куда не следовало бы.

По пути обратно на работу покупаю кофе навынос и тихо стучу в дверь Хелен:

– Привет. Не помешаю?

– Нет. Слава богу! – восклицает она и сбрасывает очки с такой живостью, что они соскакивают на пол. – Кофе! Ты святая! Святая Люси, ниспославшая кофеин.

– И это еще не все. – Я вытаскиваю из-под мышки плоскую коробочку с круглыми пирожными «макарон». На этикетке значится: «Сделано во Франции». Я держала их в ящике стола на всякий случай. Ну и подхалимка!

– Я сказала «святая»? Я имела в виду – богиня. – Хелен протягивает руку к шкафчику у себя за спиной и находит тарелку. Разумеется, она тончайшая, расписана цветочками и с золотой каемкой по краю.

– Там сегодня так тихо. Слышно будет, если скрепка упадет. Странное ощущение, когда на тебя никто не пялится.

– Привыкай. Он много на тебя смотрит, не так ли, дорогая? Я заметила во время нескольких последних общих собраний. У него, вообще-то, довольно красивые темно-синие глаза. Как идет подготовка к собеседованию?

Хелен вскрывает коробку с «макарон» серебряным ножиком для распечатывания писем, и я рада, что она на мгновение отвлеклась. Аккуратно выкладывает содержимое коробки на тарелку, и мы обе выбираем себе по пирожному. Я беру белесоватое ванильное, как сегодняшняя отсутствующая рубашка, потому что я в трауре.

– Я готова, лучше уже не буду.

– Я не состою в числе интервьюеров, так что конфликта интересов не будет, если мы немного порепетируем вместе. Как строится твоя презентация?

– С удовольствием покажу вам, что я придумала.

– Бексли столько всего наговорил. Не знаю, Люси, что я буду делать, если по какой-то причине ты не получишь работу... – Она смотрит в окно, выражение лица мрачнеет. Проводит рукой по волосам, и они складываются в аккуратнейшую блестящую шапочку. Хотелось бы мне иметь такие же послушные волосы.

– Он легко может обойти меня. У Джоша мозг настроен на деньги. А у меня больше на книги.

– Хмм... Я не вполне с этим согласна. Но если хочешь, мы можем скрестить вас и вывести следующее поколение идеальных сотрудников «Б и Г». Я еще ни разу не слышала, чтобы ты называла его Джошем.

Притворяюсь, что у меня слишком набит рот. Жую и указываю на свои губы, мотаю головой и выигрываю двадцать секунд времени. Надеюсь, что зазвонит телефон.

– Ох, ну вы знаете. Это... его имя, полагаю. Джошуа. Ну то есть Джош Темплман. Джошуа Т.

Хелен жует, с жадным интересом глядя мне в лицо:

– Ты сегодня как-то необыкновенно сияешь, дорогая.

– Нет, ничего такого. – Она меня раскусила. Моя возня с Джошем начинает сказываться на мне.

– Ты сама не своя, как кролик в свете фар. Это все из-за свиданий.

– Меня это немного смущает. Дэнни милый. Правда.

– В молодости мои лучшие парни не были особенно милыми.

Раздается стук в дверь, соединяющую кабинеты мистера Бексли и Хелен. Я глубоко признательна Толстому Коротышке Дикю за вторжение.

– Войдите! – резко произносит Хелен. Бексли врывается в кабинет и замирает на месте, видя меня и коробку с пирожными на столе. – Чего вы хотите?

– Ничего. – Он медлит, глаза прикованы к столу, наконец Хелен вздыхает и протягивает тарелку в его сторону.

Мистер Бексли берет два пирожных «макарон», пальцы в замешательстве замирают над третьим. Могу поклясться, в глазах Хелен загорается едва заметный огонек веселья. Коротышка Дик возвращается к себе и закрывает дверь, не сказав ни слова.

– Боже, неужели этот человек способен унюхать сахар? Я подкармливаю его сладким, дорогая, чтобы ускорить появление диабета, ни для чего больше.

– Чего он хотел?

– Ему одиноко без Джоша. Но придется привыкать.

– Когда мы отрепетируем презентацию?

– Сейчас, лучшего времени не придумаешь. Удиви меня, дорогая.

Произнеся вступление, я вижу, что завладела ее вниманием.

– В своей презентации я предлагаю проект по переизданию в цифровом формате уже выходявших в свет книг. Я выбрала сто лучших изданий, опубликованных «Гамин» и «Бексли» в тысяча девятьсот девяносто пятом году, просто для примера. Только пятьдесят пять процентов из них доступны в цифре.

– Айпады – это прихоть, – жуя, встревает мистер Бексли из открытой двери, соединяющей директорские кабинеты. – Кто захочет читать с куска стекла?

– Рынок электронных книг прирастает за счет людей старше тридцати. Это факт, – объясняю я, стараясь сохранять спокойствие. Долго ли он там стоял? Как ему удалось открыть дверь совершенно бесшумно? Я

фокусируюсь на Хелен и стараюсь не замечать его. – Это гигантская возможность для всех нас. Шанс возобновить контракты с авторами, которых больше не издают. Внутри компании это обеспечит рост людям, обладающим навыком создавать электронные книги, в том числе дизайнерам обложек, и позволит вернуть старые издания «Б и Г» в список бестселлеров. Издательское дело постоянно эволюционирует, и мы не должны отставать.

– Пожалуйста, уйдите, – говорит Хелен через плечо мистеру Бексли.

Дверь закрывается, но, могу поклясться, я вижу тени двух ног в просвете под ней.

Растущая паника теперь полностью оперяется и встает на крыло. Если мистер Бексли откроет мою стратегию Джошу, тот может меня обставить. Переключаюсь на последний слайд:

– Если мне удастся получить эту должность, я буду разрабатывать проект по переводу списка лучших публикаций прошлых лет в формат электронных книг. Я уже составила первоначальный бюджет, о котором расскажу, показав несколько слайдов. Все эти электронные книги будут нуждаться в изменении обложек, чтобы они соответствовали времени. Потребуется затраты на привлечение трех новых дизайнеров для завершения двухгодичного проекта.

Я прокручиваю слайды с моим проектным предложением. Хелен задает несколько вопросов, я с легкостью на них отвечаю и оцениваю, какие ко мне будут требования. Наконец дохожу до последнего слайда. Хелен так долго смотрит на экран, что я проверяю, моргает ли она.

– Дорогая, очень, очень хорошо.

Я устраиваюсь на полу возле ее кресла. У нее на глаза наворачиваются слезы, и она берет у меня из рук бумажный носовой платок, вздыхая, как будто чувствует себя глупо.

– Я была эгоистична, что держала тебя там, – тихо говорит она. – Просто я... Я не могу без тебя обойтись. Но теперь я понимаю, как неправильно поступала. Мне нужно было постараться и перевести тебя в издательский отдел после слияния. И ты так переживала, что потеряла подругу. – (У меня нет слов. Я не знаю, что сказать.) – Но каждый раз, задумываясь о поиске замены тебе, я вспоминала, как хорошо ты со всем справляешься, как ты все успеваешь и сохраняешь меня в здравом рассудке. Тогда я думала – может быть, еще один месяц не повредит.

– Я всего лишь выполняю свою работу, – говорю я, но она качает головой:

– Еще месяц. И еще один. И это повредило тебе, Люси. У тебя были

амбиции, ты хотела что-то делать, имела свои идеи, но я не могла вынести твой уход.

– Значит, с презентацией все в порядке?

Хелен со смехом вытирает глаза:

– Она обеспечит тебе продвижение по службе. И мы втянем «Б и Г» в эту игру. Вместе. Я хочу быть рядом с тобой, мы будем работать как коллеги. Выполнять роль твоей наставницы – это, наверное, было лучшее в моей карьере. – Она смотрит на последний слайд презентации и замолкает. – Но мне хотелось бы знать. Если бы не предполагалось никакого собеседования, никакой новой работы, эта идея так и осталась бы неозвученной, ты держала бы ее в себе вечно? Так и не высказала бы ее?

Я сажусь на пятки и смотрю на свои руки:

– Хороший вопрос.

Сколько еще скрытых надежд эта возможность продвижения по службе выявила во мне?

– Я думала, ты знала, что твои идеи важны. – Хелен начинает вставать.

– Наверное, я выбирала подходящий момент. Или мне не хватало уверенности. Теперь я вынуждена соответствовать ситуации. Думаю, это хорошо. Даже если я не получу работу, вся эта история... пробудила меня.

Приходит на память прошлый вечер, поцелуй с Джошем под фонарем, и вдруг меня осеняет:

– А что, если мистер Бексли расскажет Джошу о моей презентации?

– Предоставь это мне. Если его труп выловят из реки, тебе стоит держать язык за зубами и составить мне алиби. Сосредоточься на следующей неделе. У меня есть предложение.

– Отлично. – Я отключаю кабель от USB-порта и сажусь напротив нее. – Сразите меня.

– Твоя презентация несколько легковесна. Почему бы не сделать к собеседованию готовую электронную книгу? Возьми что-нибудь из списка прежних изданий и переведи в электронный формат. Ты проведешь анализ, сколько человеко-часов это занимает, какое вознаграждение потребуется выплатить. Сколько реально будет стоить создание такой книги. Это докажет верность твоих бюджетных расчетов.

– Да, хорошая идея. – Я заглатываю свой остывший кофе.

– Ты считаешь, Джош силен в цифрах, так? Здесь твой шанс доказать, что ты столь же способна составить базовый бюджетный план для нового проекта. – (Я киваю и делаю записи, мой мозг уже несется вскачь.) – Но чтобы все было по-честному, ты не должна использовать на это ресурсы компании. Прояви смекалку. Используй связи. Может, привлечешь кого-

нибудь из фрилансеров.

Она имеет в виду Дэнни, без сомнения.

Беру кое-что на карандаш, а Хелен тем временем выключает проектор.

– Я это сделаю, – говорю я с новой уверенностью.

– В этом нет сомнений, дорогая. – Хелен смотрит на дверь в соседний кабинет, и я вижу, как она начинает лукаво усмехаться. – Ты больше не думала о своих недавних баталиях с Джошем? У меня есть интересная теория. – Она тихонько хмыкает.

– Не уверена, что готова ее выслушать. – Я опираюсь на стол Хелен.

– Это не в тему, но все же. Джош считал, что ты обманываешь его насчет свидания, потому как не может представить тебя с кем-нибудь другим, кроме себя самого.

– О! Гм... Ах! – Я издаю все возможные междометия. Жар заливает грудь, потом горло, лицо, пробирается к корням волос, пока я не становлюсь совершенно красной.

– Подумай об этом, – говорит Хелен и закидывает в рот целиком еще одно пирожное.

Я размыкаю губы, колеблюсь, сжимаю их, повторяю то же самое несколько раз. Хелен встает, смахивает с себя крошки и пронизательно смотрит на меня:

– Мне нужно бежать. К трем придет мастер чинить горячую воду. Почему они всегда являются в самое неподходящее время? Ты тоже иди домой, дорогая. В таком состоянии у тебя вид как у рыбы.

После ухода Хелен я сажусь за свой стол. Программа действий предельно ясна. Надо звонить Дэнни и просить его пофрилансить с моей электронной книгой, но всякий раз, взяв в руку телефон, я откладываю его. Чтобы ситуация выглядела по-деловому, я откапываю его визитную карточку и пишу ему письмо с предложением встретиться завтра. Сколько он попросит за работу, не представляю, но в данный момент это меня не волнует – все или ничего.

Получаю сообщение на мобильный. В животе чувство, как во время затяжного прыжка с парашютом. Сердце воспаряет.

Джошуа Темплман: Рад это слышать.

Значит, он получил розы. Я прижимаю телефон к груди.

Это собеседование – худший вид чистилища. Столько людей в коридорах пожелали мне удачи. Представлять их сочувственную неловкость в случае моего провала невыносимо.

Если работу получит Джош, мне придется уйти.

Смотрю на крест в моем ежедневнике, который обозначает собеседование на следующей неделе. Хотя устроенная только что пробная презентация потешила мое самолюбие, нужно предусмотреть план действий на случай худшего сценария. Хороший бизнес-план предполагает стратегию выхода из ситуации. У меня скоплено немного денег на сакральном счете, к которому я не прикасаюсь. Я хотела в этом году съездить в отпуск, но, полагаю, эти сбережения будут моей соломкой на случай падения. Может быть, мне придется сидеть под зонтом у входа на «Скай даймонд строуберис». Родители, наверное, будут обниматься, прыгать и визжать от радости. У них не останется чувства приличия, чтобы разочароваться во мне.

Если работу получит Джош и я уволюсь, затмит ли горечь провала эти маленькие вспышки в груди, которые возникают, когда он на меня смотрит? Продолжится ли наша странная, хрупкая игра за пределами этих стен? Моя дружба с Вэл за них не вышла.

Сможем ли мы встречаться, когда я буду знать о его успехах в «Б и Г», стоя в очереди на бирже труда? С другой стороны, будет ли он радоваться моей удаче, заваливая город своими резюме? Не могу представить, что он легко смирит свою гордыню.

Нельзя сказать, что у меня нет никаких других возможностей. Имеются кое-какие контакты с несколькими мелкими издательствами, в которые я, вероятно, могу обратиться, но тогда я предам Хелен. Я могу попросить Хелен о переводе в другой отдел «Б и Г». Может быть, пришла пора начать с самых низов редакторской команды. Но если я останусь в «Б и Г», это почти наверняка будет означать, что Джош стал новым главным операционным директором.

Стоит ли упоминать, что любая возможность когда-нибудь еще посидеть на его диване навсегда останется в прошлом.

Жизнь была бы легче, если бы я могла просто ненавидеть Джошуа Темплмана. Я смотрю на его пустое кресло, а потом закрываю глаза, и передо мной встает голубизна его спальни.

Я нахожусь на грани того, чтобы потерять то, чего, по правде говоря, никогда не имела.

Ухожу домой рано, пользуясь предложением Хелен, и ищу себе какое-нибудь занятие.

В квартире порядок благодаря Джошу. Я просматриваю страницы с интернет-аукционами, не продают ли где смурфов, и пересматриваю свою

коллекцию в поисках кандидатов на продажу. Сколько у меня фигурок Папы Смурфа?

Заглядываю в пустой холодильник и вспоминаю радуу фруктов и овощей в холодильнике Джоша. Решаю приготовить чашку чая и обнаруживаю, что его нет. Я могла бы сходить в магазин, но вместо этого выпиваю стакан воды. Мне холодно, и я закутываюсь в кардиган.

Теперь, когда я видела его квартиру, не могу перестать смотреть на свою новым взглядом. Тут такая тоска. Белые стены, бежевый ковер, между ними неопределенного цвета диван. Никаких ковриков с орнаментами или картин в рамах.

Принимаю душ и делаю макияж, что глупо. Зачем прыскать духи в ложбинку? Или натягивать красивые джинсы? Тут нет никого, кто мог бы увидеть меня или ощутить аромат парфюма. Идти мне некуда. Давно уже в этом городе у меня нет никого, кому я могла бы позвонить.

Сажусь, колено подрагивает. Внутри паршиво. Ощущаю себя магнитной стрелкой, которая дрожит и никак не может остановиться. Так чувствуют себя наркоманы? Я начинаю понимать, что происходит, но не могу признаться в этом самой себе. Пока еще нет.

Было ли когда-нибудь столь жутким испытанием взять телефон и посмотреть на имя в списке контактов?

Джошуа Темплман

Лучше бы я сидела тут и смотрела на имя

Дэнни Флетчер

Мне нужно позвонить Дэнни, предложить встретиться и сходить в кино или перекусить где-нибудь. Мы могли бы обсудить проект. Он ведь мой новый друг. Дэнни приедет, куда я ни скажу, за двадцать минут. Могу поспорить, он это сделает. Я одета. Я готова.

Но я не звоню ему. Вместо этого совершаю то, чего не делала, пожалуй, никогда.

Нажимаю клавишу «Позвонить».

Мгновенно нажимаю «Отбой» и швыряю телефон на кровать, как гранату. Вытираю влажные руки о бедра и выдыхаю со свистом.

Телефон начинает трезвонить.

Входящий вызов: Джошуа Темплман

– О, привет, – удается мне ответить легким тоном. Основанием ладони давлю на висок. У меня нет ни капли гордости.

– Я пропустил звонок. Он был всего один.

На заднем плане слышна ритмичная музыка. Он, вероятно, выпивает в каком-нибудь баре в окружении высоких моделей в облегающих белых платьях.

– Ты занят. Я поговорю с тобой обо всем завтра.

– Я в спортзале.

– В тренажерном?

– В качалке. Тягаю штанги по вечерам.

Ответ намекает на то, что в другое время он бывает и на тренажерах. Джош тихо хмыкает, после чего я слышу тяжелый металлический лязг.

– Так в чем дело? Не говори, что телефон сам позвонил мне из кармана.

– Нет. – Какой смысл притворяться.

– Интересно. – Слышно приглушенное шуршание ткани, может быть полотенца, потом – звук закрывающейся двери. Противный музон становится тише.

– Я вышел. Не припоминаю, чтобы хоть раз видел твое имя на экране мобильного. Что-нибудь произошло на работе?

– Знаю. Я тоже об этом подумала. – (Повисает напряженная пауза.) – Нет, с работой это не связано.

– Очень жаль. Я надеялся, у Бексли случилась фатальная закупорка сосудов.

Я весело хмыкаю. Потом начинаю мяться:

– Я звонила, потому что...

Я не видела тебя сегодня. Все шло наперекосяк, и мне было очень грустно, и не знаю почему, но если я тебя увижу, это снимет странную тяжесть в груди. У меня нет друзей. Кроме тебя. Если ты не против.

– Да... – Он не помогает мне ВО-ОБ-ЩЕ.

– Я хочу есть, а никакой еды нет. И чая тоже, в квартире холодно. И мне скучно.

– Что за тоскливая жизнь!

– У тебя много еды и чая. И отопление лучше, чем у меня, и я... – (Снова ни звука.) – И с тобой мне не скучно. – Я обмираю. – Но я лучше просто...

Он обрывает меня:

– Тогда лучше приезжай.

Меня накрывает волной облегчения.

- Принести что-нибудь?
- Что, например?
- Могу по пути прихватить какой-нибудь еды.
- Нет, не надо. У меня есть из чего приготовить. Ты хочешь, чтобы я забрал тебя?
- Я лучше сама приеду.
- Может, так безопаснее.

Мы оба знаем почему. В противном случае мне будет слишком легко остаться у него на ночь.

Я уже держу в руках сумку, пальто и ключи. Ноги успела сунуть в туфли. Запираю дверь и трусцой бегу по коридору к лифту.

- Ты покажешь, какие мышцы накачал?
- Я думал, ты хочешь меня не только из-за этого.

Слышу, как заводится машина. По крайней мере, не я одна пребываю в нетерпении.

– Погнали кто быстрее. Я хочу увидеть тебя взмокшим. Нам нужно сравняться.

- Дай мне полчаса. Нет, час. – Он встревожен.
- Я буду ждать тебя в холле.
- Не выезжай сразу.
- До скорого, – отвечаю я и вешаю трубку.

Запуская двигатель и встраиваясь в поток машин, начинаю смеяться. Это новая игра – «Гонки», две машины из разных точек города мчатся к центру. Ужас, мне так хочется оказаться в квартире Джоша, на его диване, что на светофорах я от нетерпения дрыгаю коленкой. Могу поставить на кон что угодно, он делает то же самое.

Когда я трусцой бегу по тротуару к входу в его дом, все мои жалкие оправдания, предостережения и разумные доводы оказываются практически исчерпанными, и нам уже не отвратить того, что будет. Я вбегаю в холл.

Я не видела Джоша целый день и соскучилась.

Над лифтом горит стрелка вверх. Я задерживаю дыхание. Лифт звякает.

Он не может представить тебя ни с кем, кроме себя самого.

Двери разъезжаются в стороны, а за ними – он.

Глава 16

Вид у Джоша растрепанный и взмокший, плечо оттягивает мешок со спортивным снаряжением. Когда он видит меня, лоб его хмурится, в глазах появляется неуверенность. Он выставляет руку, чтобы задержать дверь лифта.

Мое. Сердце. Взрывается.

– Я выиграла! – С этим криком я бросаюсь к нему.

Джош успеваешь расставить в стороны руки, и я подскакиваю. Он, хмыкая, ударяется спиной о заднюю стенку, а мне удается обхватить его руками и ногами. Двери закрываются, и Джош с трудом нажимает на кнопку своего этажа.

– Думаю, технически победа за мной. Я первым оказался внутри здания, – слышу его голос у себя над головой.

– Я выиграла! Я выиграла! – повторяю я, пока он не уступает со смехом.

– О'кей. Ты выиграла.

Его пот пахнет дождем и кедром, ноздри щекошет розмариново-сосновый аромат. Я прижимаюсь лицом к его шее и вдыхаю, снова и снова, пока лифт не сообщает звонком о прибытии. Мы на четвертом этаже. Пытаюсь собраться с духом, чтобы отпустить свою добычу, но наркотическое притяжение наших тел оказывается сильнее моих волевых усилий.

– Ну ладно. – Джош идет по коридору.

Я прицепилась к нему и вишу у него на груди, как коала. Полы пальто хлопают, сумка стучается о его мешок со снаряжением. Надеюсь, Джош не натолкнется на кого-нибудь из соседей.

Откидываю голову назад, этого достаточно, чтобы увидеть веселые огоньки, горящие в его глазах, когда он ставит сумку рядом с дверью и начинает подбирать ключи.

– У каждого мужчины должен быть такой гостеприимный дом, как этот.

– Не обращай на меня внимания. Занимайся своими делами.

Я обнимаю его крепче. Скула очень удобно укладывается на ключицу. На Джоше толстовка с капюшоном, и чувствуется, что все тело у него слегка влажное.

Слышу, как он кладет свои спортивные принадлежности в корзину.

Снимает кроссовки, что, кажется, дается ему труднее, потом забирает у меня сумку. Нажимает кнопку на панели управления отоплением.

– Серьезно, представь, как будто меня тут нет.

Он заносит меня на кухню и, наклоняясь, заглядывает в холодильник, отчего мне приходится вцепиться в него крепче. Наливает стакан воды, и я прижимаю ухо к его шее, чтобы услышать, как он глотает.

Плотнее сжимаю его ногами, и он опускает руку мне на попу, дружески сжимает ее один раз. Потом шлепает по ней.

– Ой, что это у тебя в кармане?

– А-а... – Теперь я вспоминаю и чувствую себя глупо. Слезая с Джоша и встаю на ноги. – Это так, ничего.

– Я ударил руку. – Джош вынимает загогулистую штуковину из моего кармана и выгибает шею, чтобы рассмотреть находку. – Это смурф. Ну конечно. Чем еще ты можешь набить карманы? Почему на нем бантик?

– У меня таких штук десять. Это Смурф Ворчун.

– Если бы я не был в курсе, как ты любишь смурфов, то обиделся бы. – Джош улыбается одним уголком рта, и я понимаю, что ему приятно. – Так что там у тебя с этими смурфами?

– Мой отец поставлял клубнику в другой штат. Он уезжал до восхода и возвращался, когда я уже спала. Он всегда покупал мне смурфов на заправках по пути домой.

– Значит, они напоминают тебе об отце. Мило.

– Это означало, что он думал обо мне. – Я топчусь на месте.

– Ну что же, спасибо, что ты думаешь обо мне.

– Ну, ты дал мне что-то свое. Так что мы квиты.

– Это так важно? Чтобы мы всегда были квиты?

– Конечно. – Я замечаю, что у Джоша есть небольшая белая доска с планом питания на неделю. Ну и чудак.

– Ладно, ты чистая, а я нет. Мне нужно принять душ.

– Как тебе удастся так дивно пахнуть после спортзала? – Я иду в гостиную и со стоном заваливаюсь на диван. Утопаю в нем, словно он сделан из пены воспоминаний. «Привет, Люси, – говорит мне диван. – Я знал, что ты вернешься».

– Не думаю, что мне это удастся, – отзывается Джош с кухни.

Я слышу, кипит вода, открывается дверца холодильника, звякает чайная ложка.

– Тебе удастся. – Я хлопаю рукой по дивану в поисках подушки из ленточек. – Ты как мускулистая сосновая шишка.

– Думаю, это мыло. Мама снабжает меня им в изобилии. Она любит

отправлять посылки.

Он появляется, слегка встрепанный, толстовка расстегнута, под ней – майка, и еще я вижу кусочек мощного голого плеча. Мой рот наполняется слюной. Джош ставит на столик чашку и дает мне подушку.

– Сними толстовку. Пожалуйста. Я только посмотрю.

Он кладет палец на замок молнии, и я закусываю губу. Потом застегивает молнию до самой шеи, до упора, я уныло скулю.

– Пей чай, маленькая извращенка. – Он бросает что-то мне на живот.

Дверь спальни закрывается за ним, и через минуту я слышу, что включился душ. Беру в руки коробочку. Это модель машины в упаковке. Не могу отделаться от ощущения, что это упрек. Разве каждый мужчина не мечтает о том, чтобы кто-то жаждал его тела?

Я кладу под шею подушку из ленточек. На этот раз у меня маленькая черная машинка, довольно похожая на машину Джоша. Неужели он этим занимался в свой выходной? Ходил покупать мне игрушку? Открываю коробку и некоторое время катаю машинку по животу. Представляю себе Джоша в душе с куском мыла, как настоящая маленькая извращенка.

С предсказуемостью смены дня ночью я начинаю нервничать по мере того, как минута проходит за минутой. Не знаю, почему я снова здесь. Мне ясно только одно: этот диван отныне мое самое любимое место на земле. Мне следует обуться и уйти. Я трогаю чашку. Недостаточно остыла, чтобы пить.

Надо начать вести себя нормально. Что-то я слегка перевозбудилась. Думаю о том, с какими девушками, вероятно, встречается Джош. Высокие, отпадные блондинки. Чувствую это всем своим миниатюрным брюнеточным существом. Помню, один раз мы ходили с Вэл в клуб, это было в те времена, когда я еще отрывалась по полной, перед слиянием, до того как настало одиночество.

Мы видели этих скупающих, ледяных красоток. Они стояли у бара и обдавали презрением всех подходивших к ним мужчин. Мы с Вэл весь вечер имитировали их на танцплощадке, принимали равнодушные позы, бросали друг на друга злые, стальные взгляды и от этого хохотали до упаду. Можно попробовать повторить это сейчас.

Когда открывается дверь спальни и снова появляется Джош, я – молодая созревшая женщина, ноги элегантно скрещены – листаю медицинский учебник и попиваю чай.

На Джоше мягкие черные домашние брюки и черная футболка, ноги босые, очень симпатичные. Есть ли у него хоть какие-то изъяны?

Он садится на край дивана, волосы у него влажные и торчат во все

стороны. Я переворачиваю страницу, и, к несчастью, с нее на меня глядит яркая картинка – эрегированный пенис.

– Я стараюсь быть чуть более нормальной.

Джош смотрит на страницу:

– Ну и как, получается?

– Хорошо, что это не книга с раскладными картинками.

Джош весело фыркает. Я иду за ним на кухню и наблюдаю, как он режет овощи на удивительно аккуратные мелкие кусочки.

– Омлет подойдет?

Я киваю и смотрю на его белую доску. Вторник: омлет. Изучаю меню ужинов на остальные дни недели. Озадачиваюсь про себя: чем я смогу блеснуть во время ответного визита?

– Могу я что-нибудь сделать?

Джош качает головой, и я смотрю, как он разбивает шесть яиц в металлическую миску.

– Ну как там на работе? Ты явно скучала без меня.

От смущения я прикладываю ладони к лицу, и Джош тихо усмехается сам себе.

– Было скучно.

Это правда.

– Не с кем враждовать, да?

– Я пыталась отыгаться на каких-нибудь безобидных людях в зарплатных ведомостях, но они все кинулись в слезы.

– Штука в том, чтобы найти человека, который сможет ответить на удар так же хорошо, как принять его. – Джош достает сковородку и начинает поджаривать овощи на одной шипящей капельке масла.

– Может быть, Соня Резерфорд. Это жуткая женщина из отдела доставки, которая похожа на Мортицию Аддамс, если бы та была альбиноской.

– Не выстраивай очередь из замен мне слишком быстро. Ты задеваешь мои чувства.

Напоминание о вероятном исходе всего сценария понуждает меня прижаться к нему. Середина спины Джоша – это самое эргономически прекрасное место, чтобы уткнуться в него лицом.

Когда вся эта история закончится, я буду вспоминать этот момент.

– Может, объяснишь мне, почему ты здесь?

– Мне сегодня стало немного... грустно от мысли о том, что все изменится.

– Доктор Джош диагностирует у тебя стокгольмский синдром.

– Да, верно. – Я трусью щекой о его мышцы.

– Может, тебя скорее страшат изменения, чем перспектива сидеть там одной.

Я ценю, что Джош не сказал автоматически, мол, я буду скоро искать себе работу.

– Я вспоминала твою голубую спальню. По-моему, мы должны обсудить это. Пока еще есть время.

Слышу, как гулко скворчат яйца, добавленные к овощам на сковородке. Джош накрывает ее крышкой и поворачивается ко мне:

– Ты из тех людей, кого нужно вовлекать в процесс медленно. – Я открываю рот, чтобы протестовать, но Джош не дает мне этого сделать. – Я знаю тебя, Люси, ты такая. Твои закидоны впечатляют. Представь, что мы займемся сексом прямо сейчас. Прямо здесь, на столе. – Он сильно хлопает по нему рукой. – После этого тебе будет так неловко, что ты больше со мной никогда не заговоришь. Ты сбежишь еще до собеседований и отправишься жить в лес.

– А почему тебя это волнует? Я бы с удовольствием пожила в лесу.

– Мне нужно, чтобы ты соревновалась со мной. И может быть, мы найдем вариант, при котором у нас на все хватит времени. – Джош вздыхает и проверяет омлет. – У тебя бывают случайные связи на одну ночь? Ты, к примеру, ходишь в клуб, подцепляешь там парня и приводишь его к себе домой?

Задавая этот вопрос, Джош морщится. Может быть, не я одна способна представлять себе безликих поклонников.

– Конечно нет. Если не считать тебя. А я не могу рассчитывать даже на одну ночь.

Он поглаживает ладонями мои плечи, по-доброму, как друг, и проводки, держащие мои мышцы в напряжении, на дюйм ослабляются. Я подступаю к Джошу на шаг и лгну к нему всем телом. Когда я прижимаюсь щекой к его груди, меня обдает жаром.

– Я пытаюсь вести себя так, чтобы, когда мы это сделаем, ты ни о чем не жалела бы.

– Сомневаюсь, что я пожалею о чем-нибудь.

– Я польщен. – Он бросает взгляд на омлет. – Иди на диван, включай телик.

Я заваливаюсь на диван Джоша – это плюшевое совершенство. Надо мне тоже превратить свое иглу в уютную теплую крепость. Купить лампы, ковры, побольше полочек и картину с видом Тосканы. Мне понадобятся ведра краски, и моя спальня станет бледно-голубой. Белые простыни и

папоротник.

– Где ты взял этот диван? Я хочу такой же.

– Он единственный на свете, – выплывает из кухни сухой ответ Джоша.

– Можно купить его у тебя?

– Нет.

– А как насчет этой подушки из ленточек?

– Она такая одна.

– Кажется, я поняла, в чем твоя стратегия. – Я смотрю телевизор, и через некоторое время Джош подает мне тарелку и вилку. – Здесь я как маленькая герцогиня. Ты не должен прислуживать мне. – Я скидываю туфли под кофейный столик.

– Некоторые страшные монстры втайне наслаждаются, когда балуют маленьких герцогинь. Не заключить ли нам двухчасовое перемирие? Начнем прямо сейчас?

– Конечно, давай. О-о, это выглядит здорово. – Я чувствую запах свежего базилика. Почему Джош до сих пор один?

Мы смотрим новости, он забирает у меня тарелку. Потом дает мне креманку с ванильным мороженым. Для себя у него порции нет.

– Зачем ты тогда держишь в холодильнике мороженое?

– На случай, если ко мне случайно заглянет какая-нибудь сладкоежка.

Я не могу удержаться от улыбки:

– Этим кубикам не повредит одна ложечка. Это ведь белок, верно?

Джош смотрит на креманку и вздыхает. Берет у меня ложку и подцепляет солидный кусок.

– О боже! – Его веки трепещут.

– Ты должен каждый вечер доставлять себе какое-нибудь маленькое удовольствие. Зачем истязать себя.

– Маленькое удовольствие, да? – Он многозначительно смотрит на меня. – Ладно.

Я кладу в рот полную ложку мороженого. Она скользит по моему языку, это интимно до неприличия. Его язык, мой язык. Я облизываю ложку, Джош смотрит на меня, грудная клетка расширяется, засим следует быстрый выдох.

Джош разворачивает пушистый серый плед и накрывает им меня, я лежу, как избалованный ребенок. Он сидит на дальнем конце дивана, рядом с моими ногами, я смотрю на его профиль сбоку. Джош тянется вперед и берет медицинский учебник.

– У тебя грустный вид.

– Я... счастлив. – Выражение лица меняется, теперь на нем написано легкое удивление. – Странно.

– Зачем ты держишь у себя эти учебники? В этом очень много пенисов.

– Предполагалось, что я пойду по семейной стезе. Мне так и не удалось расстаться с учебниками. Многие из них принадлежали моей матери. Они довольно старые, но она хочет, чтобы я оставил их у себя. – Джош открывает форзац и проводит пальцем по написанному от руки имени.

Мне хочется спросить о его родителях, но я знаю Джоша: он может просто замкнуться в себе.

– Доктор Джош, доктор медицины. Ты бы стал сексологом.

– О, определенно. – Он отбрасывает книгу и начинает щелкать пультом, переключая каналы.

– У всех твоих пациенток наблюдалось бы учащенное сердцебиение.

Джош забирает у меня пустую креманку, целует под ухом. Я ловлю ртом воздух, а он с видом знатока нащупывает пульс на моем запястье.

– Ну-ка, посмотрим. Представь меня в белом халате, я засовываю стетоскоп под ворот твоей блузки.

Я почти ощущаю прикосновение ледяного диска к моей груди, поживаюсь и чувствую, как соски у меня заостряются.

– Ты провоцируешь меня на новые сексуальные причуды, – говорю я, как отпетая острячка, но Джош улыбается:

– Наверное, я смогу поработать с этим.

Мысленно я перескакиваю к тому, каким мог бы быть наш теоретический секс. Мы целыми днями играем друг с другом в разные игры, а значит, они продолжатся и в постели. Образы обрушиваются на меня с такой силой, что я вся сжимаюсь, внутри ощущение пустоты и желания.

Его голос у меня за ухом, мы стоим в дверях его прекрасной спальни.

Во что мы сыграем теперь?

– Я бы каждый вечер притворялась, что меня тошнит.

– Каждый вечер? – Джош все еще считает мой пульс, глядя на часы, шевеля губами. Это так сексуально, что я понимаю, он учащается. Наконец моя рука отпущена. – У тебя там довольно сильно стучащее маленькое сердечко. И угрожающий случай сексуального пучеглазия. Думаю, это серьезно.

– Я умру?

– Я предписываю вам полный диванный покой под моим

наблюдением. Но положение отчаянное.

– Я бы отпустила сальную шуточку по поводу твоей манеры общаться с пациентами, но в данный момент это было бы лишним. – Я снова кутаюсь в плед.

– Ты можешь представить, какие у меня манеры в общении с пациентами? В этом я был бы хуже всех. Так пугал бы людей, что они мигом бы выздоравливали.

– Поэтому ты не захотел стать врачом? Из-за ненависти к людям?

– Просто ничего не вышло. – Голос Джоша становится тверже.

– А что-нибудь в этой работе тебе нравилось?

– Большая часть. Я отлично справлялся с теорией. У меня хорошая память. И я вовсе не испытываю ненависти ко всем людям подряд. Только... к большинству из них.

– А как насчет практики? У тебя был какой-то неудачный опыт? Тебя заставляли пихать пальцы кому-нибудь в задницу?

Джош смеется, хотя нос его морщится от отвращения.

– Никто не начинает практиковаться на живых людях. И на задницах тоже. Что за ум надо иметь, чтобы додуматься до такого?

– Как у трупа! Могу поспорить, ты их видел. Как это было? – Я вспоминаю сцены вскрытия тел, которые видела в «Законе и порядке».

– Однажды мой отец... – Джош замолкает, в раздумье окидывает взглядом комнату. Я его не тороплю, и после долгой паузы он продолжает: – Мой отец, в своей великой мудрости, решил отправить меня за одним весьма неформальным рабочим опытом в свою клинику. Это было на каникулах перед началом занятий в колледже. Кое-что прошло хорошо. Меня в основном передавали друг другу доктора, которые, наверное, были слишком утомлены, чтобы отказать отцу. Но однажды после обеда отец хлопает меня по спине, представляет одному из патологоанатомов и оставляет наедине с ним.

Мне становится жутко.

– Не рассказывай, если тебе это тяжело.

– Нет, ничего. Полагаю, это было крещение огнем. Я выдержал минут пять, после чего меня стошнило. От запаха мертвого тела и химикатов у меня остался привкус во рту. Может, поэтому я начал есть мятные драже. Иногда мне не избавиться от этого запаха, он так и стоит в носу, а ведь прошли уже годы. – Джош берет мою руку и подносит к своему носу. – Твоя кожа пахнет как леденец. До той поры все принимали как должное, что я буду изучать медицину. Мой прапрадедушка был врачом, и медицина считалась призванием всех Темплманов. Но созерцание чьей-то

выпотрошенной грудной клетки стало началом конца.

– Тебе удалось продержаться до конца вскрытия?

– Мне удалось продержаться еще целый год. А потом я ушел. – От этих воспоминаний Джош грустнеет и занимает оборонительную позицию. – Так ты что, пришла корить меня за неправильный жизненный выбор?

Я ловлю его пальцы и сжимаю:

– Я не хотела сегодня оказаться ни в каком другом месте. Буквально из кожи вон вылезала.

Горжусь собой, что набралась храбрости сказать это.

Джош поворачивается ко мне, и лицо его смягчается.

– У меня нога подрагивала, вот так. – Я показываю, и он усмехается. – Видел бы ты, как я сюда ехала. Я хохотала, как будто сбежала из тюрьмы. Была совершенно вне себя.

– Ты думаешь, что наконец-то спятила?

– Несомненно. Дикое желание видеть твое милое лицо совершенно переполнило меня. Энергии во мне было как в двадцати атомных бомбах.

– Думаешь, почему я так часто хожу в качалку?

Внутри меня раздувается огромный пузырь счастья. Я сажусь и прислоняюсь к Джошу, голова с легкостью укладывается в изгиб его шеи, как в колыбель. Это правда. Он подходит мне в любом месте.

– Ты не должен объяснять, почему сделал тот или иной выбор. Ни мне, ни другим.

Джош медленно кивает, и я накрываю его пледом вместе с собой.

Представить не могла, что в один прекрасный день буду с ванильным ртом сидеть на диване, положив голову на плечо Джошуа Темплмана. Это плохо кончится. Закрываю глаза и вздыхаю.

– Скажи, отчего ты сегодня была такой грустной, Печенька?

Это нечестно! Ну почему он так тонко чувствует изменения в моем настроении!

– Просто. Я думала обо всем, что сейчас решается для меня.

– Расскажи.

– Не могу. Ты мое воздаяние.

– Ты ужасно уютная с этим своим воздаянием.

Это правда. Я льну к Джошу:

– Не хочу говорить о себе. Мы никогда не разговариваем о тебе. Я, кажется, вообще ничего о тебе не знаю.

Джош переплетает свои пальцы с моими и кладет наши руки себе на живот. Я описываю маленькие кружочки кончиками пальцев, и он

снисходительно вздыхает:

– Конечно знаешь. Давай перечисли все.

– Я знаю только поверхностные вещи. Цвет твоих рубашек. Твои прекрасные синие глаза. Ты питаешься одними мятными драже, в сравнении с тобой я выгляжу поросенком. Ты наводишь ужас на три четверти сотрудников «Б и Г», так что они буквально падают в обморок, но только потому, что оставшаяся четверть еще с тобой не сталкивалась.

– Сборище слюнтяев, – ухмыляется Джош.

Я продолжаю перечисление:

– У тебя есть карандаш, которым ты пользуешься для каких-то тайных целей – думаю, связанных со мной. Каждую вторую пятницу ты сдаешь вещи в химчистку. От проектора в комнате совещаний у тебя резь в глазах и головная боль. Ты здорово умеешь использовать молчание, чтобы выводить из себя людей. Это твоя проверенная стратегия на собраниях. Ты сидишь и смотришь своими глазами-лазерами, пока твой оппонент не рассыплется. – (Джош не прерывает меня.) – О, и ты втайне глубоко порядочный человек.

– Ты явно знаешь обо мне больше, чем кто-либо другой.

Я ощущаю, как он внутренне напрягся. Когда я смотрю ему в лицо, на нем написано потрясение. Мои розыски напугали его, перетряхнули застарелые и лелеемые в душе привычки. К несчастью, следующие мои слова звучат так, будто их произносит маньячка.

– Я хочу знать, что происходит у тебя в мозгах. Хочу выдавить твою голову, как лимон.

– Зачем тебе вообще что-то обо мне знать? Я думал, стану для тебя славным партнером по сексу из ненависти на один раз, после чего буду вычеркнут из списка, а ты сойдешься с каким-нибудь мистером Милым Парнем.

– Я хочу знать, что за человека буду использовать и делать объектом своих чувств. Какая твоя любимая еда?

– Ванильное мороженое. Съеденное из твоего стаканчика твоей ложкой. И клубника.

– Твое идеальное место для отпуска?

– «Скай даймонд строуберис».

Когда я поднимаю на него раздосадованный взгляд, он смягчается и указывает на картину в раме:

– Вот такая тосканская вилла.

– Мне хочется забраться в эту картину. Что бы ты стал там делать?

– Плавал бы в бассейне с мозаикой на дне. – Джош улыбается, видя, как радуется меня этот образ.

– У этого бассейна есть где-нибудь фонтанчик? Маленький лев, который выплевывает из пасти воду?

– Да, есть. Поплавав, я лежу в тени, ем виноград и сыр. Потом я бы выпил большой стакан вина и уснул, прикрыв лицо книгой.

– Ты, вообще-то, описал рай. Что происходит дальше?

– Забыл упомянуть, что со мной в бассейне плавала красивая девушка, она же дремлет рядом на солнышке. Она голодна. Я, пожалуй, приглашу ее куда-нибудь съесть пасту. Углеводы и жиры, посыпанные сыром.

– Мне нравится эта пищевая фантазия, – выдавливаю из себя я. Так хочется быть той девушкой, что я готова завывать.

– Обрато на виллу мы пойдём пешком в темноте, и я расстегну молнию на ее красном платье. Накормлю клубникой с шампанским прямо в постели, чтобы подкрепить ее силы.

– Как ты все это придумываешь... – Я настолько зачарована, что едва ворочаю языком. Если он так мечтает провести отпуск, я не переживу ночь в его спальне.

– Потом я проснусь, и на следующий день все повторится. С ней. Неделями.

Я пялюсь на картину и представляю, что стою вместе с Джошем под мерцающим темно-фиолетовым небом, фары едущих вдалеке машин освещают ряд выстроившихся вдоль дороги тополей.

Нужно что-то сказать. Все равно что. Джош смотрит на меня, явно забавляясь.

– Счастливая сучка.

Он громко смеется. Я задаю следующий вопрос викторины:

– Ты оказался на необитаемом острове после кораблекрушения. Какие три вещи ты возьмешь с собой?

– Нож. Штормовку. – О последней вещи он думает долго. – И тебя. Чтобы вызывать твоё раздражение, – поправляет он сам себя.

– Я не вещь. Я не в счет.

– Но мне будет так одиноко на острове, – замечает Джош.

Я думаю о том, как он сидит один на общем собрании.

– О'кей. Значит, мы с тобой тащимся по пляжу, и я проклиная тебя за то, что ты вырвал меня из цивилизации, оставив без средств по уходу за волосами и помады. Что тогда?

Он шевелит губами, касаясь мочки моего уха, и от моей дрожи трясется весь диван. Почувствовав, как его рот прижимается к моей шее, я издаю громкий стон.

Джош выключает телевизор, и мгновение я пребываю в уверенности,

что он сейчас проводит меня к машине. Или возьмет на руки и бросит на свою кровать. Трудно сказать. Он поднимает руку к моим волосам, мягко проводит по ним кончиками пальцев, добирается до кожи головы. Мои веки трепещут.

– Я бы соорудил для тебя навес и нашел кокос, и потом мы вместе проводили бы время.

– Как? – Мой голос едва ли громче шепота.

– Может быть, вот так. – Он прижимает свои губы к моим.

Глава 17

Мы оба втягиваем в себя воздух, в комнате как будто больше не осталось кислорода.

Прошлым вечером он встретил меня под уличным фонарем и поцеловал. Тот поцелуй должен был заставить меня хотеть большего. Теперь я знаю, в чем состояла моя сегодняшняя проблема. Я сгорала от желания.

Перед глазами так и стоят картины нашей другой жизни в Тоскане, а Джош целует мои открытые губы, трогает мой язык своим и дышит. Он вздыхает. Он хочет этого. Он сгорал от желания так же, как и я. На моих губах ванильный привкус, на его – мятный. Наши губы соединяются и замешивают нечто изысканное.

Свершилось чудо, не знаю когда, но теперь осознаю это со всей определенностью. Джошуа Темплман не испытывает ненависти ко мне. Нисколько. Это просто невозможно, раз он так целует меня.

Он высвобождает одну руку из моих волос и проводит ею по моему подбородку, гладит кожу, берет в ладони и запрокидывает назад мою голову. Я чувствую такое совершенное удовольствие, даже когда наши языки начинают вести себя развязно.

Я перекидываю колено через его ноги, чувствуя, как напрягаются внутренние поверхности бедер.

– Я клялась себе, что не пойду сюда сегодня вечером.

– И тем не менее ты здесь. Интересно.

Мы оба смотрим на мои бедра. Я не могу удержаться от того, чтобы придвинуться к нему еще плотнее.

Новое положение как будто подключает меня к сети и впрыскивает в тело адреналин. Волосы Джоша все еще немного влажные. Я кладу одну руку сзади ему на шею, а вторую прижимаю к его сердцу.

Начинаю медленно скользить вниз по его груди, по ребрам, ощупывая упругость плоти. Он такой крепкий, между каждым мускулом можно прочертить линию, даже сквозь футболку. Я пытаюсь потянуть вверх ее край, но он придавлен моими коленями.

Меня одолевает нетерпение. Я едва не порвала футболку Джоша, но потом волевым усилием расслабляю пальцы. Он, должно быть, заметил этот всплеск эмоций пещерной женщины, потому что прикрывает глаза и в горле его раздается стон.

– Иногда ты смотришь на меня так, как будто ты...

Он забывает, что хотел сказать, так как я начинаю покрывать поцелуями его подбородок. Он позволяет мне руководить процессом, и я делаю это с удовольствием. Чувствую, как Джош расплывается в улыбке, когда я начинаю пощипывать его нижнюю губу.

Диван мягко проседает под моими коленями, наша одежда слегка разогревается от трения, я ощущаю, как поднимается его член, твердо и непреклонно, упирается снизу мне в бедро.

– Мне это нужно, – говорю я Джошу и замечаю, как его глаза порочно темнеют. Комкаю в руках его футболку, и мы снова целуемся.

Я ерзаю бедрами по его коленям, руки Джоша неспешно скользят по моему телу, время от времени замирают и в паузах сжимают меня. Плечи, подмышки, груди. Меня пробирает мелкая дрожь, и он опускает руки ниже. Ребра, изгиб талии. Бедра. Ягодицы.

Его ладони скользят по моим бедрам, длинные пальцы оттягивают вниз джинсы. Он проводит пальцами по моим икрам. Когда я утыкаюсь лицом ему в шею, его руки сжимают мои лодыжки – напоминание, что он может взять все под контроль, если захочет.

– Мне нравится, какая ты маленькая.

По голосу слышно, что ему приятно мое тело. Джош проделывает новый неспешный тур по нему – оглаживает руками.

Проводя языком по его губам, я вспоминаю одно общее собрание пару недель назад. На нем присутствовали мы оба. Джош сидел у окна, и я наблюдала за медленным движением солнца по подоконнику, полу, широкому столу. Так наступал вечер.

Джош был одет в темно-синий костюм, который я нечасто на нем вижу, и голубую рубашку. Я сидела напротив и следила за тем, как солнце медленно крадется по его телу, словно подступающая вода потопа. Я чувствовала запах ткани, которая разогревалась на его теле.

Помню, как во время собрания он поглядывал на меня своими темно-синими глазами, и это нервировало меня, аж живот скручивало от напряжения.

Он ухмыльнулся и вернул терпеливый взгляд к презентации, не сделав ни одной пометки в блокноте, тогда как у меня от писанины сводило руку.

От этих глаз, как вспышка осветивших мое лицо, я была сама не своя. Тогда я еще не понимала почему. Теперь понимаю.

– Я вспоминала общее собрание несколько недель назад.

Джош целует меня под ухом, и я отвожу голову в сторону. Дрожь прокатывается по всему телу. Его руки сжимают мои ребра, большой палец

упирается снизу в грудь. Все мое внимание сосредоточивается на этом крошечном островке соприкосновения.

– И что? Видно, я делаю что-то не то, раз ты сейчас думаешь о нем. – Джош снова целует меня и чертит кружочки языком, будто набирает номер на старом дисковом телефоне. Проходит несколько минут, прежде чем я обретаю способность заговорить. А может быть, часов. Маленькими дозами я хватаю ртом воздух, а Джош нежно покусывает мою нижнюю губу.

Его большой палец двигается вверх, мягко трет мой сосок и поднимается к подбородку. Я вздрагиваю и трепещу.

Мне нужно объясниться.

– Ты взглянул на меня и... И кажется, мне захотелось тебя поцеловать. Я только сейчас это поняла.

– О, правда?

Я вознаграждена тем, что его другая рука скользит по моей спине. Кожа к коже. Пальцы томно играют с бретелькой моего лифчика.

– Я вспоминала, как ты посмотрел на меня.

– Как будто думал о чем-то непристойном? Я думал. На тебе была белая шелковая блузка с жемчужными пуговицами. И с виду очень мягкий кардиган в первой половине собрания. Волосы подняты наверх, губы красные.

Джош откидывается назад и проводит кончиками пальцев по моей шее к ложбинке между грудями. Пальцы углубляются в нее, я выдаю единственную вещь, какая приходит мне в голову:

– Это кашемировый кардиган.

– Тебе нравится доктор Джош... А мне по вкусу чопорная ретробиблиотекарша Люси. Шелково-кашемировая Люси. Это моя причуда. Карандаш в волосах, распекает начальника отдела за показатели пропусков работы в последнем квартале.

Джош продолжает блуждать рукой по моему телу, пальцы пересчитывают ребра.

– Какой необычный выверт. Не могу поверить, что ты помнишь, какая на мне была одежда. Но могу сделать тебе одолжение, достану где-нибудь очки в толстой оправе и пожурю тебя. – Я строго хмурюсь и прикладываю палец к губам. – Тишина.

Джош театрально вздыхает:

– Я не вынесу этого.

– Ты можешь представить наши отношения? Целый день, каждую ночь?

Он точно знает, что я имею в виду.

– О да.

– Как ты недавно говорил: фокус в том, чтобы найти человека достаточно сильного, чтобы выдержать это. Того единственного человека, который способен ответить на удар так же хорошо, как принять его.

– А ты способна? – Глаза у Джоша такие, будто он наглотался наркотиков. Зрачки чернильные, радужки мутные.

– Ага.

Мы целуемся с новым жаром, который подпитывается нашими общими, связанными с залом для собраний фантазиями. Люси и Джош – звезды красочной, потом облитой порнушки.

Он выгибается подо мной. Его твердокаменность так давит снизу на мое бедро, что кажется, подколенное сухожилие будет повреждено.

Джош прерывает поцелуй:

– Притормози. Я хочу кое о чем спросить тебя.

Он немного отклоняется назад, и мы смотрим в потемневшие глаза друг друга. Губы стали мягкими, покраснели, мне хочется почувствовать их прикосновение ко всем частям тела. Пусть лижут и засасывают в себя мою плоть. Я дышу так шумно, что едва слышу его слова.

– Когда ты звонила мне сегодня вечером, не собиралась ли ты вместо этого позвонить Дэнни? – Я начинаю протестовать, но Джош сжимает мое запястье, поглаживая его. – Я не ревнивый психопат. Мне просто интересно.

– Ты уже победил в соревновании с ним. Теперь он мой друг. Мы собираемся быть просто друзьями.

– Но ты так и не ответила на вопрос.

– Он рассудочный вариант. В последнее время я редко совершаю по вечерам разумные вещи. Я рада, что не позвонила ему. Сейчас, наверное, сидела бы где-нибудь в кино, а не здесь. – Я немного подсакиваю на коленях Джоша.

Он пытается улыбнуться, но выходит неважно.

– Я бы сходил с тобой в кино. Слушай, уже поздно.

Джош проводит рукой по моей спине, чтобы схватить за задницу. Он отклоняет меня и протаскивает по своей твердыне, а потом приподнимает и пересаживает сбоку от себя.

После этого придвигается к краю дивана и подпирает лицо руками. Дышит так же тяжело, как я. Мое эго не уязвлено.

– Черт! – выдыхает он и добавляет со смущенным полусмешком: – Я так возбуждился.

Мне его отчаяние совершенно понятно.

Разумеется, он должен удивляться, зачем подвергает себя таким испытаниям. Он, взрослый мужчина, дошел до того, что, как подросток, устраивает целовальные сессии со своей чудаковатой коллегой по работе.

– Хочешь услышать, до какой степени возбуждалась я?

– Лучше не надо, – с трудом выговаривает Джош.

– Пожалуй, я пойду домой. – Молю, чтобы он попросил меня остаться.

Но нет.

Сквозь ладони Джош говорит:

– Дай мне минутку.

Я беру наши кружки и свою креманку от мороженого, уношу на кухню, споласкиваю. Смотрю на сковородку, ставлю ее в раковину, наполняю горячей водой, капаю мыла. Мои ноги дрожат и плохо поддерживают меня в вертикальном положении.

– Я сам все сделаю, – говорит у меня за спиной Джош. – Оставь это.

Страшно хочется опустить взгляд ниже его пояса, но я удерживаюсь от этого, все-таки леди.

Джош подает мне пальто, мы обуваемся. Настороженно стоим в лифте по разные стороны от дверей, но смотрим друг на друга так, будто через секунду надавим на кнопку аварийной остановки, чтобы покончить с этой унылой сценой.

– Я чувствую себя твоим пасхальным яйцом.

На тротуаре Джош берет меня за руку и идет вместе со мной по улице. Когда мы оказываемся у моей машины, я приподнимаю подбородок. Он осторожно берет мое лицо в ладони и целует меня. Мы одновременно издаем вздох потрясения. Такое ощущение, что мы не целовались вечно. Джош прижимает меня к дверце машины, и я жалобно скулю. Языки, зубы, дыхание.

– Ты на вкус как мое пасхальное яйцо.

– Пожалуйста, пожалуйста. Ты так нужен мне!

– Увидимся завтра на работе, – отвечает он, разворачивает меня и прижимается губами сзади к моей шее.

Даже сквозь волосы его дыхание обжигает, и я вздыхаю так шумно, что это похоже на храп.

– Это дурацкое желание все контролировать? – Я выворачиваюсь из захвата.

– Возможно. Вполне соответствует моему характеру.

У меня возникает мысль.

– Ты планируешь довести меня до коматозного состояния сексом в

утро перед интервью, чтобы победить?

Джош сует руки в карманы:

– Это всегда срабатывало, когда мне нужно было получить повышение.

Зачем менять тактику?

– Ты хочешь удостовериться, что я вся твоя, как сыпь на теле в день свадьбы.

Что-то в его взгляде заставляет меня отступить на шаг и прижаться спиной к холодной дверце машины.

– Ты не лгал и ничего не наплел им о девушке-нейрохирурге, с которой помолвлен?

Джош улыбается:

– Люси Хаттон, доктор медицины. Блестящий ум и большая оригиналка.

– Я серьезно. Ответь мне. Я поеду туда и буду такой, какая я есть, верно? Мне не нужно будет притворяться?

– Нет.

Я закусываю большой палец и смотрю вдоль улицы. Почему мне кажется, что он врет?

– Ну что ж, я начинаю думать, что ты оставляешь меня неудовлетворенной, чтобы быть уверенным в моем возвращении. Я как кошка. Ты выставляешь для меня блюдечко со сливками.

Джош смеется таким настоящим смехом, будто я действительно его позабавила. Меня электризует чувство удовольствия и одновременно раздражение. Я буквально искрю от этого. В этот миг я ощущаю себя живой, как никогда прежде.

Бейся со мной, целуй меня. Смейся надо мной. Скажи, если тебе грустно. Не заставляй меня уходить домой.

– Придется нам проверить, правда ли это. Если ты вернешься завтра вечером, я признаю это частью продуманной стратегии. – Джош смотрит на меня сверху вниз с нескрываемым удовольствием.

Мысль о возможном возвращении еще не приходила ко мне по-настоящему. Теперь же грядущий день загорается обещанием приятного вечера.

– Еще раз.

Он целует меня в щеку, и я издаю жалобный стон.

– Убирайся отсюда, Печенька. И помни, я не хочу видеть завтра твои закидоны.

Долго не удается нормально пристегнуть ремень. Чувствую себя так странно, будто только что соскочила с наркотиков. Джош стучит по стеклу,

чтобы я закрыла дверцу.

На полпути к дому выкристаллизовывается мысль: мне не дожидаться завтрашнего дня.

Сегодня его рубашка цвета блюдечка со сливками.

Веди себя естественно, Люси. Словно ты ходячий секс. Никаких странностей. Иди.

Джош смотрит на меня, лодыжки сразу подкашиваются, и я роняю сумочку. Крышка соскакивает с коробки с ланчем, по полу катится помидорка. Я опускаюсь на колени, каблук-шпилька зацепляется за болтающуюся пряжку от пояса пальто.

– Вот черт! – Я пытаюсь ползти.

– Полегче. – Джош встает и подходит ко мне.

– Заткнись!

Он освобождает мой каблук из пряжки и собирает с пола мой ланч, потом протягивает мне руку. Я недолго мешкаю и опираюсь на нее, позволяя Джошу помочь мне подняться.

– Можно мне проиграть заново свой приход?

Джош снимает с моих плеч пальто и пристраивает его на вешалку.

Дверь мистера Бексли открыта, внутри горит свет. Хелен – поздняя пташка. Она, должно быть, еще в постели.

– Как прошел вечер, Люсинда? У тебя усталый вид.

Сердце у меня падает от холодности тона, но потом я бросаю взгляд на его лицо: в глазах озорной огонек. Если мистер Бексли подслушивает, он не заметит ничего необычного.

Это новая опасная игра – «Игра в естественность», но я попробую.

– О, довольно мило, как мне представляется.

– Мило. Гмм... Делала что-нибудь интересное? – В руке Джоша карандаш.

– Валялась на диване.

Он садится в кресло, и я смотрю на его колени.

– Глаза серийного убийцы, – произношу я одними губами, присаживаюсь на край своего стола, достаю огнеметную помаду и начинаю красить губы, используя в качестве зеркала ближайшую к себе стену. Джош смотрит на мои ноги с таким нескрываемым вождением, что я едва не промахиваюсь. – А ты что делал, Джош?

– У меня было свидание. Наконец-то, думаю, это было оно.

– И какая она?

– Приставучая. Прямо кидалась на меня.

Я смеюсь:

– Приставучесть – непривлекательная черта. Надеюсь, ты вышвырнул ее вон.

– Ну, что-то вроде того.

– Это послужит ей уроком. – Я начинаю собирать волосы в высокий узел, потом поправляю платье из тонкой кремовой шерстяной ткани, тягучей и теплой, и, признаюсь, я надела его, так как оно было в тон рубашки Джоша. Ему нравится строгая библиотекарьша Люси? Сегодня он ее получит.

Джош смотрит на мои руки. Я – на его. Костяшки пальцев побелели.

– Не уверен, что увижусь с ней еще раз. – В голосе звучит скука, он щелкает мышью. Когда Джош искоса смотрит на меня, я быстро вспоминаю вчерашнее, и внутренности у меня сжимаются.

– Может, пригласишь ее на свадьбу своего брата? Всегда приятно идти на такое мероприятие с какой-нибудь горячей штучкой.

Мы глядим друг на друга, и я медленно опускаюсь в кресло. Игра в гляделки еще никогда не ощущалась настолько грязной. Звонит телефон. Смотрю на номер, и в мозгу неоновыми буквами загорается: «Пошла на хрен!»

Джош, быстро взглянув на меня, говорит:

– Если это он, я...

– Это Джули.

– Рановато для нее, правда? Ты должна проявить твердость.

Телефон звонит и звонит.

– Пусть переключится на голосовую почту. Я слишком устала, чтобы разбираться с этим сейчас.

– Нет, ты сделаешь это. – Джош нажимает «звездочка – девять» и перехватывает мой звонок.

Операторов кол-центров учат источать улыбку голосом. Люди слышат, когда вы улыбаетесь, разговаривая с ними. Джошу надо усвоить это.

– Телефон Люсинды Хаттон. Говорит Джошуа. Подождите. – Он нажимает кнопку и тычет в мою сторону трубкой. – Давай. Я слежу за тобой.

Мы оба смотрим, как мигает лампочка ожидания ответа.

Я все та же улыбающаяся девочка на клубничной грядке. Взгляните на меня, я хорошая девочка. Маленькая милашка, которую все обожают. У меня нет никаких проблем.

– Я хочу увидеть тебя такой же сильной с другими людьми, как со мной.

Я нажимаю на мигающую кнопку:

– Привет, Джули, как ты?

Ухо почти обжигает ее глубокий вдох.

– Привет, Люси. Дела неважно. Я невероятно устала. Не знаю вообще, зачем я пришла. Только села, а экран уже убивает меня.

– Грустно слышать это.

Я встречаюсь взглядом с Джошем. Он сужает глаза в щелки, из которых бьют устрашающие голубые лазерные лучи. Он наплевывает меня своей силой. Я НЕ собираюсь входить в ее положение и принимать извинения или просьбы, которые она намерена высказать.

– Что я могу сделать для тебя сегодня, Джули? – Профессионально, но в голосе все равно звучит теплая нотка.

– Я должна подготовить для Алана кое-какие бумаги, чтобы он довел их до блеска и отправил тебе.

– О да. Они мне нужны, чтобы завершить дело.

Джош с сарказмом поднимает вверх большие пальцы.

– Ну, у меня тут кое-какие проблемы. Не могу найти в нашей сети старые отчеты. Постоянно получаю в ответ что-то про перемещение ярлыка. Не важно, я пыталась делать разные вещи и думаю, пора бросить это, понимаешь?

– Если я получу работу к пяти, нет проблем.

Джош глядит в потолок и пожимает плечами. Я думала, что проявляю твердость, но его это не впечатлило.

– Я надеялась пойти домой и первым делом заняться этим завтра, на свежую голову.

– Разве ты не только что пришла? – Я схожу с ума? Смотрю на часы.

– Я забежала ненадолго – проверить почту, – говорит Джули тоном, не терпящим возражений. – Алан сказал, что не против такого расклада, только если я сперва договорюсь с тобой. – Слышно, что она позвякивает ключами от машины.

Я впитываю в себя мощь голубых лазеров.

– Прости, но со мной это не сработает. Мне нужны бумаги к пяти, пожалуйста.

– Я в курсе, когда крайний срок, – возражает Джули, голос становится на один тон резче. – Я хочу, чтобы ты поняла: Алан не предоставит тебе работу вовремя.

– Но это тебе нужна отсрочка, не Алану.

Долгая пауза. Я жду, что она скажет.

– Я думала, ты проявишь бóльшую гибкость. – Тон Джули постепенно

сдвигается в сторону впечатляющей комбинации нетерпеливого раздражения и ледяного холода. – Я плохо себя чувствую.

– Если тебе нужно пойти домой, – начинаю я, наблюдая, как Джош сдвигает брови к переносице, – то возьми на сегодня больничный и принеси справку от врача.

– Я не пойду к врачу из-за усталости и головной боли. Он порекомендует мне выспаться. Этим я и хочу заняться.

– Мне жаль, что ты нездорова, но такова политика отдела кадров.

Джош проводит рукой по губам, чтобы скрыть улыбку. Я играю с Джули в игру «Отдел кадров».

– Тебе жаль? Я бы вовсе не назвала это жалостью.

– Я была честна с тобой, Джули. Я много раз давала тебе отсрочки. Но я не могу постоянно сдавать отчеты с опозданием. – Джош крутит в воздухе руками, а я продолжаю: – Если будет задержка, кончится тем, что мне придется остаться здесь допоздна.

– У тебя нет ни семьи, ни парня, верно? Если ты попозже придешь домой, кому от этого хуже? Для тебя это не так важно, как для людей с мужьями и... ну, у кого есть семьи.

– Знаешь, у меня так и не появится ни мужа, ни личной жизни вообще, если я буду оставаться тут до девяти вечера, не так ли? Я жду отчет от Алана к пяти.

– Ты слишком много времени проводишь в обществе этого мерзкого Джошуа.

– Очевидно, дело именно в этом. Кроме того, я не буду стажировать твою племянницу: мне это неудобно. – Я обрываю звонок.

Джошуа откидывается назад в кресле и заливается хохотом:

– Ну черт!

– Я была восхитительна, не правда ли? – Я бью кулаком воздух, изображая, что наношу Джули апперкот. Джош опускает сложенные руки на живот и наблюдает, как я боксирую со своим отражением. – Получай, Джули, за свою жизнь, за мужа и фальшивое расстройство сна!

– Выкладывай все.

– Получай, Джули, за свои *мигрэ-э-эни*!

– Ты и правда была восхитительна.

– Получай, Джули, за свой французский маникюр!

– Отлично! – Джош улыбается мне открыто, не таясь, и это происходит в том самом кабинете, который раньше был полем битвы.

Я плюхаюсь в кресло, закрываю глаза и чувствую тепло его радости, доносящееся до меня с другой стороны мраморного суперхайвея. Так вот,

значит, каково это. Как могло бы быть и раньше, все время. Еще не поздно.

– Больше никаких задержек на работе. Возможно, я напрочь испортила отношения с ней, но это того стоило.

– У тебя очень скоро будут и настоящая жизнь, и муж.

– Совсем скоро. Может быть, к следующей неделе. Надеюсь, он невероятно мил. – Я открываю глаза. Джош смотрит на меня так, что я начинаю жалеть о сказанном. Мы оба в замешательстве, он отводит глаза. Я оборвала нить нашего единения. – Прошу тебя, дай мне насладиться этим моментом. Джошуа Темплман официально мой друг. – Я сцепляю пальцы и кладу руки на голову.

– У меня деловая встреча за завтраком. К обеду мне нужны последние сводки, Джош, – говорит мистер Бексли, вырастая между нами.

Думаю, всем нам известно, что за завтраком он встретится с тарелкой бекона.

– Они уже готовы. Я сейчас отправлю их вам по почте.

Мистер Бексли звучно откашливается. Полагаю, это для него лучший способ выражения благодарности или похвалы. Потом он оборачивается ко мне:

– Доброе утро, Люси. Милое платице на тебе.

– Спасибо.

Тьфу!

– Наточили коготки, а? Скоро собеседования. Тик-так. – Он подходит к краю моего стола и оглядывает меня с головы до ног.

Я удерживаюсь от желания скрестить на груди руки. Не знаю, как удастся мистеру Бексли не замечать убийственного взгляда Джоша, многократно отраженного гладкими поверхностями стен. Босс продолжает, как обычно, буравить меня взглядом, оценивая мою внешность.

– Нет, – металлическим голосом говорит Джош своему начальнику.

– Я хорошо подготовилась к собеседованию. – Я опускаю взгляд на свою грудь. – Мистер Бексли, что вы рассматриваете?

Спокойно поднимаю глаза на босса, и он вздрагивает. Быстро отводит взгляд и начинает приглаживать пальцами редкую растительность на голове, лицо заливает краска.

Ну и стерва я сегодня!

Джош стискивает челюсти и сердито смотрит на стеклянную крышку своего стола. Удивительно, что она не раскалывается от его взгляда.

– Судя по тому, что я увидел краем глаза, заглянув в кабинет Хелен, думаю, ты хорошо подготовилась. Доктор Джош, нам, вероятно, нужно обсудить стратегию.

Вот дерьмо! Он собирается рассказать Джошу о моем проекте. Бросаю панический взгляд на своего коллегу, который таращится на босса с видом абсолютного идиота.

А потом напоминает, что нет, он мне не друг, и какая разница, сколько времени мы целовались на его диване, все равно мы остаемся главными конкурентами в этом соревновании.

– Мне не нужна никакая помощь, чтобы победить ее.

Глава 18

Джош холоден как лед, а от его тона у меня в голове вспышками проносятся воспоминания. Он произнес свою отповедь так, будто ничего нелепее фразы мистера Бексли в жизни не слышал. Маленькая глупышка Люси Хаттон, разве можно принимать ее всерьез, она ни в чем не может сравниться с Джошуа Темплманом, ни на каком поприще. Я просто посмешище. Никакая работа мне не светит, о чем тут вообще говорить? Мне еще надо поучиться, как разговаривать по телефону.

– Может быть, и нет, – задумчиво произносит мистер Бексли и, явно довольный тем, что разворошил два пчелиных улья, уходит. В ожидании лифта он оглядывается на нас. – Но все-таки, доктор Джош, вы можете передумать.

Пока закрываются двери лифта, беззвучно произнесенное Джошем «Да пошел ты!» разделяет нас. Потом он смотрит на меня:

– Я лгал.

Тишина звенит, как сдвинутые вместе хрустальные бокалы.

– Что ж, ты хороший актер. Я и правда поверила. – Беру бутылку воды и отпиваю глоток, пытаюсь ослабить злобное напряжение в горле.

На самом деле я благодарна ему. Именно этого мне не хватало. Мы две скаковые лошади, несущиеся к финишной черте. Я давала слабинку, но тут почувствовала первый хлесткий удар бича. Нужно не утратить этого ощущения, пока я не выйду с собеседования.

– Я всегда этим отличался. Меня взбесило, как он пялился на тебя, и я выпалил лишнее. У меня есть плохая привычка срывать. Посмотри на меня, Люси. – Когда я делаю это, он медленно повторяет: – На самом деле я так не думаю.

– Все в порядке. Мне это было нужно. – Я использую тот же прием – ледяной тон, каким Джош только что говорил с Бексли. Сама не представляю, как мне удастся говорить так холодно, когда гнев рокошет в груди реактивным двигателем. Я тоже неплохая актриса.

На лбу у Джоша появляется фирменная озабоченная складка.

– Тебе это было нужно? Чтобы я вел себя как мудака? Кажется, только это ты от меня и получаешь.

– Ты сказал то, что мне нужно было услышать.

На все в жизни можно смотреть с разных сторон: если я склонюсь к тому, что сейчас получила мотивирующий пендель от своего соперника, то

забуду об уязвленной гордости. Но я нацелюсь вперед. Мой взгляд теперь сфокусирован – это лазерный луч, которым снабдил меня Джош.

Компьютер подает звуковой сигнал. Пять минут до встречи с Дэнни для обсуждения работы над моим проектом по электронным книгам.

– Погоди. Нам нужно с этим разобраться. Хотя я пока не могу четко все объяснить. – Джош выглядит взволнованно. – Время поджимало. Я совсем не то хотел сказать.

– Я уйду. – Я беру свою сумку и пальто.

– А куда ты идешь? Если Хелен спросит... – пытается оправдать свое любопытство Джош. Вид у него несчастный. – Ты вернешься?

– Я встречаюсь кое с кем в кафе.

– Что ж, – говорит через секунду Джош, – не могу тебя удерживать.

– Спасибо, что позволяешь мне выполнять свою работу. – Сердито столкнув с места поднос для входящей корреспонденции на столе Джоша, я марширую к лифту.

Отправляюсь в «Старбакс» на другой стороне улицы. Хочу ли я вновь вступить в бой с Джошуа Темплманом? Проблема в том, что мне никогда не выиграть. Вот в чем кроется ловушка. Стоит мне помыслить о победе, как тут же происходит нечто напоминающее мне: ни о каком триумфе и речи нет.

Прошу тебя, дай мне насладиться этим моментом. Джошуа Темплман официально мой друг.

Только ощутила вкус победы, и вот – на тебе, полный аут.

Дэнни уже занял место у окна. Я опоздала, и это еще один гвоздь в крышку моего профессионального гроба.

– Привет. Спасибо, что пришел. Извини за опоздание.

Я заказываю кофе, после чего быстро обрисовываю свою идею.

– У меня есть время в эти выходные, – благородно предлагает Дэнни.

Он разглядывает меня с нескрываемым интересом: убранные наверх волосы, обнаженная шея, красные губы. Появляется неприятное чувство, будто он надеется, что наш провальный поцелуй был случайной ошибкой.

– Я буду платить тебе из своего кармана. Не намекнешь, сколько это может стоить?

Дэнни такая постановка вопроса, кажется, ничуть не беспокоила.

– Почему бы нам не заключить сделку? Ты упомянешь мое имя на собеседовании и расскажешь Хелен о моей разработке. Функционал платформы для самопубликаций может быть пригоден и для твоего проекта. И... три сотни баксов.

– Отлично! Конечно, я все это сделаю, – спешу заверить я Дэнни.

Это я могу. Представить его работу начальству и помочь ему выстроить бизнес.

Пара сотрудников «Б и Г» стоят в очереди за кофе и подозрительно косятся на нас. Другие проходят мимо по улице и машут мне рукой. Я сижу в огромном стеклянном аквариуме. Щеки у меня начинают гореть при мысли о том, что я наговорила Джошу и как вела себя там, на верхнем этаже офиса. Колкости, оскорбления, обжигающие поцелуи. В нашем маленьком изолированном мирке все кажется таким нормальным и приемлемым.

– Спасибо, что вспомнила обо мне. – Дэнни отпивает глоток кофе.

– Ну, после нашего ужина в понедельник я убедилась, что могу доверить тебе свои маленькие секреты. Как ты и говорил, мне понадобилась помощь, и ты был первым человеком, о котором я подумала.

– О-о, так, значит, это секрет?

– Хелен, конечно, знает. Мистеру Бексли известна концепция проекта, но не конечный продукт, который я собираюсь представить. – Хотелось бы мне обойтись без следующей фразы, и очень жаль, что, как следствие, ситуация становится такой запутанной. – Я должна попросить тебя: пожалуйста, не говори ничего Джошуа. Я знаю, что ты с ним больше не встретишься, но все равно пусть это останется между нами. Он так уверен, что получит повышение. Для меня как никогда важно утереть ему нос.

– Я не скажу. Но он и сам тут как тут.

– Что? – Я едва не вскрикиваю. Оборачиваться нельзя. – Веди себя по-деловому.

Я рисую диаграмму в блокноте, Дэнни проводит по ней несколько косых линий.

– Что ему тут понадобилось? У него всегда такой злобный вид. – Дэнни качает головой, глядя в мой блокнот, и мы оба изображаем жестами, что заняты деловой беседой.

– Это его лицо.

– Между вами, ребята, что-то странное происходит.

– Странное? Ничего странного. – Я отхлебываю кофе. Плохая идея: он слишком горячий.

– Но ты знаешь, что он влюблен в тебя, да?

Делаю большой глоток, жидкость попадает не в то горло, и я начинаю тонуть на суше. Дэнни наклоняется ко мне, стучит ладонью между лопаток. Слезы струятся по моему лицу. Лучше бы он дал мне умереть.

– Ничего подобного, – сиплю я и вытираю салфеткой лицо. – Глупее ничего в жизни не слышала. Никогда.

– Как твой друг, – Дэнни с легкой усмешкой напирает на последнее слово, – говорю тебе, это правда.

– Что он делает?

– Пугает до смерти кассиршу. Люди беспокоятся, что будет, если он получит работу. Мы знаем, как он хорош в сокращении персонала. Несколько ребят из дизайнерского отдела на всякий случай уже обновляют свои резюме.

– Уверена, с ним будет хорошо работать. – Усилим воли я включаю дипломатичность. До уровня Джоша опускаться не собираюсь. Я встаю и собираю свои вещи.

– Давай скажем ему «привет», – говорит Дэнни, и я почти уверена, что он поддразнивает меня. Уголки его рта приподнимаются в полуулыбке.

– Нет, мы выберемся отсюда через окно в уборной. Быстро.

Дэнни смеется и качает головой. Меня снова впечатляет его смелость. Обычно люди стараются избежать встречи с человеком, которого считают монстром. Но мне известен секрет Джоша. Я думала о нем прошлой ночью, вспоминала, как он щупал мой пульс, считал удары сердца. Накрывал меня одеялом, подтыкал его под ноги. Весьма примечательно, что ему удавалось так долго сохранять этот устрашающий вид.

– Привет, – говорим мы в унисон, приближаясь к Джошу.

– Ну привет, – лукаво отзывается он.

– Хватит вынюхивать, – говорю я обиженным тоном.

Девушка за кофемашиной хохочет в голос.

Джош поправляет манжету:

– Соскучились друг по другу, да?

Я лазерными лучами черчу в мозгу Дэнни слово «СЕКРЕТ». Приподнимаю брови, он кивает. Джош наблюдает за этой пантомимой.

– Люси говорила со мной о... о возможности... поработать с ней. – Дэнни гений. Ничто не звучит убедительнее правды.

– Это верно. Дэнни помогает мне... с презентацией. – Более таинственными мы выглядеть не могли бы, даже если бы попытались.

– Ты работаешь над своей презентацией. Ну что ж, отлично. – Выкрикивают имя Джоша, он берет свой кофе и бросает на меня такой осуждающий взгляд, что я спадаю с лица. – А мы не тем же занимались с тобой, Люсинда? Прошлым вечером на моем диване?

Челюсть Дэнни отпадает на пол. Мне не смешно. Если это выйдет наружу, моя репутация будет разодрана в клочья. Какая смачная новость! Дэнни поддерживает связь со многими людьми из отдела дизайна. И к тому же он любитель собирать сплетни.

– В твоих снах, Темплман. Не слушай его, Дэнни. Пошли со мной.

Я тяну Дэнни вперед, чтобы он не оторвался от меня в потоке движущихся навстречу людей. Джош вяло плетется следом, потягивая кофе. Я сжимаю руку Дэнни так крепко, что он морщится, пока я тащу его на другую сторону улицы.

– Даже если он похитит тебя и будет пытаться, не говори ему, что ты для меня делаешь. Он использует любую информацию, чтобы раздавить меня.

– Ну и ну, да вы, ребята, и правда смертельные враги.

– Да, до самой смерти. Обнажим мечи и вынем пистолеты на рассвете.

– Так он делает это, чтобы вынюхать твою стратегию на собеседовании? – Дэнни на ходу приветствует коллегу и проверяет телефон.

– Именно! – Из меня вылетает нервный смех. Думаю, теперь все шито-крыто. – Я позвоню тебе после работы, как только соображу, какую книгу ты для меня отформатируешь.

Джош у нас на хвосте. Я начинаю думать, не толкнуть ли Дэнни под колеса, чтобы покончить с этой затянувшейся сценой.

– О'кей, поговорим вечером. Пока, Джош. Удачи на собеседовании. – Дэнни уходит по пешеходной дорожке.

На пути к лифту мы с Джошем не произносим ни слова. Мой приятель очень бледен, у него явно проблемы с желудком. Тем временем сама я едва не отдаю концы при мысли о словах Дэнни. *Ты ведь знаешь, что он влюблен в тебя, да?*

– Он такой добряк. Что за милый парень! Думаю, я понимаю, что ты нашла в нем, – вдруг говорит Джош, я отшатываюсь назад и врезаюсь в стенку. – Должно быть, вчера вечером мне приснился очень живой сон.

– Эй, а что я могла сказать? Только солгать. Я хорошая актриса.

– Значит, ты стыдишься меня?

– Нет! Конечно нет! Но никто не должен знать. Думаю, Дэнни сплетник. О, не делай такое сердитое лицо. Люди будут судачить о нас.

– Тоже мне новость, люди всегда судачили о нас. И тебя не волнует, если начнут говорить о тебе и о нем, а не о нас с тобой?

– Мы сидим за рабочими столами в десяти футах друг от друга. Это совсем другое. Я хочу вывести профессионализм в этом офисе на новый уровень.

Джош пощипывает переносицу:

– Отлично. Буду играть по-твоему. Это последний разговор личного свойства, который мы имели в пределах этого здания, так что я скажу тебе сейчас. Приноси свои вещи в пятницу.

– Что? Что случится в пятницу?

– Приноси свои вещи для свадьбы. Платье и все прочее. – Видя мой окосевший взгляд, он напоминает: – Ты идешь на свадьбу моего брата. Ты сама рвалась, помнишь?

– погоди, зачем мне приносить платье в пятницу? Ведь свадьба в субботу. Планируется репетиция? Я не давала согласия ходить на свадьбу дважды.

– Нет. Свадьба состоится в Порт-Уорте, так что нам придется добираться туда на машине.

Я гляжу на него в большом сомнении:

– Это не слишком далеко.

– Достаточно далеко, чтобы мы отправились в путь после работы. Накануне вечером маме нужна моя помощь.

Я раздражена до крайнего предела, напугана, уязвлена и абсолютно уверена в том, что это будет настоящая катастрофа. Мы смотрим в глаза друг другу.

– Я знал, что ты не обрадуешься, но такого полного ужаса не ожидал. – Джош отклоняется назад в кресле. – Не чуди.

– Мы с тобой даже в кино не ходили или там в ресторан. Мне было не по себе ехать в твоей машине. А теперь ты говоришь, что мы проведем в дороге несколько часов, и велишь принести пижаму? Где мы остановимся?

– Возможно, в каком-нибудь задрипанном отеле.

Я начинаю часто дышать. И уже готова кинуться к пожарному выходу. У меня сформировалось ясное представление о том, как мы в какой-то момент дойдем до игры в «Или что-нибудь еще». В моем представлении это должно произойти в его голубой спальне или в кладовке уборщицы, когда я буду бросать ему обидные слова. Но сегодня слишком много всего произошло.

– Я пошутил, Люси. Я поговорю с мамой о том, где мы остановимся.

– Я, вообще-то, еще не обдумывала знакомство с твоими родителями. Слушай, я не поеду. Ты только что поступил со мной как мудака, помнишь? Тебе не нужна помощь, чтобы разделаться со мной, не забыл? После такого с моей стороны было бы безумием помогать тебе. Поезжай один, как настоящий лузер.

– Но ты согласилась. Ты обещала. И никогда не нарушаешь данного слова.

Яжимаю плечами, и на совести становится беспокойно.

– А мне плевать.

Джош решает выложить на стол главный козырь:

– Я выбрал тебя в качестве моральной поддержки.

Ничего более интригующего он сказать не мог. Мне не устоять.

– С чего это тебе понадобилась моральная поддержка?

Джош не отвечает, но ерзает в кресле, будто ему неудобно.

Я поднимаю брови и смотрю на него, пока он не сдаётся.

– Я не тащу тебя с собой как сексуальную рабыню. Пальцем к тебе не прикоснусь. Просто я не могу приехать без девушки. И это будешь ты. У тебя передо мной должок, помнишь? Я помогал тебе блевать.

У Джоша такой мрачный вид, что по телу от недоброго предчувствия пробирает холодная дрожь.

– Моральная поддержка? Там будет настолько плохо?

Звонит его мобильник. Джош смотрит то на телефон, то на меня, разрываясь надвое.

– Сейчас на это нет времени. Я должен принять звонок.

Он выходит в коридор, я отказываю себе в удовольствии проследить, куда пошел мой работодатель, потому что, к несчастью, это правда. Я обещала.

Когда-то, маленькую вечность тому назад, я могла спокойно лежать на своем диване, как любой другой человек. Могла смотреть телевизор, хрустеть чипсами и красить ногти. Могла позвонить Вэл, и мы с ней пошли бы мерить одежду. Но сейчас я одержимая, мне приходится впиваться обглоданными ногтями в подушку, чтобы не позволить себе встать, сунуть ноги в туфли и побежать к дому Джоша. От этих усилий у меня все болит. Придавливаю себя к дивану, поставив на грудь ноутбук, и вполглаза просматриваю вперемешку новости, свою презентацию, аукционы смурфов и любимый сайт с дурацкой ретроодеждой.

На экран выскакивает оповещение: мои родители только что вошли в скайп, и я моментально звоню им, даже немного стыдно. На экране появляется мама, хмурая и слишком близкая.

– Это вообще будет работать? – бормочет она, а потом расцветает. – Смурфетка! Как ты?

– Отлично. А ты? – Прежде чем я слышу ответ, экран заполняется мельканием ее джинсов – она встает и на протяжении долгой минуты настойчиво взывает к отцу: – Найджел! Найджел! – Слыша знакомый тон и модуляции ее голоса, я съезживаюсь от тоски по дому. Наконец она бросает попытки дозваться отца. – Он, наверное, на грядках, – говорит мне мама, садясь на стул. – Скоро придет.

Мы долго смотрим друг на друга. Мне так редко удается побыть с ней

наедине, без присутствия отца, который своим штормовым напором двигает вперед беседу, что я даже не знаю, с чего начать. О погоде говорить не хочется, как и о своей занятости на работе. Проницательные голубые глаза матери прищуриваются, я подыскиваю слова и тут понимаю, что лучше задать вопрос, который мучил меня последние несколько недель, а возможно, и всю жизнь. Мне нужно было спросить ее об этом уже давно.

– Когда я еще не родилась и ты познакомилась с отцом... как ты смогла отказаться от своей мечты?

Вопрос звенит в мертвом неподвижном пространстве между нами. Мама долго не отвечает, и я думаю: может, брякнула что-то не то? Когда она встречается со мной глазами, взгляд ее тверд и решителен.

– Если ты спрашиваешь, жалею ли я о сделанном выборе, то нет.

Она откидывается на спинку стула, я сажусь прямее на диване, и вдруг экран между нами как будто исчезает. Никакие рамки вокруг ее или моего лица и никакие квадратики с предпросмотром больше не отвлекают нас. Такое ощущение, что я могу дотянуться до нее и взять за руку. Так близки мы не были с того последнего раза, когда я обняла ее в аэропорту и вдохнула запах шампуня и нагретой солнцем кожи. Смотрю, как она задумалась, часы тикают, отмеряя время до прихода отца.

– Как я могу жалеть об этом хоть секунду? У меня есть твой отец, и у меня есть ты.

Только такой ответ я и могла от нее услышать. Разве могла она сказать что-нибудь другое?

– Но ты никогда не задумывалась, где была бы сейчас, если бы выбрала карьеру вместо него?

Она снова уклоняется от ответа:

– Это из-за твоего собеседования? Ты беспокоишься, что случится, если ты упустишь свой шанс?

– Что-то вроде этого. Я только сейчас начала думать, что даже если получу эту работу, то могу потерять другие... возможности.

– Я не думаю, что тебе нужно отказываться от своей мечты ради чего-нибудь. Ты хочешь этого, я вижу. По голосу слышно. Времена изменились, дорогая. Тебе нет нужды отказываться от мечты. Перед тобой не стоит такой же выбор, какой был передо мной. Тебе нужно полностью отдаться своему делу.

Где-то на дальнем плане хлопает дверь, и мама отрывает глаза от экрана:

– Это твой отец.

Я начинаю впадать в отчаяние. Я не могу рассказать ей о переменах в

отношениях с Джошем, о нашем соревновании и о том, что потеряю вне зависимости от того, какой будет итог. На это нет времени. Успеваю спросить только:

– А если бы я оказалась в таком же положении, брела по фруктовому саду и готовилась пустить свою жизнь под откос, что бы ты мне посоветовала?

Мама смотрит в сторону от экрана, и я слышу тяжелые шаги ботинок, топаящих вверх по лестнице в кабинет. Ее ответ открывает мне суть того «что, если», которое всегда таилось в ее сердце.

– Тебе? Я бы посоветовала продолжать идти. Пусть у тебя будет все. Не отрывай взгляда от поставленной цели и, как бы ни складывалась жизнь, продолжай двигаться к ней.

– Что происходит? – Появляется отец, целует маму в макушку и видит на экране меня. – Надо было меня дозваться! Как моя девочка? Готова победить Джимми на собеседовании? Представь себе его лицо, когда ты получишь работу. Я уже сейчас это вижу. – Он плюхается на стул рядом с мамой, а потом с блаженной улыбкой смотрит на потолок, упиваясь моей воображаемой победой и своей прозорливостью.

На маленьком экранчике я вижу свое погрузневшее лицо. Из космоса его тоже можно разглядеть, а мама уж точно все замечает.

– Ох! Теперь мне понятно. Люси, почему ты ничего не сказала?

Отец, не дожидаясь моего ответа, берет нить разговора в свои руки. Следующий вопрос:

– Когда ты приедешь домой?

Признаю, для пуцего эффекта я держу паузу несколько дольше положенного.

– На длинные выходные. – Этот ответ я даю с болью в сердце.

Видя, как лицо отца расплывается в щербатой улыбке, радуюсь, что сказала это. Мама неотрывно смотрит на меня:

– Продолжай в том же духе, если только то, что висит на том дереве, не такое особенное, как это.

– О чем вы вообще говорите? Ты слышала ее? Она приедет домой! – Стул скрипит под отцом в ритме его танца, а я, как мама, стою у ворот сада – вход в него страшит, и мне нужно сфокусировать взгляд, упорный, как лазер, на едва проступающем вдали выходе и не витать в облаках.

Пятница. Сегодня должна быть ужасная горчичная рубашка, но ее нет. В багажнике моей машины лежит собранная сумка. На протяжении последних двух дней я так нервничала по поводу грядущих выходных, что

была не в состоянии принимать твердую пищу. Жила на одних смузи и чае. Прошлую ночь спала всего два часа.

Хорошо, что мы уже близки к главному моменту. Чем раньше уедем отсюда, тем быстрее все закончится. В голове прокручиваются возможные сценарии – во сне и в каждый миг бодрствования. Единственное, в чем я уверена: что бы ни случилось, скоро все останется позади.

Джош провел в кабинете мистера Бексли больше часа. Слышались разговор на повышенных тонах, крики мистера Бексли, потом тишина. От этого уровень моей тревожности ничуть не понизился.

Чуть раньше туда зашла Хелен, чтобы вмешаться. Еще больше успокоило меня появление Джанет, она торопливо просеменила в кабинет мистера Бексли минут сорок пять назад и вступила в свару. Может быть, стратегия Джоша подразумевает широкое сокращение штата и ее призвали для консультации.

Уходя, Джанет задерживается у моего стола, смотрит на меня и смеется. В смехе слышен отзвук истерики, как будто она только что услышала нечто презабавное.

– Удачи, – говорит она мне. – Тебе она пригодится. Это вне компетенции отдела кадров.

Нас застукали. Кто-то видел нас с Джошем вместе. Или Дэнни кому-то разболтал. Все открылось. Такой сценарий еще не рассматривался. Я нагибаюсь вперед и прижимаю щеку к колену. *Вдох, выдох.*

– Дорогая! – тревожится Хелен, подходя к моему столу. В глазах у меня потемнело. Я пытаюсь подняться и устоять на месте. Она заставляет меня сесть обратно и протягивает мне бутылку с водой. – С тобой все в порядке?

– Я падаю в обморок. Что там происходит?

– Они обсуждают собеседования. Идея Джоша о будущем компании не совпадает с видением мистера Бексли.

Хелен придвигает стул и садится рядом со мной. Меня, похоже, уволят. Я начинаю тяжело, с присвистом дышать.

– У меня проблемы? У них там нечто вроде предварительного интервью? Почему я тоже не прохожу его? И почему привлекли отдел кадров? Все время слышались крики. И Джанет сказала что-то страшное. Мол, мне пригодится удача. У меня проблемы? – заканчиваю я на той же жалостливой ноте, с которой начала.

– Разумеется, нет. Они там злобно спорят, дорогая. У них много разногласий. Я подумала, самое лучшее – привести Джанет, чтобы она напомнила им о профессиональной этике. Нет ничего хуже двух мужчин,

которые лают друг на друга, как собаки.

Хелен смотрит на меня как-то странно. Должно быть, у меня ужасный вид.

– А он... – Я закусываю губу вместе с продолжением фразы, но Хелен не позволяет мне скрытничать.

– Что – он?

– Он в порядке? С... Джошем все в порядке?

Она кивает, но дело в том, что я знаю: это не так. Два предыдущих дня были изматывающими. Джош являл собой образец мрачной вежливости, но я теперь могу читать нюансы эмоций на его лице лучше, чем когда-либо. Он утомлен. Печален. Подавлен. Не может решить, что хуже: встречаться со мной глазами или нет.

И я его понимаю. Правда понимаю.

Я обнаруживаю, что если не смотрю на него, а сосредоточиваюсь на экране компьютера, то вероятность ощутить кувырканье в животе гораздо меньше. Я способна выгнать порхающих бабочек из своих внутренностей, если мне удастся не встретиться со взглядом его синих глаз, не видеть очертаний губ. Губ, которые я столько раз целовала. Никто не может целовать меня так, как Джош, и это с еще большей очевидностью доказывает, как несправедлив мир.

Боль от его замечания: «Мне не нужна помощь, чтобы победить ее» – притупилась и превратилась в мозоль, на которую я не могу не давить. Что за гадость он сказал! Но если бы мы поменялись ролями и нас изводила бы намеками Хелен, где гарантия, что я не произнесла бы ровно те же самые слова? В нашей частной войне я вовсе не безвинная жертва.

Мы такие, потому что нашли человека, который способен принять удар так же хорошо, как ответить на него. И я могу гарантировать одно: на собеседовании я прекрасно это продемонстрирую. Даже во сне я знаю ответы на все вопросы, которые мне могут задать. Джошу наверняка понадобится помощь, чтобы обставить меня. Хелен наблюдает за мной, взгляд ее мягок и полон сочувствия.

– Приятно, что ты беспокоишься о нем, дорогая, но Джош – большой мальчик. Тебе следует всерьез тревожиться из-за Бексли. Я знаю, на кого сделала бы ставку.

– Но почему мистер Бексли...

– Не могу сказать. Это их личное дело. Давай поговорим о твоём интервью. Как прошла встреча с Дэнни?

– Все идет хорошо. Он переделает для меня в электронный формат старый триллер «Кровавое лето». Это любимая книга моего отца. Дэнни

управится за выходные и возьмет совсем недорого.

– Ну что ж, очень мило с его стороны. Если презентация произведет впечатление на комиссию, может быть, в конце концов, мы привлечем его к работе в качестве консультанта. Как твой отец? Когда ты поедешь домой, дорогая? Родители наверняка скучают по тебе.

– На ближайшие длинные выходные. Тогда мне нужно будет поехать. На самом деле, мне хотелось бы взять отпуск на неделю. – В продолжение последовавшей за этой фразой паузы я понимаю, что не присоединила к своим словам обычную присказку «если все будет хорошо». Прежняя я недоуменно качает за меня головой.

Смотрю на свою милую, великодушную подругу; она, как я и догадывалась, кивает:

– Очень хорошо. Возьми отпуск, прежде чем начнется новая работа. – Ее вера в меня непоколебима.

Вновь обретенная напористость не помогает мне избавиться от ощущения, будто что-то идет не так. Я снова гляжу на запертую дверь мистера Бексли.

– Иди домой, дорогая. Все равно в такое время в пятницу уже никто не позвонит. Это было бы нарушением правил. Что ты собираешься делать в выходные?

У меня возникает очень странное чувство: уж не проверяет ли она меня?

Кроме Джоша, я никому не могу врать нормально.

– Наверное, отправлюсь в небольшую поездку... с другом. На самом деле он мне не друг. Но пока не могу решить, стоит ли.

Слово «друг» ощущается на языке как иностранное и в моем исполнении звучит некрасиво: «Дрюг». Хелен делает паузу и улыбается:

– Поезжай. Надеюсь, ты прекрасно проведешь время со своим приятелем. Тебе это нужно. Я знаю, ты осталась совсем одна после слияния, когда потеряла свою Валери. – Неожиданно Хелен берет меня руками за плечи и целует в обе щеки. – Я вижу, как у тебя без остановки работает мозг. Думаю, надо отложить все это в сторону хотя бы на выходные. Забудь о собеседовании. Один день – и это испытание останется блеклым воспоминанием.

– Надеюсь, приятным. Триумфальным воспоминанием.

– Теперь все в руках кадровых божеств. Я знаю, ты сделала что могла. Вынуждена признать, это правда.

– Пока идея с форматированием электронных книг не перечеркнута, я могу пройти интервью в любое время, хоть сейчас.

– Я твой начальник и приказываю тебе в эти выходные пожить своей жизнью. Ты за последние дни исхудала. Посмотри на свои глаза. Они красные. Ты выглядишь так же плохо, как Джош. Мы вас обоих привели на грань нервного срыва, объявив об открытии этой вакансии. – Хелен грустно выпячивает губки.

– Бывают моменты, когда мне хочется, чтобы ничего этого не было. Ничего. Ни слияния. Ни этого кабинета. Ни повышения. С этим что-то закончится, и я пока к такому исходу не готова.

– Сочувствую. – Хелен похлопывает меня по руке. – Очень сочувствую.

– Я готовила свои бумаги на случай, если придется уходить. Отправила по имейлу резюме в шесть рекрутерских контор. Выгребла барахло из своих ящиков. И почти все упаковала. На всякий случай.

Хелен смотрит на стол Джоша, который выглядит еще более стерильным, чем обычно. Он занимался тем же. На его рабочем месте можно проводить хирургические операции.

– Я не могу потерять тебя. Мы найдем тебе место в каком-нибудь другом отделе, где ты будешь счастлива. Не хочу, чтобы ты испереживалась за выходные, думая, что у тебя нет никаких других вариантов.

– Но как я буду сталкиваться с новым главным исполнительным в лифте? Это унижительно.

Могу себе это представить. Кожу обдает жаром, и все волоски на теле встанут дыбом от воспоминаний. Он будет смотреть на меня сверху вниз, в глазах – холодный профессионализм. Я вежливо приветствую его и вспоминаю, как он однажды прижал меня к стенке лифта, нарушив правила всех игр. Потом доезжаю до своего этажа и оставляю нового босса продолжать подъем вверх.

Лучше уж совсем убраться отсюда, чем смотреть на него через стол в зале совещаний или краешком глаза ухватывать очертания знакомой фигуры на парковке. Он найдет себе новую женщину, которую будет мучить и пленять. И когда-нибудь я замечу на его пальце обручальное кольцо.

– Зачем продолжать изводить себя?

Думаю, мое лицо застыло в решимости, потому что Хелен предпринимает попытку меня взбодрить.

– Поживи немного в свое удовольствие на этих выходных. Поверь, это пойдет тебе на пользу.

– Я переключу телефоны на свой мобильник и дам вам знать, если случится что-нибудь срочное.

Мне нужно спуститься вниз, к своей машине. Я хочу открыть багажник, посмотреть на собранную сумку и попытаться еще ненадолго оттянуть ответ на главный вопрос. *Что я испытываю к Джошу?* Ключи от машины сверкают в сумочке. Я могу сесть в машину и уехать.

Постукиваю по карманам и понимаю, что у меня большая проблема. Мобильника там нет. Заглядываю под стол, в сумочку, в папки с бумагами. Не могу вспомнить, когда я видела его в последний раз.

Нахожу телефон рядом с раковиной в женском туалете. Когда возвращаюсь к столу, Джош выходит после совещания с мистером Бексли в полном порядке, ни один волосок не сдвинулся со своего места.

Глава 19

– Что там происходило? – Я обхватываю руками спинку своего кресла.

– Профессиональные разногласия. – Джош беззаботно пожимает плечами, напоминая мне, во что одет.

Когда сегодня он вошел в кабинет, на нем была светло-зеленая рубашка, которой я раньше никогда не видела. Весь день я пыталась решить: это предвестник гибели или мне нравится.

– К чему эта зеленая рубашка?

– Зеленый показался мне подходящим, учитывая маленькую сценку в «Старбаксе».

Мистер Бексли высовывает голову из кабинета, смотрит на нас обоих и качает головой:

– Вам это не сойдет с рук. Повторяю, вам это с рук не сойдет.

Сейчас с ним не могла бы сравниться ни одна шекспировская горбоносая старая карга.

Джош хохочет:

– Ричард, прошу вас!

– Закрой рот, Бексли, – слышу я приглушенный голос Хелен.

Босс громко откашливается и захлопывает дверь кабинета. Джош смотрит на свой стол и берет в руки коробочку с мятными драже, кладет ее в карман. Переключает телефон на голосовую почту, задвигает кресло. Его стол выглядит так, как в день нашей первой встречи. Стерильно. Безлично. Джош подходит к окну и смотрит на улицу.

Все как в тот первый раз. Я застыла у стола, нервное напряжение разрывает меня изнутри. У окна, засунув руки в карманы, стоит крупный мужчина с блестящими темными волосами. Когда он оборачивается, я молюсь, чтобы он оказался не таким красавцем, каким я его себе представляю. Луч света скользит по его щеке, и мои надежды развеиваются по ветру.

Вот его глаза устремляются в мою сторону, теперь все ясно.

Он окидывает меня взглядом. От макушки головы до кончиков пальцев ног. «Скажи что-нибудь, – молю я. – Ты прекрасен. Прощу тебя, будем друзьями».

– Скажи мне, какого черта там происходило?

– Я поклялся держать все в тайне.

Это умная стратегия, он применил единственный ход, против которого

я не стану возражать, и знает это.

– Скажи, что тебе не предложили работу в обход комиссии.

– Нет, не предложили.

Я понижаю голос до шепота:

– Они знают о... о нас?

– Нет.

Два моих главных страха оказались необоснованными.

– Так... Как мы выберемся отсюда? От меня это все еще требуется?

– Да. С помощью вот этой штуки, – снимая мое пальто с вешалки, Джош указывает рукой, – лифта. Ты уже бывала там. И даже со мной. Я выведу тебя.

– А что, если нас кто-нибудь увидит?

– И ты говоришь это *теперь*? Ты бесподобна, Люсинда.

Я хлопаю по клавиатуре, чтобы выключить компьютер, подхватываю сумочку и цокаю каблуками вслед за Джошем. Пытаюсь забрать у него свое пальто, но он неодобрительно мотает головой. Двери лифта открываются, Джош затаскивает меня внутрь, положив руку мне на талию.

Я оборачиваюсь и вижу Хелен, прислонившуюся к дверному косяку в позе «вот так сюрприз». Потом она откидывает назад голову и смеется, явно довольная, хлопает в ладоши. Джош машет Хелен рукой, двери закрываются.

Я отпихиваю его обеими руками к другой стороне кабины.

– Отойди. По нам все видно. Она нас слышала. И видела. Ты несешь мое пальто. Она знает, что ты никогда этого не делал. – Голос у меня хриплый от смущения.

– Тоже мне новость, теперь я это делаю. – Джош крутит пальцем над кнопкой аварийной остановки. Я хватаю его руку стальным захватом. Думаю, он подавляет смешок.

Когда мы оказываемся на первом этаже, я крадучись иду вперед.

– С нами все ясно.

Подхожу к своей машине и отпираю багажник. Мой багаж перевернут вверх тормашками, и это будто знак. Хочется запрыгнуть в кабину, дать по газам и с визгом умчаться, оставив Джоша далеко позади. Картинка рисуется в голове молниеносно, но, пока это происходит, рука Джоша материализуется из пространства, протягивается к моему чемодану, берет его и несет к другой машине. Я хватаю чехол с платьем, закрываю машину и тут кое-что понимаю.

– Если мы оставим здесь мою машину, Хелен все поймет. Она ее заметит.

– Нам что, завалить твою «хонду» ветками где-нибудь в лесу?

Отличная идея. Я потираю рукой живот:

– Я не...

– Можешь не говорить, как тебе хочется это сделать. У тебя на лице все написано. Мне тоже хочется. Но нам надо ехать.

Джош немногословен. Мои вещи в его багажнике, сумочка на пассажирском сиденье.

– Можно я отвезу машину домой?

– Ага, а то как же. Ты сбежишь. Если в понедельник кто-нибудь спросит, скажи, что она опять сломалась. Это прекрасное алиби, потому что тачка у тебя дерьмовая.

– Джош... я сама не своя. – Мне приходится взяться за ручку дверцы его машины, чтобы устоять на ногах.

Если раньше я думала, что события развиваются слишком быстро, то сейчас они понеслись с устрашающей скоростью. Джош снимает галстук и расстегивает две пуговицы. Он прекрасен даже в этом мрачном подвальном этаже.

– Да, это видно. – Складка на его лбу углубляется. – Я тоже. У тебя изможденный вид.

– Я почти не сплю. Почему ты не в себе?

Он пропускает мой вопрос мимо ушей.

– Поспишь в машине. – Джош открывает для меня дверцу, пытается запихнуть меня внутрь, но я упираюсь в асфальт каблуками.

– Собеседование. Работа.

– К черту их! Собеседование пройдет. Мы справимся с тем, что из этого получится. – Он берет меня за плечи.

– Это не так просто. Во время слияния я потеряла дорогого мне человека, мою подругу Вэл. Я сохранила работу, а она осталась не у дел, и теперь мы разошлись. Просто для примера, – торопливо добавляю я. Чуть не сказала Джошуа Темплману, что он дорог мне. Просто намекнула, мол, мы друзья.

– Да она просто задница, – прищуривается он.

– Вот почему я одинокая неудачница. Слушай, завтра я встречу с твоими родными. Давай не будем закрывать глаза на то, что когда-нибудь в ближайшем будущем мы увидим друг друга голыми. Это тоже создает напряжение. – (Джош снова игнорирует меня.) – Это наш последний шанс разобраться во всем. – Я все еще мешкаю, упрямлюсь, как мул.

– Эти выходные будут нелегкими для меня. Но может быть, твое присутствие скрасит их.

Вероятно, причиной тому послужило это маленькое допущение, но колени мои подгибаются, этого хватает, чтобы залезть в машину, и я моментально уступаю контроль над ситуацией человеку, которому, вообще-то, доверила бы свою судьбу последним.

Я потерпела поражение и потому чувствую слабость. Даже пакуя сумку и покупая платье, я ощущала уверенность в том, что в последний момент найду какой-нибудь предлог и отмажусь от этой поездки. Только в самом плохом из рисовавшихся мне сценариев я покидала подземную парковку «Б и Г» в машине Джоша.

Солнце опускается к горизонту. Джош рулит по вечерним улицам, запруженным машинами. Такое впечатление, будто всех в этом городе посетила одна и та же идея: пора свалить отсюда куда-нибудь в туманные прекрасные горы.

– Долго нам ехать? – вынужденно прерываю я неловкое молчание.

– Четыре часа.

– Гугл-карты считают пять, – не задумываясь, говорю я.

– Да, если ты едешь, как старушка. К счастью, я не единственный, кто провел киберразведку в родном городе. – Джош вздыхает, когда нас подрезает машина, и притормаживает. – Идиот!

– Как мы проведем эти четыре часа?

Я-то знаю, чем хочу заняться. Развалиться в теплом кожаном кресле и смотреть на него. Наклониться вбок и прижаться щекой к его рельефному плечу. Я хочу вдыхать его запах и запечатлеть все это в памяти, чтобы извлечь оттуда однажды, когда понадобится.

– Мы справимся.

– А где мы остановимся? Только прошу, не говори, что в доме твоих родителей.

– В доме моих родителей.

– Вот черт! Почему? Ну почему? – Я напряженно выпрямляюсь на сиденье.

– Шучу. Свадебный прием состоится в отеле. Патрик забронировал несколько номеров. Мы скажем при регистрации, что приехали на свадьбу.

– В задрипанном отеле?

– Прости, конечно нет. Я позабочусь, чтобы у тебя был отдельный номер.

Похоже, Джош очень серьезно относится к своему обещанию не прикасаться ко мне даже пальцем. Его ответ словно ведро воды окатывает пожар в моей груди, остаются только почерневшие угольки. Не уверена, что испытала от этого облегчение.

– А почему ты не остановишься у своих родителей?

– Не хочу, – качает Джош головой, уголки его рта недовольно опускаются, и я импульсивно постукиваю по его колену.

– Я прикрою тебя в эти выходные, ладно? Как на пейнтболе. Но предложение действует только в указанные дни.

– Спасибо, что защищала меня. Тебе досталось много пуль. Хотя я все равно не понимаю, почему ты это делала.

Джош щурится на солнце, и я нахожу в бардачке пару солнцезащитных очков. Дышу на стекла и протираю их рукавом.

– Ты сделал меня последним членом команды, который мог бы пойти добывать флаг. Самым ценным бойцом.

– Я поступил так, потому что ты вот-вот могла свалиться с ног. Спасибо. – Он берет очки.

– Ох, а я думала, это еще один из твоих маленьких трюков. Никто не защищает меня. Люси Хаттон – живой щит.

– Я всегда прикрывал тебя. – Джош смотрит в боковое зеркало и перестраивается в другой ряд.

В моем сердце загорается слабый огонек свечи.

– Посмотрел бы ты на мои синяки.

– Некоторые я видел.

– Верно. Когда снимал с меня пижаму с соннозавром. – Я прижимаюсь щекой к спинке сиденья.

Мы стоим на светофоре, и я люблюсь маленькой ямочкой в уголке рта улыбающегося Джоша.

– Ты даже не представляешь, как мне жаль, что ты видел верх моей пижамы. Мама подарила ее мне на Рождество несколько лет назад.

– Не стыдись этого. На тебе она смотрелась превосходно.

Я смеюсь, и мне становится немного легче. Город растекается пригородами, солнце начинает садиться, а мы катим по шоссе среди зелени. Я никогда не уезжала так далеко от города. Мне надо начать жить своей жизнью, а не ходить все время, как маленькая горная овечка, по проторенной дорожке, ведущей к «Б и Г» и обратно в мою квартиру.

– Значит, ты говоришь, я еду для моральной поддержки. Ты не объяснишь мне почему? У меня такое чувство, что мне нужно получить какое-то предупреждение и готовиться быть во всеоружии.

– У меня есть... – начинает Джош и вздыхает.

– Девушка? – осмеливаюсь предположить я. – О ком речь?

– По большей части дело во мне самом. Я совершил несколько ошибок и не приложил особых стараний, когда было нужно. Теперь мне бросят в

лицо эти обвинения. Наверное, будет не очень приятно.

– Медицина. – Не задумываясь, я свожу объяснение к одному слову. – Прости. Это было нечутко с моей стороны.

– Ты разговариваешь с королем бесчувственности, помнишь? – Джош дергает плечами от желания сменить тему. Мне становится жаль его.

– Надо мне приехать сюда как-нибудь в выходные и исследовать местность. Может, куплю что-нибудь для украшения квартиры. – Я кошусь на Джоша. *Ищешь приятеля, который любит таскаться по антикварным лавкам? Серьезно, Люси, соберись.*

– Ну, я уверен, твой новый приятель Дэнни с удовольствием отвезет тебя.

Я складываю на груди руки, и мы не разговариваем двадцать три минуты, судя по абсолютно точным часам на цифровом дисплее Джоша.

Первой нарушаю молчание я:

– Прежде чем закончится этот уик-энд, я разможу тебе голову. Я собираюсь выяснить, что творится в твоих злокозненных мозгах.

– Это мило.

– Я серьезно, Джош. Ты сводишь меня с ума. – Я наклоняюсь вперед, кладу локти на колени и тру лицо.

– Мои злокозненные мозги подумывают о том, где бы нам поужинать в ближайшее время.

– А мои – о том, как тебя задушить.

– Еще я думаю, если мы прыгнем с моста, мне не придется идти на эту свадьбу. – Джош смотрит на меня, – возможно, его слова шутливы лишь отчасти.

– Прекрасно! Следи за дорогой – или твое желание исполнится.

Когда мы переезжаем мост, я с подозрением наблюдаю за своим шофером.

– На самом деле я думаю о том... сколько топлива поглощает моя машина.

– Спасибо, что переводишь эти ценные наблюдения в мотивы для поступков.

Джош глядит на меня, будто на что-то решается:

– Нет, я думаю о том, как целовал тебя на своем диване. Я думаю об этом слишком часто. Это меня тревожит. И еще я не перестану размышлять, как странно будет проводить дни, не сидя напротив тебя.

В правде важно то, что к ней привыкаешь.

– Что еще у тебя в голове?

Джош улыбается моей настойчивости:

– Никто никогда не пытался сделать этого со мной прежде.

– Чего? Раскрыть тебе череп? Я бы применила молоток, если бы возникла нужда.

– Не пытался узнать меня. И я не предполагал, что этим человеком станешь ты.

– Ты хочешь, чтобы я прекратила?

Его ответ удается расслышать с трудом, настолько он тих.

– Нет.

Я отворачиваю голову, притворяясь, будто рассматриваю вид за окном. Мы паркуемся на стоянке для грузовиков с придорожным кафе, и Джош прикасается к моей руке. От его следующей фразы в сердце загорается глупая надежда, хотя я понимаю, что он шутит.

– Пошли. Настал момент для романтического ужина.

У меня первое, хотя и ненастоящее, свидание с я Джошуа Темплманом. Как назло, все уютные ниши со столиками оказываются заняты, поэтому мы сидим бок о бок у стойки бара. Когда я забираюсь на высокий табурет, Джош меня подсаживает, и теперь мои ноги болтаются в воздухе, как у пятилетки. Мы делаем заказ, и я тут же забываю, что мне подадут. Джош подпирает ладонью подбородок, и мы, чтобы скоротать время, играем в гляделки.

Мой взгляд скользит по его фигуре. Я могла бы пережить эти выходные, если бы руки у Джоша были не такие красивые. И его кожа не пахла бы так изумительно. Свет от люминесцентных ламп делает все лица желтоватыми, включая мое, но этот парень почему-то светится жизненной энергией. Я вижу едва заметные пятнышки веснушек на его переносице. Наверное, в течение большей части рабочего времени, проведенного совместно, я носила очки ненависти, потому что, сказать по правде, никогда еще не видела мужчину, настолько привлекательного внешне.

Все в нем доставляет удовольствие. Он буквально напитан достоинством, роскошью, все в нем совершенно. Каждая часть тела сконструирована безупречно и содержится в идеальном порядке. Не могу поверить, что столько времени потратила впустую, не восхищаясь им.

– Ты как великолепный скакун. – Я вздыхаю, слегка смешавшись. Надо было попытаться хоть немного поспать прошлой ночью.

Джош моргает:

– Спасибо. У тебя сахар в крови понизился до предела. Ты вся белая.

Наверное, это правда. Мой желудок издает гоблинское урчание. Группа хохочущих парней, явно коллег, подходит близко к нам, и Джош кладет руку мне на талию. Как на настоящем свидании, покровительствует, будто

говорит им: «Моя». Потом он заказывает мне апельсиновый сок и заставляет выпить его. Слышу, как один дальнбойщик подавляет желание рыгнуть и потом медленно, со стоном выпускает из себя воздух. На дальнем плане слышится скворчание чего-то жарящегося, звук напоминает помехи в радиоэфире.

– Атмосфера неподходящая, – говорит мне Джош. – Прости. Поганое свидание.

Официантка в пятый раз искоса бросает взгляд на Джоша, облизывая языком уголок рта. Я прикасаюсь к его запястью, потом берусь за него:

– Все хорошо.

Приносят еду. Я впиваюсь в горячий сэндвич с сыром, пачкая лицо, приходится напоминать самой себе о необходимости жевать. Джош заказал жаренную на гриле куриную грудку. Следующие несколько минут проходят за смакованием и подсаливанием блюд. Джош ворует с моей тарелки несколько кусочков жареной картошки с таким видом, будто это самая обычная манера поведения за столом.

– Куда ты ходишь обедать? Меня это всегда интересовало.

– Я хожу обедать в спортзал. Пробегаю четыре мили, принимаю душ и по пути обратно выпиваю большой протеиновый шейк.

– Четыре мили? Ты тренируешься на случай апокалипсиса или чего-то в этом роде? Может, мне тоже этим заняться?

– У меня слишком много неумной энергии.

– Ты мог бы искушать меня или убить, если бы не эти пробежки. У тебя потрясающее тело, оно сводит меня с ума. Ты это сам знаешь, верно? Я видела всего кусочек кожи.

Джош смотрит на меня с таким видом, будто ничего более нелепого никогда в жизни не слышал. Потом со смущенным видом делает глоток из своего стакана.

– Я гораздо больше, чем мое потрясающее тело. – В голосе слышится ироничное самодовольство, тон такой надменный, что мы оба хохочем.

Я глажу ладонью его руку от плеча к запястью:

– Знаю. Так и есть. Тебя слишком много для такой мелюзги, как я.

– Ничего не много. Я хотел спросить: ты еще злишься из-за вчерашнего? Что я сказал Бексли, мол, мне не нужна помощь, чтобы победить тебя.

– Как там говорится? Не выходи из себя, будь собой. – Я отодвигаю тарелку и облизываю пальцы. Ела как свинья. – Ты был не прав, сам знаешь. Тебе понадобится помощь, чтобы справиться со мной. Я не собираюсь сдаваться.

Осушаю второй стакан апельсинового сока, выпиваю свою воду, потом воду Джоша.

– Верно подмечено. – Джош наматывает салфетку на пальцы. – Вау, ты ешь, как викинг.

– На эти выходные я объявляю перемирие. В ближайшие дни мы – это мы.

– А в другие дни мы кто?

– Наемные сотрудники «Б и Г». Соперники. Нарушители правил отдела кадров. Смертельные враги. О боже, я чувствую себя намного лучше. – Я спрыгиваю с табурета и мигом оцениваю, насколько сильнее стали мои ноги. – Я не хочу никаких сюрпризов, Джош. Если мне предстоит вляпаться в какое-нибудь дерьмо, я должна знать об этом.

По его лицу пробегает тень. Он берет подсунутый под край тарелки счет и, когда я лезу в сумку за кошельком, бросает на меня слегка надменный взгляд.

– Мы – это мы. Я – это я. – Он отсчитывает несколько банкнот. – Пошли.

Я иду в уборную. Мою руки, смотрю на себя в зеркало и поражаюсь увиденному. Цвет вернулся ко мне. На самом деле я свечусь, как стриптизерша из Вегаса. Неоново-голубые глаза, щеки горят, волосы черные с синеватым отливом, а губы вишнево-красные, хотя помада давно сошла.

Плотный ужин оживил меня, но я не возражаю против пари, что всегда выгляжу так после периодов нераздельного внимания Джоша ко мне.

– Не растеряй это, – строго говорю я себе.

Тут в уборную входит какая-то женщина и косо смотрит на меня. Я сушу руки и выбегаю наружу.

Глава 20

Вечер благоухает свежестью из-за собравшихся над головой грозовых туч. Джош опирается на машину и смотрит на другую сторону шоссе. В томном изгибе его тела есть какая-то странная грация. Если бы нужно было придумать название к этой картине, я бы выбрала такое: «Тоскующий».

– Эй! Все в порядке?

Джош смотрит на меня с таким выражением, что мое сердце вздрагивает. Будто он напоминает себе, что, вообще-то, я здесь. А не только в его голове.

– Тебе грустно?

– Пока нет. – Он закрывает глаза.

– Давай я немного порулю. – Я протягиваю руку за ключами.

Джош качает головой:

– Ты моя гостья. Поведу я. Ты устала.

– О, так теперь я твоя гостья? – Я иду к нему с самым угрожающим видом, какой только могу изобразить.

Джош закладывает руки за спину. Я улыбаюсь ему, и он отвечает улыбкой. Удивительно, что звезды размером с булавочную головку не рассыпаются у нас над головами серебряной пылью. Печаль, которую я заметила в глазах Джоша, испепеляют искры веселья.

– Моя заложница. Моя пленница, добытая шантажом. Стокгольмская Печенька.

– Ключи. – Я обвиваю рукой его талию, чтобы выхватить их из сжатого кулака. Потом приникаю к нему и усиливаю захват. – Отпусти! Ну же! – Я вытаскиваю из его руки ключи, но Джош обнимает меня за плечи и не отпускает.

Мы стоим на месте еще довольно долго. Мимо непрерывным потоком несутся машины.

– Я хочу, чтобы ты знала: я ничего не жду от тебя в эти выходные, – говорит Джош поверх моей головы.

Я отклоняюсь назад и смотрю на него снизу вверх:

– Что бы ни случилось, я уверена: до утра понедельника мы доживем. Если только твоя сексуальность не такая смертоносная, как я подозреваю, иначе мне крышка.

– Но... – беспомощно возражает Джош.

Я сдавливаю своего врага крепче и прижимаюсь щекой к его

солнечному сплетению.

– Это случится, Джош. Нам нужно выпустить пар. Думаю, ради этого все и было затеяно.

– Кажется, ты смирилась.

– Могу только заранее принести извинения за то, что я с тобой сделаю. Он смеется, поеживается и отталкивает меня.

– Слушай, это всего одни выходные. – Я стараюсь говорить легко и, кажется, убеждаю нас обоих.

Приходится подвинуть водительское сиденье вперед на добрую милю, что требует нескольких конвульсивных движений тазом. Джош без комментариев отодвигает назад пассажирское сиденье и следит за моей борьбой. Я пристегиваю ремень безопасности и поправляю угол наклона зеркала заднего вида.

– Может, подложить под тебя телефонную книгу? Как тебе удалось сделаться такой маленькой?

– Села при стирке. – Я выруливаю на шоссе.

– Почти половину пути проехали. – Колено Джоша начинает подпрыгивать.

– Постарайся расслабиться. – Раньше я не замечала, что Джош способен нервничать. Чувствую, он повернул голову и смотрит на меня. Этим мы занимаемся всегда.

– Почему мы так делаем? Пялимся друг на друга?

– Про себя я это знаю. Но ты говори первая. – Он думает, я не поддамся на провокацию. Ошибается.

– Я всегда стараюсь понять, о чем ты думаешь. – Я бросаю на него триумфальный взгляд, как будто говорю: «Видишь, я умею быть честной. Иногда».

– Я смотрю на тебя, потому что мне это приятно. На тебя интересно смотреть.

– Бр-р! Интересно. Хуже комплимента не придумаешь. Мое бедное сморщенное эго. – Миготм отвешиваю себе мысленный подзатыльник. Набиваться на комплименты – это смертный грех. – Не обращай внимания, я пошутила. Эй, посмотри-ка на эту старую ферму. Я бы хотела жить здесь.

– Главное – это твои глаза. – Голос Джоша зависает между нашими плечами.

Слабый дождик делает зернистой картинку на ветровом стекле. Я крепче сжимаю руль.

– Эти абсолютно безумные глаза. Глаза, каких я никогда еще не видел.

– Ну спасибо. Безумные! – Все равно внутри я улыбаюсь. – Полагаю,

это точное определение.

– Ты назвала мое тело безумным. Я говорю в том же смысле. Когда ты не можешь на меня смотреть, это вроде как помогает говорить в открытую. Уж я-то знаю.

Дождь усиливается, я включаю дворники и пытаюсь сосредоточиться на идущей впереди машине. Джош глушит радио, не знаю почему, но это ощущается как угроза. Будто щелчок дверного замка, который запирает тебя внутри.

– Самые прекрасные глаза, какие я когда-либо видел, – говорит Джош таким тоном, будто хочет, чтобы я осознала всю важность сказанного.

Хорошо, что темно, а то я залилась краской.

– Спасибо.

Джош вздыхает. Когда вновь раздается его голос, он как будто щекочет мне ухо кусочком бархатной ткани. Я пытаюсь взглянуть на своего пассажира, но он хмурится:

– А твой маленький красный рот будто с валентинки...

Он замолкает и издает странный звук – нечто среднее между стоном и вздохом. По моим рукам бегут мурашки. Я закусываю губу, чтобы удержаться от ответа. Может быть, чем молчаливее я буду, тем больше он раскроется.

– Один раз на тебе была белая блузка, и я видел твой бюстгальтер. Из цветного кружева. Может быть, розового или бледно-лилового. Его очертания проступали так четко. Это был один из дней, когда мы особенно яростно ругались и ты от злости рано ушла с работы.

– Такое случалось не раз. Тебе придется уточнить детали. – Лучше бы он не напоминал мне о таких моментах.

– Я столько ночей пролежал в постели, думая о твоём лифчике из цветного кружева под белой блузкой. Стыдно сказать, – признается Джош, ерзая на сиденье. Вот он снова начинает говорить, и его голос извивающейся змейкой вползает в мое ухо. – А сон, о котором ты рассказала мне однажды? Ты была завернута в простыню, и какой-то загадочный парень прижимался к тебе?

– О да. Мой глупый сон.

– Я думал, может, ты намекала, что это я был в твоём сне.

– Все это было вранье, – срывается с моих губ.

– Ясно, – произносит он после долгой паузы. – Славно сработано. Ты меня этим завела.

Он погрузился в поток переживаний, а я все испортила и сейчас же пожалела об этом. Джош принимает более собранную позу.

– Я действительно видела очень пошлый сон. Но он был не такой, как я тебе рассказала.

Джош снова расслабляется в кресле. Чувствую, что он отвернулся от меня. Могу представить себе его смущение. Если бы он рассказал мне свой сон и заставил поверить, будто в нем была я, то я бы чувствовала себя очень глупо, окажись вдруг, что я вертела в голове эту ложь и переживала из-за нее.

– Сон действительно был о тебе, Джош.

Настал мой черед говорить так, будто его здесь нет. Голос мой звучит резко и хрипло, а дождь льет все сильнее. Вписываясь в длинный поворот, вижу у края дороги глаза лесных зверей, отражающие свет фар.

– Я легла спать с мыслями о тебе и о том, как мне хочется подразнить тебя, надев короткое черное платье. Я хотела, чтобы ты смотрел на меня... чтобы ты меня заметил. Я и сейчас еще не понимаю, почему мне приспичило надеть то платье. А ночью ты явился мне во сне. Придавил меня своим телом и запутал в простынях. – Джош прерывисто вздыхает, но мне нужно высказаться. – Это все из-за того, что ты сказал мне днем на работе. Ты сказал что-то вроде: «Я тебя уработаю до полного изнеможения». Любая девушка увидела бы эротический сон после таких слов, услышанных от тебя. Даже та, которая тебя терпеть не могла. – Тишина. Я продолжаю: – «Я тебя уработаю до полного изнеможения». Ты повторил это во сне. И улыбнулся мне, и я проснулась, едва не кончив.

– Серьезно, – только и удается вымолвить Джошу.

– Я завелась от одной мысли, что ты придавливаешь меня всем телом и улыбаешься мне.

Краем глаза вижу, что руки Джоша сжаты в кулаки и лежат на коленях.

– Тебе этого хватит? Это можно организовать.

– Я была в шоке и чудила весь следующий день. Здесь сворачивать с шоссе?

Приближается съезд, и Джош выдавливает из себя едва слышное «да». Я включаю поворотник и покидаю главную дорогу. Джош снова ерзает в кресле. Я бросаю взгляд на его колени. Уличный фонарь услужливо выхватывает из темноты моментальный снимок твердого тупого угла.

– Зачем же ты соврала про свой сон?

– Я вообще не хотела ничего говорить, но ты не позволил. Как я могла признаться? Мне было стыдно. Я думала, ты станешь издеваться надо мной. Поэтому соврала.

– Твое маленькое платье... – Джош бормочет что-то себе под нос.

Мы оба одинаково мнемся на сиденьях. Его глаза скользят по моим

коленям, мы превосходно понимаем друг друга.

Главная улица Порт-Уорта широка и обсажена по обочинам рядами петуний и герани, которые горят красными пятнами в свете фар и под металлическими уличными фонарями. Днем это место, без сомнения, великолепно.

– Это было в тот же день, когда я подумал, что ты лжешь про свое свидание. Поверни налево и поезжай до конца дороги.

Конечно, он будет смеяться. Даже думать об этом забавно.

– Да, я соврала.

Следует пауза, и на этот раз я в чертовски затруднительном положении.

– Люсинда, какого хрена?! Зачем ты это сделала? – Джош весь пышет гневом.

– Ты сидел за своим столом и смотрел на меня как на жалкую неудачницу.

– Черт побери! Неужели так трудно прочитать, что написано на моем лице? – Я ничего не отвечаю, и он качает головой. – Значит, я сам виной всему этому? Дэнни крутится вокруг и вынюхивает, как пес?

– Да, это была ложь, но ты не успокоился. Ты сказал, что собираешься в тот же бар. Разве могла я сидеть там одна? Пришлось идти к дизайнерам искать себе компанию. Дэнни был единственным, кто точно не отказался бы.

– Ты бы не сидела там одна. Там был бы я. Им стал бы я. – Я открываю рот, но Джош знаком руки заставляет меня молчать. – Ты думаешь, он твой друг, но ему нужно от тебя больше. Это до боли очевидно. В следующий раз, когда увижу его, я объясню кое-что про меня и тебя. Просто чтобы до него дошло.

– Стоит ли? Сперва объясни все мне.

– Вход здесь.

Я подъезжаю к гранд-отелю «Порт-Уорт». Он светится, роскошный и золотой, лучи наших фар подсвечивают идеально подстриженные лужайки. Парнишка на парковке сигнализирует мне. Я паркую машину на указанное место, вылезая наружу и, стоя на некрепких ногах, беру сумочку.

Направляюсь к багажнику, однако другой гостиничный служащий, одетый как игрушечный солдатик, уже вытаскивает наш багаж. Джош наблюдает за этим с раздражением и скукой во взгляде.

– Благодарю. – Я даю обоим на чай. – Большое спасибо.

Джош подходит к стойке резерва номеров. Девушка-регистратор заметно вздрагивает, когда ее пронзают голубыми лазерами глаза Джоша. Я

обвожу взглядом холл. Все в красных тонах: клубника, рубин, кровь, вино. Как будто находишься внутри сердца. На одной стене висит огромный гобелен с блеклой сценой из времен Средневековья. Лев и единорог преклонили колени перед женщиной. У меня над головой в центре потолка, обведенного затейливым бордюром, висит люстра. Вверх до четвертого этажа широкими витками уходит лестница.

– Это нечто, а? – говорит мужчина в костюме, сидящий в баре неподалеку от меня.

– Это великолепно. – Я стою, сложив руки, как школьница. Ищу глазами Джоша, но не могу найти.

– Отсюда, из бара, вид еще лучше, – продолжает парень в костюме, жестом приглашая сесть рядом.

– Неплохая попытка, – обрывает его Джош, присоединяясь ко мне.

Он обхватывает меня рукой и ведет к лифту. Я слышу сопровождаемую смешком фразу «Извини, приятель!», которая раздается у нас за спинами.

– Сколько ключей у тебя в руке?

Джош нажимает кнопку лифта и показывает мне всего одну магнитную карточку, будто выигрышную карту в покере.

– Для свадьбы зарезервировано определенное количество номеров. Я пытался взять тебе отдельный, но весь отель забит. Это Патрик так шутит.

Я знаю, когда Джош врет, но сейчас явно нет. Он сильно раздосадован. Я оборачиваюсь через плечо на регистраторшу – ее успокаивает начальник смены.

Мы находим комнату. Джош четыре раза засовывает карточку в замок, спрятанный в дверной ручке. Я предпринимаю две попытки пройти в дверь, которую он, открыв внутрь, придерживает рукой, но всякий раз случайно наталкиваюсь на него, и все округлые, женственные части моего тела скачут по нему, как шарики в пинбольном автомате. Грудь, бедро, ягодица.

Наш багаж доставлен. Джош дает чаевые. Дверь закрывается, и мы остаемся одни.

Глава 21

Джош умышленно, как в замедленной съемке, кладет магнитную карточку на комод слева от себя. Меня на миг охватывает страх. Он двигается ко мне темной колеблющейся громадой, атомы вибрируют, туманя мое зрение. Подступив ко мне, он прижимает носки ботинок к моим туфлям.

Игра в гляделки еще никогда не происходила в запертом гостиничном номере.

Джош щелчком пальцев расстегивает пуговицу на моем пальто. Полы предательски распахиваются, будто говоря: «Добро пожаловать, мистер!» Он засовывает внутрь руки и, когда я слегка выгибаюсь от его прикосновения, опускает ресницы. Пальцы Джоша находят пристанище на изгибе моей спины и мягко массируют позвоночник.

– Давай сделаем это.

Мне бы сонеты писать. Цепляюсь пальцами за ремень Джоша и тяну парня к кровати. Он осторожно опускает меня на край постели и захватывает рукой одну лодыжку. Я чувствую его дрожь. Он снимает с меня туфли и аккуратно ставит их рядом с кроватью.

Прошла целая вечность с тех пор, как я в последний раз ощущала прикосновение мужской кожи к своей. В продолжение всего знакомства с Джошем я хранила обет безбрачия. Вероятно, при мысли об этом в моих глазах отображается смущение. Джош замечает это и гладит меня пальцем под подбородком:

– Я только что еще больше злился на себя.

Он опускается на колени у моих ног. Милый мальчик, принявший смиренную позу у своей кровати, чтобы произнести вечерние молитвы.

Когда Джош снова смотрит на меня, в его темно-синих глазах светится упрямство. Я не сомневаюсь, что сейчас он поцелует меня в щеку и уйдет, поэтому обхватываю его за талию одной ногой и затагиваю в колыбель своих бедер. Он издает что-то вроде «уфф», я беру в ладони его подбородок и целую в губы.

Обычно ему нравятся нежные поцелуи. Но сегодня вечером мне хочется страсти. Я целую сильнее, и в тот же миг его губы раскрываются, хватило первого прикосновения. Джош пытается придержать меня, но я не позволяю ему. Щиплю и покусываю его, пока он не придвигается ко мне. Чувствую, как рядом опускается его мощное тело.

Если я когда-либо считала себя пристрастившейся к чему-то, это было явное преуменьшение. От Джоша я хочу получить передозу. К концу этих выходных, видимо, буду валяться в каком-нибудь темном закоулке, не способная произнести свое имя. Наконец-то мне понятно, что такое вожделение. Я знаю, как с ним справиться, и, честно говоря, для нас это единственный выход. Держу Джоша ногами и руками в железном захвате и удивляюсь, чувствуя, что как будто падаю. Открываю глаза и понимаю: Джош встает, поднимая меня вместе с собой.

– Ты собираешься разделаться со мной сегодня вечером? – спрашивает он, не отрываясь от моих губ, и я снова яростно целую его.

– Я собираюсь попробовать.

Мой последний бойфренд, последний мужчина, с которым я занималась сексом тысячу лет назад, был всего пять футов шесть дюймов ростом. Он ни за что не смог бы меня поднять. В его хрупкой, как у мальчика, спине возникла бы межпозвоночная грыжа. Джош вместе со мной усаживается в шикарное вольтеровское кресло, которое я едва заметила, когда мы только вошли в комнату.

Всю жизнь до Джоша я насмеялась над парнями, которые подчеркнуто демонстрировали силу. Но вероятно, во мне до сих пор жива та небольшая часть женского естества, которой нравится, когда ее носят на руках и нежат. Юбка у меня задралась так высоко, что Джош, вероятно, видит мое белье, но глаз вниз не опускает. В голове вспыхивает слово «джентльмен».

Он поднимает руку. Раньше при этом жесте я бы вся сжалась, отпрянула, но сейчас лгну к его ладони.

– Не спеши. – Я качаю головой, не веря своим ушам, но Джош заглядывает мне в глаза и добавляет: – Прошу тебя.

Меня начинают охватывать сомнения.

– Ты не хочешь?

Джош двигает бедрами. В меня упирается тяжелое, до боли твердое доказательство обратного. Он так сильно хочет меня, что глаза его знакомо потемнели и стали как у серийного убийцы. Я прижимаюсь лбом к его лбу. Мы дышим в лицо друг другу, едва касаясь губами.

Он хочет прижать губы к моей коже. Укусить. Съесть. Поглотить. Он хочет меня по-животному. Влажная кожа и холодный воздух. Пальцы скользят по мне. Он шепчет слова, едва слышные сквозь мое затрудненное дыхание. Слезы досады и растекшаяся тушь оставляют на наволочке пятна Роршаха.

Мне уже ясно, что я получу от него. Льстивые слова, терзания,

туманно высказанные предупреждения, когда подступлю слишком близко. Меня будут ставить в любую позу, какая ему нравится, начальственные руки будут взвешивать груди, играть с ними, мять и гладить как захотят.

Но я знаю также, что он будет смешить меня. Вздохать. Он будет дразнить меня, ругать за мои театральные выходки, заставит улыбнуться, когда мне будет хотеться задушить его. Вызывающим поведением я заработаю отсрочку. Уступчивостью – поцелуй.

Разумеется, именно это он и делает. Оттягивает момент. Он хочет играть со мной, пока через много часов после первого прикосновения меня не настигнет оргазм. Он хочет растянуть это маленькое пасхальное яйцо на долгие дни. Кусочек за кусочком. Тающие на языке. Он хочет сделать это столько раз, чтобы мы сбились со счета и, может быть, умерли в процессе. Он хочет убедиться, что я подседа на него. Мне предельно ясно, что я получу от него в постели. То же, что получала от этого парня всегда.

Перед глазами мелькают кадры из порнофильма, потому что Джош облизывает губы, а его глаза опускаются на кружевной край моих чулок. Он пытается что-то сказать, но не может.

Я очень неуклюже расстегиваю его рубашку, тяну каждую пуговицу сквозь петлю, пока не раздастся скрипучий звук рвущихся нитей.

– Почему любые цвета делают твою кожу такой привлекательной? Даже ужасный горчичный. – Я опускаю губы к шее Джоша. – Красивый мужчина, нечеловечески прекрасный под люминесцентным офисным светом.

– Зеленый – цвет ревности. В последнее время я превратился в ревнивого психопата.

– А горчичный – полковничий. Давай сожжем ее.

– Конечно, Печенька. Ты можешь сжечь мою рубашку. В бочке, в каком-нибудь темном закутке.

Джош смеется, а потом вздыхает, уткнувшись в мою шею. Мне от этого ничуть не легче, я продолжаю биться с пуговицами, расстегиваю все, какие мне доступны. Запускаю руки внутрь.

– Под идеально выглаженной деловой одеждой ты просто картинка с анатомической таблицы. Я это всегда подозревала. Кларк Кент.

– Притормози. – Он вынимает мои руки из-под своей рубашки. Я несильно сопротивляюсь, но Джош мягко сдерживает меня и склоняет ко мне свое лицо.

Мы снова начинаем целоваться, поцелуи нежные, как шелк. Я не могла себе представить, что, после того как мои маленькие грубые лапки истерзали Джоша, возможна такая легкость поцелуя.

Его большие пальцы нежно давят на мои запястья, я слегка изгибаюсь, грудью прикасаюсь к его груди. Мы целуемся и медленно заваливаемся назад. Дикое нетерпение, которое я испытывала, немного взято под контроль, потому что, кажется, Джош убедил меня принять идею отсрочки.

– Думаю, в прошлом ты чересчур торопилась, – говорит он, будто читает мои мысли. – Отчего такая спешка?

Джош целует меня, и его мягкие упругие губы доставляют удовольствие не хуже секса. Он думает только обо мне и моих реакциях, изучает, что мне нравится, отказывает в одном, а другое дает, разговаривая со мной без слов. Когда я чуть приоткрываю глаза, чтобы подглядеть за ним, он делает то же самое.

Живот у меня рефлекторно сжимается, когда Джош улыбается мне в губы.

– Как дела? – шепчет он, и я мягко слизываю слова с его языка.

– Что бы сказал на этот счет ты?

Джош неуверенно убирает руки с моих запястий. Когда он доволен, мне доверяется поддержание ленивого ритма наших ласк, а пока он берет меня руками за ягодицы и крепко сжимает их.

– У тебя все отлично. Черт побери, Люси!

– Можешь быть уверен.

Это восхитительно – знать, что теперь я могу прижаться к нему губами, когда захочу. Осматриваю кожу Джоша так, будто я военачальник, а он моя новая территория. Парень трепещет под моим изучающим взглядом.

– Давай сыграем с тобой в одну особенную игру, – говорю я. – Она называется «Кто финиширует первым».

– Также известна под названием «Кому золото, кому серебро».

Мы смеемся. Я расстегиваю его манжеты, и тут раздается звонок телефона. Джош не обращает на него внимания, прижимается губами к моим и слегка прикусывает нижнюю губу.

– Такая хорошая, – говорит он мне. – До чего же ты хорошая.

Телефон продолжает звонить. Потом прекращает, и я вздыхаю с облегчением. После недолгого перерыва трезвон возобновляется. Джош бросает на меня взгляд, я с досадой пожимаю плечами и слезаю с кресла.

– Я отключу его.

Он роется в кармане, а я оцениваю результаты своих стараний. Мой приятель развалился в кресле, ноги расставлены в разные стороны, рубашка расстегнута, волосы всклокочены, глаза потемнели и подернуты поволокой.

– У тебя вид как у очумелой девственницы, которую только что

соблазнили на заднем сиденье моей тачки.

Глаза Джоша сверкают искрами веселья.

– Я так себя и чувствую.

Он откапывает телефон и бросает на него небрежный взгляд, но потом присматривается внимательнее.

– О, это мама. Вот черт! Совсем забыл о ней.

Я прячусь в ванной. При мысли о встрече с матерью Джоша меня охватывает застенчивость. Не зная, что делать дальше, через дверь слушаю примирительную сыновнюю речь. Мόю руки, сжимаю припухшие губы и смотрю на свое отражение в зеркале. Я выгляжу как порноверсия самой себя.

Джош говорит через дверь:

– Люси, прости, но мне нужно ненадолго спуститься вниз.

Я открываю дверь:

– Что-нибудь случилось?

– Мама внизу. Я так понял, она сделала для столов украшения с розами из своего сада, но ей не найти никого из сотрудников отеля, кто помог бы занести их внутрь, и она расстроена. Полная безнадёга. Мне придется пойти вниз и раздать несколько пинков кому следует. – Он застегивает рубашку.

– Конечно. Иди. Заставь поплакать какого-нибудь мальчика на побегушках. Хочешь, я пойду помогу тебе?

– Нет, ты устала. Заказать тебе что-нибудь в номер? Принести кофе?

– Нет, ничего не нужно. Я, наверное, приму душ, пока ты ходишь. И к твоему возвращению соблазнительно развалюсь на кровати в чем-нибудь кружевном.

Джош морщится и немного поправляет брюки. Он разрывается на части, и мне его жаль.

– Ты не можешь оставить ее там, внизу, решать все проблемы в одиночку.

– Я не знаю, сколько времени это займет, надеюсь, несколько минут. Но не волнуйся, я скоро вернусь.

– Все в порядке. Я ни при каких условиях не стану целоваться с парнем, который отказывает в помощи своей расстроенной матери. Иди.

Ванная размером почти с мою спальню. Я принимаю душ, умываюсь. Когда чищу зубы, я смотрю на свое лицо, бледное, без всякого макияжа, и напоминаю себе, что он такой меня уже видел. На самом деле он видел меня и в худшем состоянии.

Взмокшей, блюющей, трясущейся в лихорадке и спящей. Он видел

меня злой, печальной, испуганной. Возбужденной, одинокой, павшей духом. Не важно, как я выгляжу. Кажется, Джоша мой вид никогда не волновал. Он всегда смотрит на меня одинаково. Понимание этого придает мне уверенности, чтобы выйти из ванной в майке с соннозавром и спальных шортах. Мне это казалось забавной идеей, но теперь я вижу кусочек своего отражения в зеркале стенного шкафа. На вид мне лет десять. Ну что ж... Люси в пеньюаре – это было бы фальшивкой.

Тишина распространяется на весь номер. Я проверяю мобильник. Ничего. Откидываю одеяло и забираюсь в постель. Не могу удержаться от стога облегчения. После напряжения последних дней, это не так страшно, как я себе представляла. Простыни быстро согреваются, и я блаженно шевелю усталыми ногами.

Опираюсь спиной на кучу подушек и включаю телевизор. Нахожу канал, где показывают «Скорую помощь». Странно, но это меня почему-то утешает. Джош, наверное, видел эту серию. Я пытаюсь найти ошибки в изображении медицинских реалий, но глаза сухие и усталые, так что очень скоро я их закрываю. Чтобы успокоить нервы, я нажимаю клавишу «Пуск» в памяти и проглатываю зевок.

Я снова там. В том вечере, когда смирила свою чертову гордыню и пришла к нему домой. В мое личное пространство счастья – так я называю его в мыслях. Я свернулась клубком на диване, мягкие подушки – колыбель для спины. Чувствую, как под весом Джоша прогибается диван, и понимаю: пока он тут, со мной все будет хорошо. Не знаю, сколько времени мы провели так. Я сижу и держусь за руки с самым восхитительным мужчиной в моей жизни. Он смотрит на меня со страстной нежностью. Глаза такие, будто он меня любит.

Теперь я понимаю, что, должно быть, задремала.

Просыпаюсь, когда солнечный луч, падающий в комнату сквозь гостиничные шторы, разделяет надвое мою подушку. Первая мысль: «Нет. Мне слишком комфортно».

Вторая мысль: «Наконец-то я увижу Джоша спящим».

Лежа лицом к лицу, соприкасаясь подушками, мы всю ночь играли в гляделки с закрытыми глазами. Каждая ресничка, изгибаясь, прилегает к его щеке, темная и блестящая. Я бы убила ради таких ресниц, но они, похоже, всегда достаются самым мужественным из мужчин. Джош обнимает мою руку, как медвежонка Тэдди. Я не испытываю ненависти к нему. Ничуть. Это катастрофа. Провожу рукой по его лбу, и он хмурится. Я разглаживаю пальцами складки.

Привстаю на локте и вижу на прикроватных часах 12:42. Приходится перепроверить себя несколько раз. Как это? Мы проспали даже полдень? Наше обоюдное утомление от последних нескольких дней имело результатом впечатляющий по продолжительности сон.

– Джош... – Какой смысл цепляться за формальности и называть его полным именем, когда мы спим в одной постели. – Во сколько свадьба?

Он вздрагивает и открывает глаза:

– Привет.

– Привет. Во сколько свадьба? – Я пытаюсь вылезти из кровати, но Джош крепче сжимает мою руку.

– В два. Но мы должны появиться раньше.

– Уже скоро час дня.

Джош немного шокирован:

– Я не вставал так поздно со времен старшей школы. Мы опоздаем. – Несмотря на это, он толкает мой локоть, как подножку велосипеда, и я плюхаюсь обратно на постель. Успеваю заметить кусочек обнаженной руки. На Джоше черная майка.

– Красивые руки.

Скольжу ладонью по одной, следя за каждым изгибом упругих, резко очерченных мускулов. Потом делаю это снова. Джош наблюдает, и в следующий раз я использую ногти. Мурашки. Ммм... Я наклоняюсь, чтобы поцеловать их.

– Ты – это что-то, Джошуа Темплман! – Я откидываю назад волосы с его лба. Они все перепутаны. Несколько минут пытаюсь привести их в порядок. – Я слишком стараюсь соблазнить тебя?

Джош придвигает меня ближе к себе. Я представить не могла, что он окажется таким любителем нежностей и уютных объятий.

– Ну, ты всегда можешь постараться еще сильнее.

Он такой милый. Лежать с ним в постели восхитительно. Без задней мысли задаю вопрос, который давно меня интересовал:

– Когда у тебя в последний раз была девушка?

Вопрос звенит в воздухе, будто я ударила в гонг. Отличная работа, Люси! Привести в постель других его женщин.

– Гм... – (Долгая пауза. Такая долгая, что я начинаю думать: или он спит, или сейчас скажет, что женат. Он слишком молод. Конечно. Это новая попытка.) – Ну... Гм...

– Только не говори, что ждешь окончания бракоразводного процесса или еще что-нибудь в этом роде.

Рука Джоша блуждает по моей спине, и я медленно опускаю голову на

его плечо. С трудом удастся держать глаза открытыми, мне так уютно. Так тепло. В окружении его запаха и хлопковых простыней.

– Нет таких мазохисток, которые хотят выйти за меня замуж.

Я немного возмущена этим заявлением.

– Кто-нибудь найдется. Ты прекрасен. Аккуратен. Высок и мускулист. У тебя высокая должность. Хорошая машина. Великолепные зубы. Ты в целом полная противоположность большинству парней, с которыми я встречалась.

– Значит, все они были... ужасные грязные тролли... безработные... и меньше тебя ростом? Как такое возможно?

– Ты, видно, читал мой дневник. Последний из моих парней был так subtilen, что мог влезть в мои джинсы.

– Но он, наверное, был милым. Чтобы быть полной противоположностью мне, он должен быть жутко милым. – Джош смотрит в стену.

– Он был, наверное. Но и ты бываешь милым. Например, сейчас ты очень мил.

Чувствую на ключице укус и весело фыркаю:

– Ладно, ты никогда не бываешь милым.

И Джош на месте укуса запечатлевает нежный поцелуй.

– И когда же ты порвала с этим миниатюрным мужичком? – Джош начинает целовать мою шею, неспешно, любовно и мягко.

Откинув голову назад, чтобы ему было удобнее, я снова вижу часы на радиоприемнике. Реальное время движется быстро. Я размышляю, есть ли у меня в сумке злаковый батончик.

– Это случилось за пару месяцев до слияния «Б и Г». Мы какое-то время не встречались. На работе было столько проблем, и я редко видела его. Потом мы договорились, что надо сделать перерыв. Да так и не завершили его.

– Прошло много времени.

– С тех пор я постоянно донимаю тебя приставаниями. Но ты не ответил на мой вопрос. погоди, не говори ничего, я не хочу знать.

Думать о том, как Джош ублажает другую женщину, слишком тяжело.

– Почему?

– Ревнива. – Я издаю стон, и Джош начинает тихо посмеиваться, но потом становится серьезным. Он до боли неловок, когда дело доходит до объяснений.

– Я встречался кое с кем, но мы порвали отношения на первой неделе после переезда в новое здание «Б и Г».

– «Б и Г» рушит отношения. – Мне хочется прикусить язык, но слова так и сыплются изо рта. – Могу поспорить, она была высокая.

– Да, довольно высокая. – Джош тянется к прикроватной тумбочке и берет с нее свои часы.

– Блондинка.

Застегивает браслет на руке и, не глядя на меня, отвечает:

– Да.

– Черт побери, почему они всегда высокие блондинки?! Могу поспорить, у нее карие глаза и она загорелая, а ее отец – пластический хирург.

– Ты читала мой дневник. – Вид у Джоша слегка встревоженный.

Я прижимаюсь щекой к его плечу:

– Я лишь предполагала, что она моя полная противоположность.

– Она была... – Джош задумчиво вздыхает, и у меня сжимается сердце. Сидящая во мне маленькая пещерная женщина, ревнивая хранительница своей территории, подходит к входу в пещеру и хмурится. – Она была просто такая милая.

– Гм... милая... Отлично.

– И у нее были карие глаза. – Джош следит, как я перевариваю сказанное.

– Это веская причина для разрыва. Знаешь что? У тебя слишком синие глаза. У нас ничего не выйдет. – Я надеялась получить умное возражение, но вместо этого он вяло отвечает:

– А ты действительно думала, что выйдет?

Теперь настал мой черед произносить «гм». Я уже наполовину заползла в свою ракушку, когда Джош выпаливает:

– Прости! Все вышло не так! Не могу удержаться от своих циничных выходов.

– Для меня это не новость.

– Вот почему у меня нет девушки. Они все меняют меня на милых парней.

Он смотрит в потолок с таким глубоким сожалением в глазах, что меня посещает ужасная мысль: он по кому-то сохнет. Высокая блондинка разбила ему сердце, переметнувшись к кому-то попроще. Это, конечно, объясняет его предубеждение против милых парней. Пытаюсь придумать, как спросить его, но он смотрит на часы:

– Нам лучше поторопиться.

Глава 22

– Пожалуйста, проведи для меня ускоренный ознакомительный курс. Кто ключевые игроки в твоём семействе? Есть ли какие-нибудь запретные темы для разговоров? Я не хочу спросить твоего дядю, где его жена, и выяснить, что она была убита. – Я роюсь в своей сумке.

– Ну, до того как прошлым вечером я перетащил в отель на своём горбу сорок пять цветочных композиций, потому что портье не мог найти гребаную тележку, я не видел свою мать несколько месяцев. Она звонит мне почти каждое воскресенье и держит в курсе того, что происходит у соседей и друзей, до которых мне нет никакого дела. Она была хирургом, в основном занималась сердцем и трансплантациями. Любительница маленьких детей и праведников. Ты ей наверняка понравишься. Она будет тебя обожать.

Вдруг замечаю, что прижала руки к сердцу. Я хочу, чтобы она меня полюбила. Ох, вот было бы здорово!

– Она скажет, что не хочет расставаться с тобой никогда. Ну ладно. Мой отец – мясник. – (Я вздрагиваю.) – Это подходящее прозвище для хирурга. Когда увидишь его, сама поймешь почему. Он в основном делал срочные операции доставленным «скорой помощью». Дома за завтраком я чего только не слышал. «Какой-то идиот проткнул себе кием горло». Автомобильные аварии, драки, неудачные убийства. Он вечно возился с пьяными, которые ободрали себе кожу при падении, или с женщинами, у которых синяки под глазами и поломаны ребра. Что бы ни случилось, он брался и исправлял все.

– Тяжелая работа.

– Мама тоже была хирургом, но мясником – никогда. Она беспокоилась о пациенте, который лежал у нее на столе. Мой отец... имел дело с мясом.

Джош сидит на подоконнике, на минуту потерявшись в своих мыслях, а я ищу одежду в сумке и даю ему возможность побыть наедине с собой. Иду краситься в ванную.

Проходит несколько минут. Я выглядываю через щелочку в двери. Отражение в зеркале, стоящем на комодe, показывает мне Джоша без рубашки, картинка славная, к тому же он расстегивает молнию чехла с моим платьем. Берет вешалку двумя пальцами, оценивающе склоняет набок голову. Потом трет ладонью лицо.

Думаю, я сделала ошибку, выбрав голубое платье.

Побег в маленький бутик рядом с работой в обеденный перерыв в четверг казался мне в тот момент хорошей идеей, но лучше бы я надела что-нибудь из своего гардероба. А теперь поздно. Джош раскладывает гладильную доску и накрывает ее рубашкой.

Я ногой отодвигаю в сторону дверь:

– Ну и ну! В какой спортзал ты ходишь? Во все?

– В тот, что на нижнем этаже здания компании «Макбридж», полквартила от работы.

Мне приходится сглотнуть целый рот слюны.

– Ты уверен, что мы должны идти на свадьбу твоего брата?

Никогда еще я не видела столько его обнаженного тела, пышущего здоровьем, медово-золотистого, безупречного. Красивые линии ключиц и бедер впечатляют. Между ними – цепочка переходящих друг в друга мышц, за каждой проглядывает четко обозначенная цель стремлений и клеточка, помеченная галочкой. На плоских квадратных мышцах груди закругленные края. Кожа на животе натянута, под ней – набор мышц, которыми я люблю во время финалов чемпионата по плаванию.

Джош гладит рубашку, и все его мышцы играют. Бицепсы и низ живота прорезаны венами, это так по-мужски. Эти вены бегут по мышцам и будто передают вам гордые слова их обладателя: «Я заработал это». На его бедрах – горные кряжи мускулов, сбегаящие к мошонке, скрытой под трусами.

Сколько решимости и самопожертвования требуется для того, чтобы просто поддерживать все это в приличном виде, уму непостижимо. В этом весь Джош.

– Почему ты так выглядишь? – спрашиваю я, задыхаясь, будто у меня сейчас случится сердечный приступ.

– Скучища.

– Мне вовсе не скучно. Может, останемся здесь, я найду что-нибудь в мини-баре и намажу тебя?

– Ого, это ты так от одного взгляда возбуждалась или еще от чего? – Он машет в мою сторону утюгом. – Иди докрашивайся.

– Для парня с такой внешностью ты ужасно застенчивый.

Джош некоторое время молчит, водит утюгом по воротнику. Я вижу, как ему нелегко стоять передо мной без рубашки.

– Почему ты стесняешься?

– Раньше я встречался с такими девушками... – Он замолкает.

Руки у меня скрещены на груди, из ушей едва не валит пар со свистом.

– С какими девушками?

– Они все... в какой-то момент давали понять, что моя личность не...

– Не – что?

– Просто я не такой замечательный, чтобы быть со мной.

Даже утюг шипит от возмущения.

– Кто-то хотел тебя только из-за твоего тела? Тебе так и сказали?

– Ага. – Джош по новой проглаживает манжету. – Это должно льстить, верно? Поначалу я полагал, что так и есть, но то же самое повторялось раз за разом. И вообще, вовсе не приятно постоянно слышать, что ты непригодный для серьезных отношений материал. – Джош склоняется над рубашкой и проверяет, нет ли следов от утюга.

Наконец-то я понимаю смысл кода, заключенного в модельках машин. *Пожалуйста, пойми меня. Настоящего.*

– Знаешь, что я думаю, по-честному? Ты все равно был бы восхитителен, даже если бы выглядел как мистер Бексли.

– Так ли ты в этом убеждена, Печенька?

Джош тихо улыбается и продолжает гладить рубашку. Меня потряхивает от необходимости объяснить ему то, что я сама еще не до конца понимаю. Точно знаю одно: мне больно думать о его пренебрежительном отношении к столь важной части самого себя. Я решаю меньше смотреть на него как на объект страсти и отворачиваюсь, пока он надевает рубашку. Она голубая, как яйцо малиновки.

– Мне нравится эта рубашка. Она, гм, очень подходит к тому, что я собираюсь надеть. – Глядя на платье, я морщусь. Подхожу к своей сумке и роюсь в ней – ищу помаду.

– Можно посмотреть? – Джош, не затянув до конца галстук, берет у меня из руки тюбик и читает надпись на доньшке. – «Огнемет». Лучше не придумай.

– Ты хочешь, чтобы я приглушила ее? – Я копаюсь в косметичке в поисках чего-нибудь подходящего.

– Мне жутко нравится этот твой красный цвет. – Он целует меня в губы, пока я не начала их красить. Потом следит за тем, как я наношу помаду, размазываю ее, водю губой по губе, снова подкрашиваю. К тому моменту, как процедура заканчивается, у Джоша такой вид, будто он что-то пережил. – С трудом могу вынести, когда ты это делаешь, – выдавливает он из себя.

– Волосы поднять или распустить?

Джошу как будто больно. Он собирает мои локоны в руку и говорит:

– Поднять. – Потом дает им упасть и снова набирает полные

пригоршни, будто это снег. – Распустить.

– То есть половину поднять, половину распустить. Перестань метаться, ты заставляешь меня нервничать. Почему бы тебе не пойти вниз и не опрокинуть стаканчик в баре? Принять внутрь куража в жидком виде. До церкви я нас довезу.

– Спускайся вниз минут через пятнадцать, ладно?

Джош уходит, и номер наполняется тишиной, как воздушный шарик. Я сажусь на кровать и смотрю на себя. Волосы рассыпаны по плечам, рот – маленькое красное сердечко. Вид у меня полубезумный. Я скидываю пижаму, надеваю утягивающее белье, чтобы сгладить все неровности тела, пристегиваю чулки и смотрю на свое платье.

Я собиралась купить что-нибудь приглушенно-синее, что можно будет надеть еще раз, но, увидев голубое платье цвета яйца малиновки, поняла: именно оно мне и нужно. Оттенка, лучше подходящего к цвету стен спальни Джоша, не найти, сколько ни старайся.

Продавщица убедила меня, что платье мне очень идет, но Джош потирал ладонью лицо так, будто понял, что имеет дело с полной психопаткой. Это отрицать невозможно. Я практически одеваю себя в цвет его спальни. Совершив несколько конвульсивных движений, я застегиваю молнию.

Пользоваться лифтом я не стала. Решила спуститься по спиральной лестнице. Будет ли у меня еще такая возможность? Жизнь стала казаться мне одним большим шансом превратить каждый мелкий штрих в воспоминание. Я спускаюсь вниз по спирали к сидящему у бара прекрасному мужчине в костюме и бледно-голубой рубашке.

Он поднимает глаза, и, взглянув в них, я вдруг ощущаю такую робость, что едва могу переставлять ноги. «Психопатка, психопатка», – шепчу самой себе, вставая перед ним и кладя локоть на стойку.

– Как ты? – спрашиваю я с трудом, но Джош не отвечает, только смотрит на меня. – Знаю, выгляжу психичкой, которая оделась в цвет стен твоей спальни.

Я застенчиво одергиваю платье. Оно в ретростиле, как для выпускного вечера, вырез глубокий, заужено в талии. Улавливаю запахи ланча, который подают в ресторане отеля, и мой живот жалобно подвывает.

Джош качает головой, мол, я идиотка.

– Ты прекрасна. Ты всегда прекрасна.

Удовольствие от этих трех слов теплом разливается в груди, и тут я вспоминаю о манерах.

– Спасибо за розы. Я ведь тебя так и не поблагодарила? Мне они

понравились. Еще никто никогда не присылал мне цветов.

– Красные, как твоя помада. «Огнемёт». Я никогда не чувствовал себя таким куском дерьма, как тогда.

– Я простила тебя, помнишь? – Я делаю шаг вперед и встаю между его коленями, беру в руку стакан. Принимаю. – Вау, чистый кул-эйд^[8].

– Мне это нужно. – Он осушает стакан не моргнув глазом. – Я тоже никогда не получал цветов.

– Все эти глупые женщины понятия не имеют, как правильно обращаться с мужчинами.

Я все еще возбуждена недавними откровениями Джоша. Конечно, сорок процентов времени он упрямый, расчетливый, неуступчивый осел, но шестьдесят процентов – полон юмора, обходителен и раним.

Кажется, я сама наглоталась кул-эйда^[9].

– Готова?

– Пошли.

Мы ждем, пока не пригонят машину. Я смотрю на небо:

– Говорят, дождь в день свадьбы – это к удаче. – После нескольких минут, проведенных за рулем, я кладу ладонь на подсакивающее колено Джоша. – Пожалуйста, успокойся. Я не понимаю, что тут такого.

Он не отвечает.

Маленькая церковь расположена в десяти минутах езды от отеля. На парковке – стая холодных с виду женщин в платьях пастельных тонов. Обхватив себя руками за плечи, они пытаются приструнить своих мужчин и детей.

Я тоже вот-вот съезжусь от холода, но Джош сгребает меня в охапку и сразу заводит внутрь, бросив на ходу: «Привет, поговорим позже» – нескольким родственникам, которые удивленно здороваются с ним, после чего мельком оглядывают меня.

– Ты грубишь. – Я улыбаюсь всем, мимо кого мы проходим, и пытаюсь держаться своей линии.

Джош поглаживает пальцем тыльную сторону моего запястья. Он вздыхает, командует:

– В первый ряд, – и тянет меня вдоль прохода.

Я маленькое облачко в воздушном потоке, который тянется вслед за истребителем. Органистка берет несколько пробных аккордов. Выражение лица Джоша, вероятно, заставляет ее нажать на клавиши и извлечь из инструмента звук, каким предупреждают об опасности блуждающие в тумане корабли. Мы подходим к передней скамье. Джош сжимает мою руку

как в тисках.

– Привет, – произносит он таким скучающим тоном, что, думаю, вполне может получить «Оскар». – Вот и мы.

– Джош! – Его мать – предположительно, это она – вскакивает, чтобы обнять сына.

Джош оставляет мою руку, и я вижу, как он заключает мать в объятия. Надо отдать должное Джошу. Хотя он и колюч, как опунция, но этим объятиям отдается полностью и от души.

– Привет, – говорит он, целуя мать в щеку. – Ты хорошо выглядишь.

– Чуть не опоздал, – отпускает замечание сидящий на скамье мужчина, но, кажется, Джош намеренно пропускает это мимо ушей.

Мать Джоша – миниатюрная женщина со светлыми волосами и ямочками на щеках. Мне всегда хотелось иметь такие. Ее светло-серые глаза туманятся, когда она откидывает назад голову, чтобы посмотреть на своего высокого красавца-сына.

– О! Да! – Она лучится от удовольствия, получив комплимент, и смотрит на меня. – А это?..

– Да. Это Люси Хаттон. Люси, это моя мама, доктор Элейн Темплман.

– Рада познакомиться с вами, доктор Темплман.

Я не успеваю и глазом моргнуть, как она привлекает меня к себе, чтобы обнять.

– Элейн, прошу тебя, называй меня так. Наконец-то здесь Люси! – восклицает она, потом отстраняется и изучает меня. – Джош, она хороша!

– Очень хороша.

– Ну, я тебя теперь никуда не отпущу, – произносит она мне, и я не могу удержаться от дурацкой улыбки.

Джош подмигивает мне: «Ну вот видишь». Он с ошалелым видом вытирает ладони о брюки. Наверное, у него церквофобия.

– Я бы держала ее у себя в кармане. Какая куколка! Давай-ка садись здесь впереди вместе с нами. Это отец Джоша. Энтони, погляди-ка на эту крошку. Энтони, это Люси.

Он нацеливает на меня свои устрашающие глаза-лазеры. Не перестаю удивляться чудесам генетики.

– Приятно познакомиться, – отвечаю я на его взгляд.

Мы смотрим друг на друга. Наверное, мне надо попытаться очаровать его. Это старый рефлекс. Я беру паузу. Изучаю его. Но решаю не следовать первому порыву.

– Привет, Джошуа, – говорит мистер Темплман, перенаправляя свои лазеры на сына. – Давно не виделись.

– Привет, – отвечает Джош и дергает меня за запястье, чтобы я села между ним и его матерью. Буфер. Делаю мысленную пометку: надо будет потом высказать ему все по этому поводу.

Элейн становится между коленями Энтони и приглаживает его волосы. Красота приручила это животное. Потом она садится, и я поворачиваюсь к ней:

– Вы, наверное, очень волнуетесь. Я однажды видела Патрика, к сожалению в не слишком приятной ситуации.

– О да, Патрик упоминал об этом во время одного из наших воскресных телефонных разговоров. Он сказал, ты плохо себя чувствовала. Пищевое отравление.

– Думаю, это был вирус, – говорит Джош, беря меня за руку и глядя ее, словно впавший в транс колдун. – И вообще, зачем он обсуждал ее болезнь с другими людьми?

Мать смотрит на него, потом на наши соединенные руки и улыбается.

– Ну, что бы это ни было, – встречаю я в разговор матери с сыном, – а я была совершенно разбита. Патрик, наверное, вообще не узнает меня сегодня. Надеюсь. Я очень благодарна вашим сыновьям за то, что помогли мне справиться с этой напастью.

Элейн смотрит на Энтони. Я невольно подвела Джоша слишком близко к слону в гостиной, которого все сознательно обходят стороной, будто не замечая отсутствия у него на груди стетоскопа.

– Цветы очень красивые. – Я показываю на букеты розовых лилий, которые стоят у каждого ряда скамей.

Элейн понижает голос до шепота:

– Спасибо, что пришла с ним. Для него это нелегко. – Она бросает на Джоша встревоженный взгляд.

Как мать жениха, Элейн вскорости просит прощения и отправляется приветствовать родителей Минди, а потом помогает нескольким пугающе пожилым людям занять предназначенные для них места. Церковь постепенно заполняется, раздается смех и радостные возгласы удивления, отмечающие встречи давно не видевшихся друзей и родственников.

Честно говоря, я не понимаю, что такого тяжелого в этой ситуации. Все выглядит достойно. Ничего не упущено. Энтони кивает гостям. Элейн целует и обнимает каждого, с кем говорит.

Только я как одинокая книга, застрявшая на полке между двумя книгодержателями, каждый из которых погружен в свои мысли. Энтони явно не любитель праздных разговоров.

Я позволяю отцу с сыном молча сидеть на полированной деревянной

скамье, держу Джоша за руку и про себя размышляю: какой тут от меня толк? Наконец Джош ловит мой взгляд.

– Спасибо, что ты здесь, – говорит он мне на ухо. – Так уже легче.

Я раздумываю над этим, пока Элейн не садится на свое место. Звучит музыка.

Патрик стоит у алтаря, бросая косые взгляды на брата, а меня оглядывая мельком, будто оценивая, полностью ли я поправилась. Он улыбается родителям и шумно выдыхает.

Появляется Минди, в широком бледно-розовом, как маршмэллоу, платье. Оно слишком экстравагантно, но она выглядит такой счастливой, когда идет по проходу, одновременно улыбаясь и плача, будто потеряла рассудок, что мне ее наряд начинает нравиться.

Минди встает перед Патриком, и теперь мне хорошо ее видно.

Елки-палки. Эта женщина сногшибательна. Не подкачай, Патрик!

Свадьбы для меня всегда заканчиваются тем, что я начинаю вести себя странно. Когда друзья молодоженов стали читать специально к этому дню написанные стихи, я расчувствовалась. Когда жених и невеста произносили обеты, я стала задыхаться, взяла у Элейн бумажный носовой платок и промокнула уголки глаз. Затаив дыхание, я следила, как молодые обменивались кольцами, и вздохнула с облегчением, когда золотые обручи, легко скользнув по пальцам, оказались на своих местах.

А когда произнесли магические слова: «Теперь жених может поцеловать невесту», я испустила счастливый вздох, словно увидела надпись «КОНЕЦ», развернувшуюся поверх этого прекрасного, застывшего во времени кинокадра.

Я смотрю на Элейн, мы обе издаем одинаковые радостные смешки и начинаем аплодировать. Мужчины по обе стороны от нас снисходительно вздыхают.

Молодые идут по проходу с новехонькими кольцами на руках, все гости встают, начинают поздравлять героев дня и выражать свои восторги. Звуки старинного органа почти тонут в этом шуме. В первый раз замечаю несколько многозначительных взглядов, брошенных на Джоша. К чему бы это?

– Они идут фотографироваться, – говорит мне Элейн, вежливо махая кому-то рукой. – Мы все сейчас отправимся в отель, немного выпьем, потом будет ранний обед и речи. В какой-то момент мы заберем Джоша ненадолго, чтобы сделать пару семейных фотографий.

– Звучит неплохо. Верно, Джош? – Я сжимаю его руку.

Последние несколько минут он был слегка рассеян. Вздвигнув,

приходит в себя.

– Конечно. Пошли.

Я бросаю взгляд через плечо на его родителей. Надеюсь, он скорее радостный, чем тревожный, а Джош тем временем берет меня под руку и выметается из церкви.

– Помедленнее, Джош. Погоди... Мои туфли... – Я едва поспеваю за ним.

Он заползает на пассажирское сиденье и со стоном выдыхает.

Я с трудом даю задний ход. Все одновременно покидают парковку.

– Ты хочешь сразу вернуться? Или предпочитаешь немного покататься по округе?

– Лучше покататься. По пути домой. Выезжай на шоссе.

– Я независимый наблюдатель. Уверяю тебя, все прошло отлично.

– Полагаю, ты права, – невесело отзывается Джош.

– Пардон? Ты не мог бы повторить это еще раз, чтобы я записала на диктофон? Поставлю в качестве оповещения, когда приходят эсэмэски. «Люси Хаттон, ты права».

Я дразню его, чтобы вывести из состояния уныния. Джош смотрит на меня:

– Могу записать текст для голосовой почты, если хочешь. Вы позвонили Люси Хаттон. Она сейчас занята – обливается слезами на свадьбе какого-то незнакомого парня и не может ответить на ваш звонок, оставьте сообщение.

– Заткнись! Наверное, я смотрю слишком много фильмов. Это было так романтично!

– Ты милашка.

– Джошуа Темплман думает, что я милашка. Он точно отмороженный.

Мы ухмыляемся, глядя друг на друга.

– У тебя, наверное, были причины пустить слезу. Мечтаешь о собственной свадьбе?

Я смотрю на него, готовая дать отпор:

– Нет. Разумеется, нет. Придумаешь же. Кроме того, мой жених – невидимка, помнишь?

– Но почему тогда свадьба чужого человека вызвала у тебя слезы?

– Наверное, бракосочетание – это один из последних старинных обрядов, сохраненных цивилизацией. Каждый хочет иметь кого-нибудь, кто будет любить его настолько, что согласится носить золотое кольцо. Ну, понимаешь, чтобы показать другим – его сердце занято.

– Не уверен, что в наши дни это имеет значение.

Я задумываюсь, как объяснить свои чувства.

– Это абсолютно примитивно. Он носит мое кольцо. Он мой. И никогда не будет твоим.

Медленная процессия машин приводит нас обратно к отелю. Я передаю ключи служителю парковки, и Джош пытается увести меня в сторону от входа в здание.

– Джош. Нет. Пойдем.

– Поднимемся в номер. – Он упирается – не сдвинуть. Весит тонну.

– Ты ведешь себя глупо. Объясни, что с тобой происходит.

– Глупо, – бормочет он. – Ничего не происходит.

– Ну, тогда мы войдем внутрь. – Я крепко беру его за руку и провожу через двери, которые открывают для нас.

Набираю в грудь столько воздуха, сколько туда помещается, и захожу в зал, наполовину заполненный Темплманами.

Глава 23

В красиво оформленном зале, примыкающем к бальному, мы проводим около двух часов, смешиваясь с гостями и входя в контакты с разной степенью неловкости. Прием с шампанским тянется бесконечно. Когда я говорю «смешиваемся», то имею в виду, что я протаскиваю Джоша сквозь череду мимолетных встреч с отдаленными родственниками, в то время как он стоит рядом со мной, наблюдая, как я заглатываю шампанское, чтобы притупить нервозность, отчего в желудке у меня пожар, будто я залила туда бензина. Каждое новое знакомство проходит так:

– Люси, это моя тетя Ивонн, сестра моей матери. Ивонн, это Люси Хаттон.

Выполнив свое предназначение, Джош занимает себя поглаживанием внутренней стороны моего запястья, проводит рукой по моей спине в поисках спрятанного под волосами кусочка обнаженной кожи или сцепляет и расцепляет наши пальцы. И все время смотрит на меня. Редко отводит взгляд. Может, восхищается моей способностью поддерживать бессмысленные разговоры.

Через некоторое время мать забирает его в сад, и я наблюдаю через окно, как Джош позирует с родными. Принужденно улыбается. Заметив, что я шпионю, кивком выманивает меня на улицу, и мы оказываемся лицом к лицу у красивейшего куста роз. Когда щелкает затвор камеры, старая версия меня качает головой от удивления: как мы дошли до жизни такой? Я и Джошуа Темплман пойманы улыбающимися. Какое бы то ни было развитие отношений между нами кажется невозможным. Куда уж дальше.

Джош разворачивает меня и берет мой подбородок в ладони. Я слышу слова фотографа: «Замечательно». Снова щелчок затвора, и я забываю обо всем в тот миг, когда губы Джоша касаются моих. Мне хотелось бы избавиться от прежнего недоверия к нему, но все это слишком похоже на сладкий послеобеденный сон. Что-то подобное со мной уже случилось. И как же я потом себя ненавидела.

Замечаю на другой стороне лужайки Патрика и Минди. Они сплелись в романтической позе перед другой камерой, и я вдруг понимаю, что и моя поза тоже довольно-таки романтическая. Мужчина, который столько времени меня ненавидел, теперь красуется вместе со мной, прижимает к себе на глазах у публики. Когда мы возвращаемся в помещение, он целует меня в висок. Опускает губы к моему уху и шепчет, что я прекрасна. Меня

разворачивают на девяносто градусов, представляют еще паре родственников. Он демонстрирует меня.

В чем я еще не разобралась, так это почему?

Каждое новое знакомство после обсуждения того, как прекрасно выглядит Минди и как хорошо прошла церемония, приводит к неизбежному вопросу:

– Ну, Люси, как вы познакомились с Джошем?

– Мы встретились на работе, – внес свой вклад в беседу Джош в первый раз, когда тишина истончилась до предела, и эти слова стали моим ответом по умолчанию.

– О-о... А где вы работаете? – следующий вопрос.

Никто из его родных не имел ни малейшего представления о том, чем занимается Джош. Тут все испытывают неловкость, как будто бросить медицинскую школу – это нечто такое, чего надо стыдиться. По крайней мере, слова «издательский дом» звучат гламурно.

– Так приятно видеть тебя с новым человеком, – говорит Джошу еще одна пожилая тетюшка. Она смотрит на меня многозначительным взглядом. Может, про Джоша шепчутся, что он гей.

Я прошу извинить нас и затаскиваю Джоша за колонну.

– Тебе придется тоже поучаствовать. Я устала. Теперь моя очередь стоять сбоку и поглаживать тебя, пока ты разговариваешь.

Мимо проходит официант и предлагает мне еще одно крошечное канапе. Он уже знает меня, потому что я успела проглотить штук двенадцать. Я его лучший клиент. Жду не дождусь обеда, который, по словам официанта, начнется ровно в пять. Смотрю на часы на руке Джоша и понимаю, что до тех пор, наверное, умру с голоду.

– Я не знаю, что говорить. – Он замечает пейнтбольный синяк у меня на руке и начинает сосредоточенно возиться с ним.

– Спрашивай людей о них самих, обычно это работает. – Я остро сознаю, сколько гостей украдкой поглядывают на нас. – Может, объяснишь, почему все смотрят на меня, как на невесту Франкенштейна. Не обижайся, но ты еще тот чудила.

– Ненавижу, когда меня спрашивают обо мне самом.

– Я заметила. Никто о тебе ничегошеньки не знает. И ты не ответил на мой вопрос.

– Они смотрят на меня. Большинство не видело милягу Джоша с момента Большого Скандала.

– Поэтому ты хотел, чтобы я сыграла твою девушку? Чтобы все забыли, что ты не доктор? Лучше бы ты ходил и раздавал всем свои

визитки. Перестань трогать меня. Я не могу сосредоточиться. – Я выдергиваю у него свою руку.

– Кажется, я уже не могу остановиться, раз начал. – Джош сгребает меня в охапку, притягивает к себе и говорит мне в ухо: – Ты везде такая мягкая?

– А ты как думаешь?

– Я хочу узнать. – Его губы трутся о мочку моего уха, и я забываю, о чем мы говорили.

– Почему ты ведешь себя так, все время целуешь меня, как любовник? – Я смотрю ему прямо в глаза и, когда слышу ответ, понимаю: он чего-то недоговаривает.

– Я же сказал. Ты моя моральная поддержка.

– Зачем она тебе? Я что-то упускаю? – Мой голос становится немного резким, и к нам оборачиваются несколько человек из тех, что сидят поближе. – Джош, такое ощущение, что мне стоит ждать подвоха.

Он проводит рукой по моей шее сверху вниз. Меня пробирает дрожь, и он видит это. Когда он наклоняется, чтобы запечатлеть поцелуй на моих губах, веки у меня опускаются, и в мире не остается ничего и никого, кроме Джоша. Я хочу существовать только здесь; в темноте чувствую прикосновение его руки к моей пояснице. Его губы говорят мне: «Люси, перестань суетиться». Это нечестно.

Я открываю глаза. Пара, которую я принимаю за родителей Минди, явно обсуждает нас. У обоих глаза назойливо скачут по мне – изучают и делают выводы.

– Хватит пытаться отвлечь меня. Нам нужно пережить обед. Ты собираешься находить темы для разговоров со своими родственниками? Чего ты так робеешь? – И тут до меня доходит, что я сказала. – О-о... Потому что ты робкий. – Это новое открытие позволяет мне посмотреть на Джоша под несколько другим углом зрения. – Я все время считала, что ты просто высокомерный осел. Так я думала. Но тут есть кое-что еще. На самом деле ты невероятно застенчивый.

Джош моргает, и я понимаю, что попала в точку.

В груди рождается странное чувство. Оно растет, увеличивается вдвое и еще больше, не останавливаясь. Моя грудь словно подушка, которую все быстрее и плотнее набивают пухом и перьями. Я не понимаю, что творится, но ощущение это подбирается к самому горлу, и я уже не могу вдохнуть. Джош, кажется, видит: со мной что-то происходит, но не пытается надавить на меня и выяснить, в чем дело. Вместо этого одна его рука ложится мне на плечи, а другая поддерживает голову. Я снова пытаюсь заговорить, но

ничего не выходит. Он просто держит меня, а я беспомощно хватаюсь за лацканы его пиджака, и красный холл вдалеке сверкает, как драгоценность.

– Джош, – говорит Элейн, – вот ты где. – Ее голос теплеет.

Джош оборачивается, не отпуская меня, мои туфли скользят по мраморному полу.

Глаза Элейн разгораются, когда она смотрит на нас двоих.

– Когда вы будете готовы, присоединяйтесь к нам. Вы за нашим столом.

– Я приведу его.

Распирающее грудь чувство слегка ослабевает, когда я понимаю, что она счастлива видеть сына рядом с кем-то. Я выпрямляюсь, и руки Джоша сползают к моей пояснице. Люди неспешно заходят в столовую, чтобы занять свои места. Я вижу, как, проплывая мимо, они выгибают шею, чтобы взглянуть на нас.

– Кто я? – Я делаю последнюю попытку. – Твоя экономка? Учительница фортепиано?

– Ты Печенька, – просто отвечает он. – Не нужно ничего выдумывать. Пошли. Давай покончим с этим.

Приближаясь к нашему столу, я ощущаю легкий трепет. Джош деревенеет. Мы садимся на стулья и проводим несколько минут, изучая украшения стола и карточки с нашими именами. Другие напечатаны, но моя надписана от руки, полагаю, потому, что мое присутствие было подтверждено в последний момент.

За столом сидят восемь человек. Я, Джош, его мать и отец, родители Минди, а еще ее сестра и брат. Я за главным семейным столом. Если бы знала, что так будет, когда внезапно предложила Джошу свои услуги в качестве шофера, то шлепнула бы себя по лицу для отрезвления.

Болтаю о том о сем с братом Минди, который сидит слева от меня. Звенят бокалы. Я молюсь про себя: пусть Джош что-нибудь скажет, все равно что, и уже готовлюсь ткнуть его в бедро, когда тишину нарушает Элейн. Звучит вопрос, которого я боялась.

– Люси, расскажи нам, как ты познакомилась с Джошем.

Я внутренне сжимаюсь. Сегодня мне пришлось ответить на этот вопрос как минимум восемь раз, и раз от раза легче не становилось.

– Ну... ну... ух...

Вот дерьмо! Я выгляжу как эскорт-девица с почасовой оплатой, которая не придумала заранее, как поудачнее соврать. На чем мы там сошлись? Я Печенька? Не могу же я это им сказать. Если бы я имела намерение унижить Джоша, то сейчас было бы самое время. Почти могу

представить себе, как говорю: «Он заставил меня прийти».

– Мы вместе работаем, – спокойно произносит Джош, разрывая на половинки свой хлеб. – Познакомились на работе.

– Служебный роман, – говорит Элейн и подмигивает Энтони. – В лучшем виде. Что ты о нем подумала, когда впервые обратила на него внимание?

Прирожденных романтиков я опознаю с первого взгляда. Элейн – из тех матерей, которые воспринимают любой комплимент в адрес своего отпрыска как комплимент себе. Она смотрит на Джоша, вкладывая в этот взгляд всю свою душу, и я не могу удержаться, чтобы не влюбиться в нее тоже.

– Я подумала, вот это да, какой он высокий.

Все, кроме Энтони, смеются. Он изучает вилку, проверяя на чистоту.

– А ты какого роста, Люси? – спрашивает Диана, мать Минди. Еще один ужасный вопрос.

– Целых пять футов. – Мой стандартный ответ, который всегда возбуждает смех.

Официанты начинают разносить закуски, и мой живот издает голодное урчание.

– А ты что подумал, когда увидел Люси? – подталкивает разговор Элейн.

С тем же успехом мы могли бы сидеть в центре стола, как украшения. Это становится глупо.

– Я подумал, что такой прекрасной улыбки еще никогда не видел, – отвечает Джош, как будто по-другому и быть не могло.

Диана и Элейн переглядываются, прикусывают губы, округляют глаза и вскидывают брови. Мне знаком этот взгляд. Так смотрят обнадеженные матери.

Но даже я сама не могу удержаться и выдаю:

– Правда?

Если он лжет, то делает это превосходно. Я знаю его лицо лучше, чем свое собственное, и не могу прийти к окончательному выводу. Джош кивает и жестом указывает на мою тарелку.

Я узнаю, что Патрик и Минди собираются провести медовый месяц на Гавайях.

– Всегда хотела там побывать. Мне нужно солнце. Хорошо бы поехать в отпуск прямо сейчас. – Я отодвигаю тарелку, которую практически вылизала дочиста, и вспоминаю, что на горизонте маячит поездка на «Скай даймонд строуберис». Начинаю говорить об этом Джошу, потому что он так

очарован этим местом, но его мать прерывает меня.

– Работы много? – спрашивает она.

– Много, – киваю я. – И у Джоша тоже.

Замечаю, что Энтони тихонько фыркает и пренебрежительно отводит взгляд. Похоже, этот способ выражать чувства всем знаком. Джош мрачнеет, а Элейн хмуро смотрит на мужа.

Подают основное блюдо, и я начинаю с удовольствием расправляться с ним. Тонкие, как волоски, линии напряжения постепенно рассекают застолье. Может, я слишком медленно соображаю, но причину этого выявить не удастся. Сказать по правде, Энтони вообще мало говорит, но кажется вполне приятным человеком. Элейн становится напряженной, улыбка у нее неестественная, но она пытается поддерживать легкую атмосферу за столом. Я замечаю, как она бросает на Энтони умоляющие взгляды.

Официанты убирают тарелки, и я вижу, что главные действующие лица готовы произносить речи. Энтони достает из внутреннего кармана карточку с заметками. Пока проверяют микрофоны, я пододвигаю свой стул ближе к Джошу, и он кладет руку мне на плечи. Я прислоняюсь к нему.

Сначала речь произносят шафер и подружка невесты. Потом отец Минди говорит о том, как он счастлив принять в семью Патрика; искренние нотки в его голосе вызывают у меня улыбку. Он сообщает всем о своей радости по поводу обретения сына. Джош прижимает меня к себе, я не сопротивляюсь.

Следом на подмости выходит Энтони. Он заглядывает в свою карточку с выражением, близким к отвращению, затем наклоняется к микрофону:

– Элейн написала мне несколько предложений, но, думаю, я сокращу их. – Говорит он медленно, делая акценты, с оттенком сарказма, и я начинаю понимать: эта манера в семействе Темплман передается по наследству.

По залу прокатывает смех, Джош подбирается.

– Я всегда ожидал от своего сына больших успехов. – Энтони подходит к краю подиума и оглядывает гостей. Выбором слов он намекает, что у него есть только один сын. Хотя, может быть, я слишком много пытаюсь извлечь из них. – И он меня не разочаровал. Ни разу. Никогда не раздавались от него звонки, каких боятся все родители. «Привет, пап, я застрял в Мехико». Ничего такого не случилось с Патриком.

Смех в зале усиливается.

– Со мной тоже, – бормочет мне на ухо Джош.

– Он закончил учебу в числе лучших пяти процентов учеников. Следить за тем, как он превращается в мужчину, которого вы видите здесь, было радостью и большой привилегией. – Энтони повышает голос. – Путь Патрика – это постоянное накопление силы, шаги от успеха к успеху, и товарищи его весьма уважают.

Я не могу уловить в его тоне каких-то особых эмоций, но он задерживает взгляд на Патрике немного дольше положенного.

– Должен признаться, в тот день, когда Патрик окончил медицинскую школу, я увидел в нем себя. И это было облегчением – знать, что наша медицинская династия продолжится.

Слышу, как у меня за ухом Джош резко вдыхает. Его рука на моем плече все больше напоминает тиски.

Энтони поднимает бокал:

– Но я верю, что ты не сильнее, чем твоя избранница, с которой ты решил прожить жизнь. И сегодня, женившись на Мелинде, Патрик снова дал мне повод для отеческой гордости. Минди, позволь сказать тебе, ты выбрала себе в мужа выдающегося Темплмана. Минди, добро пожаловать в нашу семью!

Мы поднимаем бокалы, а Джош нет. Я оглядываюсь через плечо и вижу двоих, которые, склонив друг к другу головы, перешептываются и следят за нами. Мать Минди смотрит на Джоша с явным сожалением.

Минди и Патрик разрезают торт и кормят друг друга. Я мечтала о таком угощении большую часть дня и не разочаровалась. Передо мной появляется огромный кусок чего-то шоколадного и увесистого.

– Прекрасная речь. Спасибо за это маленькое замечание, – говорит Джош своему отцу.

– Это была шутка. – Энтони улыбается Элейн, но она не рада.

– Смешно. – Ее взгляд становится ледяным.

Я знаю, когда нужно сменить тему.

– Торт выглядит как настоящая шоколадная смерть. Надеюсь, это не слишком рискованно.

– Вы бы удивились, какой вред сосудам приносит высококалорийная диета, – вставляет свое слово Энтони.

– Но ведь иногда полакомиться можно? Я на это надеюсь, – говорю я и засовываю в рот кусок торта.

– В идеале нет. Стоит насыщенным жирам, трансжирам, попасть в ваши артерии, и они уже оттуда не уберутся. Если только у вас не случится сердечный приступ и кто-нибудь вроде Элейн не придет вам на помощь.

– Он довольно строг к себе, – уверяет меня Элейн, а я со звоном кладу

вилку на тарелку и прижимаю руки к груди. – Полакомиться – это нормально. Более чем нормально.

– Она спросила мое мнение, и я высказал его, – мрачно оправдывается Энтони.

Я замечаю, что на его тарелке торта нет. Это напоминает мне общее собрание. Джош тоже не ел сладкого. Кошусь в сторону и, к своему удивлению, обнаруживаю, что Джош взялся за вилку и уплетает торт. Это делается демонстративно, в пику отцу. Мы снова и снова подносим куски сладкого яда к своим жадным ртам. Лоб Энтони покрывается складками. Ему отвратительно это зрелище. Очевидно, он не привык, чтобы его мудрыми советами пренебрегали.

– Потакание себе – лукавая вещь. Бывает трудно вернуться к норме, если вы начали поддаваться своим прихотям.

Энтони говорит не о торте. Джош со стуком бросает вилку.

Элейн выглядит расстроенной.

– Энтони, прошу тебя! Оставь его в покое.

– Идем со мной, – говорю я Джошу и слегка удивляюсь, когда он безропотно встает и направляется следом за мной в неосвещенный конец танцплощадки.

– Не мог бы ты мне объяснить, что происходит? Это напряжение мучительно. Прости, но твой отец тот еще стервец. Он всегда такой?

Джош ерошит рукой волосы:

– Каков отец, таков и сын.

– Нет, ты не такой. Он стержовничает, и твоя мама расстроена. Речь он произнес очень странную. – Каждый раз, как я встаю на защиту Джоша, от сознания этого будто получаю удар под дых. Я беру его за руку, сжатую в кулак, и глажу костяшки.

Джош следит за моими пальцами.

– Обед закончен. Мы справились. Это все, что меня волновало.

– Но почему такое ощущение, что все глаза прикованы к тебе? Все на тебя таращатся, будто проверяют, выдержишь ли ты. Как на плакате «Не сдавайся, крошка».

– Думаю, все они придут к заключению, что я не так уж сильно страдаю. – Он обвиняет рукой мою талию, тепло его лести ударяет мне в кровь вместе, вероятно, с двумя тысячами дополнительных калорий, поглощенных с тортом.

– Они ошибаются. Никто не заставляет тебя страдать так, как я. – За свое остроумие я достаиваюсь улыбки. – Ты в порядке? Пожалуйста, расскажи мне об этом Большом Скандале, ведь все о нем шепчутся. Не

могу представить, что твое решение отказаться от карьеры врача могло произвести такой переполох.

Не часто доводилось мне видеть, как Джош впадает в прострацию, но сейчас происходит именно это.

– Ну, это долгая история. Сперва – в уборную.

– Если ты сбежишь через окно, я очень разозлюсь.

– Я вернусь. Обещаю. И расскажу тебе всю эту чудесную историю. Ты побудешь тут минутку?

– Я уже подружилась с половиной людей в этом зале, помнишь? Уверена, не останусь без компании, найду кого-нибудь, с кем скоротать время. – Я смотрю ему вслед и принимаю самую небрежную позу, какую только могу изобразить.

Я еще не разговаривала с Минди. На улице ее все время окружали фотографы, но она улыбалась мне, и у меня сложилось впечатление, что она милая. Сейчас она недалеко от меня, оживленно беседует с какой-то пожилой парой. Когда ее собеседники отходят, я улыбаюсь и неуверенно машу рукой. Ей, наверное, не слишком приятно видеть на своей свадьбе чужих людей.

– Привет, Минди. Я Люси. Я с Джошуа, то есть я его «плюс один». Спасибо, что принимаете меня здесь. Церемония прошла отлично. И твое платье просто бесподобное!

– Очень приятно! Я умирала от желания познакомиться с тобой. – Она широко улыбается, ее темные глаза светятся нескрываемым интересом, когда она меня оглядывает. – Ты девушка, которая растопила ледяного мужчину.

– О! Гм... Не знаю, как насчет растопила... Ледяного мужчину? – Ничего лучше сказать не получается.

– Ты знаешь, что мы с Джошем встречались целый год? – Она делает быстрый взмах рукой, как будто это ничего не значит.

– Что? Нет. – Я чувствую, как сводит мышцы живота. Все сильнее и сильнее.

Минди прикладывает руку к волосам и поправляет безупречную прическу. Она блондинка. Высокая, загорелая и с карими глазами. Она – Высокая Блондинка.

Рот у меня, вероятно, стал идеальной окружностью. Я онемела. Теперь все встало на свои места. Каким унижением было бы явиться на свадьбу своей бывшей без подружки! Особенно когда она выходит замуж за твоего брата!

– Ты давно познакомилась с Патриком? – Я пытаюсь говорить ровным

голосом, но звучит это так, словно я навигатор в машине.

– Конечно, я была знакома с ним, когда встречалась с Джошем. Пока тянулась вся эта история со слиянием фирмы Джоша, я начала общаться с Патриком, пыталась понять, почему Джош так отстраняется от меня. Он не большой любитель разговоров, как ты знаешь.

Я смотрю на всех этих незнакомцев, которые пялились на Джоша весь вечер. Они удивлялись, как ему удастся справиться с эмоциями при виде этой прекрасной женщины, которая выходит замуж за его брата. Год. Они определенно спали друг с другом. Эта гибкая, как ива, безупречная блондинка лежала в его постели. Целовала его губы. Я сглатываю горечь.

– Мы с Патриком сошлись очень быстро. Это было как водоворот. Помолвка состоялась полгода назад. Я все еще чувствую неловкость из-за этой ситуации, но мы с Джошем не подходили друг другу. Иногда его настроения пугали меня. Я и сейчас плохо понимаю, о чем с ним говорить. Прости, я веду себя грубо. Пожалуйста, не передавай ему, что я так сказала.

Я чувствую, что вот-вот расплачусь, и Минди следит за мной со все возрастающей тревогой.

– Прости, Люси, я думала, он рассказал тебе. Он так счастлив с тобой. Я представить себе не могла, что Джош может быть настолько очарован кем-то. Со мной он никогда таким не был. Думаю, это легко объяснить. Импульсивные мужчины вроде него обычно влюбляются очень сильно, если с ними вообще такое случается.

Я заставляю себя улыбнуться, выходит неубедительно. Не хочу стать ответственной за разрушение свадебной эйфории Минди, но внутри я сломлена. Как могла я быть такой глупой, чтобы решить, будто Джош водит меня везде с собой, выставляет напоказ просто так, без причины? Я моральная опора, пока он на свадьбе своей бывшей. Если это не называется «взять девушку напрокат», тогда что это? Не знаю.

– О Люси, прости, что расстроила тебя, особенно если у вас все еще только начинается. Но Джош твой.

Я выдавливаю из себя вялый смешок. На самом деле это не так.

– Патрик тоже очень удивлен. Как он сказал? Что-то вроде: «Никогда не видел Джоша таким, кажется, у него и впрямь есть сердце».

– У него есть сердце. Эгоистичное, но тем не менее сердце.

Какой-то человек, похожий на распорядителя свадьбы, делает знак Минди, и она машет рукой.

– Его сердце целиком твое, – говорит Минди и похлопывает меня по руке. – Сейчас я буду бросать букет. Прицельсь в тебя.

Она пробирается между гостями, полная достоинства и грации. Мне

такой никогда не быть.

Меня сзади обхватывают чьи-то руки. Поцелуй в шею приглушает волосы. Но воздействие его такое сильное, что я сглатываю. Диджей начал созывать одиноких леди на танцплощадку. От волнения у меня подводит живот. Ладони потеют. Мне нужно обратиться отсюда.

– Привет. Где же все твои новые друзья? – Джош начинает подталкивать меня к прибывающей числом группе претенденток на обладание букетом.

– Нет, Джош. Я не могу.

Люди смотрят на нас. Я на грани того, чтобы устроить сцену, но знаю, что не устрою. Слезы и паника копятся внутри. Обычно чуткий, сейчас Джош ничего не замечает.

– Где твой соревновательный дух?

Он напоследок еще раз толкает меня, и я ввинчиваюсь в разношерстную толпу женщин, которые ранжируются от шепелявых девчушек до женщины в возрасте чуть за пятьдесят, которая разминается словно перед состязанием. Все смотрят на букет. Он красивый. Нет среди нас такой, кто не хочет его заполучить.

Вижу в стороне мать Джоша. Она улыбается мне. Потом улыбка гаснет, глаза наполняются тревогой. Кто знает, что написано на моем лице. Минди ловит мой взгляд, и я читаю в ее глазах искреннее сожаление: ах, зачем она меня расстроила! Джош меняет позицию, чтобы лучше видеть всю сцену, они с матерью переглядываются. Элейн делает жест рукой, он пригибает голову, и она что-то говорит ему, после чего Джош бросает на меня быстрый взгляд.

Это слишком.

– Начинаем! – Минди поворачивается спиной к нам и делает несколько пробных движений – выверяет траекторию броска. Букет собран из розовых лилий.

Я едва замечаю цветочный шлепок в грудь. Букет падает в выжидательно подставленные руки маленькой девочки, которая визжит от восторга. Публика качает головами и смеется над моей неуклюжестью. Каждый поворачивается к соседу со словами: «Она должна была поймать его».

Я сильно разочарована. Букет был мой, но я упустила его. Курок напряжения взведен, я вот-вот выкину какой-нибудь фортель.

Вежливо смеюсь и отхожу к другому краю танцевальной площадки, пробираясь между зрителями. Теперь я сбегу. Мне нужно выбраться из этой комнаты. Я знаю, Джош пойдет за мной, поэтому вместо поиска

убежища в наиболее очевидном месте – дамской комнате – я спускаюсь по служебной лестнице и оказываюсь в саду позади отеля.

Несколько парней в белых рубашках и при галстуках курят и тыркают в свои мобильники. На меня они смотрят со скучающими лицами. Я ускоряю шаг, постепенно перехожу на легкую трясцу. Шпильки туфель едва касаются земли. Мне хочется бежать без остановки до воды, прыгнуть в лодку и уплыть на необитаемый остров.

Только тогда я смогу посмотреть в глаза реальности.

У меня есть чувства по отношению к Джошуа Темплману. Необратимые, глупые и опрометчивые. Почему же мне так больно? Почему все во мне до боли жаждет сжать в руках свадебный букет и увидеть, как этот парень улыбается? Я неверным шагом бреду вдоль кромки воды.

Сзади приближаются торопливые шаги, слишком торопливые. Я заталкиваю вглубь себя вал негодования и открываю рот, чтобы спокойно высказать ему все, что накипело.

Потом вижу мать Джошуа.

Глава 24

– О, это вы, – кое-как выдавливаю я из себя. – Я тут... просто дышу воздухом.

Элейн смотрит на меня, расстегивает сумочку и достает упаковку бумажных носовых платков. Я смущенно прижимаю один из них к глазам и отнимаю мокрым. Надо же.

Мы стоим и смотрим на воду, которая мрачно поблескивает под темнеющим вечерним небом. Я слишком расстроена и не соображаю, что готова излить душу перед матерью Джоша. Мне сейчас сгодится любое сочувственное ухо. Непохоже, что я еще когда-нибудь увижусь с этой женщиной.

– Он никогда не говорил мне о Минди.

Элейн сердито смотрит назад:

– А следовало бы. Плохо, что ты узнала обо всем вот так.

– Теперь все встало на свои места. Поверить не могу, что была настолько глупа. То, как он себя вел... это же просто невероятно.

– Как будто влюблен в тебя.

– Да. – Голос у меня слегка дрожит. – Однажды он сказал мне, что он хороший актер... Я не могу поверить в его чувства.

Элейн молча кладет руки мне на плечи. Чувствую, как слабый огонек глупейшей надежды гаснет в моем сердце в этот момент.

– Я не думаю, что это была игра с его стороны. – Элейн кривит губы.

Слово «игра» отзывается во мне болью.

– О, простите меня, но вы не представляете, как хорошо он умеет играть. Он делает это каждый день в рабочее время с понедельника по пятницу. На этот раз впервые он играет со мной в выходные.

Элейн смотрит мимо меня, и я замечаю силуэт Джоша, который возбужденно шагает вдоль здания. Элейн качает головой, и Джош останавливается.

– Почему ты пришла сегодня? – Ей искренне интересно.

– Я перед ним в долгу. Он сказал, что я нужна ему как моральная поддержка. Я не знала почему, но все равно приехала. Думала, это как-то связано с тем, что он бросил изучать медицину. А теперь узнаю, что его бывшая девушка выходит замуж за его же брата! Я будто героиня мыльной оперы.

Элейн поддерживает меня, взяв рукой за локоть. Когда она начинает

говорить, в уголках ее рта играет загадочная улыбка.

– Я беседую с ним по воскресеньям и знаю тебя столько же времени, сколько и он. Прекрасная девушка с самыми голубыми глазами, самыми красными губами и иссиня-черными волосами. Он описывает тебя как героиню сказки. Только не уверен, принцесса ты или злодейка.

Я засовываю руки в волосы:

– Злодейка. Я чувствую себя самой большой идиоткой в мире из-за того, что поверила, будто в один прекрасный день он может быть... – Закончить фразу я не могу.

– Ты та самая девушка, кого он называет Печенькой. Когда я впервые услышала это прозвище, я все поняла. Говорю тебе, он никогда и ни на кого не смотрел так, как на тебя.

Меня начинает раздражать эта милая женщина. Совершенно ясно: она настолько предвзята, что я не могу больше использовать ее в качестве защитного экрана. Она не поверит, что ее сын способен совершать поступки, которые причиняют кому-то такую боль. Я открываю рот, но Элейн решительно останавливает меня:

– Он встречался с Минди. И я очень рада, что теперь она моя невестка. Эта девушка чудо как хороша. Золушка не нашла бы, в чем упрекнуть Минди.

– Она милая. Не в ней моя проблема.

– Но она никогда не бросала вызова Джошу. А ты бросила. В первый день знакомства. Ты злишь его. А сама не боишься. Ты старалась понять его, хотя бы для того, чтобы одерживать победы в ваших маленьких офисных битвах. Ты его заметила.

– Я старалась не замечать.

– И Джош, и его отец – люди с непростым характером. Некоторые мужчины – воплощение идеала. Патрик, к примеру. Рассудительный, спокойный, любит пошутить. У Джоша и для него есть прозвище – мистер Милый Парень. Это верно. Но любить такого, как Джош, может только сильная женщина. И я думаю, это ты. Патрик – открытая книга. Джош – сейф. Но он того стоит. Ты мне неверишь, и я не могу винить тебя за это сегодня, но его отец такой же.

Элейн машет Джошу, и тот идет к нам большими шагами.

– Пожалуйста, не будь с ним сурова. Ты могла бы поймать букет, – упрекает она меня напоследок. – Если бы немного выставила вперед руки.

– Я не могла.

Элейн целует меня в щеку и обнимает с такой теплотой, что я закрываю глаза.

– Однажды ты сможешь. Если решишь остаться, семейный завтрак в десять утра в ресторане. Я была бы очень рада видеть вас обоих. – Она уходит по дорожке, где пересекается с Джошем.

Они проводят краткое неотложное совещание. Отлично. Она предупреждает моего врага, с чем он встретится. Я так устала стоять здесь, у воды, под открытым небом. Иду и сажусь на бетонную скамью. Пытаюсь запихнуть сердце обратно в грудь. Даже мать Джоша думает, что он влюблен.

– Я узнал о твоём разговоре с Минди. – На протяжении двадцати ярдов, которые отделяли его от меня, он, несомненно, успел сформулировать оправдания.

– Отлично сработано! Ты одурачил меня.

– Одурачил? – Джош садится рядом со мной и пытается взять меня за руку, но я ее отдергиваю.

– Давай разберемся. Я знаю, что ты демонстрировал меня Минди и ее родным. Может, следовало нанять кого-нибудь покраще?

– Ты и правда считаешь, что оказалась здесь из-за этого? – У него хватает наглости выглядеть потрясенным.

– Представь себя на моем месте. Я везу тебя на свадьбу своего бывшего парня и при этом не могу от тебя отлепиться. Я делаю все, чтобы ты почувствовал себя особенным. Важным. Из-за меня ты чувствуешь себя неотразимым. – В моем голосе появляется дрожь. – А потом ты все узнаешь, вдруг остаешься один на один со своими мыслями и пытаешься понять: а случившееся между вами вообще реально?

– То, что ты здесь, не имеет к Минди никакого отношения. Совсем.

– Но она – Высокая Блондинка, с которой ты порвал после слияния, верно? Это о ней мы говорили сегодня утром в постели. Та, что разбила тебе сердце. Почему ты просто не рассказал мне все утром? – Я закрываю лицо руками и ставлю локти на колени.

Джош отворачивается:

– Мы были в постели, и ты только-только начала смотреть на меня без ненависти. А она вовсе не разбивала мне сердце.

Я обрываю его:

– Я переживу, что меня взяли напрокат для свидания, но тебе нужно было честно мне все рассказать. Это хреново, сказать по правде, и я зла на себя за то, что не предвидела от тебя такой подлянки.

Джош начинает терять терпение. Он кладет руку мне на плечо и мягко поворачивает меня к себе. Мы смотрим в глаза друг другу.

– Я хотел, чтобы ты оказалась здесь, потому что всегда хотел быть с

тобой. Мне плевать, что она вышла за Патрика. Для меня это старая история. Как я мог сказать тебе об этом утром и разрушить прекрасный момент? Я знал, как ты отреагируешь. Вот именно так, как сейчас.

– Ты прав, черт тебя возьми, я реагирую так! – Как огнедышащий дракон со слезящимися глазами. – Разве я не спрашивала тебя специально, нет ли тут какой-нибудь душещипательной истории, о которой мне нужно знать, чтобы быть во всеоружии? Ты мог бы сказать мне все еще на работе. Много дней назад. Не сейчас.

– Если бы ты знала обо всех этих обстоятельствах, то никогда не согласилась бы поехать. Ты бы отказалась верить, что эти выходные нечто большее, чем простая формальность. Твоя реакция ни при каких условиях не могла быть положительной.

Я неохотно признаюсь себе, что, вероятно, он прав. Даже если бы ему удалось заставить меня приехать, я выдумала бы себе характер и точно налепила бы накладные ресницы.

Джош прикасается кончиками пальцев к моему запястью:

– Я был сосредоточен на других вещах, хочешь верь, хочешь нет. На маминых приготовлениях по украшению зала. На настроении отца. Уровне сахара у тебя в крови. Рассказ о Минди отошел далеко на второй план. – Джош смотрит вдаль и ослабляет галстук. – Минди – приятный человек. Но я привез тебя сюда не для того, чтобы показать ей, как хорошо я справился со своими чувствами к ней. Мне все равно, что она думает.

– Не могу поверить, что тебя это совсем не беспокоит.

На лице Джоша никаких эмоций, он переводит взгляд на воду и о чем-то задумывается.

– Она никогда не стала бы моей женой, давай определим это раз и навсегда. Мы были не пара.

Услышав от Джоша слова «моей женой», я замираю. Глаза остекленели и не моргают. Зрачки расширились до размера монет. Ужас, паника и страх утраты жгут изнутри, иссушая горло. Мне не хочется разбираться, почему меня раздирают все эти чувства. Лучше кинуться в воду и уплыть.

Джош искоса смотрит на меня, в лице напряжение.

– Теперь, когда я признал, что ты здесь не как часть тщательно продуманного плана мести, можешь мне объяснить, почему тебя это так волнует? Опустим мою предполагаемую ложь и то, что люди на нас пялятся. Люди, которых ты больше никогда не увидишь.

Тут мы подбираемся слишком близко к моим новым запутанным чувствам. Несколько долгих мгновений я пытаюсь подобрать ответ,

который звучал бы хоть наполовину убедительным, но мне это не удастся. Тогда я встаю и направляюсь к отелю, ноги не очень слушаются, но Джошу тем не менее приходится ускорять шаги, чтобы поспеть за мной.

– Погоди.

– Я еду домой на автобусе.

Я пытаюсь закрыть перед ним двери лифта, но он легко проскальзывает внутрь, развернув плечи. Нажимаю кнопку нашего этажа и откапываю в сумочке телефон, чтобы посмотреть расписание автобусов. Сколько сейчас времени, я не представляю. У меня несколько пропущенных звонков. Джош пытается заговорить, но я поднимаю вверх раскрытую ладонь и держу ее так, пока он не скрещивает на груди руки, сопровождая этот жест досадливым вздохом.

Рассеянно просматриваю, кто звонил. Дэнни пытался связаться со мной пару раз за вечер. Пришло несколько сообщений от него же, мелькают строчки: «У тебя есть предпочтения в отношении шрифта? Тогда я выберу... Перезвони мне, когда сможешь...»

Лифт подает звуковой сигнал. У Джоша такой вид, будто через секунду у него начнется приступ буйного помешательства. Мне знакомо это состояние.

– Оставь меня в покое, – говорю я, стараясь сохранять достоинство, насколько могу, и иду в дальний конец коридора, где в нише у окна стоят два кресла.

Днем здесь приятно посидеть с книгой. Вечером, когда последний отблеск заходящего солнца покидает небо, это идеальное место для того, чтоб сидеть и дуться на весь мир.

Я сажусь в кресло и набираю номер местной автобусной компании. Вечерний экспресс отправляется в семь пятнадцать, и уже известно, что он остановится у нашего отеля, чтобы подобрать кого-то еще. Боги мне улыбаются.

Если я пойду в номер, значит придется заканчивать разборки с Джошем, а я выгорела. Одна оболочка осталась. Больше ничего. Мне нужно побыть в одиночестве.

Дэнни поднимает трубку после второго звонка.

– Привет, – говорит он довольно сухим тоном.

Ничто не раздражает больше, чем клиент, с которым не связаться при необходимости, объясняю я себе его настроение. Особенно такой, которому ты делаешь одолжение.

– Привет, прости, я не могла ответить. Была на свадьбе и звук отключила.

- Ничего. Я только что закончил.
- Спасибо тебе большое. Все прошло без проблем?
- Ага, по большей части. Я сейчас дома, проверяю на своем айпаде, листаю страницы. Выглядит симпатично. А чья была свадьба?
- Брата полного мудака.
- Ты с Джошуа.
- Как ты догадался?
- Почувствовал. – Он смеется. – Не беспокойся. Я твои секреты не выдам.
- Надеюсь. – Сейчас меня это абсолютно не волнует. Мне пойдет на пользу, если надо мной начнут потешаться в коридорах «Б и Г».
- Когда возвращаешься? Я хотел бы показать тебе конечный продукт.
- Завтра, время точно не знаю. Когда приеду, позвоню, и мы можем встретиться.
- В понедельник вечером было бы в самый раз. Я по ходу дела составлял таблицу, которая была тебе нужна. В ней расписано по стадиям, сколько на что ушло времени, с указанием предположительной, по моим расчетам, стоимости работы дизайнера – фрилансера и штатного сотрудника на жалованье.
- Впечатляет. Может, принесу тебе в благодарность пиццу.
- Да, пожалуйста. – Голос Дэнни теряет бойкость и понижается на пол-октавы. – Что ты надела на свадьбу?
- Голубое платье. – Вижу в оконном стекле отражение Джоша и подсакиваю от страха. Джош берет из моей руки телефон и смотрит, кто звонит.
- Это Джошуа. Не звони ей больше. Да, я серьезно. – Он нажимает «Отбой» и кладет мобильник себе в карман.
- Эй! Отдай его мне!
- Еще чего! Это для разговора с ним тебе нужно было улизнуть?
- Взгляд Джоша становится жестче, мрачнее.
- Это по работе!
- Он тянет меня за руки, чтобы я встала. Рядом с нами открывается дверь, тут же есть и другие номера, так что нам не пристало затевать в коридоре одну из своих фирменных перепалок. Мы оба поджимаем губы и маршевым шагом отправляемся в свой номер. Я стараюсь не хлопать дверью.
- Ну? – Джош скрещивает на груди руки.
- Это было связано с работой.
- Конечно. Рабочий звонок. Ужин? Что ты наденешь? – Он скользит по

мне взглядом прищуренных глаз, будто размышляет, не содрать ли с меня кожу.

Я могу ответить достойно. Хочется двинуть ему кулаком по физиономии. От злости и напряжения атмосфера становится взрывоопасной. Особенность Джошуа в том, что, даже когда он раздражен, на него приятно смотреть. Может быть, даже приятнее, чем в обычном состоянии. Глаза у него темнеют и сверкают, скулы очерчиваются четче, волосы встрепаны, рука на боку плотно натягивает рубашку. От этого отвечать на его ярость становится труднее, потому что приходится заставлять себя не замечать, как он привлекателен. Я пытаюсь добиться этого во время стычек с ним на протяжении всего времени нашего знакомства. Безуспешно. Но я все равно стараюсь.

– Ты не имеешь права читать мне мораль. Я знала, что это катастрофа, в момент, когда села в твою машину. – Я скидываю туфли, и они летят через всю комнату. – Скоро я уеду. Придет автобус. – Я хватаю сумку.

Джош останавливает меня, поднимая руку:

– В случаях с Дэнни и Минди мы оба сделали неприятные открытия и имели поводы для ревности, ты так не считаешь? Я сломаюсь, если ты меня сейчас не выслушаешь. – Он вытаскивает из манжет запонки, бросает их на комод и закатывает рукава, бормоча себе под нос: – Гребаный осел! Во что она одета? Этот парень напрашивается на большие неприятности.

Выражение лица Джоша заставляет меня задуматься: не напрашиваюсь ли и я тоже на неприятности? Пытаюсь прикрыться креслом, просто чтобы иметь иллюзию свободы маневра, но Джош тычет пальцем в пространство между своими ботинками:

– Не прячься. Встань сюда.

– Так будет лучше. – Я пересекаю комнату и встаю перед ним, оперев руки в бедра, чтобы взбодрить себя.

Джош берет паузу на несколько долгих мгновений, решает, как действовать дальше.

– Прежде всего у нас две простые проблемы: Дэнни и Минди. – Он смотрит так, будто берет под контроль ход важного совещания. Можно подумывать, у него за спиной – слайд из презентации. – Тебе интересен Дэнни? Можешь ты полюбить его когда-нибудь? – Такие глаза мог бы иметь король серийных убийц.

– Я звонила Дэнни по рабочему вопросу. Это имеет отношение к собеседованию. Ты уже это знаешь! Прости, что я не желаю делиться всеми секретами со своим соперником.

– Ответ на мой вопрос!

– Нет и нет. Он помогает мне кое с чем, что я буду использовать в презентации. Это дизайнерская работа, а он сейчас фрилансер. Он делает мне большое одолжение, работая в выходные. Но я не стану переживать, если больше никогда его не увижу.

Безумный блеск глаз немного ослабевает.

– Так вот, я не больше твоего буду переживать из-за Минди. Поэтому она и ушла от меня к моему брату.

– Ты мог бы сказать мне об этом. Еще у тебя дома, на диване. Я бы попыталась понять. Мы тогда были почти друзьями. – Я вдруг понимаю, что меня беспокоит кое-что другое. Он не доверился мне.

– Ты наконец-то пришла ко мне, сидела со мной на диване, и ты думаешь, я стал бы рассказывать тебе о том, каким ужасным парнем я был для Минди, что она променяла меня на моего брата? Это не самая лучшая из моих характеристик. Хотя... Ну да, ты, пожалуй, осталась бы со мной, услышав такое. – На скулах Джоша появляются едва заметные красные пятна. Он смущен до крайности.

– Зачем я вообще здесь? Для моральной поддержки, не забыл?

Я наблюдаю за тем, как он несколько раз безуспешно пытается начать фразу.

– Если кто-нибудь и разбил мне сердце, то это не Минди. Это мой отец. – Джош прикладывает руку ко лбу. – Ты всегда была права в своих предположениях, почему мне нужна моральная поддержка. Ничего особенно таинственного. Это медицина. Я бросил, провалился, разочаровал. Ты здесь потому, что я боюсь собственного отца, будь он неладен.

– Что сделал твой отец? – Этот вопрос я задаю с трудом.

Тема отцов и детей вызывает воспоминания о моем папе. С детства он был для меня словно героем мультфильма: большой и забавный, папа всегда радовал меня новыми смурфами и обжигающими щеки, колючими поцелуями. Я знаю о существовании плохих отцов. Глядя на лицо Джоша, мне хочется надеяться, что это не его случай.

– Он всю жизнь игнорировал меня.

Звучит так, будто Джош произнес эти слова впервые. Он с несчастным видом смотрит в пол. Я подвигаюсь ближе. Очередной странный калейдоскопический поворот. От душевной боли Джоша ноет и мое сердце.

– Он бил тебя? Заставлял заниматься медициной?

Джош пожимает плечами:

– В британской королевской семье бытует такое выражение: наследник

и пустышка. Я пустышка. Патрик родился первым. Отец не из тех, кто охотно распыляет свои усилия, если ты понимаешь, о чем я. Они планировали иметь одного ребенка. Я стал сюрпризом.

– Нет, ты был желанным. – Теперь у меня в руке смятая манжета Джоша, и я неловко трясусь ее. – Посмотри, как любит тебя твоя мать.

– Но для отца я был вне плана. Патрик всегда находился в центре его внимания, и ты видела, кто он сейчас. Лучший сын, фактически единственный сын, отец гордится им в день его свадьбы. – Джош не хочет встречаться со мной глазами. Мы ступили на давно заминированную территорию, где всюду боль. – Никакой мой поступок не расценивался как достойный упоминания. В мое образование отец не вложил бы ни цента, если бы не мама. Я из кожи вон лез, как будто меня драли дома за все подряд. Ничто его не радовало. – Горечь в голосе буквально душит Джоша.

Злость испарилась сквозь поры кожи, и мне ничего не остается, кроме как обнять его и сжать до боли в суставах.

– Я думал, если стану врачом...

– Он заметит тебя.

Точно так же сказала его мать.

– А между тем безупречный, золотой ребенок Патрик, который не мог совершить никакого проступка, создавал впечатление, что все это очень просто. Особенность Патрика в том, что он невероятно мил. Он так чертовски мил! Готов для всех на что угодно. Даже встать среди ночи и примчаться помогать мне приводить тебя в чувство. Ну можно ли быть еще милее? Поэтому я не могу его ненавидеть. А хотел бы. И даже очень.

– Он твой брат. – Я беру Джоша под руку. – Вполне естественно, что он сделает для тебя все.

– Итак, у нас есть идеальный сын и есть я. Я тоже могу быть лучшим в чем-то, пусть даже в стервозности. Я никогда не буду милым. Только представь, каково это – расти с отцом вроде моего. Мне пришлось стать таким.

Я думаю о том, как Джош шагает по коридорам «Б и Г», пытаюсь скрыть за маской высокомерия свою робость и неуверенность.

– Мне неприятно разрушать твои представления, Джош, но внутри ты тоже милый.

– Я не хочу быть вторым в чем-нибудь. Я больше никогда не буду вторым.

Его голос закован в железо решимости. Я думаю о продвижении по службе, и где-то в глубине сознания раздается глубокий вздох: «Да пошло оно!»

– Ты поэтому всегда меня ненавидел? Из-за того, что я такая милая? Иногда даже слишком. Тебе это было неприятно. – Я поддергиваю рукав платья.

– Меня просто убивало, когда я видел, как ты растрачиваешь свое сердце на людей, которые просто пользуются твоей добротой. Мне хотелось вступить за тебя, защитить от этого. Хотя я не мог, потому что ты меня терпеть не могла, и приходилось оставлять тебя один на один со всеми проблемами.

– А моя отзывчивость не делала невозможной ненависть ко мне?

Мой голос полон надежды, и от этого я становлюсь жалкой.

Джош приставляет большой палец к моему подбородку и приподнимает мое лицо:

– Делала.

– Ну, это печальная история.

Когда он целует меня в щеку, я понимаю: это извинение, и подозреваю, что, вероятно, приму его.

– Не пойми меня неправильно. Мое детство не было травмирующим, ничего такого, у меня всегда была крыша над головой и все прочее. И моя мать самая лучшая, – говорит Джош с восхищением в голосе. – Мне не на что жаловаться.

– Нет, есть на что. – (Джош удивленно смотрит на меня.) – Детьми нельзя пренебрегать или заставлять их чувствовать себя никчемными. Ты многого достиг в карьере и должен гордиться собой. – Я делаю упор на последних словах. – Можешь жаловаться на что хочешь. Я ведь в команде Джоша, помнишь?

– Правда? – По голосу слышно, что напряжение немного спало. – Никогда не думал, что услышу такие слова из твоих огнеметных уст. Особенно после сегодняшнего вечера.

– Мы с тобой в одной лодке. Так что же случилось после того, как ты окончил первый курс медицинской школы? Уж тогда-то отец должен был тебя заметить.

– Мама ужасно суежилась. Она устроила вечеринку. Пригласили, кажется, всех, кто хоть раз в жизни меня видел. Праздник состоялся в нашем здешнем доме. Он стоит на берегу. Прошло время, и теперь я думаю, это была отличная вечеринка. Но отец на нее не пришел.

– Он пропустил ее? – Я обнимаю Джоша и прижимаюсь щекой к его груди. Чувствую, как его руки скользят по моей спине, как будто он меня утешает.

– Ага, он не позаботился о том, чтобы поменяться сменами в больнице,

как его просила мама. И пропустил все. Когда Патрик окончил первый курс, отец подарил ему дедовский «Ролекс». Ради меня он даже не потрудился явиться. Он всегда знал, что я не предназначен для этого. Мои старания только делали меня жалким в его глазах.

– Значит, из-за того, что отец не пришел на вечеринку, ты не разговаривал с ним пять лет? Но ты же видишь, как это расстраивает твою мать. У нее все время глаза блестят от непролитых слез.

– В тот вечер я ужасно напился. Я сидел один на песке у воды и заливал себе в глотку виски прямо из бутылки. Один. Мелодрама. За спиной у меня дом, полный гостей, но никто не заметил исчезновения виновника торжества.

Джош выглядит веселым, но я знаю, что под этим весельем кроется глубокая боль. Помню, как однажды я смотрела на него во время общего собрания, тысячу лет назад, и размышляла, чувствовал ли он когда-нибудь себя одиноким. Теперь я знаю ответ.

– Значит, ты сидел там? Пьяный? Что ты сделал? Вошел в дом и устроил сцену?

– Нет, но я кое-что понял: я так старался ради отцовского одобрения, но это не привело ни к какому результату. Вероятно, я такой же, как он. Зачем пытаться? Зачем беспокоиться? Тогда я решил бросить эти попытки. Решил, что пойду и займусь любой работой, какая подвернется. – Джош немного поворачивает меня, а потом, когда снова прижимает к себе, поглаживает мое плечо, как будто это мне нужно утешение. – Я перестал предпринимать какие-либо усилия, чтобы найти с ним контакт, и у меня будто гора упала с плеч. Я остановился. Думал, когда он захочет быть мне отцом, то сделает шаг навстречу.

– И он не сделал?

Джош продолжает говорить, как будто не слышит меня:

– Но вконец разозлило меня то, что, когда я переключился на получение степени магистра экономического управления и занимался учебой по ночам, работая днем в «Бексли», это его ничуть не впечатлило. Он типа мог ожидать от меня чего угодно. Типа раз меня вообще не замечают и не признают моего существования, так и разочаровываться не в чем. Но я разочаровывал. Раз за разом, всю жизнь. Моя карьера для него смешна.

Удивительно, но я начинаю злиться. Вспоминаю Энтони, его лицо, вечно искривленное саркастической усмешкой.

– Он упустил в тебе нечто особенное. Почему он такой?

– Не знаю. Если бы знал, то, вероятно, мог бы это изменить. Он просто

обращался так со мной, да и с большинством других людей.

– Но, Джош, я не понимаю. Для тех задач, которые ты выполняешь в «Б и Г», у тебя слишком высокая квалификация.

– Это относится к нам обоим, – говорит он мне.

– Почему ты не уходишь?

– До слияния я каждый день собирался это сделать. Но в семье у меня уже сложилась репутация человека, который все бросает на полдороге.

– А после слияния?

Джош отворачивается, и я вижу, как уголок его рта начинает приподниматься в улыбке.

– В этой работе есть кое-что хорошее.

– Ты получал удовольствие от стычек со мной.

– Да, – признается он.

– А как ты все-таки оказался в «Бексли»?

– В порыве ярости я разослал резюме в двадцать разных мест. Это был первый отклик, который я получил. Младший прислужник Ричарда Бексли.

– И тебе было все равно? Я так хотела работать в издательстве, что заплакала, когда получила это место.

У Джоша хватает чуткости, чтобы принять виноватый вид.

– Полагаю, теперь ты считаешь, что будет несправедливо, если я получу повышение.

– Нет. Тут играют роль заслуги и деловые качества. Но, Джош, ты должен знать. Это моя мечта. «Б и Г» – это моя мечта. – (Он не отвечает. А что тут скажешь?) – Значит, ты действительно привез меня сюда не для того, чтобы показать Минди, будто увлечен горячей маленькой чудачкой?

Его лицо я знаю лучше своего и не замечаю в нем намеков на неискренность. Когда Джош начинает говорить, видно, что он не лжет.

– Я не мог встретиться с отцом без тебя. Я позор семьи. Бросил медицинскую школу, занимаюсь административной работой, уступил девушку брату. Для него я ничто. Пусть Минди и Патрик заведут десяток детишек и проживут вместе сотню лет. Удачи им.

Я позволяю себе произнести:

– Ладно. Я тебе верю.

Мгновение мы стоим в тишине, потом Джош продолжает исповедь:

– Хуже всего то, что я не перестаю размышлять, что бы сейчас было со мной, если бы я продолжил заниматься медициной.

– У меня внутри много всего такого, о чем я не имею понятия. Я как мэр города, которого никогда не видела.

Джош улыбается моим словам:

– Если бы ты знала о маленьких чудесах, которые происходят при каждом твоём вдохе, то не смогла бы с этим справиться. Клапан может закрыться и не открыться, артерия может лопнуть, ты можешь умереть. В любой момент. Внутри твоего маленького города все время происходят чудеса. – Он прикасается губами к моему виску.

– Черт побери! – Я жмусь к нему.

– Ты не поверишь, сколько людей, по статистике, ложатся спать и больше не просыпаются. Нормальных, здоровых людей, даже не старых.

– Зачем ты мне это говоришь? Этим заняты твои мысли?

Повисает долгая пауза.

– Раньше были. Теперь гораздо меньше.

– Я предпочла бы такой конец. Как представлю, что во мне полно белых костей и красного липкого месива... Почему я вдруг стала думать о смерти?

– Теперь ты понимаешь, почему я не могу вести светские разговоры. Прости, отец напугал тебя тортом. Он завидует, потому что не может дать себе волю и насладиться запретным. Я, наверное, лет пять не ел тортов. Но это было здорово.

– Пара маленьких грязных свинок. Вот мы кто. Хочешь, спустимся вниз и посмотрим, не осталось ли чего?

Джош смотрит на меня с осторожной надеждой:

– Ты не уедешь?

Вспоминаю о своих планах смыться домой на автобусе.

– Нет, не уеду.

Хорошо, что Джош все еще сидит на комодке. Если я подступлю к нему ближе и возьму его лицо в свои ладони, то дотянусь до него, только чуть-чуть привстав на цыпочки. Я почувствую щекотные искры, которые скачут в воздухе между нашими губами, его вздох облегчения, который на вкус слаще сахара. Пульс его учащается под моими пальцами. Да, в замысловатую игру мы сыграли, чтобы добраться до этого момента.

Хорошо, что Джош продолжает сидеть на комодке, потому что мне удастся притянуть его губы к своим.

Глава 25

Я целую Джоша, и он выдыхает долго-долго, пока внутри у него не остается ни капли воздуха. Я хочу снова наполнить его. Сама понимаю это только после того, как несколько тающих минут проходят в полузабытьи за разговором, который я веду с Джошем с помощью поцелуя. *Ты имеешь значение. Ты важен для меня. Только в этом есть смысл.*

Он понимает, я знаю, потому что в его руках, когда он проводит ногтем вверх по шву моего платья, по моим плечам и замирает у основания шеи, ощущается слабая дрожь. Он тоже разговаривает со мной. *Ты нужна мне. Ты всегда прекрасна. Только это важно.*

Он играет с застежкой молнии моего платья. Это тянется звенящую краткую вечность, после чего замочек сползает вниз. Раздается звук, похожий на скрип иглы по пластинке. Джош целует меня крепче, и я придвигаюсь ближе к нему, стоя между его коленей. Дикие кони не смогли бы оттащить меня от этого мужчины, вытянуть из этой комнаты. Я буду целовать его, пока не умру от истощения. Чувствуя острый край его зубов на своей нижней губе, я понимаю, что не одна испытываю такие чувства.

Платье падает на пол, я выступаю из него и нагибаюсь, чтобы поднять. Застенчивость берет верх, и я слегка прикрываюсь им, но это выглядит так глупо, что я наконец убираю его. Мне пришлось надеть под платье боди цвета слоновой кости, чтобы подчеркнуть линии тела, к тому же оно снабжено резинками, которые поддерживают чулки. Никаких соннозавров.

Джош смотрит на меня так, будто его ударили ножом в живот.

– Черт возьми! – тихо произносит он.

Я отдаю ему платье и ставлю руку на бедро. Он пожирает глазами изгибы моего тела, а руки его тем временем аккуратно складывают пополам мое платье. Ноги у меня до смешного короткие, ведь каблуки их сейчас не удлиняют, но Джош смотрит на меня так, что я ощущаю слабость в коленях.

– Что-то ты притих, Джош. – Я подцепляю пальцем бретельку этой странной одежды у себя на плече и замираю. Вижу, как у Джоша заходил кадык, он сглатывает ком в горле.

Я кладу руки ему на шею, быстро сжимаю пальцы, будто душу, потом скользящим движением опускаю их вниз. Он такой крепкий, мощный, мышцы, играющие под моими ладонями, излучают тепло. Я подступаю еще ближе и утыкаюсь носом ему в шею, вдыхаю его в себя. Закрываю

глаза и молюсь, чтобы не забыть это мгновение: «Пожалуйста, помни этот миг до ста лет».

Руки Джоша опускаются вниз и мнут мои ягодицы. Когда я начинаю целовать его шею, они сжимаются.

– Снимай рубашку. Давай же, – говорю я грубо и в то же время будто упрашиваю.

Джош начинает полубессознательно расстегивать пуговицы. Когда он стряхивает рубашку с плеч, я вижу отражение его спины в зеркале, стоящем на комод.

– У тебя еще сохранились синяки после пейнтбола. У меня тоже.

Свободной рукой я блуждаю по его груди, прерываю поцелуй, чтобы посмотреть, как я это делаю. Мышцы его сцеплены прочно, как конструктор лего. Нажимаю пальцем и смотрю, как пружинит под ним его плоть. Джош не убирает рук с моих ягодиц, но пальцы он опускает вниз и поглаживает резинки, которые поддерживают чулки. Чтобы удержаться от громкого стоны, а это было бы стыдно, я снова целую его и, извиваясь всем телом, льну к нему.

– Я все это спланировал, – наконец вновь обретает голос Джош и мягко двигает меня в сторону кровати. Скидывает покрывало и укладывает меня на постель легким, полным силы движением. – Предполагалось нечто более романтическое, чем номер в отеле.

Джош думает о романтике? Мое сердце не может это вместить. Он захватывает мои губы поцелуем таким нежным, что я вот-вот расплачусь.

– Видишь, – говорит он мне в губы, – у меня нет к тебе ненависти, Люси.

Его язык касается моего, робко, несмело. Джош опускается на локти, заключая меня в клетку, и это запускает поток воспоминаний о том, как он прижимал меня к дереву, защищал, прикрывал.

Я всегда тебя прикрывал.

Я вздыхаю, и Джош вбирает в себя мой вздох.

– Вот так...

Под его весом я вытягиваюсь и извиваюсь.

– Ты такой большой. Мне жарко.

– А ты такая маленькая. Из-за этого я часто размышляю, подходим ли мы друг другу и как у нас все получится. Я только об этом и думал с момента нашей встречи.

– Ну конечно. Тот достопамятный день, когда ты смерил меня взглядом с головы до ног, а потом отвернулся к окну.

Джош нежнейшим образом покусывает мою шею. Он сплетает свои

пальцы с моими у нас над головами, и теперь мы держимся за руки. Как мы здесь оказались? В этом прекраснейшем месте после вспышки гнева, чуть не испепелившей нас обоих. Тут так приятно, так абсолютно спокойно и мягко, и везде Джош.

– Если мы сделаем это сегодня, я не позволю тебе срываться на мне. – Глаза у Джоша серьезные, и он немного весь подбирается. – Ты устроишь какой-нибудь из своих знаменитых закидонов?

– Не знаю. Очень может быть, – пытаюсь пошутить я, но Джошу совсем не весело.

– Хотелось бы мне знать, на что я могу рассчитывать. Сколько я получу? – Он снова целует меня в шею, сжимая мои пальцы своими.

– Ты получишь все до собеседований, – говорю я, уткнувшись в его кожу, и он выпускает прерывистый вздох, как будто я предложила ему вечность, а не несколько дней.

Мы снова начинаем целоваться, трение моих бедер о пах Джоша вынуждает его слегка ускорить ритм. Губы у него влажные, мягкие, вкусные. Он останавливает на миг, чтобы перевести дух, но я тут же тяну его обратно.

Проходит вечность, и он путается рукой в лямках на моем плече. Лениво теревит их пальцами, натягивает, отпускает с легким щелчком, потом делает это снова.

– Молния на боку, – говорю я, а на самом деле, кажется, я его умоляю.

Он не обращает внимания на мое замечание, а вместо этого опускает пальцы к ложбинке между моих грудей.

– Самая маленькая ложбинка из всех, какие я видел. – Он склоняет голову и тычется в щелку носом.

Мы делаем все так медленно. Я бы не удивилась, если бы, открыв глаза, увидела дневной свет. Джош всегда оказывается совершенно не таким, как я ожидаю. Мягкий, а не жесткий. Медленный, а не быстрый. Робкий, а не напористый. Прелюдии с моими прежними приятелями, ограниченные во времени быстродействием их яиц, лишь отдаленно напоминают то неизмеримое удовольствие, которое я испытываю, лежа под Джошем.

Он запускает руку мне в волосы, ногти слегка царапают голову, и от этого моя кожа покрывается мурашками. Он лижет их. Потом мягко отодвигается назад и встает на колени у меня между ног, вроде чтобы лучше меня видеть. На меня это действует. Я вижу, как сгибается и распрямляется его живот, и издаю странный звук, нечто вроде *о-ох-а-ах*.

– Как ты добился таких форм?

– Ничего не придумал лучше, как ходить в спортзал.

– Ты и сейчас ходишь.

Я тоже сажусь и провожу губами по его мускулам – делаю то, что всегда хотела сделать. Кладу руки на его зад, и это потрясающе.

Руки Джоша закапываются в мои волосы, а я начинаю покрывать поцелуями его живот. Не могу сдержаться. Обнаруживаю полоску волос, поднимаю взгляд и вижу на его груди легкую поросль. Волосяная дорожка спускается вниз тонкой линией и исчезает под поясом брюк.

– Похотливые глаза, – произносит он, подрагивая.

– Не шути. Я хочу занюхать тебя. Ты всегда так дивно пахнешь. – Я прижимаю нос к его коже и втягиваю в себя воздух так глубоко, насколько могу. Джош начинает смеяться. Я смотрю на него снизу и улыбаюсь.

Его пальцы остановились на молнии у меня на боку.

– Я вся в синяках, – говорю я, как бы снимая с себя ответственность. Втягиваю в себя живот и смотрю на мышцы его живота.

– Ты очень милая, когда притихаешь. Я не буду спешить. – Он спускает с моего плеча одну из лямок и оставляет ее на моей руке. Прodelывает то же самое со второй. Закусывает губу. – Пожалуй, сяду, а то я слишком высокий.

Происходит короткая перемена поз. Наконец Джош устраивается, прислонившись спиной к изголовью кровати, а я – у него между ног, опираюсь на него спиной. Его руки ложатся мне на плечи, я закрываю глаза, и он начинает гладить меня. Это самый приятный, самый неожиданный по продолжительности массаж. Большинство мужчин к этому моменту уже расстегивали бы молнии и ощупывали голое тело, но он не большинство мужчин.

– Ты сидела так, когда была больна.

Он продолжает массировать меня, от его движений чувственность расцветает буйным цветом. Джош убирает в сторону мои волосы, теперь его губы едва касаются моей шеи. В этот момент я уже едва способна вспомнить, как меня зовут.

Он запускает руку под атласную ткань и взвешивает в руке мою голую грудь. Медленно, нежно его пальцы пощипывают сосок.

– О да, – стонет он и прижимается губами к моей шее.

Я слышу, что издаю хриплый вздох. Такой обычно бывает у людей, испытывающих сильную боль. Если не считать того, что я наполовину близка к оргазму.

– Представь все те вещи, которыми мы займемся, – говорит он почти самому себе.

– Я не хочу представлять. Я хочу знать, как это. – Ноги мои бестолково мутузят простыню, будто меня казнят электрическим током.

– Ты узнаешь. Но сегодняшнего вечера недостаточно, я уже это чувствую. Я всегда говорил тебе, мне нужны дни. Недели.

Я едва замечаю, что молния сползает вниз. Джош извлекает меня из эластичного атласа, чувство, которое вызывает во мне прикосновение его больших ладоней к моему обнаженному телу, непередаваемо. Меня с полным восхищением гладят, ласкают, кожа согревается. Когда мне удастся разлепить глаза, его горячее дыхание стремится сверху вниз из-под моего уха, а кремовая ткань струится складками в районе талии. Он отцепляет чулки и наклоняется над плечом, чтобы посмотреть на меня.

– Ммм... – Он зацепляет пальцами ткань на моих бедрах, стягивает ее вниз, и я оказываюсь обнаженной, лишь в одних чулках.

Вижу его ноги в брюках, что делает мою наготу еще более уязвимой. Я подтягиваю к груди колени, пытаюсь прикрыться, но в этом нет смысла. Джош производит какие-то тихие, утешающие звуки у меня за ухом. Его большая рука гладит мое бедро снаружи, потом с внутренней стороны, сжимает мою талию. Другая рука следует примеру первой.

– Люси... – Кажется, больше Джош ничего не в силах произнести. – Люси... Как я смогу выбраться из этой ночи? Серьезно. Как?

Я снова покрываюсь мурашками. Я думаю о том же. Роняю голову набок, и мы целуемся. Я дышу хрипло и тяжело.

– Я, наверное, умру сегодня. Пожалуйста, сними брюки.

– Я хочу, чтобы это было вышито на подушке, – говорит он, и я хохочу, пока не начинаю от изнеможения хватать ртом воздух.

– Ты такой смешной! Я всегда так думала. Никогда не могла засмеяться, но мне часто хотелось.

– Ах так, значит, это одно из твоих правил. – Он соскальзывает с кровати, держа руку у пуговицы на поясе брюк. – Значит, цель игры – не засмеяться?

– Цель – заставить засмеяться другого. Давай. Я замерзаю.

Скорее, мне просто не терпится. Он накрывает меня одеялом, и я дрожу под ним, наблюдая, как блудница, за процессом расстегивания молнии на брюках.

– У меня есть свои правила. И цель игры для меня другая.

Следить, как Джош снимает брюки, – отдельное удовольствие. Под ними удлиненные черные облегающие шорты из эластичной ткани. Они сильно вздыбились спереди.

– Говори. Давай.

Он стаскивает с себя шорты, и у меня отпадает челюсть. Кажется, даже мое буйное воображение было прискорбно неадекватным. Я уже собираюсь сказать Джошу, что он великолепен, когда он щелкает выключателем лампы, и мы погружаемся в темноту.

– Нет! Джош, это абсолютно нечестно. Включи свет. Я хочу смотреть на тебя.

Выбрасываю руку в сторону лампы, но тут он проскальзывает под одеяло, и я ощущаю тепло его тела рядом со своим, мы оба издаем одинаковые звуки, выражающие неверие. Кожа к коже. И тепло.

Я не представляю, где именно он находится. Он повсюду. Кажется, я чувствую его дыхание у себя в волосах, но мы немного поворачиваемся, и вздох Джоша раздается где-то в районе грудной клетки. Это смущает и возбуждает, а когда он пересчитывает мне ребра, я едва не выпрыгиваю из собственной шкурки.

Другая рука Джоша возится с моими чулками, скатывает их вниз. Он касается моей лодыжки и тихонько пощипывает изгиб талии. Его руки скользят по мне везде.

– Ты такая мягкая, это забавно. Куда бы ни забралась моя рука, ты мне подойдишь. Я был прав.

Он демонстрирует это. Шея. Грудь. Ребра. Бедро. Потом показывает, что его губы тоже совершенно ко всему подходят. Моя кожа разогревается от каждого поцелуя и нажатия. Джош слизывает капельки пота, которые начинают появляться на мне, и я слышу приглушенный звук, который, оказывается, издаю сама. Умоляющее поскуливание. Он не обращает внимания и не выказывает жалости. Прижимается своими совершенными губами к той части моего тела, которая ему нравится. Дюйм за дюймом он вычерчивает меня, как карту. И это очень хорошо, только у Джоша тоже есть тело, к которому мне хочется прикасаться. Когда он обводит поцелуями верхний изгиб моего позвоночника, раздается мой молящий шепот:

– Пожалуйста, дай мне прикоснуться к тебе.

Он уступает и переворачивает меня. Я провожу руками по его шее к большим мускулам плеч. Сжимаю их. Кусаю. Это такое удовольствие – прикосновение к нему. Кожа атласная. Ладоням щекотно от того, что я ее глажу. Губы укладываются в любую впадинку на теле. Глаза привыкают к темноте, и я вижу блеск его глаз, а сама не спеша ощупываю каждый новый мускул, сухожилие и сустав, которые попадают на пути.

В темноте трусь о него всем телом, чувствую его дыхание и притягиваю к себе, чтобы он лег на меня полностью.

– Я довольно тяжелый. Я тебя раздавлю.

– Я прожила хорошую жизнь.

Он смеется, хрипло и довольно, и слушается меня – прижимает к матрасу так сильно, что из легких вылетает половина воздуха.

– О, как хорошо! Так тяжело. Мне это нравится.

Проходит минута, и Джош встает на колени, потому что я почти умираю. Опускаю руку вниз и берусь за его твердыню. Он позволяет мне играть с ней до тех пор, пока его прерывистое дыхание не убеждает меня в том, что он буквально расползается по швам, и это из-за меня. Не могу придумать, в чем еще я могла бы одержать над ним победу. Но потом чувствую его губы на своей тазовой кости, а дальше он начинает целовать мои бедра.

Я смеюсь, щетина колется, да к тому же вспоминается наш давнишний спор. Он целует мои бедра с благоговением, шепчет вещи, которые я толком не могу расслышать. Похоже, это какие-то лестные слова, горячее дыхание перемежается с лизанием, укусами, поцелуями. Я не могла бы противиться мягкому натиску его губ, а в его намерениях сомневаться не приходится. Ноги мои раздвигаются, и в темноте я смотрю на потолок.

Первое прикосновение спиральное. Так вы облизываете верхушку тающего мороженого. Я издаю тяжелейший вздох, почти всхрипываю, а Джош целует внутренние поверхности моих бедер, в награду. Я не могу произнести ни одного внятного слова.

Второе прикосновение – поцелуй, и я вспоминаю фирменный поцелуй Джоша, предназначенный для первого свидания, целомудренный, мягкий, без использования языка. Обещание большего. Я цепляюсь руками за подушку и твердо обещаю себе, что он уже никогда и ни с кем не пойдет на первое свидание.

Третий – снова поцелуй, но вместо целомудренного он превращается в развязный, причем это происходит так медленно, что я не замечаю, когда наступает изменение. Время в его распоряжении, и с каждой истекающей минутой мое тело одновременно расслабляется и завязывается узлом. Я обретаю голос, и мне удастся произнести звонко и торжественно:

– Не думаю, что в инструкциях кадрового отдела что-то говорится об этом.

Чувствую, как Джош вздрагивает и стонет.

– Прости, – говорит он мне. – Ты права. – Он не останавливается и продолжает демонстративно нарушать правила кадровиков, не могу сказать сколько минут подряд.

Я, дрожа, подхожу все ближе и ближе к ослепляющему взрыву,

предвестники которого уже забрезжили на горизонте. Честно говоря, я удивлена, что продержалась так долго. Кладу руку вниз, запускаю пальцы в волосы Джоша и тяну за них.

– Я не могу это вынести. Пожалуйста. Мне нужно больше. Намного, намного больше.

Я отодвигаюсь в сторону, хватаюсь за Джоша руками и с нечеловеческой силой тащу его вверх. Он снисходительно вздыхает, встает на колени, и я наконец-то слышу волшебный звук разрываемой упаковки презерватива.

Его следующие слова прозвучали бы авторитарно, однако дрожь голоса и прерывистость дыхания сводят на нет все усилия говорить властно.

– Наконец-то ты моя.

– Наконец-то ты мой, – перечу я.

Он падает вниз, и лампа вдруг зажигается. Для меня это сюрприз. В полузабытьи я закрываю глаза, а когда открываю, Джош смотрит на меня. Темные сапфировые переливы его глаз творят что-то странное с моим сердцем.

– Привет, Печенька. – Наши пальцы сплетаются над моей головой.

Первое движение, которое он совершает, осторожное, и мое тело мягко принимает его, вбирая в себя все больше и больше. Он прижимается виском к моему виску и издает отчаянные звуки, будто ему больно. Я непроизвольно вздрагиваю, и он рывком двигается вперед, сильно, натужно. Я едва не стукаюсь головой о спинку кровати и смеюсь.

– Прости, – говорит он, и я целую его в щеку.

– Не извиняйся. Сделай это снова.

Глава 26

– Мы еще не играли в гляделки, когда ты внутри меня.

Он слегка приподнимает бедра, мои ресницы трепещут.

Я ожидала удовольствия и ощущения полноты, учитывая, что Джош такой большой, а я маленькая, но сейчас меня душат эмоции, и я не могу ответить. Виной тому – его глаза и их выражение, когда он начинает раскачивать бедрами, интенсивно и в то же время легко. Нет ни тяжелых толчков, ни глухих ударов, от которых стучат зубы. Он двигается внутри меня размеренно, держа все под контролем. Это самый восхитительный момент в моей жизни. Я не в состоянии отследить каждое ощущение. В груди копится чувство вроде того, которое вынуждает вас взбрыкивать и чудить.

Я не могу сохранять самообладание под его взглядом. Страстные глаза. Напряженные, огненные, бесстрашные. Он хочет получить от меня все. И на меньшее не согласен.

– Поговори со мной. – Он прикасается носом к моему носу. Дыхание тяжелое и ровное.

– Ты был прав, тыходишь мне... в некотором роде. О, это так приятно. – Я едва могу говорить. – Я немного теряю контроль над собой.

– Приятно, да? – Он весело смотрит на меня. – Я способен сделать больше чем просто приятно.

Джош отпускает мои пальцы, подкладывает руки под мои бедра и приподнимает меня на несколько дюймов над постелью.

– Приятно – значит хорошо, приятно – значит хорошо, – лепечу я и затем издаю стон.

Джошуа Темплман действительно знает, что делает.

Глаза мои закатываются. Я понимаю это потому, что Джош слегка усмехается и продолжает двигать бедрами. Одеяло отползает в сторону, и вот я на передовой – смотрю на красиво играющие мышцы Джоша, ему в лицо.

– Я не милый, – говорит он.

Мы начинаем медленно скользить друг по другу, добавляя нашим движениям вращение. Ничего подобного я раньше не чувствовала. Что только подтверждает: ни один из моих прежних парней не делал этого правильно. До настоящего момента.

Джош слегка хмурится, концентрируясь. Сейчас наши тела сойдутся

под новым углом, и это происходит с такой легкостью, что у меня внутри будто срабатывает какой-то маленький выключатель.

– Эй! – Джош снова нажимает на него, и удовольствие от этого такое сильное, что горло перехватывает плач. Опять и опять. В такую игру я еще никогда не играла.

У меня нет сил, чтобы положить руки на плечи Джошу. Каждое его скользкое движение, которое он совершает внутри, подводит меня на шаг ближе к тому, что, вполне вероятно, станет моим концом.

– Ты не устал? – Я стараюсь быть внимательной, но он вместо ответа учащает ритм.

На коже выступает пот. Руки скребут по простыне. От меня осталась одна пустая оболочка, но, кажется, Джоша это не беспокоит. Все, на что я способна, – это вжаться плечами в матрас и попытаться выжить.

– Я умираю, – предупреждаю я. – Джош, я умираю.

Он поднимает за лодыжку мою ногу, кладет ее себе на плечо и обхватывает рукой. Еще ускоряя ритм, с интересом изучает мое лицо. Брови сходятся к переносице. Игра в гляделки абсолютно прекрасна, когда Джош давит на мою не существовавшую на протяжении всей жизни точку G. Теперь она появилась.

– Чертов... Чертов... Джош.

Он отвечает смехом, и я почти отпускаю ситуацию.

Вот в чем моя проблема. Обычно такого не случается. Первый секс с кем-нибудь, как правило, неловок, вы по очереди пытаетесь узнать, что нравится или не нравится партнеру. Раскованное траханье и попытки оттянуть оргазм не происходят одновременно. Но я пытаюсь. И Джош знает это.

– Люси, хватит сдерживаться.

– Я не сдерживаюсь, – возражаю я, но за эту ложь он наращивает усилия. Я бормочу спасибо.

– Всегда пожалуйста, – говорит он и приподнимает меня.

Не представляю, как он выдерживает. Напишу открытку с благодарностью его личному тренеру. Если смогу после этого удержать в руке ручку. Закусываю губу. Пусть это не кончается. Так и говорю Джошу.

– Вечно, делай это вечно, – молю я, уже готовая расплакаться. – Не останавливайся.

– Ну и упрямая же ты, Печенька.

– Пусть это не кончается. Пожалуйста, Джош! Прошу тебя, прошу, прошу...

Он прижимается щекой к моей икре. Это такой сладкий любовный

жест.

– Я не кончу, – говорит он мне.

Вижу, мой партнер начинает немного забываться. Глаза затуманиваются, он возводит их к потолку, молясь о чем-то. В свете лампы его прекрасная кожа отликает золотом.

Мягкий, глубокий, ввинчивающийся нырок, похожий на все остальные, – и я ломаюсь.

Меня охватывает не мирное, приятное ощущение. Я стискиваю зубы, вцепляюсь в него и выворачиваюсь. Мучительный стон, который я издаю, вероятно, будит всех постояльцев отеля, но я не могу сдержаться. Это насилие. Я едва не пинаю Джоша ногой в челюсть, но он хватается мою ступню и удерживает ее. Удовольствие перетекает через край, мое тело скручивается, сжимается, вытряхивает из меня душу, я теряю рассудок из-за Джошуа Темплмана. Он прав. Этого явно будет недостаточно. Мне нужны дни. Недели. Годы. Миллион лет.

Я лечу, парю. Смотрю вверх и вижу, что с Джошем происходит то же самое. Он прислоняется к моей ноге, я чувствую его дрожь и слышу облегченный выдох. Джош смотрит на меня, в глазах внезапная робость. Я поднимаю руку, чтобы погладить его по щеке.

Он осторожно опускает меня. Не могу представить, что позволю ему уйти. Обхватываю его руками за плечи, прижимаю губы к его лбу, а в груди у меня чувство очищения, словно я пробежала несколько миль. Джош, должно быть, чувствует себя как после финиша на дистанции триатлона.

Он смотрит на меня и тихо шепчет:

– Как поживаешь?

– Я призрак. Труп.

– Не думал, что могу довести до летального исхода, – говорит он и начинает отстраняться от меня, до боли медленно.

Я молю про себя, отчаянно и безнадежно – нет, нет, нет. Я наркоманка, попавшая на крючок, уже мечтаю о следующей дозе, хотя предыдущая еще растекается по моим венам. Тело мое пытается ухватиться за Джоша, но он целует меня в лоб и извиняется:

– Прости, мне нужно, – и уходит в ванную.

Я смотрю на его спину и падаю на подушки.

Лучший секс за всю жизнь. Лучший вид сзади.

– Это без шуток? – спрашивает Джош из ванной. Похоже, я говорила вслух.

Прикрываю рукой глаза и пытаюсь выровнять дыхание. Чувствую, как проседает матрас, потом Джош накрывает мое остывающее тело одеялом и

выключает лампу.

– Теперь ты станешь невыносимым. Но черт побери, Джош! Черт побери! – бормочу я.

– Черт побери тебя саму! – отвечает он, и я оказываюсь в колыбели его рук, прижимаюсь к нему щекой, нежусь в его объятиях.

– Давай разработаем план игры на утро, когда проснемся. Я не выдержу, если ты начнешь чудить и вести себя странно.

– Мы вежливо скажем друг другу «доброе утро», а потом сделаем это снова. – Я говорю так, будто только что перенесла удар. Засыпаю, приложив ухо к груди Джоша и слыша его смех.

Каким-то образом я дождалась до утра. Мбю руки и бросаю взгляд в зеркало:

– Боже!

– Что?

Я приоткрываю дверь ванной. Комната тускло освещена лучами, падающими сквозь просвет в тяжелых шторах.

– Забыла смыть макияж. Опять выгляжу, как Элис Купер.

Тушь и тени размазались, отчего глаза кажутся молочно-голубыми.

– Опять? А ты уже выглядела, как Элис Купер?

– Да, в то утро, когда была больна. Я едва не закричала, когда себя увидела. – Я чищу зубы и собираю волосы в пучок.

– Мне нравится, когда ты немного растрепана.

– Ну, тогда я должна нравиться тебе такой, как сейчас.

В душе я безуспешно пытаюсь вскрыть крошечную упаковку с мылом, как вдруг дверь открывается и ко мне присоединяется Джош – так спокойно, будто мы делаем это каждый день. Желание электризует меня, это странная смесь радости и страха.

– Мыльце специально по размеру для Печеньки, – отпускает замечание Джош, забирая у меня упаковку и вскрывая ее зубами. Выдавливает из нее мыльную монетку и держит, зажав между большим и указательным пальцем.

– Я собираюсь насладиться этим.

Я так заморожена тем, как по его бархатистой золотой коже струится вода, что несколько минут способна только созерцать, язык вываливается из уголка рта, как у голодной собаки. Вода находит себе русла между мышцами Джоша, а потом заливают сплошным потоком плоские поверхности.

Легкая волосая поросль появляется в центре его груди, веерами

расходится к соскам и тонкой линией спускается к пупку. После бомбардировки миллионом рекламных плакатов с изображением великолепных красавцев в нижнем белье я почти забыла, что у мужчин бывает растительность на теле. Скольжу взглядом вслед за потоком воды, вот волосы становятся гуще, вот впечатляющий выступ его возбужденного члена. Мокрого. Красиво перевитого венами. Этого достаточно, чтобы я ощутила слабость в коленях. Он был во мне. Мне нужно это снова. Столько раз, что не сосчитать.

– Ты... – Я качаю головой.

Приходится закрыть глаза. Иначе не вспомнить, как говорят по-английски. Это слишком. Не может быть, чтобы я заполучила это огромное золотое создание в стеклянную кабинку душа в отеле и сейчас он смотрит на меня. Как же я люблю его глаза!

– О нет, я ужасен, – шепчет он с насмешливым трагизмом в голосе, и я чувствую, как кусочек мыла прикасается к моей ключице, начинает выписывать мелкие завитки, сначала липкий, потом скользкий.

– Мой личный тренер был уверен, что такая маскировка помогает в общении с женщинами. Какая глупая трата времени и сил.

Я с трудом разлепляю глаза. Вероятно, у меня такой вид, будто я только что вывалилась из опиумной курительни, потому что Джош смеется.

Прижимаю палец к складке, очерчивающей улыбку, на его щеке.

– Ты великолепен. Красив. Я не могу тебе верить.

Пячусь назад, пока не упираюсь спиной в кафельную стену, чтобы лучше видеть его, и теперь наступает черед Джоша рассмотреть меня дюйм за дюймом. Руки болят от волевых усилий, которые я предпринимаю, чтобы не прикрывать себя ими. В сравнении с совершенной мускулатурой Джоша мое тело выглядит дряблым. Глаза его темнеют, когда он окидывает меня взглядом с головы до ног.

– Выбирайся оттуда, – едва слышно произносит он и протягивает мне руку. Я берусь за нее.

Что за способ начать день! Мыться в душе с моим коллегой и воздаянием.

Как только мысль оформляется, я понимаю, насколько она устарела. Невозможно продолжать лгать себе. Джош оттаскивает меня от ледящего кафеля и подставляет под водяные струйки, предварительно проверив температуру. Потом обхватывает сзади руками и баюкает, иначе это не назовешь. Я крепче прижимаюсь ягодицами к его выдающейся части, чтобы услышать стон.

– Как у тебя настроение? Никаких странностей? Не хочется

взбрыкнуть? – Он проводит мыльным кружком по моей груди, опускаясь ниже вдоль ребер. Берет мою руку, чтобы рассмотреть ее, и мы сравниваем размеры ладоней.

– Нет, все в порядке. Почему нам не приходится переживать насчет твоих странностей? Большинство девушек беспокоятся, как бы их парни не выдумали какую-нибудь раннюю тренировку как повод сбежать. В нашем случае такой вариант исключать нельзя.

– Я уже давно приготовился к такому повороту событий, гораздо раньше тебя, – говорит Джош. Он будто понимает, что я не хочу мочить волосы, и немного разворачивает нас. Его скользкие руки гладят мои бедра.

– Ох.

– Да.

– Как давно?

– Очень давно.

– Надо же, я и подумать не могла.

– Я очень скрытный. – Джош доволен собой, слегка.

Я забираю у него мыльце, которое уж очень быстро превращается в полупрозрачный лепесток. Прилепляю его к ладони, это служит хорошим предлогом, чтобы пошарить по телу Джоша, пока он слизывает языком капли с моей щеки.

Мы смотрим друг на друга, нос к носу, глаза полузакрыты, и все вокруг начинает вращаться. За пределами нашего водяного колокола – холодный воздух, но под струями воды нам становится жарче и жарче. Наконец мне уже кажется, что я покрываюсь испариной. Это все поцелуй.

Минуты и часы тают без следа, когда я целую Джошуа Темплмана. Нет ни солнца, восходящего на небосвод, ни неуклонно пустеющего бака с горячей водой, ни времени, когда надо освободить номер. Джош не спешит. Он редкий мужчина, достигает почти невозможного. Он целует меня в настоящем времени, здесь и сейчас.

В прошлом при близких контактах с мужчинами мне всегда было трудно отключить мозг. Но здесь остаемся только мы, ничего больше. Наши губы улавливают ритм, легкое покачивание маятника, который двигается по мягкой дуге, снова и снова, пока в мире не остается для меня ничего больше, кроме наших тел, обливаемых водой, которая заново питает облака.

Из-за Джоша слова вроде «интимность» становятся недостаточными. Может быть, это от того, как он большим пальцем приподнимает мой подбородок, остальные пальцы при этом заведены за ухо и прячутся в волосах. Я пытаюсь набрать в грудь воздуха, и он вдыхает его в меня. Моя

голова клонится на сторону, сонно-тяжелая, и Джош берет в ладони мое лицо. Я смотрю на него, и внутри меня происходит взрыв эмоций космического масштаба. Думаю, он видит это по моим глазам, потому что улыбается.

Я вспоминаю, какие большие у него руки, как они прикасаются к моему телу, как скользят по моим ребрам, как уютно ложатся мои груди в его ладони. Когда я уже не могу больше выносить это, он поворачивает меня к стене, и его пальцы распластываются крыльями на моих лопатках.

Ногти мягко скребут спину, и он шепчет, уткнувшись мне в шею.

Говорит, что я прекрасна. Самая вкусная клубничная печенка. Я так приятна на вкус, что он не выпускал бы меня изо рта никогда. И он хочет, чтобы я была уверена, абсолютно уверена, прежде чем приму решение относительно нас.

Он слизывает воду с моих плеч и кладет широкую ладонь между моих бедер. Чувствую, как моя нога непроизвольно отодвигается в сторону на дюйм. На два. Я дрожу, он обхватывает меня сзади рукой за шею.

При первом прикосновении его пальца я слышу эхо стоны, который издаю сама. Он начинает теснее прижимать меня к себе с каждым мягким кружком, который рисует внутри. В ответ я завожу руки за спину и ловлю его. Наш совместный стон отражается от кафельных стен, порождая пещерное, вибрирующее эхо.

– Отдайся мне, – шепчет Джош.

Я повторяю ему то же. Вокруг меня нет ничего, кроме горячих, влажных мышц, его губы теребят мочку моего уха, мощный член бьется в моей несоразмерно маленькой руке. Джошу, кажется, до этого нет дела. Он, вообще-то, начинает стонать.

У меня свои проблемы. Например, я пытаюсь не производить слишком много шума, чтобы нас не услышали снаружи. Это на удивление трудно, учитывая небесно-прекрасный массаж, который он мне делает.

– Ш-ш-ш, – посмеивается Джош.

Я начинаю шататься, он покусывает мою шею. Я сжимаю его сильнее. Мы оба напряженно вытягиваемся и достигаем оргазма буквально в один и тот же момент. Словно лопается и раскрывается созревший для цветения бутон. Щека Джоша прижата к кафельной плитке у меня над головой, мы молча глядим друг на друга и дрожим. Странно наблюдать, как каждый из нас распадается на части. У меня такое чувство, что я могла бы привыкнуть к этому.

Вероятно, не существует способа адекватно завершить момент, подобный этому. Как вернуться к реальности? Здесь нужно повесить

памятную табличку.

– О черт! Скоро завтрак. Нам нужно торопиться. Мне надо собрать сумку.

– Давай пропустим его. – Рука Джоша резвится на изгибе моей талии и бедрах. Вверх, вниз, внутрь, наружу.

– Твоя мама будет нас ждать. Пошли.

– Нет, – недовольно подвывает Джош, и его руки блуждают по моим плечам.

– Нет, – вторю ему я и выбираюсь из-под душа, уворачиваясь от его рук. Заматываюсь в полотенце и проверяю, сколько времени, взглянув на часы у кровати.

– Давай, давай. Пятнадцать минут. Поторапливайся.

– Я забронирую номер еще на сутки. Мы можем оставаться здесь часами. Мы можем здесь жить.

– Джош, мне нравится твоя мама. И я не знаю, правильно ли то, что я хочу ее порадовать, я ведь не уверена, увидимся ли мы еще когда-нибудь. Она скучает по тебе. Может быть, в этом и состоит моя роль в эти выходные – заставить тебя снова быть с семьей.

– Как мило. Заставлять меня делать то, чего я и сам хочу. И разумеется, вы еще увидите.

– Отлично. Давай рассуждать так: меня пригласили на завтрак и я иду. Умираю от голода. Ты высосал из меня всю энергию сексом. А сам делай что хочешь.

Я успеваю накрасить ресницы и половину верхней губы «Огнеметом», после чего Джош встает у меня за спиной, и я смотрю на наше отражение в зеркале.

Разница между нами никогда не была столь контрастной или чувственной. Контраст между мной и его мускулистым великолепным телом едва не лишает меня решимости. Джош убирает с шеи мои волосы и пригибается ко мне, целуя. Мы встречаемся взглядами в зеркале, и я издаю прерывистый вздох.

Хочется сказать ему: «Да, сними эту комнату до конца наших дней. Если бы у нас было больше времени, я сделала бы так, чтобы ты меня полюбил». Осознание этого берет за горло.

Надо быть слепой, чтобы не увидеть огонька обожания в глазах Джоша, который загорается, когда он крепче обхватывает меня руками и начинает целовать в шею. Только дожив до тысячи лет, я забуду эти поцелуи. Это свежий бутон, который в один прекрасный день превратится во что-то волшебное, но у меня большие сомнения, сможет ли он

распуститься и выжить в реальном мире. Этот пузырь, в котором мы находимся, не реальность. Я бы хотела, чтобы он был реальностью и мы жили в нем. Надо сказать все это вслух, но у меня не хватает смелости.

Я закрываю глаза:

– Мы можем позавтракать, а потом на бешеной скорости вернуться к тебе домой.

– Отлично. Красивая помада, между прочим.

Я докрашиваю губы и один раз промакиваю их. Джош берет у меня салфетку, не успеваю я ее скомкать, расправляет и держит перед собой, любуясь.

– Как сердце.

– Может, купишь маленький белый платочек, и я поцелую его для тебя. Будешь меня вспоминать. – Я игриво подмигиваю ему, чтобы поддержать шуточный тон разговора.

Саркастический ответ, которого я ожидаю, не звучит, вместо этого Джош разворачивается и выходит из ванной. Когда я тоже появляюсь оттуда, зажав под мышкой косметичку, он уже одет в джинсы и красную футболку.

– Никогда не видела тебя в красном. Как это получается, что тебе идет любой цвет радуги?

Джош кладет мой мобильник рядом с сумочкой и белой розой, которую вытащил из петлицы на лацкане пиджака.

– Это ты так считаешь. – Он застегивает молнию своей сумки и стоит у окна, глядя на воду.

Я вытаскиваю из багажа джинсы и черный кашемировый свитер. Хорошо, что я их взяла с собой. Здесь прохладно и свежо. Я к такому не привыкла. Джош не смотрит, как я одеваюсь. Немного подскакиваю, чтобы застегнуть штаны, он не оборачивается. Громко брызгаю духами в ложбинку между грудей, ноздри у Джоша ни капельки не раздуваются.

– Завтрак пройдет отлично.

– Да, конечно, – едва слышно отзывается он.

Надеваю туфли без каблука и решаю оставить волосы небрежно скрученными в большой влажный узел. Подхожу сзади к Джошу и обнимаю его за талию, прикладывая щеку пониже его лопатки.

– Скажи мне, что не так.

– Я приятель на одну ночь. Именно этого я стремился избежать. Хотел построить что-то более основательное, чем просто удовлетворить тебя.

– Нет! Эй! Чем я дала тебе повод так думать?

Я тяну Джоша за локоть, пока он не поворачивается ко мне.

– Ты постоянно говоришь так, словно все уже закончилось. Отпечаток губ, по которому я буду тебя вспоминать? Мне это понадобится, да?

– Нам недолго осталось работать вместе.

– Не для того я столько времени хотел тебя, столько вытерпел и от столького отказался, чтобы получить тебя на одну ночь. Этого недостаточно.

Конечно, он прав. Исход собеседования висит над нами, как серп. Я вдруг теряю выдержку.

– Я могу остаться у тебя сегодня? – Другие слова в голову не приходят. – Могу я спать в твоей постели?

– Думаю, да, – уныло произносит Джош, и я тяну его за шлевки джинсов к чемодану.

Смотрю на кровать. Как могло столь многое измениться в таком ограниченном пространстве? Может быть, Джош думает о том же. Он целует меня в лоб так нежно, что я ощущаю пощипывание слез.

Краем глаза кошусь на счет, когда мы выписываемся из отеля. Этот волшебный номер стоил примерно столько, сколько я плачу за квартиру в неделю. Джош ставит на чеке размашистую подпись, как Зорро, и привлекает меня к себе. Моя щека оказывается прижатой к его великолепным грудным мышцам.

– Хорошо провели у нас время?

Элегантная, ухоженная девушка за стойкой, проводя регистрацию отъезда, улыбается Джошу чуть шире необходимого. Кажется, она намеренно не замечает моего присутствия, а может, просто зачарована. Я рассматриваю ее прическу: светлые волосы гладко зачесаны назад и изящно скручены. Бледно-розовая помада слишком контрастирует с загаром. Гостиничная Барби.

– Да, спасибо, – с отсутствующим видом отвечает Джош. – В душе отличный напор воды.

Я вижу, как уголок его рта приподнимается, складка, очерчивающая улыбку, углубляется.

Девушка явно представляет себе этого красавца в душе. Ее глаза перебегают от Джоша к экрану компьютера. От экрана – к лицу. Она скрепляет бумаги степлером, складывает их и ищет красивый маленький конвертик, хотя постоялец, которого обслуживали у соседнего окна, ничего такого не получил.

Она суетится и совершает массу мелких, необязательных действий, чтобы лучше рассмотреть Джоша. Говорит ему о программе лояльности и что в следующий приезд ему при регистрации дадут бутылку вина в

подарок и, возможно, ее саму, разложенную на его постели. Повторно проверяет адрес и номер телефона.

Я раздраженно буравлю девицу взглядом. Хотя кто мог бы укорить ее? Джош ничего не замечает и начинает целовать меня в висок.

Мужчина такого сложения, с таким лицом, к тому же настолько милый и приятный? Я бы тоже немного обомлела, лицезрея такое, к тому же я сейчас сторонний наблюдатель. Это все равно что видеть, как вышибала из ночного клуба, которому недавно поставили фингал под глазом, нянчится с едва начавшей ходить маленькой девочкой в юбочке из тафты, или участник боев без правил посылает поцелуй своей пассии, сидящей в первом ряду. Грубая, неприкрашенная маскулинность, контрастирующая с мягкостью, – это самая привлекательная вещь на земле.

Еще точнее, Джош – самый привлекательный человек на земле.

Девушка бросает на меня взгляд – тяжелый, оценивающий. Я кладу руку на грудь Джоша, будто говоря: «Мой». Сидящая во мне ревнивая пещерная женщина не может удержаться.

– Подать вашу машину?

– Да, – говорит Джош, а я одновременно с ним произношу:

– Нет.

– Нет, мы позавтракаем. Можно оставить здесь наш багаж?

– Разумеется. – Девушка косится на левую руку Джоша, потом на мою левую руку. – Благодарю вас, мистер Темплман.

– Нужно будет надеть на тебя фальшивое обручальное кольцо, если мы сюда когда-нибудь вернемся, – ворчу я, пока мы идем через холл в ресторан.

Джош едва не споткнулся о собственную ногу.

– Зачем ты так говоришь?

Мы проходим мимо бального зала и видим, как работники отеля снимают большие связки розовых, как платье Минди, воздушных шаров.

– Эта девица за стойкой хотела повеситься на тебя. Не могу ее винить, но все же. Я тоже там стояла. Что я, невидимка?

Джош косится на меня:

– Как первобытно.

Мы проталкиваемся сквозь двойные стеклянные двери, и Джош оттаскивает меня в сторону. Я высовываю голову из-за дверного косяка. Вижу его родных. Поднимаю руку, чтобы помахать им, но Джош тянет меня назад и почему-то сердится.

– Там буфет! – В моем голосе звучит радостное предвкушение. – Посмотри на эти круассаны, простые и шоколадные. Быстрее, там мало

осталось.

– Последний раз прошу тебя. Давай просто уедем. Вчера общение с семьей вроде бы прошло очень удачно. Давай не будем рисковать.

– И что, смыться отсюда, как Тельма и Луиза?^[10]

– Они все полюбили тебя.

– Я невероятно привлекательна. Джош, пошли. Я здесь с тобой. Никто тебя не обидит, пока я тут. У меня с собой невидимый пейнтбольный пистолет. Отведи меня туда, накорми булочками, а потом отвези в свою волшебную голубую спальню.

Он чмокает меня в губы. Я оглядываюсь через плечо на стойку регистрации.

– Ну же, смелее. Забудь о своем отце и сфокусируйся на матери. Будь джентльменом. Я иду.

Петляю по залу, не представляя, идет ли он следом. Если нет, возникнет неловкость.

Глава 27

За столом у окна сидят Элейн, Энтони, Минди и Патрик. Разговор смолкает, когда я приближаюсь. Машу рукой как дурочка. У всех на лицах удивление.

– Привет.

– Люси! Здравствуй! – Первой приходит в себя Элейн и оглядывает стол.

Ох! Свободных стульев нет. Мы опоздали всего минут на пять. Они, очевидно, не ожидали, что мы появимся. Джош немного задерживается позади, слава богу.

– Быстро, быстро! – Я осматриваю соседние столы.

– Еще стульев! – Элейн ахает. Она отлично понимает: если Джош подойдет, а места для нас нет, он закроется в своей ракушке.

Энтони сидит у края стола и невозмутимо читает газету. Нет, погодите, медицинский журнал. Бог ты мой! Он не подает признаков того, что замечает присутствие рядом с ним других людей.

Возникает суматоха, мне удастся взять от соседнего стола пару стульев. К моменту, когда с тарелкой круассанов и чашкой чая подходит Джош, мы все сидим как ни в чем не бывало и пытаемся передвинуть тарелки, чтобы они вернулись к бывшим владельцам.

– Доброе утро, – произносят все.

– Привет, – осторожно отзывается Джош и ставит тарелку с чашкой напротив меня. – Я взял для тебя последние. – Тарелка завалена круассанами и клубникой. Джош проводит рукой по моей шее.

– Очень мило с твоей стороны. Спасибо.

– Я возьму себе что-нибудь, – говорит он и уходит.

Элейн следит за ним грустно и в то же время радостно и смотрит на Энтони.

Я улыбаюсь Минди, чтобы показать, что больше не сержусь. Должно быть, от меня исходит ядерное посторгазмное свечение. Она осторожно улыбается в ответ.

– Как вы себя чувствуете, миссис Темплман?

Я не особенно задумывалась, задавая этот вопрос, но от слов «миссис Темплман» она вздрагивает. Может, я преувеличиваю, но у меня такое ощущение, будто я швырнула гранату. Слова звенят в ушах, отражаются от стен, пробирают до костей.

Миссис Темплман. Как помпезно, и правда.

– Как выжатый лимон. Я так устала, что все время будто сплю. Но сон приятный. – Она расплывается в улыбке и смотрит на скатерть. – Миссис Темплман. Это звучит так... – Она прикрывает лицо руками и вздыхает, смеется и пожимает плечами. Минди, не лезь в мои мысли.

– Извини, что мы заняли такой маленький столик... – начинает Элейн, но я качаю головой:

– Ничего страшного. Мне пришлось запускать лассо, чтобы притащить его сюда. – Я изображаю, как раскручиваю над головой веревку, и женщины раздражаются хохотом. Мужчины сидят молча, читают и едят.

– Могу себе это представить. Маленькая девушка-ковбой тащит его позади себя, упирающегося и фырчащего.

– Не знаю, почему он всякую мелочь превращает в проблему, – тихо вставляет слово Патрик и быстро, морщась, делает большой глоток кофе.

Такое ощущение, будто он всегда так занят, что даже пищу принимает обжигаяще горячей и большими кусками. Может, все доктора такие. Скорее заправляются топливом, чем получают удовольствие от еды.

– Он стесняется. Оставьте его в покое.

Мое нахальство в стиле младшей сестренки заставляет Патрика сдвинуть брови, но потом он смеется и смотрит на Джоша:

– Стесняется! Да уж...

Я вижу, что до него постепенно доходит смысл моих слов, как до меня дошло вчера. Застенчивость принимает разные формы. Некоторые люди робкие и мягкие, другие робкие и неприступные. Или, как в случае с Джошем, робкие и закованные в рыцарские доспехи.

– Джош, Люси, спасибо вам за подарок, – говорит Минди, когда мой спутник занимает свое место, потом ловит мой взгляд и улыбается, явно считая, что это был мой выбор.

– Я даже не видела, на чем он в конце концов остановился. – Я откусываю большой кусок круассана.

Джош держит одну руку на спинке моего стула, его теплая ладонь лежит у меня на плече.

– Самый прекрасный набор уотерфордских хрустальных бокалов с гравировкой в виде наших инициалов. И две бутылки «Моэт».

– Славно сработано, Джош.

– Свадьба прошла отлично, – говорит ей Джош.

Они всматриваются друг в друга, а я заглядываю в глаза Джоша. Вероятно, они впервые видятся после разрыва. Я почти дрожу от

напряжения, пытаюсь уловить признаки остаточной сердечной боли, желая, недовольства, тоски. Если бы у меня были усы, они бы сейчас шевелились.

– Спасибо, – отвечает Минди.

Она смотрит на свое обручальное кольцо, а потом на Патрика с безнадежной преданностью. Я перевожу взгляд на Джоша. Если бы существовала вероятность, что он проявит себя не с лучшей стороны, это случилось бы сейчас. Джош улыбается, смотрит в свою тарелку, затем на меня, целует в висок, и я сдаюсь – убеждена.

– Как тебе удалось спрятать от нас Люси? – спрашивает Минди, разрезая грейпфрут.

– О, знаете ли, я держал ее в подвале своего дома.

– Это не так уж плохо, как можно подумать. Он там все обустроил с комфортом.

Все смеются, кроме Энтони, естественно.

Вдруг я делаю открытие, которое приносит мне облегчение. Я ни под кого не подлаживаюсь. Это объясняет, почему я так свободно сижу здесь и ем с незнакомыми людьми. Если я им нравлюсь, отлично. Если нет, могу уйти. Но у меня появляется то же расслабленное ощущение, как когда я сижу со своей семьей. Стоит повернуть голову под определенным углом, и Энтони вообще скроется из поля зрения.

Минди перечисляет, какие еще подарки они получили. Новое золотое кольцо Патрика поблескивает в неярком солнечном свете, проникающем сквозь облака, и время от времени он сгибает большой палец, чтобы прикоснуться к украшению. Минди с нежностью во взгляде наблюдает за мужем.

Завтрак Джоша – это два вареных яйца, пшеничный тост и горка подвявшего шпината. Он выпивает кофе двумя глотками. Я смотрю на свою тарелку и щиплю себя за живот под столом. Его тело – храм. Мое в таком случае – лачуга, слепленная из масла.

– Еще кофе? – Я встаю с намерением взять фруктов.

Невозможно есть одну выпечку. Джош хватается меня за запястье и просит взглядом: останься. Я нежно глажу его по руке, и он неохотно отдает мне свою чашку.

– Я сейчас вернусь. Еще кому-нибудь?

Неторопливо вожусь с кофемашиной. Обстановка за столом чопорная, и мне становится очевидно, что я незваный гость. Одна из всех не Темплман.

Пока я борюсь с пластиковыми щипцами, чтобы подцепить еще кусок

арбуза, до меня слабо долетают обрывки разговора на повышенных тонах. Кладу на тарелку гроздь винограда, и тут до меня окончательно доходит. Вот черт!

Поспешно возвращаюсь к столу и ставлю на него свою тарелку и чашку Джоша. Минди застыла, в глазах испуг, у Патрика вид удрученно-покорный.

– Но вот что мне хотелось бы знать, так это почему ты бросил медицину? Любая мартышка может получить МВА. – Энтони отложил в сторону свое утреннее чтение и буравит взглядом Джоша.

Серьезно, меня не было здесь всего каких-то пару минут. А ситуация успела обостриться. Да, чтобы сбросить атомную бомбу, нужно нажать всего одну кнопку, а на это много времени не требуется. Я кладу руку сзади на шею Джоша, будто удерживаю за ошейник готового ринуться в бой пса.

– Ни хрена! Если бы ты что-нибудь об этом знал, то понимал бы: невозможно завершить курс МВА для топ-менеджеров, работая полный день. А я это сделал. И был среди двух процентов лучших выпускников. Я получил четыре приглашения на работу, и две из этих компаний продолжают звонить мне.

– Удивительно, что ты завершил учебу, если это было так трудно, – говорит Энтони. – Я думал, твое любимое занятие – все бросать.

– Эй! – выпаливаю я, продолжая стоять, и понимаю, что рука у меня непроизвольно оказалась упертой в бок.

– Люси, они просто... – Элейн не знает, как поступить. – Может, ты поговоришь с Джошем на улице, Энтони?

Люди за соседними столами сидят, опустив приборы до разного уровня, что выражает жадный интерес или желание не быть свидетелями скандала.

Джош недобро смеется:

– Зачем, чтобы мы могли по старинке навалить друг другу? Ему это понравится.

Энтони выкатывает глаза:

– Тебе бы лучше...

– Поднабраться силенок? Это ты собирался сказать? Я всю жизнь это слышу от тебя. – Джош ожесточенно смотрит на меня. – Теперь мы можем уйти?

– Может быть, лучше обсудить все сейчас.

А то могут пройти еще пять лет без толку.

– Она из этих нежно-чувствительных натур, – говорит Энтони жене. – Фантастика!

Джош угрожающе щурит глаза:

– Не говори о ней ничего.

– Что ж, она не может не вмешиваться.

– Помолчи! – говорит Элейн мужу. Она злится. – Я просила тебя только об одном – соблюдать приличия. Так что закрой рот.

Я смотрю на Энтони, он – на меня. Осматривает с головы до ног насмешливым взглядом. Потом фыркает и отворачивается к окну, слушается жену, губы недовольно поджаты.

Ну и ну! Я не собираюсь сносить пренебрежение к себе вторично, тем более от другого Темплмана. Мое терпение лопается.

– Ваш сын невероятно талантлив. Собран. Очень умен. Без него в нашем издательстве все развалилось бы.

– И что он там делает? Облизывает марки? Отвечает на звонки?

Мы скрещиваем взгляды.

Я издаю резкое – ха!

– Вы действительно думаете, что он этим занимается?

– Я не собираюсь сидеть здесь и слушать, как вы разговариваете со мной в таком тоне, юная леди. Я видел, как подписаны его электронные письма. Помощник директора. Не знаю, кем вы сами себя возомнили.

Он пытается восстановить пошатнувшийся авторитет. Может быть, я сяду и стану хорошей маленькой девочкой. Джош инстинктивно поднимается на мою защиту, но я машу ему, чтобы сидел.

Я справлюсь.

– Я человек, который знает вашего отпрыска лучше, чем вы сами. Он тот, перед кем отчитываются финансовый отдел и отдел продаж. Его все до смерти боятся. Был случай, когда один сорокапятiletний мужчина умолял меня в коридоре у зала заседаний передать на подпись документы, чтобы только не присутствовать на собрании. Я видела, как сотрудники суетятся, словно муравьи, проверяют цифры по два, по три раза. И даже после этого Джош всегда умудряется находить ошибки. А тогда у кого-нибудь выдается очень тяжелый день.

Энтони хочет возразить, но я не даю ему и слова вставить. Я так разошлась, что готова задушить его. Честно, я могла бы обхватить руками и сдавить его шею.

Я Лара Крофт, пистолет нацелен, глаза пылают жадной мести.

– Причина, по которой «Бексли букс» не лопнуло до слияния, – это инициатива Джоша сократить штат на тридцать пять процентов. Я возненавидела его за это. Такое хладнокровие. Вы даже не представляете, каким он может быть. Но это означало, что другие сто двадцать человек не

потеряют работу. Будут выплачивать ипотеку. Так что не смейте выдумывать, будто он ничтожество! И мне достоверно известно, что Джош был незаменимым во время переговоров о слиянии. Один из корпоративных юристов говорил мне на кухне, что он, цитирую, «чертов упертый осел». – Похоже, меня понесло. Я будто очищаюсь от чего-то. – Его босс, который содиректор только по должности, – толстая, склизкая жаба – помешан на медицинских предписаниях, он едва способен сам шнурки завязать. Джош заправляет всем. Мы оба. – Я смотрю на сидящих за столом. Джош запускает пальцы под пояс моих джинсов. – Простите, что устраиваю сцену. Вы все мне симпатичны. За исключением вас. – Я сурово смотрю на Энтони. – Я провела с Джошем больше времени, чем любой из сидящих здесь, и должна сказать: вы не знаете, кто у вас есть. У вас есть Джош. Он странный, с ним трудно. Половину времени я его ненавижу, и он меня бесит, – очевидно, это наследственное. Вы посмотрели на меня точно так же, как Джош при нашей первой встрече. Сверху донизу, а потом – в окно. Вы все обо мне знаете? Вам и о нем все известно? Я в этом сомневаюсь.

– Я пытался дать ему толчок. Некоторых людей необходимо подталкивать, – говорит Энтони.

– Нельзя действовать двумя противоположными способами. Невозможно совершенно пренебрегать человеком и в то же время смешивать с грязью его выбор.

Энтони поднимает руку ко лбу и потирает его, как будто у него разболелась голова.

– Мой отец давил на моего младшего брата.

– И как ему это нравилось?

Энтони отводит глаза. Не слишком убежденный, я полагаю.

– Он не стал врачом. Из-за этого. – (Энтони таращится на меня.) – Но я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Джош мог бы, если бы захотел. Он мог бы стать кем угодно, если бы только захотел. Тут нет никакой ошибки. И дело не в том, что он недостаточно хорош. Это его выбор.

Я со вздохом сажусь. Минди и Патрик переглядываются с разинутыми ртами. Черт, все люди вокруг пораскрывали рты. Я слышу, как кто-то начинает аплодировать, потом поспешно останавливается.

– Простите, Элейн. – Я делаю большой глоток чая, едва не обливаюсь им. Руки у меня трясутся.

– Не извиняйся за то, что так защищала его, – слабо отвечает она.

Полагаю, под «так» она подразумевает – как разъяренная львица.

Я набираюсь храбрости и смотрю на Джоша. У него вид совершенно

контуженный.

– Я... – Энтони умолкает, и я направляю на него свой самый лучший взгляд. Тот же испепеляющий, бесстрастный взгляд, каким я смотрела на его сына уже тысячу раз. – Я... кхе... – Он прочищает горло и смотрит на свой нож и вилку.

– Да, доктор Темплман? Поделитесь с нами? – Ну я и нахалка. От такой дерзости дух захватывает.

– Я мало что знаю о твоей работе, Джош.

У всех челюсти отпадают еще ниже. У меня – нет. Он такого удовольствия не дождет. Я смотрю ему в глаза и мысленно вонзаю ржавый рыбный нож ему в кишки. Вскидываю бровь.

– Мне... было бы интересно поговорить с тобой об этом, Джош...

Я перебиваю его:

– Теперь, когда вы знаете о его успехах? Знаете, что он почти наверняка получит должность главного исполнительного директора крупного издательского дома? Вам будет о чем рассказать приятелям за гольфом.

– Сквош, – говорит Патрик в сторону, обращаясь ко мне. – Он играет в сквош.

Наверное, Энтони в жизни своей не получал такой головомойки. Он не способен вымолвить ни слова. Это замечательно.

– Вы должны любить его и гордиться им, даже если бы он занимался разборкой почты. Даже если бы он был безработным, сумасшедшим и жил под мостом. Мы уезжаем. Элейн, для меня знакомство с вами было большим удовольствием. Минди, Патрик, еще раз примите мои поздравления, наслаждайтесь медовым месяцем. Простите, что устроила сцену. Энтони, все это была правда. – Я встаю. – Теперь мы смоемся отсюда, как Тельма и Луиза.

Джош поднимается и идет поцеловать мать в щеку. Она беспомощно хватает его за запястье.

– Когда мы увидимся? – Элейн смотрит на Джоша, но и на меня тоже.

Я замечаю, как напрягаются скулы Джоша, и почти слышу отговорки, которые вертятся у него на языке. Он хочет выйти из поля зрения всей семьи Темплман сразу, исчезнуть с экранов их радаров. Следующая сказанная мной фраза удивляет меня саму. Особенно если учесть, что я только что распрощалась со всеми.

– Если вы приедете в город в ближайшее время, мы с удовольствием поведем с вами. А потом можем сходить в кино. Энтони, вас мы тоже приглашаем. – (Его челюсть, которая и без того уже отвалилась, начинает

покачиваться на ветру.) – Но только если вы готовы вести себя цивилизованно и начать новое знакомство со своим сыном. Думаю, вы понимаете, больше на него злиться нельзя. Это позволено только мне, потому что ему так нравится.

– Нам с тобой нужно кое-что обсудить. На улице. Сейчас. – Элейн встает на ноги и указывает на французскую дверь, ведущую в сад.

Энтони выглядит как человек, идущий на виселицу. Разъяренную львицу себе под стать я могу узнать с первого взгляда.

Я беру Джоша за руку, и мы извилистым путем покидаем своих обомлевших зрителей.

– Бесподобно! – говорит мне кассир. – Леди, это было лучше, чем в театре.

Я забираю наши вещи у администратора – к счастью, на этот раз не у той похотливой блондинки. А то я могла бы снести ей башку ударом наотмашь.

Идя в ногу, мы с Джошем покидаем холл отеля, как два окружных прокурора – борца за справедливость в телесериале.

Я прошу служителя подать машину.

– Ладно, давай обсудим это.

Я только что устроила невероятно постыдную сцену. Вижу, что люди, ожидающие такси, переговариваются обо мне. Я стану героиней двадцати разных переложений «Инцидента в ресторане».

Джош поднимает меня с земли и говорит:

– Спасибо тебе. Большое тебе спасибо.

Когда мы целуемся, раздаются аплодисменты.

– Ты не сердись, что я заступилась за тебя? Мальчики в этом не нуждаются.

– Этот конкретный нуждался. И я даже позволю тебе выбрать, кем ты хочешь быть – Тельмой или Луизой. – С этими словами Джош ставит меня на ноги.

Подкатывает наша машина.

– Ты у нас красавец, так что, думаю, ты Тельма.

Джош отодвигает назад водительское сиденье. Мы отъезжаем на полквартиры, после чего он начинает хохотать.

– Ты сказала моему отцу: «Это все правда».

– Как плохой телесценарист, который считает, что так говорят дети.

– Вот именно. Это было бесподобно. – Джош смахивает слезу большим пальцем.

– Правда, я тревожусь за твою маму. Она выглядела совершенно

потрясенной.

– Не беспокойся, она выколотит из него все дерьмо за это.

– Не сомневаюсь. Мы с ней потому и поладили.

Джош ненадолго задумывается.

– Не знаю, как у нас дальше сложится с отцом, после такого.

– Нет ничего невозможного. – Я пытаюсь поверить собственным словам.

Немного опускаю стекло, в лицо бьет ветер. Солнце пригревает ноги, и Джош снова улыбается.

Я гоню от себя мысли о том, чем все это закончится.

Если обычно эта дорога занимает часов пять, то Джош, могу поклясться, сократил ее до трех. Но время ничего для нас не значит, мы летим по сельским дорогам, оставляя позади соленый морской ветер.

Солнце, падающее на нас сквозь листву деревьев, освещает воспоминания; по рукам скачут лимонные и медовые пятна, цвет наших глаз становится от этого еще более насыщенным: его – сапфировым, мой – бирюзовым. Вижу свое лицо в боковом зеркале машины и едва узнаю себя.

Я изменилась. Вся какая-то другая, новая. Сегодня важный день.

Поездку домой я всегда буду вспоминать, как кино, в котором я снялась. Каждая деталь яркая и живая. Знаю, эти воспоминания мне когда-нибудь пригодятся.

Фильм монтирует какой-нибудь француз. Он предпочел бы автомобиль с открытым верхом, но стекла опущены, так что это не проблема. Воздух не по сезону теплый и напоен запахами жимолости и скошенной травы.

Звезда фильма – миловидная девушка, которая улыбается огнеметного цвета губами красавцу-мужчине. Он так хорош в своих темных очках, что вы немедленно побежите покупать себе такие же.

Он подносит ее руку к своим губам и целует. Говорит ей что-то забавное, и она смеется. В такие моменты хочется нажать на паузу и купить все, что вам пытаются втюхать.

Счастье. Лучшую жизнь. Красную помаду и эти очки.

Саундтрек должен меняться в соответствии с развитием романа: в равных долях вселять надежду и ловить на крючок сладко-горькой лиричностью, от которой по непонятной причине щемит сердце. Но вместо этого из динамиков вырывается глэм-метал 1980-х, который я обнаружила в компрометирующем списке композиций на айпде в папке под названием «Спорт».

– Ты и правда накачал эти кубики, слушая «Пойзон» и «Бон Джови», –

изумляюсь я, и Джошу ни к чему отрицать это.

Мы вдвоем, стекла опущены, музыка орет, дорога длинным языком вьется впереди.

Мы подпеваем. Слова песен, которые я не слышала уже много лет, сами собой вылетают изо рта. Джош пальцами отстукивает ритм на руле. Жить сейчас легче, чем дышать.

Машину мы не останавливаем ни разу. Словно, если притормозим, даже просто чтобы передохнуть, реальность нас нагонит. Мы грабители, только что опустошившие банк. Или подростки, сбежавшие из школы-интерната и прихватившие с собой подружек.

В сумке у меня лежат бутылка воды и коробочка с мятными драже Джоша. Мы делимся друг с другом, и это лучше, чем банкет.

В конце концов приходится сознаться самой себе, почему этот киномонтаж так важен для меня. Натужно убеждаю себя в том, что все дело в приближении утра понедельника и того момента, когда одна награда будет висеть над головами двух достойных претендентов. Может быть, причина еще и в том, что я чувствую себя невероятно оживленной и совсем юной; меня буквально распирает от пугающей уверенности в скором и весьма радикальном изменении всей моей жизни.

Вероятно, мой внутренний трепет вызван связью с мужчиной и нервным возбуждением, испытанным в момент противостояния с человеком довольно-таки страшным. Так трепещешь, когда спасаешь кого-то. Проявляешь силу. Заботишься о ком-то, опекаешь и защищаешь, как львица.

Может, виной тому – запах весны в воздухе, зеленеющее поле, где есть шанс отыскать четырехлистный клевер. Красные розы за изгородью. Кожаные сиденья и кожа Джоша.

Нет, было что-то еще – новое знание о чем-то неизменном, постоянном. Оно прокручивается в моей голове с каждым оборотом колеса, с каждым ударом пульса в моих полупрозрачных, едва заметных, как шепот, венах. В любой миг крошечный клапан может захлопнуться под давлением потребленного с круассанами холестерина. Я могу умереть каждую минуту.

Но этого не происходит. Я засыпаю, щека лежит на теплой спинке сиденья, лицо повернуто к Джошу, словно так было всегда. Словно так и будет.

Чуть приоткрываю глаза. Машина в гараже.

– Мы дома, – сообщает Джош.

Думаю о невероятном. Наверное, я размышляла об этом все время.

Глаза закрываются, я притворяюсь спящей.

– Пора вставать, – шепчет Джош.

Поцелуй в щеку. Чудо.

Я люблю Джошуа Темплмана.

Глава 28

Мы входим в квартиру Джоша, и он ставит мою сумку, собранную на одну ночь, в своей спальне, как будто я возвращаюсь домой. Иду в ванную, а когда выхожу, Джош готовит мне чай с сосредоточенностью настоящего ученого.

Бросает взгляд на мое лицо:

– О нет! Не говори ничего.

Сердце едва не выскакивает из груди, я хватаюсь за край стойки. Он знает. Этот человек читает мысли. Мои глаза – два влюбленных сердечка.

– Ты совершенно вне себя, – ровным голосом ставит диагноз Джош.

Я не способна ни на что другое, кроме как смущенно скосить глаза и беззвучно пошевелить губами. Смотрю на входную дверь. Просочиться мимо Джоша не удастся – он успеет меня перехватить.

– Никаких шансов. Иди на диван, – отчитывает он меня. – Давай. Двигай.

Я скидываю туфли и сворачиваюсь клубком на его диване, обнимая ленточную подушку.

Веду сама с собой беззвучную беседу.

Ты его любишь. Ты его любишь. Всегда любила. Больше, чем ненавидела. Каждый день смотрела на этого мужчину, изучила цвета всех его рубашек, каждое выражение лица, до мельчайших нюансов.

Каждая игра, в которую ты играла, подводила к тому, чтобы завязать отношения с ним. Поговорить. Почувствовать на себе его взгляд. Заставить его тебя заметить.

– Какая я идиотка! – Я вздыхаю.

Открываю глаза и едва не вскрикиваю. Джош стоит надо мной с кружкой и тарелкой.

– Я просто не могу смириться с закидоном в такой крайней степени, – говорит он и дает мне сэндвич. Ставит кружку на кофейный столик. На минутку исчезает, потом возвращается с моим серым флисовым пледом.

Джош как будто понимает, что я испытала некий шок. Он подтыкает под меня плед со всех сторон, приносит мне еще одну подушку. Кто знает, что написано на моем лице. Я избегала смотреть на себя в ванной.

Зубы начинают стучать, и я тянусь к сэндвичу, очень аппетитному с виду. Никаких дешевых изысков. Ровно разрезан по диагонали, именно такие я люблю.

Я жую, как бурундук, используя свои маленькие цепкие ручки, чтобы отрывать корку от хлеба. Глаза у меня становятся яркими и подвижными, как у куклы, а щеки раздуваются.

– Ты не сказала ни слова с того момента, как проснулась. Ты выглядишь пришибленно. Руки дрожат. Пониженный сахар? Плохой сон приснился? Укачало в машине? – Джош ставит свою тарелку с нетронутым сэндвичем. – Ты устала? У тебя болит живот? – Джош потирает мои ноги сквозь плед. Когда он снова начинает говорить, то делает это так тихо, что я едва его слышу. – Ты поняла, какую ошибку совершила, проведя это время со мной.

– Нет, – бормочу я с набитым ртом и закрываю глаза.

Тревожная складка на лбу Джоша убивает меня.

– Нет?

Чувствую себя ужасно. Разрушаю волшебный пузырь радостной энергии, в котором мы находились по пути домой.

– Сегодня воскресенье, – отвечаю я после долгого обдумывания.

– Завтра понедельник, – откликается Джош.

Мы оба отхлебываем из чашек. Игра в гляделки началась, я переполнена вопросами, которые до смерти хочется задать, но не представляю, как к этому подступиться.

– Правда или желание? – говорит Джош. Он всегда находит правильные слова.

– Желание.

– Трусиха. Ладно. Тогда съешь целую баночку острой горчицы из моего холодильника.

– Я надеялась на что-нибудь сексуальное.

– Я дам тебе ложечку.

– Правда.

– Почему ты так странно себя ведешь? – Джош откусывает кусок сэндвича.

Я вздыхаю так глубоко, что возникает боль в легких.

– Я была не готова к этому, и у меня появляются пугающие чувства и мысли.

Джош пристально смотрит на меня, пытаюсь заметить малейшие признаки лжи. Ничего не находит. Ответ мой крайне сжат, но правдив.

– Правда или желание?

– Правда, – не моргая, отвечает он.

В окна проникает вечерний свет, и я вижу кобальтовый ободок вокруг радужки его глаз. Приходится на миг закрыть глаза, пока не схлынет боль

от такой красоты.

– Что за отметки ты делаешь в ежедневнике? – Мне запало в голову, что в прошлый раз он не ответил, сомневаюсь, сделает ли это сейчас.

Джош улыбается и смотрит в тарелку:

– Так, мальчишество.

– Меньшего я от тебя и не ожидала.

– Я записывал, одета ты в платье или в юбку. «П» или «Ю». Ставил значки, когда мы ругаемся и если замечал, что ты улыбаешься кому-то другому. А еще – когда мне хотелось тебя поцеловать. Точки – это просто мои перерывы на обед.

– Ох... Но зачем? – В животе у меня трепет.

Джош размышляет, как ответить.

– Когда так мало получаешь от кого-то, берешь все, что можешь.

– И давно ты этим занимаешься?

– Со второго дня в «Б и Г». Первый день прошел как в тумане. Я собирался собрать статистику. Прости. Когда говоришь об этом вслух, звучит безумно.

– Хотела бы я додуматься до такого, если от этого становится легче. Я не менее безумна.

– Ты взломала код рубашек очень быстро.

– Почему ты носишь их в определенной последовательности?

– Хотел посмотреть, заметишь ли ты. И когда ты заметила, тебя это взбесило.

– Я всегда замечала.

– Да, знаю. – Джош улыбается, и я улыбаюсь тоже. Чувствую, как он берет в руки мою ступню и начинает ее массировать.

– Эти рубашки, отмечавшие дни недели, странным образом меня успокаивали. – Я откидываюсь на спину и смотрю в потолок. – Вне зависимости от происходящего я знала, что, когда войду, увижу белую. Потом бело-серую. Кремовую. Бледно-желтую. Горчичную. Светло-голубую. Голубую, как спальня. Голубино-серую. Темно-синюю. Черную. – Я загибаю пальцы.

– Ты забыла, бедная старая горчица не на том месте. В любом случае скоро ты уже не будешь видеть мои глупые рубашки. Мистер Бексли сказал, что к пятнице отборочная комиссия уже примет решение.

– Но ведь пройдет всего один день после собеседований. – Я-то думала, на размышления уйдет неделя или две. Значит, в следующую пятницу я или буду праздновать победу, или окажусь безработной? – Мне тошно.

– Он сказал, что если за пять минут во время интервью не сформируется решение, кто нужный кандидат, значит они сами идиоты.

– Лучше бы он не пытался давить на комиссию. Нам нужно, чтобы решение было честным. Ух! Я не представляю, как смогу отчитываться перед мистером Бексли сама, без тебя в качестве буфера. Говорю тебе, Джош, у этого мужика глаза – рентгеновские лучи.

– Мне хочется ослепить его кислотой.

– Ты держишь в ящике стола склянку с кислотой?

– Тебе это должно быть известно. Ты ведь совала нос в мой стол и в ежедневник.

В словах Джоша звучит упрек, но его взгляд остается дружелюбным. Он гладит мне большим пальцем свод стопы, и от этого я урчу.

– Ты уволишься, если я получу работу? – тихо спрашивает Джош.

– Да. Прости, но мне придется уйти. Сперва я говорила это из гордости. Но теперь ясно, что это единственный возможный вариант. Но знай, если решат, что ты лучше подходишь для этой работы, я уйду с радостью. Я буду радоваться за тебя, Джош, клянусь! Мне, как никому другому, известно, насколько упорно ты трудился ради нее. – Я немного выгибаю спину и вздыхаю. – Ты был бы моим боссом. Это было бы чертовски заманчиво – целоваться с главным исполнительным при каждом удобном случае, но нас обязательно поймали бы.

– А если ее получишь ты?

– Я не могу рассчитывать на твой уход, но быть твоим боссом я не смогу. Буду давать тебе какие-нибудь несусветные задания, и у Джанет случится удар.

– А если бы я стал твоим боссом, я бы так тебя уработал. До изнеможения.

– Ммм... Мне бы всю ночь снились грязные сны.

– Ты сказала моим родителям, что я, вероятно, скоро стану главным операционным управляющим. Ты действительно так думала или просто прибавила это к списку похвал в мой адрес? Ничего страшного, если последнее – правда.

– Если бы я была в приемной комиссии, то тщательно рассмотрела бы наши резюме, и ты, вероятно, покорил бы меня. Ты так хорош на своем месте. Я всегда восхищалась тем, как ты работаешь. – Я потираю руками грудь, чтобы облегчить боль.

– Не обязательно. Дело ведь не только в резюме. Еще будут собеседования. Ты очаровательна. Нет на свете человека, который не проникся бы к тебе симпатией в первый миг знакомства.

– И это говоришь мне ты? Я видела тебя в деле, когда ты к чему-то стремишься. Ты как политик тысяча девятьсот пятидесятых. Мягче мягкого.

Джош смеется:

– Но ты любишь «Б и Г». А меня там все ненавидят. Это твое преимущество передо мной. Плюс твое высокосекретное оружие, на которое Дэнни тратит свои выходные.

– Да. – Я быстро отвожу взгляд.

– Это связано с электронными книгами, я не идиот, – говорит Джош.

– Почему бы тебе хоть раз не побыть им? Всего раз я хотела держать что-то от тебя в секрете.

– Ты и сейчас что-то держишь от меня в секрете. Мы не добрались до истинной причины твоих странностей.

– И не доберемся. – Я с головой накрываюсь пледом.

– Очень по-взрослому, – комментирует Джош и берет за другую мою ступню, сдавливает пальцы, выписывает кружочки своим большим. – Ты не можешь долго хранить от меня секреты. Я тебя слишком хорошо знаю. Так что все у тебя выпытаю.

– Ну что ж, очевидно, я совершенно открытая электронная книга. – Я издаю стон в темноте. – Мистер Бексли рассказал тебе о моем проекте по оцифровке? Пожалуйста, не поддевай меня тут, Джош. Прошу. Вся моя презентация основана на этом.

– Ты серьезно думаешь, что я на такое способен?

– Нет. Ну, может быть.

Я ожидаю хлесткого ответа. Джош ничего не говорит, но продолжает массировать мне ступню.

Я откидываю плед с лица:

– Почему ты не улыбнулся мне, когда мы в первый раз встретились, и не сказал: «Приятно познакомиться»? Мы могли бы все это время быть друзьями. – Звучит трагично. Я столько потеряла, и времени больше нет.

– Мы никогда не могли стать друзьями.

Я пытаюсь отодвинуть ногу, но Джош ее не отпускает.

– Значит, вот в чем соль. – Он сдавливает свод стопы.

– Я всегда хотела быть в хороших отношениях с тобой. Но ты не ответил улыбкой на улыбку. И с тех пор был все время на шаг впереди.

– Я не мог. Если бы я позволил себе улыбнуться в ответ и подружиться с тобой, я, наверное, влюбился бы в тебя.

Он использует во фразе только прошедшее время, и это убивает скачущую внутри меня радость. Потому что он не мог в прошлом, не может

и сейчас. Я пытаюсь избавиться от этих мыслей.

– Ты сказал мне после поцелуя в лифте: «Мы никогда не будем друзьями».

– В тот момент я злился. Отвозил тебя к Дэнни, а ты выглядела чертовски соблазнительно.

– Бедняга Дэнни! Он такой милый. Тебе придется извиниться перед ним за то, что ты оборвал наш телефонный разговор. Он ничего плохого мне не сделал, а чем ему отплатила я – два никудышных свидания и потраченный неизвестно на что субботний день.

– Он получил твой поцелуй. – При этих словах у Джоша такой вид, будто он хочет разнести к чертям всю планету. – И свой фриланс он выполняет не так чтобы от одной доброты сердца.

– При других обстоятельствах он был бы отличным бойфрендом.

Джош смотрит на меня страшными темными глазами серийного убийцы:

– При других обстоятельствах.

– Ну, я прихожу к заключению, что ты собираешься сковать меня цепью в подвале и держать в сексуальном рабстве.

Этот разговор – как туго натянутый канат. Один неверный шаг – и все откроется. Джош узнает о моей любви, тогда я покачнусь и упаду. А внизу страховочной сетки нет.

– У меня нет никакого подвала.

– К несчастью для меня.

– Я куплю дом с подвалом.

– О'кей. Можно я пойду с тобой выбирать дом?

Несмотря на гнетущее чувство, которое по капле вливается в кровь, я улыбаюсь. Мне нравится энергия, возникающая, когда мы вот так добродушно пикируемся. Это огромное удовольствие, особенно если знаешь, что у Джоша всегда наготове достойный ответ. Никогда у меня не было знакомых, от разговора с которыми невозможно оторваться, так же как от поцелуя.

– Правда или желание, – произносит Джош после небольшой паузы.

– Сейчас не моя очередь.

– Нет, твоя.

– Правда. – У меня нет выбора. Он снова потребует, чтобы я ела горчицу.

– Ты доверяешь мне?

– Я не знаю. Хотела бы. Правда или желание?

Джош моргает:

- Правда. С этого момента все будет правдой.
- Ты жил когда-нибудь здесь с девушкой?
- Нет. Я никогда ни с кем не жил. Почему ты спрашиваешь?
- Твоя спальня немного девчачья.

Джош улыбается сам себе:

- Ты иногда такая глупая.
- Спасибо. Эй, не пойди ли мне домой? Мне завтра нечего надеть.
- Ты не поверишь, но у меня есть стиральная машина и сушилка.
- Как современно. – Я иду в спальню и становлюсь на колени перед сумкой. – Надеюсь, Хелен не заметит, что я в том же наряде.
- Я бы сказал, что единственный человек в «Б и Г», который обращает внимание на такие мелочи в тебе, – тот же самый, кто выстирает этот загульный наряд.

Я сижу на пятках и осматриваю спальню. Подаренного мной смурфа Джош поселил у кровати. Тут же и белые розы, сильно раскрывшиеся, с опадающими лепестками. Вазы у него нет, так что цветы поставлены в высокую кружку. Я закрываю глаза. И некоторое время не могу пошевелиться.

Я так люблю его, это чувство пронизывает меня насквозь, словно вдетая в иглу нить. Она пробивает во мне дырки. Тянется внутри. Пришивает ко мне любовь. Мне никогда не удастся отпороть от себя это чувство. Цвет любви определенно голубой – цвет яйца малиновки.

На пороге комнаты появляются ноги Джоша, я беру грязную одежду и прижимаю ее к груди.

- Не смотри на мое белье.
- Это было бы грубо, – соглашается Джош. – Я закрою глаза.

Сажусь на его кровать. Глажу рукой покрывало, играю с шелковым уголком, где указана плотность плетения – число нитей в квадратном дюйме ткани. Тычу кулаком в подушку. Здесь он спит. Живет. И будет все это делать без меня. Джош застает меня сидящей с подпертым руками подбородком.

- Печенька, – говорит он, и я понимаю, что он искренне сочувствует.

Это необыкновенно странное ощущение. Мне нужно довериться ему. И он единственный человек, которому доверять не следует, но я едва не лопаюсь от желания поделиться с ним секретом своей любви. От всего этого мне больно.

- Поговори со мной. Я хочу понять, почему ты грустишь. Давай я попробую разобраться.

- Я боюсь тебя. – Боюсь, что он раскроет мой последний и самый

большой секрет.

Джош, кажется, не обижен.

– Я тебя тоже боюсь.

Наши губы соприкасаются, как в первый раз. Теперь, когда по мне тянется эта бледно-голубая нить любви, напряжение слишком велико. Я пытаюсь отодвинуться назад, но Джош мягко укладывает меня на спину.

– Будь храброй, – говорит он. – Давай, Люси.

Мы снова сливаемся в поцелуе, и я полностью его дыханием вперемешку с невысказанными словами. Ощущаю собственную дрожь, а Джош пробует на вкус мои страхи.

– Ах! – произносит он. – Кажется, я начинаю понимать, в чем проблема.

– Нет, не начинаешь. – Я отворачиваю лицо.

За окном садится солнце, завершая этот беспокойный день. Свет просачивается в комнату сквозь тонкие, как пленка, перламутровые шторы. Время останавливается, картинка замирает. Проставляю штампом дату и отправляю на полку в сводчатое хранилище памяти.

Джош целует меня так, будто давно все знает. Прекрасно понимает меня. Я поднимаю руку и хочу оттолкнуть его, а он сплетает свои пальцы с моими. Я кусаю его, а он улыбается мне прямо в губы. Я сгибаю ногу в колене, чтобы упереться в матрас и отползти в сторону, а он хватается мою ногу снизу.

– Ты прекрасна, когда боишься, – говорит мне Джош.

Пока он подбирается губами к моему уху, я не могу говорить. Он вздыхает. Мир еще немного сужается. Когда Джош целует точку под моим ухом, где бьется пульс, я понимаю: он думает обо всех тех маленьких чудесах, которые происходят внутри моего тела, и на глаза наворачивается первая слеза. Она сползает по щеке к шее.

– Мы сейчас куда-то доберемся, – говорит мне Джош, слизывая слезинку.

Я запускаю руки ему в волосы и прижимаю его к себе, а он тем временем штампует на моей шее поцелуи. От каждого я все глубже погружаюсь в любовь. Когда Джош проводит рукой по моему боку, я морщусь.

– Дай-ка доктор Джош посмотрит, – говорит он и одним движением снимает с меня свитер и футболку. Уверенной рукой проводит по шее, затем поверх лифчика, между грудей, по животу. Свет ярко разливается по комнате. Джош осматривает меня и видит каждый сосуд и каждый пастельного оттенка синяк. Его ресницы, веером прикрывающие глаза, так

совершенны, что у меня снова выступают слезы.

Я так люблю его, что не могу больше держать это в себе. Внутри все вибрирует. Из меня фонтаном сыплются искры. Джош начинает говорить, поглаживая пальцами мою синюшную кожу, и от этого становится еще труднее не раскрываться.

– Прости, что ты так часто набивала синяки из-за меня. Нужно было защищать тебя от самого себя. Я долго существовал в одном режиме по умолчанию. Вроде как: лучшая защита – нападение. Ты оказалась принимающей стороной и оставалась на том конце дни, недели, месяцы, и ты справилась, как никто другой. – Я пытаюсь заговорить, но Джош качает головой и продолжает: – Каждый день, каждую минуту я просто сидел там и смотрел на тебя. То, как я вел себя с тобой, было величайшей ошибкой в моей жизни.

– Ничего страшного, – удастся вымолвить мне. – Ничего страшного.

– Нет. Не знаю, как ты уживалась со мной. Прости меня. – Он прикладывает губами к синяку у меня на ребрах.

– Я прощаю тебя. Ты забыл, что и я тоже вела себя с тобой как стерва.

– Но этого не случилось бы, если бы я просто улыбнулся в ответ.

– Я хотела бы, чтобы ты это сделал. – Голос мой предательски ломается.

С тем же успехом я могла бы сказать: «Я хотела бы, чтобы ты меня полюбил». Я задерживаю дыхание. С таким безумно изобретательным умом Джош наверняка мигом сопоставит факты. Я ворочаюсь на постели, но он легко забирается поверх меня и укладывает мою голову на свою подушку.

– Это ничего не меняет. Я полюбил тебя, как только увидел.

Я будто падаю с кровати. Он обхватывает меня одной рукой за талию. Я дергаюсь, словно попавшая в капкан дичь.

– Ты полюбил... Что? Меня?

– Люсинду Элизабет Хаттон. Ее, и только ее.

– Меня?

– Люси, наследницу династии владельцев «Скай даймонд строуберис».

– Меня.

– Ты можешь показать мне удостоверение личности, чтобы я проверил? – Глаза его сияют, а на губах играет улыбка, которую я люблю больше всего.

– Но и я люблю тебя, – говорю я так, будто сама себе не верю.

Джош смеется:

– Я знаю.

– Откуда ты всегда все знаешь? – Я ударяю по постели ногой.

– Я догадался всего несколько минут назад. Твое сердце так колотилось.

– Я не могу ничего скрыть от тебя. Это самое ужасное. – Пытаюсь уткнуться лицом в подушку.

– И не нужно ничего скрывать. – Он берет меня за подбородок и целует.

– Ты страшный. Ты причинишь мне боль.

– Пожалуй, я и вправду немного страшный. Но никогда больше не причиню тебе боли. А любой, кто на это осмелится, узнает, что такое страх.

– Ты меня ненавидишь.

– Никогда такого не было. Ни секунды. Я всегда любил тебя.

– Докажи. Это невозможно. – Я довольна, что втянула его в спор, победить в котором нельзя. Джош перекачивается на бок и кладет голову на руку. Сердце у меня тяжело бьется.

– Какой мой любимый цвет?

– Это просто. Голубой.

– Какой именно голубой?

– Голубой, как спальня! – Я показываю на стену. – Стены. Твоя рубашка. Мое платье. Цвет «Тиффани».

Джош сажает меня, потянув за руки, потом идет к краю кровати. Открывает дверцу гардероба, и я вижу все его рубашки, висящие в цветовой последовательности.

– Джош, ты придурок! – Я начинаю хохотать и тыкать пальцем в ту сторону, но он хватает меня за лодыжки и подтаскивает к краю кровати.

В большом зеркале гардероба я вижу себя наконец-то сидящей в его спальне цвета яйца малиновки. Стены ее голубые, как мои глаза. Долго же до меня доходит.

– Но это самый приятный голубой цвет на свете!

– Знаю. Боже мой, Люсинда! Я думал, что получу от ворот поворот, как только ты увидишь эту комнату.

Он садится на кровать рядом со мной, согнув ногу в колене и поставив ее на постель. Я приваливаюсь к нему и чувствую себя уютно, словно в колыбели.

– Как можно не распознать цвет собственных глаз? Мне этого никогда не понять.

– Кажется, я не распознала не только это. Эй, Джош?

– Да, Печенька.

– Ты меня любишь? – Вижу в зеркале, что он улыбается, его веселит

замешательство и удивление, сквозящие в моем тоне.

– С того момента, как увидел. Когда ты мне улыбнулась, меня охватило ощущение, будто я падаю спиной вниз со скалы. Это чувство никогда не прекращалось. Я пытался утянуть тебя вниз вместе с собой. Самым худшим, наиболее злонамеренным и социально незрелым из возможных способов.

– Мы так ужасно вели себя друг с другом. – Я чувствую, как Джош морщится, и его рука начинает меня поглаживать. – Ну то есть я думаю, сможем ли мы начать сначала.

– Время для новой игры. «Начни сначала».

Я улыбаюсь. Глаза яркие, сияющие, полные надежды и уверенности в том, что это новое слияние станет самым восхитительным, страстным и манящим приключением в моей жизни.

– Приятно познакомиться. Я Люси Хаттон.

– Джошуа Темплман. Пожалуйста, называй меня Джошем.

Я вижу ослепительную вспышку его ответной улыбки и теперь уже плачу по-настоящему. Слезы текут по шее.

– Джош.

– Небесные звуки изливаются из твоих уст.

– Джош, прошу тебя. Мы коллеги всего минуту, а ты уже флиртуешь.

Дай я повешу пальто.

Он расстегивает мой бюстгальтер:

– Позволь мне.

– Спасибо.

Мы играем в гляделки через зеркало. Глаза Джоша начинают темнеть. Он наполняет ладони моей белой плотью.

– Я выросла на клубничной ферме. Мама называет в честь меня новые сорта.

– Я люблю клубнику. Я так тоскую по любви, что ем ее постоянно. Можно я буду называть тебя Печенькой? Это будет верным знаком моей любви.

– Ты любишь меня? Мы ведь познакомились минуту назад.

– Люблю. Прости, но я делаю все очень быстро. Надеюсь, это прозвучит не слишком прямолинейно, но у тебя необыкновенные глаза, Люси. Я умираю, когда ты моргаешь.

– Ты мне льстишь. А знаешь что? Я тоже тебя люблю. Очень. Каждый раз, как твои темно-синие глаза пронзают меня, я чувствую нечто вроде слабого удара током. – Я протягиваю руки, чтобы снять с него футболку. Джош помогает мне и стаскивает ее. – С момента нашей встречи – пусть

она произошла всего несколько минут назад – мне было интересно, что у тебя под рубашкой. Боже мой, твое тело. Но я хочу тебя из-за твоего ума и сердца. А не из-за этой впечатляющей маскировки.

Джош смотрит в потолок:

– Думаю, в эти выходные я перекрашу стены в спальне. Вероятно, все то время, пока буду заниматься этим, меня не покинет раздражение. И я с удовольствием распрощаюсь навсегда со своей девушкой, высокой скучной блондинкой, которую зовут Минди Тейлис. Она не ты, и это угнетает меня. Я сплю один в этой комнате цвета глаз Люси и беззаветно храню обет целомудрия. Этот факт становится только романтичнее оттого, что я сообщаю тебе о нем.

Джош укладывает меня под одеяло и сам уютно пристраивается рядом. Моя голова лежит на его руке, он целует меня в шею. Я дрожу.

– Неплохо спланировано. Дело должно окупиться сполна. Беззаветно, да? Теперь, прошу тебя, скажи, какова цель игры «Начни сначала»?

– Та же, что и у других игр. Для тебя – любить меня.

– Моя цель была – заставить тебя улыбнуться. Как глупо!

– По дороге домой я каждый день смеялся до коллик, если тебе от этого станет легче.

– Полагаю, так и было. Но ты выиграл. Придется мне запомнить раз и навсегда: ты победил во всех играх. – Губы мои наверняка надулись. Джош переворачивает меня на живот и начинает целовать спину.

– Теперь, когда тебе известно все, ты мне доверяешь?

Мгновение нас заливают волнами тепла, моя кожа подрагивает от жажды прикосновения его губ.

– Да. И если ты получишь работу, я буду рада за тебя.

– Я уже уволился. Последний рабочий день у меня был в пятницу. Джанет оформила все документы. Я сейчас в отпуске.

– Какого черта?! – выпаливаю я.

– Мне не нужно то, что отнимет тебя у меня. Ничто не стоит этого.

– Но у меня не будет возможности соперничать с тобой. – Я не знаю, плакать или смеяться.

– У тебя будут другие соперники во время собеседований. Судя по тому, что я слышал, один из них – достойный претендент. Независимая комиссия может решить, что ты абсолютно некомпетентна.

Я стукаю его локтем, и он хохочет.

– Но ты же всегда будешь помнить, что мог получить повышение. И во время ссор станешь приводить этот аргумент.

– Я нашел решение. Настолько макиавеллиевское, что даже ты

посчитаешь его прекрасным. При нем сохраняется этот глупый дух соперничества, который нас подпитывает.

– Боюсь спросить какое.

– Я новый финансовый глава отделения «Сандерсон принт» – главного соперника «Б и Г».

– Джош... Что? Нет!

– Я знаю! У меня выдающийся злокозненный ум! – Он целует меня сзади в шею, я отползаю в сторону и переворачиваюсь.

– Как тебе это удалось? – Я чувствую слабость.

– Они давно уже обхаживали меня, уговаривая прийти поговорить. Ну я пришел и сказал, что хочу разобраться с их совершенно провальной финансовой ситуацией, пока они не закрылись. Они согласились. Больше всех удивился я сам, но виду не подал.

– Ты поэтому брал выходной?

– Да. И еще мне нужно было купить тебе модельку. Они тянули целую вечность с формальным предложением. Вот почему мне не нужна была помощь в том, чтобы победить тебя. Я вообще не хотел этого.

Я глажу рукой его плечо, великолепный изгиб руки:

– Вот, значит, как.

– Мне пришлось сделать несколько заявлений о конфликте интересов.

– Например?

Джош прищуривается, вспоминая:

– Я признался, что состою в любовных отношениях с будущим главным операционным директором «Б и Г».

Не могу представить, как он сообщает об этом сухо и спокойно.

– Это невозможно. Как они к этому отнеслись?

– Мой новый босс, кажется, считает, что это мило. Романтика не чужда никому. Мне пришлось подписать обязательство о неразглашении. Если я расскажу тебе что-нибудь, то на меня подадут в суд. К счастью, имея дело с тобой, я умею следить за выражениями лица, как игрок в покер.

– Ох, бог мой, мистер Бексли, наверное, разозлился? Он-то не романтик.

– Взбесился. Он едва не вызвал службу безопасности. К счастью, вошла Хелен и разрядила обстановку. Как только я объяснил им причины ухода, они проявили понимание. Хелен сказала, что она всегда это знала.

– Причины.

– У меня оставались всего одни выходные, чтобы заставить тебя полюбить меня.

Я в ужасе открываю рот.

- Ты им не сказал об этом?
- Нет. Видела бы ты лицо Джанет.
- Это игра по-крупному, Джош. Тебе это с рук не сойдет.
- К счастью, расчет оправдался.

Джош прикасается губами к моей коже и вздыхает, как будто я – это сон, от которого ему не хочется пробуждаться. Он вдыхает меня в себя, как наркоман.

– Ты уверен, что не станешь упрекать меня когда-нибудь? Ты ведь отказался от большого и важного шанса, Джош.

– Я буду целыми днями погребен под ворохом цифр. И смогу продолжить крестовый поход во спасение издательских домов от финансового краха.

– Пожалуйста, попытайся на этот раз не заставлять людей плакать. Пора тебе стать таким, какой ты есть на самом деле. Ты ведь мистер Милый Парень.

– Не могу гарантировать. Честно говоря, для «Сандерсон» мой жуткий образ подходит больше. Но самое прекрасное в этом то, что каждый вечер я буду возвращаться домой, к тебе, на свой диван. Невозможно было бы найти лучший выход, сколько ни пытайся.

– Каждый вечер? Ну, на длинных выходных меня не будет. Я уезжаю на неделю на «Скай даймонд». Не думаю, что ты в эти дни будешь очень занят.

– Возьми меня с собой, – вставляет Джош в промежутки между поцелуями. – Дорогу я знаю. Составил маршрут поездки. Перелеты и аренду машин. Я подлижусь к твоему отцу. Знаю, что сказать ему.

– Я не могу поехать с тобой туда.

– Мне нужно там побывать, чтобы начать все сначала. Чтобы я знал о тебе все.

– Ты точно любишь клубнику?

– Я люблю тебя, Люси Хаттон. Так сильно, что ты даже не представляешь. Прошу, будь моей лучшей подругой.

Я так глупо влюблена, что пытаюсь произнести это громко вслух:

– Я влюблена в Джошуа Темплмана.

Его ответ – шепот в ухо.

– Наконец-то.

Я отстраняюсь:

– Мне придется сменить пароль на компьютере.

– Да? И на что же?

– IloveJosh.

– 4eva, – отзывается он. – Навсегда.

– Ты взломал мой пароль?

Джош перекатывает меня на спину и улыбается с озорным видом.

Ничего другого мне не остается. Когда на меня, словно белый флаг, ложится простыня Джоша, «Игра в ненависть» прекращается. Это главное. Это чудо. И это навсегда.

– Да, верно. Навсегда. В какую игру нам сыграть теперь? – Я смотрю на Джоша, и мы играем в гляделки, пока в его глазах не вспыхивает искра воспоминания.

– Игра «Или что-нибудь еще» меня очень интригует. Можешь показать мне, как это работает?

Джош набрасывает на нас одеяло, отделяя от всего мира. Он смеется. Мой любимый звук в мире.

Потом наступает тишина. Его губы прикасаются к моей коже.

Пусть начнутся настоящие игры.

---

notes

СНОСКИ

1

«Дейли плэнет» – вымышленная газета и телерадиокомпания из серии комиксов о Супермене. – *Здесь и далее примеч. перев.*

2

Название можно перевести как «Небо в клубничных алмазах».

Джессика Рэббит – персонаж фильма «Кто подставил кролика Роджера» и секс-символ 1980–1990-х годов.

4

Лягушка, один из персонажей детской телепередачи «Маппет-шоу».

Чтобы привлечь посетителей к езде на сиденьях наружного круга каруселей, где фигуры животных не раскачивались на пружинах, была изобретена игра: едущие по наружному кругу хватают кольца, которые появляются из раздаточного устройства, только одно из них – латунное. Тот, кому оно достается, получает право на одну бесплатную поездку.

6

В английском написании это имя начинается с буквы «А» – Andy.

Легенда гласит, что в американской армии сержанты проверяют, как застланы кровати новобранцев, бросая на них монеты в четверть доллара. Идеал – кровать, застланная так плотно, что четвертак от нее отскакивает.

Кул-эйд – популярный в США растворимый безалкогольный напиток.

Выражение «выпить кул-эйда» означает слепо верить во что-то; оно вошло в употребление после массового самоубийства членов тоталитарной секты Храм народов (Peoples Temple) в Джонстауне в 1978 году. Тогда погибли 918 человек; они выпили цианид, растворенный в кул-эйде.

10

Героини одноименного фильма режиссера Ридли Скотта.